

Константин Бельды

ПРЕДАНИЯ ЗЕМЛИ НАНИ

Georg

Константин Бельды

ПРЕДАНИЯ ЗЕМЛИ НАНИ

*Повесть, рассказы, легенды, были,
топонимические размышления*

Издательство «РИОТИП»
Хабаровской краевой типографии
2007

ББК 84.3 Нан
Б 41

*Издание осуществлено по заказу
Министерства природных ресурсов
Правительства Хабаровского края*

Бельды К.М.

Б 41 Предания земли нани: Повесть, рассказы, легенды, были, топонимические размышления. — Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2007. — 400 с.

Художники:

Гаер Владимир Николаевич

Киле Валентин Юрьевич

Бельды Зинаида Николаевна

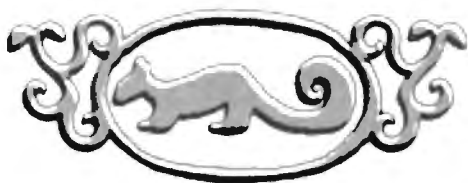
Бельды Александра Константиновна

ISBN 978-5-88570-104-0

© К.М. Бельды, текст, 2007

© В.Н. Гаер, В.Ю. Киле, З.Н. Бельды,
А.К. Бельды, оформление, 2007

© Издательство «РИОТИП» краевой типографии,
Хабаровск, 2007

ТАЛИСМАНЫ ЗЕМЛИ НАНИ

В Советском энциклопедическом словаре слово «талисман» трактуется как «предмет, который по суеверным представлениям приносит счастье, удачу». В нем же «суеверие» дается как «предрассудок», в силу которого многое из происходящего представляется проявлением сверхъестественных сил, предзнаменованием будущего. Однако «предрассудок», говорит далее словарь, что в буквальном смысле есть «мнение, предшествующее рассудку, усвоенное некритически, без размышления; иррациональные общественного и индивидуального сознания — суеверия, связанные с религией; предубеждения; неблагоприятная социальная установка к какому-либо явлению; не основанные на критически проверенном опыте, стереотипные и эмоционально окрашенные, они весьма устойчивы. Особенно живучи национальные и расовые предубеждения. Предрассудок — социально-психологическое явление; их преодоление достигается в результате уничтожения эксплуатации, воспитательной работы в условиях социализма». В качестве дополнения к энциклопедическому определению добавлю: «предрассудок» — это мнение и суждение высокоразвитого живого существа, обладающего даром классической речи.

Что такое талисман в моем понимании? Это — нечто, обладающее даром радовать глаз, душу, помогающее во всех начинаниях и стремлениях, могущее одаривать человека добром и жизненной энергией. И потому определение «суеверие» утрачивается в моем сознании. И вот почему.

Чтобы не быть голословным, обращаюсь к Приамурской земле — к исторической земле своих предков Нани. В разнообразии ее растительного мира — множество реликтовых созданий природы, о которых с полным основанием можно сказать: «Да, это действительно талисманы!» Среди них я с гордостью называю женьшень, кедр, бархат, орех, тис и много других растений. Даже кустарникообразное дерево, неказистый тальник, который наши предки использовали во всех жизненных ситуациях, включая бытовые, промысловые, обрядовые, культовые, традиционные занятия, как источник тепла и строительный материал при возведении различных видов жилищ. Кроме перечисленных можно назвать десятки и сотни растений, дававших природным людям силу, бодрость, здоровье в виде пищевых продуктов, лекарственных средств. И помимо всего этого природа служила им как источник духовной пищи.

Обратив внимание на живую природу земли Нани, мы увидим различных животных: тигр, медведь, росомаха, лось, изюбрь, кабарга, кабан и т. п., десятки пушных зверьков, шкурки которых достойно и высоко ценятся на мировых пушных аукционах. Не это ли Талисманы нашей земли?

Ежегодно ранней весной прилетают на Приамурскую, Дальневосточную землю пернатые различных видов, чтобы дать жизнь своему новому потомству. Здесь уже сама земля становится для них домом, который сохраняет каждый вид таким, каким создала его природа, чтобы продолжалась жизнь во Вселенной. Однако охватывает душу и сердце неописуемая боль, когда видишь размеры хищнического, варварского уничтожения тайги ради ежеминутного получения прибыли, обогащения.

Уникален сам по себе и Амур. Сегодня с глубокой болью можно констатировать факт чрезмерного оскудения его биоресурсов из-за обогащения на рыбе, красной, черной икре и, конечно же, загрязнение воды. Все это ведет к исчезновению калуги, осетра, тайменя, аухи, толстолоба и других ценнейших пород рыбы, которые тоже являлись своего рода Талисманами могучей дальневосточной реки. Можно ли относиться так к общенародному добру, к этнической пище народа Нани, без которой жители исторической земли уже подвергаются всевозможным заболеваниям, страдают от отсутствия национальной еды?

Если говорить о людях, я не могу не назвать имена известных героев Великой Отечественной войны Александра Пассара, Максима Пассара, заслуженного артиста Якутской АССР и России Колы Бельды, первого ученого-филолога Сулунгу Оненко, основоположника нанайской литературы Акима Самара, писателя Григория Ходжера, поэта Андрея Пассара, писателя-краеведа, почетного гражданина города Хабаровска Всеволода Петровича Сысоева, который завез и заселил на территории Нанайского района бобра, американского соболя и ондатру. Этим самым он значительно обогатил природу Приамурья некоторыми видами ранее не существовавших здесь животных. Кроме названных у нас много других людей, которые примером своей жизни и делами вошли в мое сознание как Талисманы земли Нани.

Свою новую книгу я назвал «Предания земли нани», имея ввиду, что в разделах ее читатель найдет новое и интересное в жизни моего небольшого народа, откроет для себя скрытые тайны духовной культуры, неизданные страницы истории, промысловые, традиционные занятия, устное народное творчество, запечатленное в былях, легендах, сказках, язык потомков древних чжурчжэней. Наши предки обожествляли окружающий мир, считали его живым существом, равным себе. И потому относились к нему с большим уважением, осторожностью, старались не наносить ему урона, вреда, пользовались природными богатствами в меру жизненных потребностей, зная, что всем этим добром должны пользоваться многие поколения потомков, пока будет светить на небе самый главный Бог — Солнце.

Автор

С интересом прочитал рукопись повести «Бесстопный шаман» Константина Бельды. Рукопись представляет собой художественное, детальное бытописание жизни абorigенов Приамурья, простых тружеников — охотников, рыбаков, земледельцев. Написана с позиций гуманизма, языком чистым, образным, ярким.

Глубоко раскрыт богатый духовный мир простых людей, их верования, обычаи. Взаимоотношения между людьми строятся на принципах высокой нравственности.

Особая значимость рукописи, с точки зрения этнографии, заключается в том, что, во-первых, в ней широко представлен нанайский язык, а во-вторых, подробно описана деятельность шамана, его влияние на жизнь соплеменников.

Рукопись рекомендую к печати, так как книга эта будет очень полезна широкому кругу читателей, как на Дальнем Востоке, так и за его пределами.

Всеволод Сысоев,
член Союза писателей России,
почетный гражданин г. Хабаровска

БУБЕН

(по мотивам стихов К. Бельды)

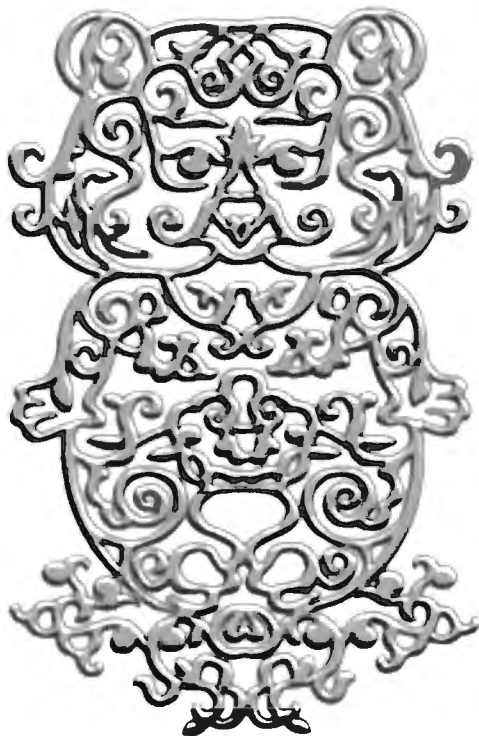
Вот он, сухой и легкий бубен,
Игрушка, больше ничего,
Но как непрост, как темен, труден
Язык мучительный его.
Язык иной, нездешней власти,
И замирали берега,
Когда от всяческой напасти
Шаман свой род оберегал.
Он в бубен бил и в танце мчался,
Неверящий, поймешь ли ты,
В какие дали он стучался
Надежды, памяти, мечты,
Души? И это не причуда,
Он шел к началу всех начал,
И задыхался, обессилен,
И падал с пеною у рта.
И было все необъяснимо,
Но помогало, как всегда,
Ведь предки верили в шаманство
По честным правилам игры:
Не ведал умыслов обманства
Шаман, камлая до зари.

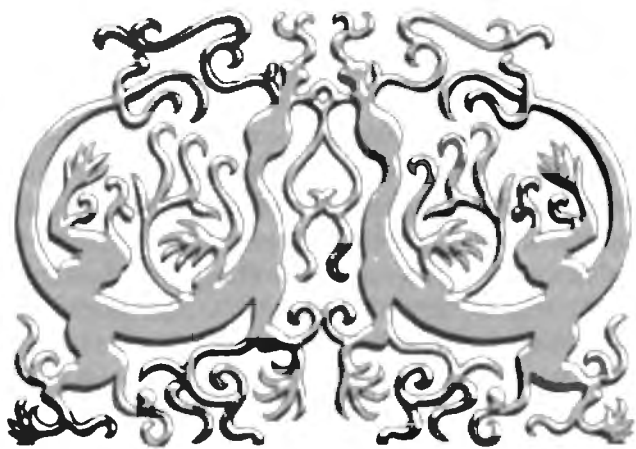
Виктор Еращенко

БЕССТОПЫЙ ШАМАН

ПОВЕСТЬ

Вместо предисловия

По нынешним меркам Дада — сравнительно небольшое село. Но оно тянется вдоль берега неширокой протоки более чем на два километра и вряд ли чем-нибудь отличается от других нанайских сел. Пожалуй, основные примечательности здесь, как в других наших селениях, — шаманы и тудины. Но тудины в отличие от своих единомышленников-магов с бубнами чувствуют и могут изгонять злых духов без атрибутов. Шаман — это посланник неба в человеческом облике. Вселенная наделила его магической, еще до конца не изведанной наукой силой, которая может творить чудеса. Волшебная сила шамана подобна молнии, мысли, которая за миллионные доли секунды может облететь земной шар, долететь до Солнца и далее и в пространственном понятии, то есть в самом пространстве, обнаружить до мелочей, до точности все то, чего не может постичь и обнаружить простой, не обладающий этим даром человек. Вот эта способ-

ность его и есть самое большое, уму непостижимое и в то же время всеми чувствуемое и даже почти видимое волшебство. И можно представить это только как чрезвычайно сложный дар и способность его в умении связывать живое бытие с потусторонним миром — царством ада и рая — и космическими далями, где витают еще не родившиеся ангелы и духи умерших маленьких детей, которые, по видениям шаманов, улетают, и только туда, но не в подземный мир. Это, возможно, так. Ибо пока новорожденный человек еще не начал ходить, то есть пока еще не опустился на землю, его дух витает над землей, как воробышек, как соловей. И с его смертью улетаёт на небеса. А раз встал на ноги, то и дух ребенка, как птичка, садится на землю и с его смертью уже не может вновь взлететь ввысь. Таково видение, мировоззрение шаманов. И, на мой взгляд, оно вплотную приближается к истине.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 Вечернее камлание

Еще днем Начика решила сходить к шаману Пилхе*. За два с половиной года с тех пор, как муж ушел на фронт, Начика получила от него всего одно письмо, в котором Ога Бельды писал жене, что бьет фашистов, как все наши солдаты, смело и безжалостно. Порой в грохоте и дыме войны не

* Уважаемый читатель! При чтении моей книги Вам будут встречаться нанайские слова, имена людей и их фамилии. На этих словах Вам следует ставить ударение на последнем гласном без исключения: таковы закономерности нанайской лексики.

Например: Макто́, Капока́, Гакано́, Пилха́, Коачика́, Кумбикэ́, Тойла́ и т. д. (Автор).

понять — кто кого бьет. И далее сообщал, что здоров, вместе с войсками вступил на землю Польши.

Поэтому женщина ничего не знала о своем муже столь долгое время. Не раз она плакала вместе с теми женщинами, которые получали «похоронки». Но сегодня Начика твердо решила сходить к Пилхе Бельды и все же побаивалась того, о чем может поведать шаман во время камлания, ведь до этого все предположения шаманов Моло Оненко, Куню Оненко и шаманок Лингде Бельды, Наоя Поссар, Сioя Бельды и других оказывались точными. Все, кто обращался к этим ясновидцам, убедились в правильности их предсказаний.

— Что поделать, — сказала Начика своей соседке Ирке, — как уж скажет Пилха. Лучше услышать от шамана правду, чем томиться в неизвестности и не знать ничего.

— Конечно, Начика, конечно. Сходи. Война ведь. Только не томись сильно. Ты же знаешь, я тоже получила «похоронку» — как будто все оборвалось внутри...

У Ирки выступили слезы на глазах и, как обычно плачут женщины, тонко и взхлеб, вспоминала о муже, о том, как он прощался с ней, детьми перед тем, как открыть дверь на улицу, и как посмотрел на жену и ребятишек в последний раз... У Начики тоже потекли слезы...

Пилха жил в нижнем конце села. А дом Начики, который построил сам Ога со своим отцом Саники, находился на противоположном конце. До этого она неоднократно обращалась к шаманкам Наоя и Сioя, которые говорили, что Ога здоров и вместе со своими однополчанами дерется с врагом. И что интересно, эти женщины никогда в жизни не видели войны, но обстановку боя обрисовывали почти как наяву, как видимое перед глазами. И все же Начика сомневалась в душе — действительно ли это так или это всего лишь плод воображения шаманок. Решение пойти к Пилхе, даже на самый конец села, в какой-то степени основывалось и на этом. А вдруг он скажет другое.

Увидев в дверях Начику, Нюрка удивилась:

— Ты, подружка, не зря заглянула к нам. Наверное, что-то важное принесло тебя?

— Я пришла к твоему мужу. От своего Ога я давно не получала никаких вестей. Хотела, чтобы он попробовал обнаружить его — как и что с ним.

— Сейчас его нет. Он уехал на оморочке рыбки поискать. Должен к вечеру приехать. Потом ты придешь сюда снова сама или сказать, чтобы приехал к вам на оморочке? Расстояние-то до вас далекое, ему пешком тяжеловато идти.

Начика знала, что у шамана на одной ноге нет ступни. На ней осталась одна пятка. Отрезали ступню из-за какого-то заболевания. С тех пор прошло уже много лет, но шаман из-за своей крупной комплекции ступает на эту ногу чуть прихрамывая, с какой-то осторожностью.

— Да я бы сама пришла. Но это, наверно, делается в доме того, кто просит камлания, потому что утром надо еще исполнить обряд возле нашего семейного священного дерева. Не знаю. Пусть он сам решит. Если следует мне прийти сюда, пусть пошлет сынишку Силтэ ко мне, ладно, Нюра?

Сказав это, Начика вышла во двор.

Солнце еще не опустилось до верхушек тальников. Оно светило все так же ярко, отражаясь на глади неширокой реки своим диском, качающимся на ребристых волнах проплывшей весельной лодки. Начика все ждала появления Силтэ. Поэтому время тянулось бесконечно долго, когда одолевает чувство какого-то желания, отчего человеку будто не хватает чего-то и от этого ему не сидится и он не находит себе места. Такое чувство одолевало и Начику. Наконец она увидела, как к берегу причалила оморочка. Из нее выскочил на песок пятилетний сын шамана Силтэ. Пилха медленно встал в своем суденышке, шагнул из него и подтянул оморочку. А Начика, увидев гостей, поспешила на берег.

— Силтэ, на, возьми, — шаман подал сынишке оваль-

ной формы мешок, в котором звякнули побрякушки его ритуального пояса.

— А это тебе, Начика. Я сегодня ездил с острой и поймал несколько сазанов, одного амура и ведра два карасей натыкал острой. Нюрка сказала, что ты приходила. Как же, конечно, надо покамлать. Кто нам скажет, где кто находится?

Начика приняла из рук гостя большого сазана с тремя ранами на голове. Трехпалая острога попала рыбе прямо в голову. Сам Пилха сунул в правую подмышку свой единственный костыль и, держа в левой руке связку с десятка карасей, зашагал за Начикой к дому, который стоял метрах в семидесяти на отлогом, незаметно поднимающемся от берега месте.

— А ты иди, не жди меня. Я тихонечко пошагаю. Когда мне на трех-то ногах... Иди.

Пока Пилха шел, Начика, войдя в дом, налила боду — напиток из крупяного отвара — в небольшую темно-коричневого цвета пиалу из обожженной глины. Установила на широких нарах, устланных большой медвежьей шкурой, низенький квадратный столик, за который обычно садятся, свернув ноги калачиком, мужчины для неторопливого разговора.

Пилха действительно не торопился. При низко опустившемся солнце его длинно вытянутая тень ползла по земле подобно какой-то толстой неуклюжей змее, дергаясь чуть в сторону при каждом шаге шамана на бесстопую ногу. А при подходе к высокому крыльцу тень легла сначала к корням священного дерева, а потом, когда шаман поднимался по ступенькам все выше, и его тень ползла вверх по стволу. Дерево это стояло недалеко от дома, на восточной стороне от крыльца, в восьми-десяти метрах от него. И потому тень от идущего шамана ложилась прямо на дерево. Тень ползла вверх до тех пор, пока Пилха не скрылся за дверью небольших сеней, где в отдельно отгороженной их части хранилась рыболовная утварь старика Саники, его и сына Оги охотничье снаряжение.

С тех пор как взяли на фронт сына, старик содержал его вещи в том порядке, в каком оставил их Ога. Этим самым он берег память о сыне, чтобы, вернувшись с войны, он увидел их на том же месте, где оставил перед уходом.

Когда шаман вошел в дом, Начика пригласила его сесть на нары за столик. Тут же преподнесла ему налитую в пиалу боду. Она принимается как еда, если сварена густо, и как чай, хорошо утоляющий жажду в жаркий летний зной, если бода жидкая. Пьют ее обычно в холодном, остуженном виде. Затем Начика достала из шкафа бутылку, в которой содержалось ниже половины огненной жидкости — водки, налила в маленькую рюмочку из светлого фарфора и поднесла гостю вместе с небольшим куском чуть солоноватой юколы.

— А вот этого можно было и не подавать, — ухмыльнулся Пилха, указывая на рюмочку с пахучей жидкостью.

— Выпей, ага, тут всего-то ничего, — обратилась как к старшему брату Начика. — Не опьянеешь же от этого.

Тут вошел свекор — отец Оги. Руки у него были в крови. Он держал плетенное из лозы блюдо, дно которого было устлано большими тыквенными листьями, а на них лежало свежее мясо, сердце, печень, почки, язык и еще что-то. Увидев шамана, Саники поздоровался с ним прямо с порога:

— Ну, здравствуй, анда-друг! Наверное, устал, пока шел. Расстояние-то до нас вон какое! Ты в том конце села, а мы — на самом другом краю.

— Я на оморочке приехал с сынишкой Силтэ. Он сразу куда-то побежал, и все нет его.

— Здесь неподалеку от нас слышны детские голоса. Наверное, туда к ребятам пошел играть. Его друг Пилип живет тут рядом. Так что не волнуйся: наиграется — придет.

Саники был чуть старше Пилхи. Как-то раза два они вместе охотились на горной речке Пякса. На эту изумительно богатую речку, преодолевая десятки и сотни километров, приходили с собаками на нартах, нагруженных с

верхом продуктами, одеждой и охотничьим снаряжением, люди не только из Дады, но и других близлежащих селений. По обилию пушного и крупного зверя Пякса мало уступала знаменитому Они — Анюю. Но основная примечательность ее заключалась в том, что здесь имеются икрометы. В осеннюю пору заходили сюда тысячи самок и самцов кеты, чтобы отметать икру и этим самым продлить свой уникальный род. А ловить кету можно было и несложными приспособлениями. Заготавливали же ее прибывшие сюда охотники в основном на корм собакам, чтобы не везти его в эти дали для своих основных помощников-нартовиков. Вот на этой-то богатейшей речке и довелось промышлять Саники и шаману Пилхе.

— А ты поставь варить то, что я занес, — обратился Сэну к своей невестке, — чтобы завтра с восходом солнца шаман сделал обряд у священного дерева.

Вымыв руки, хозяин присел к гостю и повел беседу о разном, в том числе о сыне-фронтовике:

— Мы не знаем уже, что и подумать. Для того чтобы спросить у неба о жизни и здоровье своего сына, мы взяли у людей кабанчика, подержали его полгода и решили позвать тебя.

За этой неторопливой беседой красный шар солнца, словно пропитанный свежей кровью поросенка, которого забил в этот вечер отец Оги, медленно садился за горизонт, навешивал над ним темную вуаль неизведанности, полную таинств и загадок.

Быстро открыв дверь, забежал домой сын шамана Силтэ.

— Где ты был так долго? Я думал, ты домой убежал.

— Я тут с ребятами играл в прятки. Когда Пилип водил, я убежал. Пускай ищет до утра.

— Силтэ, разве так можно? Это же нехорошо, тем более он твой друг. Дружья так не поступают. Вот пойди и скажи Филлипу, что ты ушел, — пожурил сына отец.

Тот послушно вышел на улицу. Через несколько минут вернулся и сам доложил, что сделал все так, как велел отец.

На специальной подставке, прикрепленной к стенке, тускло горела керосиновая лампа. Перебивая слегка щеко-чущий нос запах горящего керосина, дом заполнили ароматные пары варящегося в котле свежего мяса. Начика достала из мешка шаманский пояс с погремушками, колотушку и положила все это на нары рядом со столиком. Взяв бубен, подошла к топящейся печке и перед ее жарко раскаленной дверцей стала греть натянутую кожу бубна. Время от времени она постукивала по коже, определяя громкость звучания. Доведя до высокого и в то же время громкого звук бубна, Начика подала его шаману.

Приняв в руки бубен, Пилха пододвинулся к краю нар, но не стал становиться на пол и даже не свесил ног. Слегка ударив колотушкой по бубну, шаман издал еле слышимый звук и, вдохнув глубоко и шумно, прерывисто выпустил голос из груди. Керосиновая лампа все так же горела ровным, как бы аккуратно остриженным сверху пламенем.

— Давай, друг, подумай, поразмышляй... Постарайся найти моего сына Ога. Может быть, он уже где-то на поле боя мертвый лежит и стаи ворон кружат над его телом. Пусть будет горькая правда, но уж точно знать, что с ним.

С каждым ударом палочки голос бубна принимал все более уверенный характер и звук заполнял весь дом своим прерывистым, но почти сплошным гулом. Наконец шаман так ударил в бубен, что, казалось, воздух задрожал, а ровно горевшее пламя лампы вдруг судорожно заколыхалось и мелко запрыгало. Все это время до данного момента шаман уговаривал, упрашивал своих помощников-духов прийти, явиться к нему, чтобы пойти туда, где затерялся след Оги. Затем Пилха сошел на пол, попросил потушить свет. Начика поднялась и крутнула фитиль лампы вниз. За чуть

закопченным стеклом несколько раз подпрыгнуло и потухло пламя. Теперь только от топящейся печки в установившейся темноте мерцал на стене прыгающий отсвет. А голос шамана звучал все увереннее и громче. Он подгонял своих помощников-духов, орлу железноклювому, скопе и другим пернатым наказывал зорко следить за всем тем, что творится на земле. Металлочешуйчатый змее и удаву в семьях длиной велел проползать под всеми валунами и камнями, осматривать все, что встретится им на пути. За какие-то считанные секунды дух шамана со всеми помощниками уже витал над местностями, где дым, огни пожарищ и горы трупов. В своем пении он все это выражал словами, обрисовывал местность и характер всего видимого. Сделав тише свое пение и резко снизив тональность голоса, он стал описывать местность, которой они достигли. Все это он делал в песенной форме:

— Интересно. Это, наверное, большой город. Мы стоим перед высокими воротами. Ну, мой верный черный пес Палкиан! Тебе предстоит первым войти в ворота. Хорошенько вынюхивай запах Оги, не теряй. Все остальные помощники тоже входят. Будьте повнимательней...

Далее шаман со своими помощниками пошел по длинному узкому коридору. Здесь Палкиан стал крутиться возле одной из дверей этого здания. Шаман велит помощникам войти в дверь и проверить того человека, который там есть.

— Вот это, наверное, и есть Ога. Тихонечко, тихонечко и внимательней проверяйте его со всех сторон, — обращается шаман к своим духам. И начинает перечислять все особенности этого человека, включая раны, бугорки от заживших чирей на голове, теле, ногах и другие приметы. И обязательно спрашивает у отца или у жены, что действительно есть на теле Оги: там-то такие-то изъязнения, родимые пятна, точки. А Начика и Саники должны подтверждать или отвергать это. Только после подробного осмотра, убедившись, что это

действительно Ога, шаман начинает перечислять места, где и что случилось у него на войне.

— У Оги на тыльной стороне правой ладони есть красное пятно, от которого, как солнечный луч, идет красный свет прямо в небо. Что-то у него случилось с этой рукой. Поэтому он находится в этом доме, за ним ухаживают люди. Сам он бодр. Недолго вам придется ждать, он скоро даст о себе знать.

После этого шаман велел каким-то своим помощникам остаться там вместе с Огой, чтобы они присматривали за ним, ухаживали и оберегали его от всех недугов и бед. Затем призвал всех своих духов в обратный путь. Приближаясь к своим обычным местам, шаман придерживал их, как взбудоражившихся на скаку коней, и говорил им:

— Тише, тише! Умерьте свой норов и пыл. А теперь успокойтесь и каждый займите свои места. Хватит, отдыхайте.

Закончив камлание, Пилха велел зажечь свет. Еще стоя, уже положив на нары бубен и палочку-гисил, которой он бил, издавая звук, снял свой пояс-янгпан. На все камлание ушло более часа времени, в течение которого он стоя исполнял свои шаманские песни. И не только стоя пел, а в бешеном танце, отчего побрякушки на поясе оглушительно звенели сквозь грохот и шум бубна. А теперь широкий лоб и лоснящееся крупное лицо Пилхи были густо покрыты каплями пота.

— Чего я вам тут наболтал, кто знает, верить или не верить? Но я думаю, что он здоров и скоро даст о себе знать.

— Как бы так было, — облегченно вздохнула Начика и пригласила свекра и Пилху за стол поужинать. Разбудила и Силту, уснувшего на медвежьей шкуре на нарах.

На столе в двух тарелках находилось ароматное мясо. Одна была предназначена для еды сейчас, а вторая — на утро. Из стоящей на столе бутылки с остатком водки Саники налил себе и гостю, а Начика не стала пить. Посидев недолго, все легли спать.

Глава 2

Обряд перед священным деревом

Еще вчера, когда мясо только сварилось, Начика вынула все из котла и, прежде чем подать на стол к ужину, отрезала от каждого вида внутренностей и языка поросенка самые лучшие части и положила в отдельную посуду. Накрыв чистым полотенцем, вынесла в сени, попросила свекра сделать белую лучину, чтобы положить в сенях на посуду с мясом.

По поверью нани, если человек идет в темное ночное время, то белую лучину или любую белую палочку надо держать, плотно прижав к одежде в вертикальном положении ровно перед собой. Тогда злые духи, преследующие идущего человека, чтобы причинить ему какое-либо зло, теряют его из виду. Подобно тому, как в русских народных сказках существуют шапки-невидимки. Можно, имея такую лучину, и поиграть со злыми духами: уберешь с линии своей вертикальной оси — видят, приложишь — вот и потеряли.

Вот для того, чтобы злые духи не увидели посуды с едой, и попросила Начика отца Оги сделать лучину. В ином же случае просыпающиеся к ночи черти, увидев в посуде лакомую еду, тоже едят, наступая на нее своими грязными, как у крыс, лапами и оставляя свои нечистоты на кушанье. А назавтра утром человек поест такую еду и заболит. Причем моментально и очень сильно. Такое заболевание нани именуют словом бэлу, то есть отравленная злыми духами еда. Конец такого заболевания обычно бывает очень скорым, роковым, если не успеешь вовремя обратиться за помощью к шаману. А порой даже и шаман не может спасти больного от действия этой сильной, злой отравы.

Проснувшись пораньше, Начика растопила печь, поставила на плиту небольшую кастрюльку, насыпала в нее мытого пшена и закрыла неплотно крышкой. Пока вода закипала, замесив немного муки, успела слепить из крутого теста

девять небольших булочек конической формы, высота которых едва достигала четырех сантиметров. Снизу они имели такое же коническое углубление. Эти пампушки для тех сверхъестественных существ, которые оберегают человека от напастей чертей, всяческих пороков. Как и каша гампан, пампушки должны быть несолеными. Слепив последнюю, Начика опустила их в кипящую воду, а другую кастрюльку, с крупой, отодвинула на край плиты.

На улице забрезжил рассвет. Начика вышла в сени, достала там чиэнку — широкую доску для разделывания рыбы, вынесла ее во двор и положила на специальную подставку. Потом вынесла большую, плетенную из прутьев, широкую, со слегка идущими вверх краями тарелку-урэктэми. На ней лежал тот самый сазан, которого привез шаман. А брюхо еще вчера Начика успела распороть и вынуть из него внутренности, чтобы рыба не испортилась и от желчи не имела специфического запаха и вкуса. Положив сазана на доску, Начика быстро сняла черную с желтизной чешую с одного бока, перевернув на другой, так же быстро справилась, как с первым. Под руками ее находился небольшой комочек саори — стружек, мелко соструганных с молодого черемухового побега или гладкой ровной калины. Этими стружками вытерла начисто верхний бок сазана, взяв другой острый нож, лежащий наготове на прутьевой посуде, ловко и умело отделила лоснящееся филе сазана, на котором от показавшегося утреннего солнца заискрились прожилки желтого жира. Отделив второе филе, Начика направилась в дом, прижав один край посуды к талии, а другой придерживая рукой. Увидев ее, мужчины заголосили:

— Ну когда же ты успела и сварить кашу, состряпать пампушек и разделать сазана? Молодчина ты, Начика! Ты настоящая нанайка!

— Да... Не зря, наверное, твой охотник Ога полюбил тебя и женился на тебе, — сказал, улыбаясь, Пилха.

На это Начика только улыбнулась смущенно и, взяв разделочный столик, начала резать талу, да так мелко, что она, казалось, пропущена через мясорубку. Но только с тем отличием, что пластики были как строганная узкой и длинной лентой морковь. Чтобы нарезать так полную с верхом тарелку, ей понадобилось не более десяти минут. Затем, встав, достала соль, посолила, перемешала талу и подала на стол. Здесь стоял высокий берестяной туесок, из него торчали концы ложек, вилок и несколько тоненьких костяных палочек-сарби для талы и другой сухой еды, соединенных верхними концами попарно, чтобы не перепутались с другими.

Саники и Пилха взяли сарби и приступили к еде.

На столе в пиалах стояла бода и в маленьком, плетеном из очищенных добела от коры прутьев блюде вместо хлеба лежали кусочки юколы и желтые, хорошо прожаренные, пышные лепешки. От всей этой еды в воздухе витал дух чистой национальной пищи, которая веками давала нанайцам силу и энергию для добычи пропитания и всей жизненной деятельности, чтобы их род сохранился в первозданно-уникальном виде, как тайга, Амур и все, что окружает от порога и во всем жизненном пространстве.

Закончив еду, Саники спросил у Начики, указав на стоявшую на столе посуду с небольшим количеством пищи в каждой:

— Вот это ты приготовила для обряда перед Пиухэ?

— Да, — коротко ответила Начика, — я сейчас помогу вынести.

Во дворе, у подножия высокого раскидистого ясеня, стоял низенький квадратный столик. Выносимую еду расставляли на нем. Когда вся ритуальная еда была уже здесь, пригласили шамана. Этот обряд выполняется стоя на коленях. Поэтому возле столика Начика постелила на землю узкую, длиной маха в полтора, циновку из камыша. Эта циновка, по видимому, была изготовлена специально для таких обрядов.

И на циновку теперь уже сам Саники постелил две небольшие шкурки кабарги с густым и плотным мехом.

Подойдя к циновке и становясь на колени, шаман произнес:

— Ну, давайте поклонимся поднявшемуся сегодня солнцу и вашему родовому дереву Пиухэ. Может быть, наш Эндур, небесный Бог — светило Солнце — поможет, чтобы Ога остался жив на этой страшной войне и благополучно вернулся домой к своей жене, отцу и ко всем родственникам и друзьям.

Рядом с ним стоял на коленях и Саники, а Начика стояла чуть поодаль. Этот обряд исполняют в основном мужчины. Но Пилха, увидев стоявшую сзади Начику, обратился к ней:

— А ты чего стоишь? Давай становись на колени, и будем просить для твоего мужа всего самого доброго, и чтобы его оберегали добрые духи от всех неожиданностей, неприятностей, которые могут случиться на войне.

Таким образом, в этом обряде могут принять участие и женщины, если позволит шаман или старший, который делает угощения добрым духам, якобы сидящим на этом дереве.

Между тем шаман взял из посуды прямо рукой щепотку каши и бросил ее в сторону солнца, которое ярко светило прямо в глаза стоящим на коленях людям. Тут же налил из только что открытой бутылки водки в небольшую стеклянную рюмочку, плеснул в ту же сторону, бросил юколу, лепешку и начал говорить:

— Ну, Солнце, ты — одно и единственное светило, которое видит все, что творится на земле. Ты видишь и хорошее, и плохое, слезы людей и радости, все, что творится на планете под твоими всевидящими лучами. Прими наши угощения и внимли нашей просьбе: сейчас на войне находится Ога, сын Саники. Сделай так, чтобы Ога вернулся домой целым и невредимым. Если враг целится в него — ослепи ему глаза, чтобы не попал в нашего сына. Сделай так, чтобы Ога не пал где-нибудь, чтобы не убили его — огради и сохрани.

С этими словами он трижды поклонился до земли. Вместе с ним поклонились Саники и Начика. Затем шаман вылил в небольшое отверстие у основания дерева кровь поросенка, которую еще вчера вечером собрал в стаканчик Саники. Он брал по чуть-чуть каждой еды, намазывая отверстие и произнося:

— Ну, угощайся! Вот даю кашу, вот даю пампушки...

После того как угостил священное дерево водкой, шаман начал говорить заключительные фразы:

— Ну, Пиухэ, живя на свете столько лет, ты видело много сложного и трудного. Но в своей кроне ты содержишь так много добрых и смелых духов, которые следят за благополучием и покоем во дворе, вокруг дома. Духи всех домочадцев сидят на твоих ветках. А коршуны, орлы и другие хищные пернатые, живущие и гнездящиеся в кронах, отгоняют всех незваных, которые желают проникнуть в дом, чтобы сделать недобрые, злые дела. Храни и оберегай покой во дворе, вокруг дома всегда. Пусть вернется с войны Ога — твой ангел — живым и невредимым, а дух его снова займет свое прежнее место и достойно украсит твою крону.

С этими словами шаман второй раз трижды поклонился священному дереву. Вместе с ним поклонились отец Оги и его жена.

— А теперь повернитесь в сторону Пэрхи — Запада, куда каждый день уходит Солнце за землю, и поклонимся нашему небесному Богу, чтобы Оно не забирало дух Оги в Буну — потусторонний, черный и темный мир, чтобы муж Начики вернулся домой и мог радоваться родным местам, Амуру, жене, отцу и всему, что окружало его с самого детства.

Говоря эти слова и доставая по щепоточке еды из каждой посуды, шаман бросал ее в сторону Запада, плеснул стопочку водки туда же и третий раз трижды поклонился Богу Пэрхи, чтобы тот отпустил Огу в здравии. И на этот раз все стоящие на коленях поклонились, легонечко стукая лбами об землю.

Когда встали шаман и отец Оги и направились к дому, Начика спросила:

— А остатки крови в стакане, что делать с ними?

— Вылей их к подножию Пиухэ. Когда кланяешься Солнцу, не надо угощать его кровью, и тем более, когда просишь пощады и добра у Пэрхи — Запада. Это очень большой грех. Поэтому остатки вылей рядом со священным деревом, — пояснил Начике шаман. Уже поднимаясь по ступенькам высокого крыльца, добавил:

— Пускай все это постоит еще немного, а потом занесешь, чтобы дома поклониться Диулину — деревянному бурхану, хранителю домашнего благополучия, счастья и покоя.

Когда Начика занесла все, что находилось перед священным деревом, шаман провел перед Диулином, который стоял на специальной подставке в дальнем углу дома, короткий ритуальный обряд. Он так же угощал бурхана, изготовленного из древесины кедра в виде человечка с ногами, руками, плечами, со слегка овальной, слегка заостренной к макушке головой на короткой шее. На лице были обозначены малозаметный выступ носа в виде удлиненного остроконечного треугольника с коротким основанием внизу, под ним неширокая поперечная щелочка с углублением в центре — рот, впадинки под условными бровями — глазницы. Перед Диулином все трое, встав на колени, трижды по три раза касались лбами мягкой шерсти устланной на нарах шкуры медведя. Пилха проводил эту церемонию недолго и говорил не так много. По-видимому, основную надежду за здоровье Оги он все-таки возлагал на Бога дневного светила — Солнце. А все остальные — как бы Боги местного характера, которые должны оберегать людей на месте их постоянного проживания, на охоте, рыбном промысле и других повседневных делах.

Когда взрослые зашли домой, Силтэ не было. Он покупал то, что поставила на стол Начика.

— Он, наверное, домой убежал, — предположил гость. — Он такой, не любит у людей долго гостить. Тем более здесь, в одном селе.

— А ты, анда-друг, еще погости, побудь, а уедешь потом, можно завтра.

— Нет. Мне сегодня надо быть дома. Дочь Гейкер Онги Майя сильно заболела. Онга теперь Бельды, ее муж Коачика погиб на фронте. Вчера Онга сама приходила к нам, просила, чтобы я пришел к ним вечером. Приехал сюда, раз уж обещал давно. К тому же и Начика приходила к нам. Побуду еще немного и уеду.

— Ну, ладно, раз так. Конечно, и девочку надо спасать, — согласился отец Оги.

После обеда, когда шаман собрался идти на берег, чтобы ехать домой, Саники занес из кладовки большие куски мяса забитого вчера как жертвоприношение Богам поросенка. Увидев эти куски, Пилха сказал:

— Ну зачем так много? Разве можно так? У вас семья, еще сын Макар приедет на днях с учебы... Вам самим надо есть. Да и растить поросенка не так уж просто. Нет. Возьму только вот эту переднюю лопаточку, и все. А окорок задний и ребра-хэучилэ оставьте себе.

С этими словами Пилха взял у отца Оги небольшую лопатку поросенка и обратился к Начике:

— Вот это заверни, и все.

Когда шаман пошел на берег, ему помогли и заодно вышли провожать отец Оги и Начика. Сэну толкнул оморочку на воду, затем бортом приблизил ее к берегу:

— Ну, анда-друг, садись, оттолкну. Спасибо, что приезжал в такую даль...

— Да было бы все так, как определили мои помощники-бурханы. Да было бы так, — перебил Саники Пилха.

Через мгновение узенькое, длинное и очень верткое суденышко было на плаву. Маховое весло шамана, поочеред-

но нарушая гладкую поверхность неширокой реки то с правой, то с левой стороны оморочки, ровно толкало ее вперед, оставляя сзади расходящиеся лучами небольшие волны.

Глава 3 За шиповником

На дворе стоял теплый сентябрь. Кеты, как всегда, было очень много. Жители Дады впрок заготовили рыбы. Теперь возле каждого дома на специально сделанных вешалах, нанизанные на тоненькие тальниковые жердочки, висели на солнышке красные полоски юколы разных видов и названий. У одного вида юколы на всю ее длину виднелась черная с оранжевыми полосами шкурка, на которой тонким пластом обозначалось мясо, другой вид, точно такой же, но уже с толстым слоем мяса, и, чтобы оно быстрее высохло, делали один продольный разрез на всю длину, затем поперечные разрезы в нескольких местах. Такая юкола подсаливалась в слабом солевом растворе для вкуса, чтобы во время еды соль чувствовалась еле заметно. С другой же стороны, она могла сохраняться дольше из-за присутствия соли. Однако самой ходовой в пище юколой считалась та, которая вырезалась длинными пластинками после первого слоя со шкуркой. На этой юколе, вырезая ее, оставляли тоненькие полоски шкурки ближе к хвосту рыбины, чтобы сделать на ней небольшой продольный разрез для нанизывания на жердочку. Такая полоска юколы не срывалась с палочки под своей тяжестью. Вокруг этого самого деликатесного съедобья летали большие зеленые мухи. Но их отгонял дымок, специально разожженный из гнилушек тальника или другого дерева прямо под рядками висящей юколы. Таким образом она вся высохла без личинок мух и тем более уже вылупившихся червей.

Как-то ближе к концу сентября Онга — жена погибшего

на фронте Коачики Бельды, зашла к своей старшей двоюродной сестре Тойле — жене охотника Макто. Онга — женщина небольшого роста, всегда улыбчивая, но не в меру стеснительная. Между разговорами она начала:

— Школа стала принимать от учеников шиповник, чтобы делать лекарственные средства для больных и раненых фронтовиков. Так рассказала моя дочь Майя, придя сегодня со школы. У меня-то... — сказав это, на полуслове Онга тонко и пискляво зарыдала. Поплакав немного, успокоилась и, вытирая глаза внутренней стороной узорчатого нанайского халата, продолжила: — Муж погиб. Майе ведь тоже надо сдать шиповник. Сделанные из него лекарства хоть другим бойцам помогут. Сестра, надо бы поехать, набрать сколько нужно, чтобы сдала Майя. У меня ведь учится не только она, но и сын Боря. Так что надо собрать норму на двоих учеников. Да и у тебя, сестра, тоже учатся двое: старшая дочь Кумбикэ и средний сын Коачика.

— Если надо сдавать норму шиповника на каждого ученика, то, наверное, надо ехать за ним, — согласилась старшая сестра. — Только куда? Поблизости на лугах мало уродилось его...

— Мама, вчера ездили за шиповником сестра Амбан-Коли Аку с нашими двоюродными сестрами Катей и Ниной, — вмешалась в разговор Кумбикэ. — Их мать — наша бабушка Намянка, старшая сестра нашего папы, сказала, что этой ягоды там много.

— А где это — там? — переспросила у дочери Тойла.

— Ну там, где Манга-Модани.

— Да... далековато туда, — мотнула головой Онга, — целых восемь километров против течения по протоке Сирими. А что поделать, если его нет нигде поблизости?

День был воскресный. Теплое утро предвещало хорошую погоду. Где-то через полчаса, как появилось солнце,

пришли с ведрами Майя и ее мать. Кумбикэ с младшим братом Коачикой, собрав ведра и еду на весь день, наготове ждали их прихода. Выйдя все вместе на берег, столкнули на воду двухвесельную нанайскую лодку.

Вот уже почти два часа лодка медленно двигалась против течения по довольно широкой протоке Сирими. А пройдено всего чуть более половины расстояния, что следует преодолеть. За это время уже дважды останавливались, причалив к берегу. Греблись за веслами, сменяя друг друга, Кумбикэ с братом на пару и Онга со своей Майей. А где попался отлогий песчаный берег, все три школьника сходили и тянули лодку бечевой. Тогда самая старшая из всех, мать Майи, сидя в лодке, направляла ее вдоль косы.

Прошло еще около часа трудного пути, и лодка проскочила в узенький вход очень извилистой протоки. Здесь течение бежало по ходу лодки. Довольствоваться ее услугами пришлось недолго, так как следовало заскочить еще в другую протоку. Но здесь вода была стоячая, потому не следовало прилагать больших усилий, чтобы лодка скользила вперед. За высоким песчаным откосом, на котором росли раскидистые кусты черемухи со свисающей рясной ягодой, перед взором открылось довольно широкое озеро. На его гладкой поверхности островками виднелись густые скопления круглолистных лопухов. На многих из них в летние солнечные дни раскрываются ярко-желтые цветочки, придающие этим лопуховым островкам на воде подобие клумб, аккуратно рассаженных с незапамятных времен.

На веслах сидела Кумбикэ. Она, озираясь кругом, гребла не спеша, тихо. Лодка незаметно подошла к одному из скоплений лопухов. Когда она проходила мимо них, Коачика потянулся, чтобы достать лопух, и задел ногой котелок, на котором стояло ведро. Котелок покачнулся, вслед за ним свалилось ведро на дно лодки, издав шум и грохот. В этот же миг стали выпрыгивать высоко вверх из воды серебрис-

тые толстолобы. Один за другим выскакивали они из воды, на лету продолжая махать в воздухе большими хвостовыми плавниками. Некоторые с шумом выплевывали изо рта воду и, совершив в воздухе дугообразный полет, вновь головой вниз уходили в воду, оставляя за собой искрящиеся брызги. Другие стучались о дно и борта лодки, а порой и перепрыгивали ее: появившись из-за одного борта, в акробатическом прыжке перемахивали ее, казалось, безо всяких усилий. Глядя на эти изумительно красивые воздушные пируэты, находившиеся в лодке люди визжали, ойкали и желали, чтобы хотя бы одна рыбина запрыгнула в лодку. Как раз в этот момент появился из воды большой толстолоб и, больно ударив Коачику по спине, свалился в лодку.

— Майя, хватай его! — кричала Кумбикэ, громко, по-мужски гогоча.

Не успел Коачика обернуться к ударившему его толстолобу, как второй упал прямо к его ногам. Коачика сразу прижал его к днищу лодки. Онга, как и все, радовалась и кричала:

— Ну, спасибо! Ну, спасибо тебе, Манга-Модан!

После этого чудесного зрелища вскоре наконец доехали до места. Когда лодка подходила к берегу, поднимая со дна мелководья густой ил и оставляя рябящие волны, в глубь озера уходили стаи карасей, одиночные щуки и сазаны. Это озеро всегда считалось рыбным, и на одном его берегу раньше жили люди. Здесь было нанайское стойбище.

Вперед всех выскочил на берег Коачика. За ним выпрыгнула на теплый песок Майя. Кумбикэ с детства была хромая. При рождении она получила какую-то травму в области тазобедренного сустава и ходила, ковыляя довольно сильно. Но она не обращала на это особого внимания. По-видимому, ее недостаток не очень давал о себе знать. Поэтому хотя и хромала, но чувствовала себя вполне здоровой, была игривой, подвижной и веселой.

Кумбикэ сошла на берег с трудом. Несмотря на то, что

была голосистой и шумной во время рыбьих пируэтов, сейчас на ее лице проглядывались какая-то тревога и озабоченность. Наконец сошла на берег и мать Майи Онга. Она подняла лодку и огляделась кругом.

Сразу за песчаным берегом виднелись кусты шиповника. На них гроздьями висела красно-оранжевая ягода. Майя и Коачика побежали туда и тут же принесли полные горсти шиповника. Подойдя к лодке с ягодой в горстях, Коачика начал:

— Давайте будем кушать. Можно сделать талу. Вон мой толстолоб какой большой и жирный.

— Чего ты уже захотел кушать? — прикрикнула на него сестра. — Мы же вот недавно только ели перед заходом в это озеро. Хватит! Надо идти собирать шиповник.

Ее поддержала тетя Онга:

— Вот когда наберем полные ведра, вернемся к лодке, тогда и поедем. А сейчас, Кумбикэ, возьми свое ведро с едой, а я — свое.

Коачика, недовольно бурча себе под нос, пошел с ведром в руках туда, где на колючих кустах красным полотнищем виднелся шиповник. Собирая плоды, он не ел эту ягоду с крупными и твердыми семенами. Кроме того, они были как бы с пушком. Потому Коачика представлял их подобными жучкам, которые, попав в желудок, все время шевелятся в нем, стремясь выйти наружу. Потом, на второй день как поешь их, почувствуешь у себя в заднем месте зуд, будто что-то все время шевелится там. От этого поневоле рука так и тянется туда, чтобы потрогать или почесать. Не раз он слышал от родителей, когда ходили собирать ягоду и встречали на пути куст шиповника с оранжево-красными плодами:

— Не ешь эту ягоду!

— А что, она отравленная?

— Да нет. Но потом обязательно зачесается у тебя сзади и ты будешь чесать — руки завоняют. Понял?

Может, поэтому Коачика не влюбил эти плоды колюче-

го кустарника или потому, что он с детства не любил дикую ягоду. Собирая уже больше часа липкие, переспелые, чуть с кислейшей плоды, не положил в рот ни одного. Сначала он ходил вместе с сестрой Кумбикэ. Потом подошла к нему Майя, и с тех пор они ходили вдвоем.

В одном месте они обнаружили не очень глубокую яму. Возле нее стояли уже подгнившие столбы. Коачика заинтересовался увиденным и по песчаному склону спустился в яму. Там на виду лежал кусочек цепи из нетолстого металла. Она выглядела как новая, нетронутые ржавчиной звенья искрились и блестели на солнце.

— Вот видишь, что я нашел? — показал он находку Майе.

— Выкинь ее сейчас же! Нельзя ничего здесь брать.

— Почему?

— Мама так сказала.

На этом разговор с Майей закончился. Коачика положил цепочку из нескольких звеньев в карман штанов, выкарабкался из ямы, а Майи как и не было тут. Находка приподняла дух мальчугана, теперь он ходил между шершаво-колючими кустами и пел песни: «Взвейтесь кострами», «Елочку», на-найскую песню «Лингдангдана» и другие. Да так громко, что ему самому казалось, что его слышит все окрест. Даже вороны, сороки и другие небольшие птички садились на ветки неподалеку от него, прекратив свои трели, удивленно слушали его пение. Чтобы разглядеть певца, они поворачивали то на один, то на другой бок свои головы. А Коачика смотрел на них, продолжая петь. Потом, сунув в карман руку, достал цепочку и, махая ею над головой, запрыгал. В этот момент сидевшая на ветке прямо над его головой птица три раза громко рявкнула и улетела. Вслед за ней улетели в разные стороны вороны и другие птички. А из-за густых черемуховых кустов, рядом с которыми соседствовали яблони-дички, раздался громкий зов сестры:

— Коачика-а! Коачика-а! Мать твою туды, распелся! Иди сюда! Ходи рядом с нами... А то бродишь где-то!

Но Коачика продолжал ходить один и пел, но уже не так громко. Минут через десять-пятнадцать все втроем подошли к весельчаку. Цыкнула на него мать Майи, а сестра пригрозила, что обо всем расскажет дома отцу.

— Ходи рядом с нами! С чего развеселился, распелся?

С этого момента до самого выхода к лодке они не оставляли Коачику одного. А когда мать Майи спросила о том, что нашел: «Покажи, Коачика», — как бы не услышав вопроса, молча отошел в сторону. С этими же попытками подходила к нему и Кумбикэ. Но Коачика оставался настойчив и упрям, не хотел показывать находку и тем более выкидывать.

Между тем Кумбикэ уже заполнила свое ведро. Теперь собирала шиповник в платок, которым намеревалась завязать ведро, если, хромая на не вполне здоровых ногах, споткнется и рассыпет собранные плоды. Она, когда подходила к брату, видела у него чуть более половины ведра собранной ягоды. Чтобы наполнить и его посуду, Кумбикэ усердно срывала с колючих кустиков липкие переспелые плоды.

Майя сама по себе была очень усердной девочкой. Собирала шиповник двумя руками, выбирая рясные кусты. Поэтому она не на много отстала от матери, у которой в ведре шиповник лежал горочкой. А у девочки слой оранжево блестящих плодов только подходил к верхнему краю ведра.

После полудня прошло более трех часов. К этому времени все трое собрались возле Коачики. Сестра высыпала в его ведро шиповник, собранный в платок, и оно наполнилось с верхом. Женщины говорили как-то тихо и озирались кругом, будто большой лохматый медведь или еще кто-нибудь появится из кустов. Однако никто не появлялся ни из-за кустов, ни со стороны берега, куда направились ягодники, продираясь через колючие красновато-черные кусты с заметно поредевшими плодами.

Вот и берег. В плавучих оранжереях лопуха щелкали, играя воздухом и одновременно вылавливая таким образом различных букашек, комаров да других насекомых, караси, плавающие для этого у самой поверхности воды. То там, то тут выпрыгивали из воды, показывая свои серебристые бока, небольшие рыбешки. А два сазана, будто соревнуясь, выпрыгивали из воды один за другим, затем, уже подальше, снова повторяли это же занятие. Так соревновались они до тех пор, пока не упала камнем с большой высоты скопа. Она, со всплеском скрывшись под воду, вынырнула из глубины с какой-то трепыхающейся рыбой в когтях. С этого момента сазаны больше уже не появлялись.

Тетка Онга и Кумбикэ, подойдя к лодке, поставили на ее дно все ведра с шиповником.

— Ну, давай, садись в лодку, — сказала мать в приказном порядке Майе. — И ты садись скорей, — добавила она вслед за этим, взяв под руку Коачику.

— А кушать когда будем? — как не евший целую неделю человек, заскулил Коачика. — Давайте хотя бы талы сделаем.

— Нет. Некогда. Выедем на протоку Сирими, там поедем: течение сильное и грести не надо, — убеждала мальчугана мать Майи. С этими словами она положила свертки с едой на носовую часть лодки, и, когда Коачика сел на середине ее, Онга оттолкнула от берега суденышко, села за переднюю пару весел. А Кумбикэ работала веслами второй пары. Лодка скользила легко. За рулем сидела Майя.

Ягодники вернулись домой засветло. Детишки купались в воде. В течение ясного солнечного дня вода в протоке хорошо нагревалась. Даже в сентябре она была такой теплой, что, зайдя в нее, не очень почувствуешь студящей прохлады. Увидев купающихся детей, Коачика тут же разделся и бултых в воду. Кумбикэ, направляясь с одним ведром домой, наказала брату, чтобы он забрал свое ведро. А Майя с матерью зашагали к себе домой.

မြို့မှ

Бабушка Майи не была шаманкой, но очень хорошо чувствовала присутствие любого злого духа. Таких людей называют по-нанайски словом «тудин», что по-русски обозначает нечто вроде ясновидящих. Так она, находясь дома, как наяву видела все то, что творилось в местечке Манга-Модани, куда поехала внучка Майя со своей матерью и Кумбикэ с братиком. Бабушка весь день не находила себе места, все желала, чтобы поехавшие за шиповником как можно быстрее вернулись домой. Все дело в том, что она будто весь день находилась с ними там, где собирали шиповник. Видела, как Коачика нашел небольшой блестящий кусок цепи, как большие черные лохматые собаки ходили вместе с ним — одна впереди, другая сзади. Этих же собак видела на Манга-Модани и Кумбикэ. Собирая шиповник, она позвала тетку Онгу, рассказала ей со страхом, знобящим тело и шевелящим волосы на голове, о своем видении. А Коачика, не подозревая о том, что его пасут злые духи в образе собак, был в приподнятом веселом настроении и все пел и пел.

Когда Онга и Майя пришли домой и шагнули за порог, бабушка с шумом прерывисто выпустила воздух из груди и как бы в яростном или истеричном тоне крикнула:

— Эй-лэ, хай дёчоаваня! Какая страсть, какое зло явилось в дом! Целый день вас преследовали на Манга-Модани черти и злые духи. Хорошо, что вы там ничего не стали есть. А то случилось бы очень страшное — бэлу (сильное пищевое отравление, итогом которого может быть только смерть).

Еще при подходе к дому Майя почувствовала себя не очень хорошо. Уже по дороге ее вырвало один раз. Теперь, когда зашла домой, она расплакалась, держалась то за голову, то за живот, прямо в одежде прилегла на нары. Тут подошла к ней бабушка и, рыча как разъяренная медведица, стала как бы кусать внучку то в голову, то в грудь, то в живот и выговаривала:

— Помогите, добрые духи! Не дайте злым духам унес-

ти паня (живой дух человека или дух живого человека) моей внучки в потусторонний мир! Помогите, помогите!

С этого момента и дня Майя заболела и слегла. Вечером, незадолго до захода солнца, Онга сходила к шаману Пилхе, который, выйдя на улицу со своим сынишкой Силтой, уже направлялся в сторону берега, чтобы поехать в дом Ога. Потом она зашла в медпункт к сельскому фельдшеру. Женщина уже собиралась уходить домой после работы. Но поскольку ее застали еще на рабочем месте, взяв свою дежурную медицинскую сумку, пошла с Онгой в ее дом.

Глава 4

За духом больной Майи

Девочка была действительно в тяжелом состоянии. Осмотрев больную, медичка-нанайка сделала укол, оставила несколько каких-то таблеток и ушла, пообещав прийти утром. После ее ухода Онга позвала своих соседей, мужчин и женщин, чтобы погонять чертей, потому что шаман поехал к Начике. А бабушка Майи хотя и ясновидящая, но не шаманка: не может камлать и пуститься вдогонку за злыми духами, чтобы забрать у них дух девочки. После того как погоняли чертей, ночью Майя спала более спокойно и крепко. Но дышала часто из-за высокой температуры, сквозь сон невнятно бурчала под нос. Онга, нагнувшись над дочерью, отчетливо услышала слово «дюдзиэн», что означает цепь. Не дожидаясь вечера, Онга снова пошла к Пилхе, войдя в его дом, молвила:

— Ну, дядя, я опять пришла за тобой. Моей девочке плохо. Помоги и выручи, пожалуйста. Можно прямо сейчас пойти со мной или чуть попозже подойти. Только мне бы унести сейчас мешок с атрибутами, чтобы тебе было легче идти.

Кроме этого она ничего не говорила шаману и не рассказывала о том, как ездили за шиповником.

— Ну, ладно, — согласился Пилха, — унеси мешок сейчас. А я подойду позже.

Обратившись к своей жене Нюрке, сказал, чтобы она дала Онге мешок.

Вчера вечером, когда приехали в село и лодка причалила к берегу, Коачика с радостным воем побежал к ребятам купаться. Свою одежду он бросил в лодке, поверх лежали его заплатанные на коленях штаны. Во время сбора шиповника черная латка на правой стороне оторвалась по шву и держалась только на нижней строчке, болтаясь, как подбитое крыло вороны.

В этот момент в воображении Кумбикэ возникло странное видение: сквозь черную ткань штанов братишки в правом кармане она как будто видела что-то светящееся. Взяв левой рукой брюки, правой залезла в карман и коснулась странного, как будто раскаленного предмета. Она сразу отдернула руку, как от удара электрического тока. Пока Коачика увлеченно бултыхался в воде с ребятами, Кумбикэ вытрясла брюки карманами вниз. Выпал кусок цепи из нескольких звеньев. Положив брюки на место, она снова дотронулась до цепи, но на этот раз такого ощущения не почувствовала, будто электрический ток с цепи в момент соприкосновения с землей ушел вглубь ее.

А сегодня, узнав, что шаман Пилха будет камлать у Онги дома, ковыляя на обе ноги, пошла к своей старшей тетке, чтобы справиться о здоровье двоюродной сестры. Здесь Пилхи еще не было, он пришел минут через двадцать. Перешагнув порог, шаман заговорил громко:

— Здесь что-то очень интересное и очень опасное!

Затем на весь дом крикнул:

— Гаа-ай!

Вслед за ним все громко и дружно стали кричать это короткое «Гаа!», которым изгоняют чертей из дома и от боль-

ного человека. Пилха, с грохотом бросив свой единственный костыль на пол, попросил в приказном порядке:

— Давайте быстрее бубен-унгчухун, пояс-янгпан и гисил-колотушку.

Присутствующие мигом подали всю амуницию шаману, и через минуту он уже был готов улететь со своими помощниками за тридевять земель за духом больной Майи, который утащили злые духи — злодеи и колдуны. Но прежде Пилха вызвал всех своих помощников, приказал им обойти весь дом, весь двор, чтобы найти следы похитителей духа девочки. Оказалось, что дух девочки черти украли еще на Манга-Модани. Поначалу они, приняв невидимый облик собак, хотели утащить дух у Коачики. Поэтому они пасли его — одна впереди, другая сзади. Хотели запутать дух мальчика цепью, которую они волочили по земле. От этого цепь имела блестящий, отшлифованный вид. Но у мальчика были свои защитники — его добрые духи. Здесь схватились духи двух противоборствующих сил, и в этой схватке одержали победу защитники Коачики. Они порвали цепь, обрывок которой нашел мальчик. Но за этим куском цепи злые духи могут вернуться в любое время.

В своем камлании шаман перечислял все так, как будто в действительности находился там и видел наяву своими глазами все то, что творилось в тот день на Манга-Модани. Не справившись с защитниками мальчика, злые духи набросились на Майю. Но все-таки не оставляли в покое и Коачику. Они назойливо шептали ему в уши: «Проси поесть, ты же голодный. Вот толстолоба на талу положил вам в лодку орел с железным клювом и железными острыми когтями. Ну, покушай что-нибудь...» Здесь защитники мальчика готовы были уступить злым духам. Но защитники его сестры Кумбикэ оказались еще сильнее. Поэтому, собирая весь день шиповник, она как бы видела, что вместе с братом ходят две черные лохматые собаки. У них пасти были красными от крови. Об

этом она рассказала тетке Онге, поэтому они разговаривали тихо, шепотом и пресекали Коачике его веселость. А когда мальчик просил есть, то защитники сестры ее голосом говорили: «Не надо кушать, здесь опасно есть и можно получить бэлу!»

В ходе камлания шаман узнал все до точности, что было и творилось в тот день. Как раз в это время большая свора злых духов и чертей совершали обход по данному месту, где когда-то жили нанайские рода Оненко, Бельды и люди из другого племени. Но потом, по-видимому, по каким-то очень серьезным причинам покинули это стойбище, оставив богатое рыбой озеро. Все, кто знает о Манга-Модани, говорят в один голос, что на этом месте всегда находятся в изобилии злые духи всех мастей и рангов, что это — опасное место.

Однако здесь, когда по Амуру гоняли почтовые тройки до Бури — Хабаровска, и обратно до Мио — Николаевскана-Амуре, для тех, кто не успел к ночи добраться до населенного пункта, стоял почтовый стан, представлявший собой небольшой рубленый домик. В нем имелось все то, что было необходимо для ночлега в зимнюю стужу. Человек, прибывший сюда ночью, находил в домике дрова, порой даже они были полно заложены в печку. Стоило лишь чиркнуть спичкой, как с веселым треском разгорался огонь. А для лошадей содержались в сундуках, обитых железом, овес и тулупы, чтобы накрывать их после изнурительной дороги. Возле домика стоял также стог сена. Так было в 1930-х, 40-х и даже 50-х годах. Сам же домик стоял не на берегу озера, где было нанайское стойбище, а со стороны протоки Сирими. Фактически это то же самое место, где жили нани.

Один из русских ямщиков не верил рассказам нанайцев об этом месте. Всегда смеялся, когда говорили ему о приключениях и случаях, которые порой происходят здесь, все это, мол, брехня и не что иное, как фантазии на вольную тему.

Но однажды погода так разыгралась, что, выехав в обед из села Муху, тройка только в глухую темень добралась до этого стана. Когда кошевка поднялась на пригорок, лошади зафыркали и, становясь на дыбы, хотели повернуть обратно. Но ямщик придержал лошадей, не снимая с них упряжи, привязал к столбу. Высвободив рты животных от металлических мундштуков, привязал к ремешкам уздечек торбы с овсом. Лошади стали есть зерно, но продолжали нервничать. После этого ямщик пошел в сторону домика. Выйдя из-за кустов тальника, увидел в окне огонек. «Как хорошо, — подумал он, — кто-то есть в избе. Вероятно, натоплено и покушать горяченького будет». Подошел к двери — закрыта на замок. Нащупал в темноте ключ, лежавший в укромном месте, открыл замок и вошел в сени. Внутренняя дверь тоже подперта палочкой. Убрал ее, открыл дверь в дом, в нем было темно и холодно. Русскому человеку все это показалось странным. Но все же разжег керосиновую лампу, стоявшую на столе, осмотрелся кругом, проверил — признаков присутствия человека здесь нет и не было. В печке лежали готово сложенные поленья. Потребовалась всего одна спичка, чтобы затопить печь. На плите стоял чайник с застывшей водой. Через несколько минут лед растаял, выпуская пар, закипела вода. Чтобы согреть душу, ямщик налил горячей воды в кружку, размешав послаще сахару, попил кипятка. Согревшись, стал дремать и, чтобы не спать сидя, лег на нары, где лежали матрацы на соломенной подстилке, укрылся тулупом. В это время замигала лампа, в ней кончился керосин. Помигав немного, она потухла. Только прыгающий по стене отсвет от печки еле освещал помещение. На улице завывала пурга. Ветки высоких тальников, качаясь на ветру, стучали друг о друга. Под эти вой и стуки ямщик заснул под длинным и широким тулупом.

Через какое-то время ямщик проснулся, оттого что с него сползает тулуп. Он подумал, что свис вниз конец его

и потому сползает. Взял одной рукой за мех и подтянул на себя. Но тулуп продолжал сползать и не поддавался туда, куда тянул ямщик. Он даже подумал: кто-то, заплутав в дороге, забрел сюда и хочет сыграть шутку:

— Чего ты тянешь, отпусти! — возмутился ямщик.

Но тулуп сползал... Тогда ямщик присел и, чтобы рвануть посильнее, ухватился за тулуп пониже. Рука коснулась какой-то лохматой лапы с большими крючковатыми когтями, которая тянула тулуп под нары. От неожиданности он закричал:

— Ой, что это?!

У него волосы встали дыбом. По всему телу пробежал какой-то щекочущий озноб. Тут он спрыгнул на пол и, выбегая на улицу, тянул за собой тулуп, но тот не поддавался. Ложась спать, ямщик не снял валенки и даже шапку. Чтобы не оставить тулупа, он дернул его со всей силы, почувствовав при этом, что меховая одежда порвалась. Тулуп вдруг освободился. Тогда ямщик пулей выскочил на улицу, волоча за собой тулуп. Подбегая к лошадям, услышал, как лошади громко фыркают, ржут беспокойно и топают ногами. С ходу бросил тулуп в кошевку, с силой сорвал торбы с морд лошадей и трясущимися руками кое-как вложил металлическую узду в рот среднему-кореннику. Снимая веревку со столба, он путался и весь трясся. Наконец, как только освободилась веревка, нервно топтавшие лошади пустились вскачь под пригорок на протоку Сирими. Ямщик кое-как успел ухватиться за кошевку, животом упав на высокий борт, и неловко вскарабкался в нее. С трудом овладев вожжами, он в снежном вихре все же определил, что кони мчат в сторону Дады. Расстояние в восемь километров они преодолели за сорок с небольшим минут.

В здании сельского Совета кочегар топил печь допоздна из-за холода и пурги.

— Что-то позднехонько, — сказал он, увидев ямщика.

— Ой, не говори... Какие у вас, оказывается, есть злые и страшные черти! Вот теперь — поверил.

И он рассказал кочегару о случившемся на стане Манга-Модан.

А шаман во время камлания обнаружил у Кумбикэ тот кусок цепи, который нашел ее брат на месте бывшего старого стойбища. Когда Кумбикэ достала его из кармана, шаман велел зажечь свет, чтобы люди увидели этот предмет. Продолжая исполнять свой танец, он слегка шевелил бедром. От этого побрякушки, сквозь гул и грохот бубна, звенели, как тысячи монет, падающих в железный противень. Затем, подойдя к Кумбикэ, он взял у нее кусок цепи, попросил подать ему дирэн-наковальню и майто-кувалду. Мужики и Онга вышли во двор и вскоре занесли в дом кусок тяжелого железа и большой молоток. Пилха, положив цепь на наковальню, несколькими сильными ударами раздробил звенья, после чего они стали всего лишь кусками металла, а не целостной цепью, таившей в себе злоколдовские чары.

— А теперь соберите все эти куски и выкидывайте их прямо с порога на улицу, — сказал шаман.

Передохнув немного, он попросил потушить свет, чтобы идти дальше в погоню за злыми духами, похитившими живую энергию у дочери Онги. Ясновидящая бабушка Майи тоже шла вместе с шаманом. Иногда она говорила помощникам Пилхи, что идут не по тому следу. Это злые духи путают свои следы, чтобы шаман не мог найти их.

Во время своего камлания шаман постоянно разговаривает со своими помощниками, дает им какие-то указания, просит хорошенько осмотреть местность, куда они пришли. Может быть, в этом месте где-нибудь злые духи спрятали паня — дух Майи, оставив кого-либо из своих злоумышленников, чтобы присматривали за духом девочки, а сами умчались якобы вдаль, чтобы шаман погнался за ними — ос-

новой группой чертей. Если преследователи не заметят спрятавшихся духов, то они через какое-то время, как проскочит шаман со своими сыщиками-помощниками, выйдут из укрытия. Тогда они другими путями унесут паня девочки в Буну — потусторонний мир. Тем самым шаман запутается, потеряет след девочки и вернется обратно ни с чем.

Поэтому шаман зорко следит за движением своих единомышленников, одни из которых летают, другие — плавают. Например, такие как Калима — киты, дельфины и другие морские и океанские существа. Другие помощники летают, как орлы или коршуны, либо проходят сквозь землю, словно кроты, но с очень высокой скоростью, то есть почти со скоростью мысли.

За какие-то несколько минут, как шаман стал камлать, он уже был неведомо в каких местах и краях. Вот подошли они к сплошным гористым, скалистым местам, где имеются глубокие впадины, ущелья, остроконечные пики, доходящие высотой почти до солнца. В этих горах шаман обнаружил пещеру с узким, почти незаметным входом. Тут он подозвал к себе всех своих добродетелей и попросил их войти в него. Говорит, что вокруг темно, но его помощники способны видеть хорошо и в крошечной тьме. «Идите, идите вперед, — говорит он, — будьте осторожны и внимательны. Может быть, имеются здесь какие-то другие входы, ведущие в сторону...» Тут один из добрых духов, идущий с группой погонщиков, заметил, что на полу пещеры имеется люк, закрытый толстой, тяжелой чугунной крышкой. Вмиг примчались сюда добрые духи, стали пытаться открыть плотно закрытую крышку, но она не поддавалась. Тогда пришел самый сильный из них, длиной в девять саженей медведь Хуйгулун, зацепив за край своими железными когтями, приподнял сначала одну сторону, а там, ухватив мощными передними лапами тяжеленный металл, поднял и, переваливаясь с боку на бок, отнес крышку подальше. За входом люка виднелся спуск далеко вниз под большим

наклоном. Он не имел ни ступенек, ни каких-то поручней — был ровный и гладкий, как облитый водой, тщательно отшлифованный. Встав на край этой покатости, паняны — духи людей — улетали вниз в Буни с огромной скоростью, чтобы уже никогда не взобраться наверх по этому гладкому, бесконечно длинному отверстию. След злых сверхъестественных существ, похитивших дух Майи, вел именно сюда.

— Да, — пел шаман, камлая, — это опасная пропасть, ведущая в потусторонний мир. Значит, дух Майи уже в Буни. Смогу ли спуститься в эту глубокую бездну, чтобы, если удастся забрать, потом подняться наверх? Но делать нечего, все равно надо идти, забрать в Буни дух девочки, чтобы она не ушла насовсем в этот белый загробный мир.

В нанайском поверии, как говорят о том шаманы всех достоинств: тудины — ясновидящие, и особенно те шаманы, которые сопровождают души мертвых людей в Буни, что в том загробном мире вся окружающая среда не такая, как у нас, с ярким дневным светом, а все бело. Как будто все пространство выкрашено в белый цвет. Духи умерших людей представляются такими маленькими, как комарики или мошки, что их выдерживают даже тоненькие травинки и соломинки. А по обличию они такие, как были при жизни, но в зеркальном отражении.

В связи с тем, что Буни представляется белым, по нанайскому обычаю женщина, если умер муж, накидывает на голову белый платок, завязывает его углами, опоясывается белой тканью. А мужчина в случае смерти жены подвязывается белым поясом. И еще одна особенность, которая всегда соблюдается. Умершего укладывают дома на специальном дощатом помосте головой в сторону выхода, к дверям. Выносят покойника из дома тоже головой вперед. Проходя каждую дверь, три раза делают поступательные движения вперед и обратно. Объясняется этот обряд тем, что если духи живых стремятся выйти вместе с мертвым из дома, то он своими

ногами со всей силы вталкивает их обратно в дом. Если же будут выносить, как у русских, ногами вперед, то при выносе мертвый поднимет (условно) руки за голову и схватит идущих за ним людей, чтобы унести их души в потусторонний мир. Поэтому и в настоящее время строго соблюдается установленная с древнейших времен традиция: выносят покойников всегда головой вперед, чтобы они увидели в последний раз тех, кто остается дома, в живых.

Между тем шаман велел своим помощникам войти в эту глубокую дыру. Добрые духи один за другим стали спускаться по наклонной. Они летели вниз с такой скоростью, что в ушах стоял полный звон и шум. Наконец спустились до самого низа. При соприкосновении с поверхностью этой далекой страны, откуда никто не возвращается в том виде и обличии, в каком был в мире Илу — Поднебесной, где светит на всех яркое и теплое Солнце, поднималась из-под ног белая, как молоко, пыль — пыль веков и тысячелетий, где никогда не дуют ветры, не бушуют ураганы. Здесь недалеко от спуска в Буну висела серебряная колыбелька на длинной, такой же серебряной цепи, спускающейся откуда-то с далекой высоты. Дух Майи лежал в этой колыбельке. Она была опутана нетолстыми серебряными цепями. Открытыми глазами панян девочки смотрел на страшных злых духов, укачивавших ее, чтобы заснула скорее. Но она билась, вырывалась, однако не могла освободиться. Здесь шаман прикрикнул на своих помощников:

— Давайте быстрее освобождайте панян Майи, не дайте ей уснуть! Если панян девочки уснет, то Майя умрет в действительности. А другие добрые духи мои, отгоните этих амбанов-чертей, чтобы их не было тут!

Услышав это приказание шамана, взмыли над люлькой большой орел с железным клювом, ястребы, скопа и стали клевать, рвать клювами серебряную цепь, на которой висела люлька с духом Майи. Орел несколькими ударами острого

клюва перерубил одно звено. Чтобы люлька не ударилась о поверхность Буни, птицы, ухватив накрепко своими острыми когтями, бережно опустили ее вниз. Подойдя к люльке, медведь разорвал все путы и освободил дух Майи.

— Давайте заворачивайте девочку в парчу и шелка! А этих амбанов-чертей и злых духов связывайте накрепко, чтобы унести их за девять высоких гор, за семь морей-океанов и утопить в пучине вод. Только дух девочки несите аккуратно, хольте ее, оберегайте ее. Добрые духи мои, не отставайте, помогайте друг другу, подъем очень далекий и скользкий. Давайте быстрее, давайте быстрее! Скоро мы выйдем из ворот Буни...

Так пел шаман, выводя из Буни всех своих сэвэнов-бурханов, в которых вселены добрые волшебные силы. Вот они уже добрались до знакомых мест, вот пролетают над родным могучим Амуром... Наконец, родное село...

Здесь шаман просит сторожей и охранников, чтобы они открыли ворота, сделанные из золота и серебра, за которыми он содержит духов всех живых людей, которых он когда-то спасал. Они содержатся здесь под строгим специальным присмотром помощников шамана.

Под самый конец он наказывает всей обслуге своих шаманских яслей, чтобы они берегли и холили эту слабую девочку:

— Она испытала очень страшное и мучительное. Укладывайте ее в волшебную колыбельку, чтобы она пришла в себя и окрепла.

Этими напутствиями своим помощникам шаман закончил камлание. Зажгли свет. Майя сидела на нарах. Увидев маму, она попросила поесть.

— Бедная моя доча, ты чуть не умерла. Ты почти два дня ничего не ела, бредила, — говорила Онга, подавая дочери бода в пиале и кусочек юколы. — На, поешь.

— Да, она могла умереть, если бы там, в Буни, уснула, когда укачивали ее амбаны-черти, — подтвердил Пилха.

Все дело в том, что, когда злые духи крадут у живого панян и уносят в потусторонний мир, человек заболевает. И, принеся панян в Буни, черти глумятся над духом живого. В это время человек находится в предсмертном состоянии. Тогда черти укладывают панян человека в такую же люльку, в какой был дух Майи, начинают усыплять его. Когда опутанный цепями дух заснет, человек умирает. Но потом дух в Буни просыпается и делается уже очень маленьким, величиной с комарика, в виде человечка с таким же обликом, как у умершего. Теперь его даже соломинка удерживает на весу в белом как молоко мире Буни. Так рассказал Пилха всем после камлания.

Глава 5

Краденый ребенок

Нанайцы не умели правильно произносить русское имя Вера. У них всегда получалось Бяра. И вот однажды в селе появилась худощавая, стройная и очень подвижная девушка. На вид ей было лет двадцать—двадцать три. А по паспорту—двадцать восемь. Она всегда разговорчивая, приветливая. Жила у шамана Моло Оненко. Он доводился ей каким-то не очень далеким родственником.

Слухи похожи на стаю воробьев. Если где-либо появятся зернышки или другая еда, они тут же прилетят и начнут галдеть, чирикать, будто рассказывая друг другу последние новости. Так же и тут. С появлением Бяры в деревне женщины шушукались и передавали друг другу были и небылицы о ней. Причем слухи разные. Однако самым что ни на есть правильным из них был такой.

Вера была продавцом в магазине соседнего села Гасси. Все шесть лет работы обходились без каких-либо растрат. Но тут при ревизии обнаружили недостачу на сумму более

двух тысяч рублей. А в то время эта сумма считалась достаточно большой, погасить ее быстро она не могла. Дело закрутилось: проверки, комиссии, но недовольства оказались недостатками. Тогда передали дело в суд и присудили три года, которые отбывала она полностью ни за что ни про что. Фактически же произошло следующее. Когда Вера получала товар, грузчики не догрузили ей в самоходную баржу шесть мешков сахара, два ящика сливочного масла, четыре ящика водки и какое-то количество промтоваров. А документы получила на полный отпуск товаров. Вера же по своему национальному характеру и такой же бесшабашной доверчивости не проверила при погрузке и выгрузке товаров. Все это вылилось в сумму, которую ей пришлось оплачивать в местах не столь отдаленных. Сейчас она стала грамотной, подкованной, разбиралась во многих житейских вопросах, даже уголовного права.

Увидев на селе новенькую, молодые парни пытались ухаживать за ней, но у них не получались определенные отношения. Она играла с ними, шутила, иными словами — морочила им головы, зная, что у них на уме все одно...

Как-то раз пришел в дом Макто к двоюродной сестре Тойле Дазу Гейкер. Шел он в вечернее время, оступился и неловко упал на что-то левым плечом. От этого рука в верхнем суставе не двигалась, сильно болела при попытке пошевелить ею. Он знал, что его двоюродная сестра может поставить на место сустав, если он по какой-то причине сместился в сторону. Об этом знали и многие жители села. А получила эту известность костоправа Тойла потому, что однажды помогла жеребенку. Когда тот родился, он не мог вставать. Может, оттого что лошадь наступила случайно на ножку дитя своего, или что другое? Задняя ножка лежала как-то не так, с выворотом в сторону. Женщины, ухаживающие за маленькими жеребятами, пытались поставить этого малыша на ноги, но он падал.

В тот день Тойла ходила в магазин за хлебом. Тропинка шла мимо конюшни. Пастух лошадиного стада, он же и конюх, стоял возле ворот. Дянгтари, а по-русски он именовался в паспорте Захаром, увидев идущую тетку, обратился:

— Сестра, посмотри, что с ногой у жеребенка, он не может встать.

Тойла никогда до этого не вправляла суставы, если случился вывих. Но сегодня как будто ждала этого приглашения и с легкостью пошла за двоюродным братом своего мужа. В яслях лежала жеребенок-девочка, ее кормили. Тойла подошла.

— Эгэ, сестра, не надо трогать, девочка не может встать, у нее ноги больные, — захлопотали две женщины, находившиеся здесь. Но шедший позади Дянгтари сказал:

— Пускай, пускай посмотрит.

Тойла погладила жеребенка, дотронулась до больной ножки, начиная от самого копыта ощупывала ее. При этом сгибала ножку в запястье то назад, то вперед и в стороны. Потом перешла к коленному суставу. Там тоже не обнаружила ничего подозрительного. А тазовую часть, где соединяется нога, ощупывала долго и аккуратно. При этом что-то все бурчала себе под нос. Затем, выворачивая ножку одной рукой, другой надавила под углом к тазу. Раздался внутри какой-то звук, похожий на глухой хлопок или щелчок. В этот момент жеребенок вздрогнул, подпрыгнул и встал на ноги.

— Ой, какая ты молодчина, сестра Тойла! Ты прямо как конский доктор! — загоготали бабы.

С тех пор и стали называть ее «конским доктором». Конечно, это было без обиды, без каких-то намеков на плохое. И каждый раз, когда у кого-нибудь случалось подобное вывиху, сразу приходили к тетке Тойле за помощью. А женщины, обрадовавшись, сказали:

— Мы назовем жеребенка-девочку Тойлой! Согласна, сестра?

— Ну и называйте, — ответила Тойла и пошла к выходу из конюшни.

— Как там с жеребенком? — спросил Дянгтари, убиравший навоз у ворот.

— Поправила. Вывих был.

Войдя в дом, Дазу поздоровался, крепко прижав левую руку к телу.

— Сестра, посмотри, что у меня с рукой? — И рассказал о том, как это случилось.

— Мать твою... Ты, наверно, водку пьешь и кувыркаешься?

— Да что ты, сестра! Шел домой абсолютно трезвый, упал — вот и случилось...

— Ладно, дай пощупать, — подошла Тойла к Дазу, сидевшему на табуретке. — Конечно, вывих. Ты терпеть-то можешь?

— Смогу.

— Вот и терпи... — сказав это, Тойла стала приподнимать высоко его левую руку. А Дазу, сидя на табуретке, морщился, кряхтел и даже приподнимался.

— Сиди! — прикрикнула на брата сестра и, когда рука оказалась над головой Дазу, она чуть повернула ее в сторону.

В этот момент Дазу ойкнул и почувствовал какой-то удар в плечо. Тут же боль исчезла, и он уже сам шевелил рукой.

— Ну что, больно?

— Теперь уже нет.

— Вот бы давно женился, жена не дала бы тебе бродить по деревне дотемна. Тебе уже сколько?

— Сорок два года.

— Видишь, какой уже старый стал.

— Сестра, я не старый. Просто за меня никто не хочет идти. Вроде я работающий. Правда, медлительный, но все могу делать.

— Насчет этого ты, конечно, молодец. Да вроде ты и не куришь?

— Да так, иногда могу побаловаться. А по-настоящему не курю.

— Говоришь, никто не идет?! Вон, Бяра, новенькая, которая приехала недавно — чем плохая? Подойди к ней, поговори, и понравится ей. А там и согласится выйти за тебя замуж. Ты же человек неплохой, а до сих пор не женатый. Вот постареешь, тогда совсем никого не найдешь. Понял?

— Понял, сестра.

Дазу — человек всегда улыбчивый и абсолютно безвредный. И нет у него этой лихости, чтобы подойти к женщине и заговорить о чем попало, лишь бы поболтать. Этот недостаток смущает его перед женщинами. Об этом Дазу сам знает и чувствует, что нельзя быть с женщинами слишком стеснительным. Но побороть это свое чувство никак не может и потому остается столько времени холостым. А вот слова сестры Тойлы запали ему в душу.

После этого случая Дазу не заглядывал к сестре более месяца. Тойла уже забыла, что вправляла брату вывих руки. Но однажды Дазу зашел в дом Макто. Это было за час до захода солнца. Хозяин дома ел за столом уху из свежих карасей. А дети, в том числе и Коачика, кушали за другим столиком. Дазу поздоровался и поставил на стол бутылку водки. Тойла со старшей дочерью Кумбикэ резали талу из свежего сазана на низеньком разделочном столике на коротких ножках, стоящем на полу.

Дазу приоткрыл дверь и позвал:

— Вера, где ты, зайди.

Через мгновение в дом вошла девушка. Это была та самая Бяра, о которой говорила сестра Тойла.

— Наконец-то, сестра и дядя Макто, мы с Верой решили зайти к вам. Мы с ней поженились. В тот раз ты, сестра, наладила мне руку — большое спасибо. А то как бы я жил

и работал, если бы не помогла мне, — говорил Дазу. Вера тоже была чуть выпившая, как муж.

Этим временем Кумбикэ с матерью нарезали две тарелки талы с горочкой. Одну тарелку этой вкусной и сытной еды разделили всем детям. А другую поставили в центр стола. Дазу разлил водку в стопочки, которые подала Кумбикэ, выпили и стали есть. Вера орудовала двумя палочками-сарби не хуже любого мужика. Потом выпили еще, поговорили, и уже поздно вечером ушли к себе домой молодыены.

— Только живите дружно. У вас, молодых, и дети пойдут скоро, — такими словами проводил их Макто.

Но прошло семь долгих лет, а у Дазу и Веры не было детей. Они очень желали их и как-то, не сговариваясь, начали звать друг друга Дуэрэкэ амини, Дуэрэкэ энини, что означает «отец Дуэрэки», «мать Дуэрэки», будто у них есть ребенок по имени Дуэрэкэ. Люди знали, что у них нет детей, но тоже, как увидят Дазу и Бяру, стали звать их не по именам, а так, как они сами себя нарекли. Это, в общем-то, было забавно.

Шел месяц пойканко — сентябрь. Кета должна была подойти со дня на день. Зашел к Макто Дазу. Тойла тоже была дома.

— Дядя Макто, если у тебя есть нитки, дай немного — починить сетку. А то ведь скоро кета подойдет, а у меня сетка еще не налажена.

— Хорошо. Нитки дам. А когда сделаешь себе ребенка?

Тойла услышала шутливый тон мужа и, подойдя к Дазу, сказала:

— Вы хоть бы к шаману обратились, что ли, к Пилхе. Может быть, он поможет вам. А то проживете так, и детей не будет у вас. К старости кто присмотрит за вами, кто хоть ковшик воды подаст? Подумайте.

Время кетовой путины проходит весело, шумно и быст-

ро. Люди уже успокоились после напряженного труда. Впереди муйрэ — октябрь, месяц, когда охотники собираются в тайгу на долгий зимний сезон.

Пилха тоже уходит в тайгу. Однако одна нога без ступни не позволяет ему ходить далеко за зверем и пушниной. Он ставил капканы недалеко от жилья — палаток, и ходил с ружьем по сплошным кедровникам. Ему тоже попадались кабаны и другие копытные животные, даже медведи. Поэтому из тайги без добычи не возвращался. В этом октябре он тоже собирался в тайгу вместе с односельчанами-промысловиками. Узнав об этом, Дазу пришел к Пилхе. Получив согласие, к вечеру привел свою жену в дом шамана.

На этот раз Пилха надел свой шаманский халат с узорами и стал камлать. Как обычно, подозвал всех своих добрых помощников и велел им осмотреть, все ли у Веры в порядке, все ли хорошо, как у нормальной женщины? Через какое-то время он спросил:

— Бяра, ты видела такой сон, будто пошла на двор по маленькому и, как села, выронила что-то круглое, как яйцо?

— Да, как только сошлись с Дазу, — подтвердила Вера. — А когда встала, хотела взять в руки — этого яйца не было.

— Это было не яйцо, а твоя омиа. Ее у тебя украл шаман, который живет у берегов моря, для своей дочери. При всех своих женских достоинствах сейчас ты — как мужчина. И никогда у тебя не произойдет зачатия ни от Дазу, ни от других мужчин, если я сейчас не сумею выкрасть для тебя омиа у какой-нибудь другой женщины.

Так пел шаман в своем камлании. В нанайской мифологии существует понятие, что души неродившихся детей в виде птиц, зверей, каких-то насекомых сидят на ветках родового дерева. А это дерево существует в душе, организме самой женщины. Перед зачатием ребенка женщина видит опережающий событие сон, что якобы она поймала птичку,

зверушку, змея или другое живое существо, которое опустилось на землю.

Затем шаман со всей своей свитой направился через семь марей, через девять хребтов в сторону моря-океана. И шел дальше:

— Пощадите меня, намунканы — удэгейцы, орочи, живущие у шумливых волн и вольных ветров, я пришел сюда не по своей воле, а по року судьбы болеющей и страдающей женщины. Для нее мне надо найти на берегу моря-океана камушек, чтобы она играла им и выздоравливала. Ей это очень нужно, ей это очень надо...

При этом он не сказал прямо о поводе своего появления.

Со своими помощниками шаман пролетает вдоль берега моря. Не находит нужного объекта и удобного случая, чтобы совершить свою миссию: все нет да нет, все нет ничего. Наконец шаман увидел на берегу моря у лесочка стоит хомаран — шалаш из бересты. Внутри спит беспробудным сном беременная женщина. Муж, по-видимому, ушел в тайгу за зверем.

Шаман дает команду своему помощнику — змею с золотыми и серебряными чешуйками, чтобы он очень осторожно и незаметно достал у женщины зачатый омиа. Змей проскользнул в чрево спящей красавицы и вскоре выскочил с драгоценным омиа в пасти.

— А теперь давайте уходить отсюда поскорее, пока не заметил нас здешний шаман. Если заметит, будет беда — начнется вражда двух шаманских сил. А это очень опасно и очень страшно! Быстрее укутайте омиа в самые теплые и нежные пеленки, укройте шелковыми, парчовыми одеялками и уложите в золотую люльку-колыбельку...

Затем шаман возвратился не той дорогой, а другой, чтобы ввести в заблуждение злых духов и, если пустятся в погоню, других шаманов с морского берега. Через считан-

ные минуты похитители прибыли в свои места. Теперь шаман пел:

— Ну, моя дочь, посланница Неба и Солнца, я достал для тебя омиа. Вкладываю его в тебя, и в нужный срок и в нужный момент у тебя родится сын с чуть удлинненным лицом и густыми черными волосами...

Спустя какое-то время после камлания шамана Вера почувствовала, что забеременела, и через девять месяцев родился у них с Дазу мальчик точно такой, каким предсказывал бесстопый шаман.

Это чудо! Этому чуду нет никакого объяснения!

Дазу и Вера были рады бесконечно. Чтобы отблагодарить шамана, чтобы он попросил во время камлания у Неба и Солнца здоровья и счастья для первенца-сына, они купили у людей трехмесячного кабанчика. Затем, пригласив Пилху, принесли поросенка в жертву. После камлания провели обряд поклонения Небу и Солнцу, чтобы ребенок рос, не чувствуя невзгод и тревог, и вырос большим.

А позже, когда Дазу со своей женой и сыном пришли в дом Макто показать сына и отблагодарить их за добрый совет, сестра Тойла рассказала им о том, какой омиа она поймала перед тем, как зачать сына Коачику.

— Сплю и вижу такой сон: будто во дворе моя мама бежит за павлином. Птица была очень красивая. У павлина хвост веером. На нем, длинном хвосте, виднелись разноцветные растопыренные перья с такими же разноцветными, как шарики, кружками. На высокой голове, как корона, разноцветные перья, тоже с красивыми кружками. Он убегал от моей матери. Бежал, растопылив красивые крылья. Я глядела на это в окно. Но тут быстро выскочила на улицу и сказала матери:

— Дай я поймаю, он тебе не дастся!

Подбежала к нему, а он встал на одном месте, будто не

боится меня. Подошла к нему, взяла его в руки и занесла домой. Вслед за мной заскочил в дом старик Капока — это старший брат моего мужа Макто. Он сильно шепелявил, у него был такой голос. Говорит:

— Дайте мне его, дайте мне жар-птицу: я знаю, у него есть в хвосте одно перо! Надо его выдернуть! Если не выдернуть, он может улететь!

Тут он, Капока, подошел ко мне, искал в хвосте жар-птицы то перо и выдернул. Я отпустила павлина на пол, он ходил по дому, будто жил тут все время. После этого сразу забеременела и родился мой Коачика.

Да. В мифологии нани именно так приходит омиа к женщине во сне перед тем, как заложится в ней новая жизнь — жизнь нового человека, чтобы продлился ее семейный род. А это значит — неугасаемая жизнь во Вселенной.

Глава 6

В погоне за сохатым

Это было давно. В ту пору старшему брату Макто Ивану только минуло восемнадцать лет. Был он невысок и сухощав, в нем горел молодой азарт.

Однажды Макто, охотясь на лугах, ранил большого сохатого — быка. Кровоточа с обоих боков, зверь уходил через широкие луга. Солнце перевалило за зенит и стало опускаться в сторону Пэрхи — Запада, чтобы там, вдалеке, уйти за линию горизонта. Решив вернуться домой, Макто огляделся, определил направление пути сохатого, дабы завтра приехать сюда на собачьей упряжке и снова начать преследовать зверя. Добрался домой усталый, еле волоча ноги. Время позднее. Зайдя в дом, он увидел своего старшего брата Ивана. Раздевшись, рассказал ему о раненом сохатом. Тогда у Ивана голос был нормальный, чуть грудной, напевно-басистый.

— Надо бы завтра пойти вдогонку, — сказал он младшему брату, которому исполнилось всего шестнадцать лет, но он уже считался опытным охотником.

— Конечно, надо. Я знаю, куда он пойдет. На собачьих упряжках поедem почти до того места, где он будет пастись. А там — пешком. Вот только бы Гакано предупредить, чтобы и он поехал с нами.

Макто Бельды и Гакано Киле дружили с самого детства и охотились тоже всегда вместе. Редко ходили порознь, как сейчас.

— Ничего. Я пойду домой, найду к нему и скажу об этом. Только когда будем выезжать?

— Слишком рано — будет холодновато. Подождем, когда солнце чуть-чуть поднимется над верхушками деревьев. Скажешь Гакано, что надо на собаках подъехать ко мне.

Макто, хотя и чувствовал сильную усталость, в топящейся печи плавил свинец и в специальной формочке отливал пули для своей берданы. Брату Ивану решил дать свое одноствольное ружье шестнадцатого калибра. Для этого ружья делал круглые шарики картечи. Приготовив все это, он лег спать.

Утром Тойла проснулась рано. Растопив печь, напекла толстых пышных лепешек мужу в дорогу, собрала для него юколы и еще кое-чего. После вчерашнего тяжелого дня он спал глубоким сном на спине и громко храпел. Но перед тем как проснуться, запел во весь голос. Он спал и пел, да так пел, что заслушаешься, как настоящий поэт — все срифмовано на концах, да и слова-то в строчках все начинались с одной буквы:

Хуон хурэмбэ хуэлидуи, Переходя девять высоких гор,
Хургий хурпуэкэнди хупикэи. Играл на своей гремучей
хурпуэкэн.

Надан няромба надидуи, Когда бродил по семи марям,
Надан наондэамба налакаи... Семь быстроногих мэргэ-
нов оставил сзади...

Потом, вдохнув глубоко, с шумом прерывисто выпустил воздух из легких: си-си-си. Затем, вздрогнув, спросил:

— Хай? Что? — открыв глаза, поднял голову: — Брата Ивана еще нет?

— Пока нет. Отдохни еще.

Но Макто встал уже бодрый и энергичный.

Тойла поставила на стол миску клубящегося паром пыльного супа с сазаном. Тут же стояла пиала с бодой, рядом лежали золотисто поджаренные лепешки.

— Умойся, иди садись кушать: твои товарищи, наверное, уже скоро подъедут. Я тебя специально не будила, чтобы ты отдохнул получше.

Макто подошел к жене и поцеловал ее по-нанайски в пылающую от печки щеку, сел за стол есть.

Покушав, быстро оделся и вышел, чтобы приготовить в дорогу все: нарту, запрячь в упряжку собак, взять из кладовой парусину, веревки и все остальное, что может понадобиться на охоте. К этому времени подъехали Гакано и Иван, каждый на своей собачьей упряжке по три крупных нартовых пса. Увидев собак Макто, все они, скаля клыки, стали рычать, громко лаять, дескать, попадись в мои зубы — сдеру шкуру со спины, начиная от лба до самого хвоста. И каждая скалила зубы, показывая — вот, видите, какие они у меня острые! Только попадитесь...

Макто вынес ружья, бердану с кулечком еды завернул в парусину, а гладкоствольное отдал брату Ивану. Через мгновение собаки рванули с визгом и воем, нартолетели, оставляя позади снежные вихри. Расстояние преодолели почти за два часа до торосистой неровности протоки Актар, куда, как предполагал Макто, уйдет сохатый. Еще не добравшись до противоположного берега Амура, охотники увидели на снегу ярко-красные точки крови. Сохатый шел в Актар, и след его вел вверх по высокому крутояру берега этой протоки.

Впереди виднелась неширокая проточка, отходящая от Актара как раз в ту сторону, куда направился зверь. Остановив собак, Макто сказал, что надо оставить нарты где-то на этой протоке. А затем, взяв по одной собаке на поводке, идти по следу.

Оставив упряжки и нарты, охотники поднялись на берег, где полосой росли тальники, а за ними открывался редкий лес с низкими кустарниками карликового березняка, который обычно растет вблизи марей и на них, но реже, островками. После недолгой ходьбы обнаружили след зверя. Он пасся, потому его шаги были короткими. Часто след уходил то влево, то вправо: сохатый искал съедобные ветки и листья, оставшиеся на деревцах.

Увидев след, не дожидаясь команды о том, как следует действовать в дальнейшем, Иван ускорил шаг. За ним на поводке шла собака. След вчерашний, ночной, и потому снег был застывший, твердый. Иван шел быстрыми шагами более получаса, оставив сзади своих товарищей. Наконец он обнаружил лежку зверя, а за ней свежий след: сохатый, лежа на боку, спал, положив голову на снег. Ухом, прижатым к снегу, слышал скрип шагов идущего человека — зверь даже во сне осторожен: таков инстинкт борьбы за выживание в природе. Пощупав снег рукой, Иван убедился, что длинные прыжки зверь сделал только что, недавно. Он отпустил собаку с поводка, которая уже до этого была беспокойна. Освободившись, пес рванул вперед с тоненьким визгом и скрылся в чаще. Хозяин тоже пустился бежать. Иван был очень подвижным и потому бежал легко. Невысокие кусты преодолевал в прыжке, как заяц. Раздался лай собаки в широкой, длинной лиственной роще, стоящей посреди мари. Иван побежал еще быстрее. На правом боку болтались деревянные ножны с ножом и бились о приклад ружья, которое он держал в руке на этой стороне. Когда Иван подбегал к этой роще, собаки Макто и Гакано проскочили мимо него и помчались туда, где

заливался в лае его пес. Не прошло и трех минут, как все три собаки дружно шумели на весь лес.

Оказалось, собака Ивана не была приучена к охоте на крупного зверя. Она, как домашняя шавка, нападала на сохатого не спереди, хотя это для нее очень опасно, а сзади или с боков. Тем самым не останавливала бегущего зверя, а, наоборот, подгоняла его. И только подбежавшие псы остановили сохатого у узенького ключа на полянке с низкорослой сухой прошлогодней травой, где не было никаких кустов. Иван издали увидел, как сохатый крутился на месте, отбиваясь от собак то копытами, то широкими ветвистыми рогами. Но он не попадал в них, так как те умело и ловко отпрыгивали. У сохатого от быстрого бега и напряжения открылось кровотечение из раны. Но он бился с яростно нападавшими собаками, несмотря на хлещущую кровь, и от этого не обращал внимания на бегущего к нему человека. Оказавшись метрах в пятидесяти, Иван поймал удобный момент и выстрелил. Вслед за прогремевшим звуком зверь сразу свалился, как-то неловко запрокинув голову. Подойдя к сохатому, Иван увидел, что из его уха бежала кровь — жиган попал именно туда и сразу оглушил его. Отогнав собак, которые продолжали нападать на зверя и клочьями вырывали у него шерсть, Иван увидел в узеньком ключике проталину, где, колыхаясь как бы от слабого кипения, появлялась из-под земли хрустальная вода. В горле было липко и сухо, сильно хотелось пить. Увидев ключ, он сразу же спустился к нему, наклонившись, пил казавшуюся сладкой воду до тех пор, пока полностью не утолил жажду. Все тело было мокрое. Нателное белье неприятно прилипало к спине и плечам. От выпитой холодной воды Иван почувствовал в желудке студенистое ощущение.

Поднявшись снова на поляну, увидел подходивших товарищей.

— Ну ты и бежал, брат! — с ухмылкой произнес Ма-кто. — Разве так можно? Сейчас ты весь мокрый от пота.

Зверя надо брать умеючи, хитростью, а не бегом. Хорошо, взяли собак. А без них мы вряд ли догнали бы его сегодня.

Передохнув немного, приступили к разделке. У опытных охотников все получалось легко и быстро. Иван подсоблял им.

Разделка длилась недолго. Теперь туша большого быка лежала на неглубоком снегу, как голая. На темно-красном теле животного виднелись белые сальные отложения.

— Ну и как теперь поступим? — будто советуясь с товарищами, спросил Макто. Не дожидаясь ответа, тут же добавил:

— Может быть, его разрубим, поделим на три части, и каждый уложит свою долю на свою нарту, да пойдем?

Гакано и Иван согласились с этим предложением.

Солнце стояло высоко, когда охотники пошли за оставленными нартами и собаками. Ключик, из которого пил воду Иван, как раз уходил туда. Поэтому охотники пошли по нему, чтобы вновь не продираться через кусты и не утопать в рыхлой мари. Затем, вернувшись уже на упряжках, быстро погрузили в нарты каждый свой пай и направились в обратный путь. Макто забрал голову сохатого с раскидистыми рогами.

Иван еще там, где разделявали зверя, стал кашлять. Кашляя, он сип все больше и больше. Добрался домой сильно простывшим и несколько дней не мог даже вставать. А когда поправился, голос у него остался сиплым уже навсегда. Сказалась та ключевая подземная вода, которую он выпил в большом количестве в распаренном, разгоряченном состоянии всего организма.

Народ никогда не страдал отсутствием юмора и всегда высказывается точно, к месту. Вот так же и тут: кто-то сказал, что шепелявит он потому, что у него гортань передавлена, то есть по-нанайски «капока». Вот с тех пор и приклеилась к нему эта кликуха и наконец стала его нарицательным именем. В разговорах порой люди даже терялись, если скажут «Иван». Тогда недоуменно переспрашивали: «А кто

такой Иван?» Но когда пояснят, обязательно удивятся: «А-а... это дедушка Капока!...»

Вот так и получилось у Ивана второе имя, теперь уже ставшее настоящим.

Чудеса да и только.

Глава 7

Запретить — и точка!

С тех пор как Пилха в доме Сэну Бельды со своими духами-помощниками искал на войне следы пропавшего Оги, прошла всего одна неделя. Начика пошла в магазин за хлебом. Проходя мимо почты, услышала стук в окно и оглянулась. За окном стояла начальница почты и махала Начике рукой, мол, зайди. Женщину охватило беспокойство и страх: может быть, похоронка пришла. Открыв дверь, переступила порог в немом ожидании страшного сообщения, но хозяйка почты взяла со стола треугольный конверт и подала ей:

— На, сестра, письмо от твоего Оги...

Начика от неожиданного сообщения, взяв письмо, поцеловала его, задрожала, на глазах ее выступили слезы:

— Что в этом письме? Когда написал? Кого найти, чтобы прочитал?

— Сестра, если хочешь, дай я прочитаю. Только открой сама и дай.

Письмо было написано на нанайском языке. Кроме Начики в помещении почты находились еще три женщины. Хозяйка стала читать:

— Здравствуйте, дорогие мои жена Начика, отец, брат Макар и все родственники, друзья, односельчане! Вместе со своей дивизией я прошел до Венгрии. Бои идут страшные. Но теперь я уже привык. Со всеми воинами мы рвемся впе-

ред, громим врага. Но так получилось, что при взятии одного сильно укрепленного здания я, проскочив в ворота, первым подбежал к дверям этого дома, чтобы ворваться в него и там, уже внутри, уничтожать немцев. Как только дернул ручку двери, раздался взрыв. Дверь была заминирована изнутри. От взрывной волны дверь вышибло со страшной силой, и она ударила в мою руку так, что на кисти правой руки сместились кости. Я отлетел в сторону, лежал без сознания. Пришел в себя в венгерском госпитале. Сейчас нахожусь на лечении. Контузия головы проходит, вот только на правой руке фаланговые кости не могут поставить на место. Не знаю, что будет дальше. Пишу очень коряво левой рукой. А так у меня все нормально. Выйду из госпиталя, снова пойду бить гадов...

Все женщины слушали внимательно. Когда письмо было прочитано до конца, они заговорили, начали спрашивать друг друга, так как в письме оказалось много незнакомых им слов. Главное — радовались, что Ога жив.

Эта весть облетела все село с молниеносной быстротой. Говорили, что шаман — это посланник неба, у которого такие способности, что ни один из обычных простых людей не обладает ими. А может, рассуждали другие, повлияло и то, что Начика и отец вот уже который раз умоляют и просят небо уберечь Огу от всех бед, нелепых случайностей, которые могут случиться ежеминутно, ежечасно в таком крошечном аду, как война. Каждый раз, чтобы пригласить шамана, они растили то поросят, то петухов. Таким образом уже побывали в доме Сэну шаманы Моло Оненко, Ёко Оненко и женщины, могущие исполнять обряд шаманского моления, Лингде Бельды и Наоя Пассар. Многие люди знали то, что предсказывал Пилха Бельды, когда камлал у Начики в последний раз. Потому с нескрываемым удивлением восторгались:

— Вы посмотрите, с какой точностью предсказал Пилха об Оге! Это же надо так! И как после этого не верить шаману,

не верить в его магические способности? Уму непостижимо! Это сверх всякого понимания...

Рассуждая так, женщины с возмущением вспомнили, что буквально дня два-три назад работники сельского Совета приходили вечером в дом Лингде, когда она камлала, и забрали у нее все атрибуты. Находившиеся у шаманки люди были крайне возмущены поведением сельсоветских работников. Они ругались и говорили, что это — великий грех, и неминуемо повлечет за собой несчастье. А Дохоло Бельды, хромой сухощавый колхозник, драчливый и психоватый, вырвал у Николая — председателя местной власти, бубен и ударил его кулаком в грудь. Тут рядом находилась секретарь Николая Тамара Бельды. Она вмиг оказалась возле Дохоло, неожиданным рывком вырвала из его рук бубен и выбежала на улицу...

— Ты чего меня бьешь? — возмутился Николай. Он, чувствуя свое начальственное положение, хотя и готов был сцепиться с Дохоло, не стал усложнять ситуацию. Нет, не потому, что знал силу рук Дохоло, а из-за уверенности в своей правоте. Не зря ведь вызывали его с секретарем сельского Совета в районный центр и давали «ценные указания»: дескать, надо бороться с такими пережитками прошлого, как шаманство, поклонение идолам и т. д. При этом не забыли предупредить, чтобы отобранные шаманские атрибуты, сэвзы и другие предметы шаманского пользования привозили в райцентр для наглядной убедительности степени борьбы на местах с этим отсталым явлением. Но сейчас Николай думал не об этом, а о том, как наказать Дохоло за рукоприкладство, чтобы случившееся послужило наглядным уроком не только для хромого колхозника, но и для других, кто продолжает обращаться к шаману по любому поводу и без такового. Теперь по своей привычке Николай посмотрел на Дохоло исподлобья, чуть повернув голову, и продолжил:

— С тобой завтра милиционер будет разбираться. Вишь, раздухарился! — И, открыв дверь, прежде чем шагнуть за порог, обернулся вполоборота, добавил:

— А шаманить — прекращайте. Все равно не дам.

— Николай! Ты что, не нанаец? Как только стал председателем сельсовета, ты очень изменился. Все верования и традиции предков сразу забыл? Какой позор! Тьфу-у на тебя... — кричал Дохоло вслед закрывающему дверь Николаю.

С уходом работников сельского Совета бабушка Лингде не впала в уныние. От души выругавшись по-нанайски, она, шаркая своими домашними узорчатыми и довольно истрепавшимися тапочками, пошла за печку, где стоял старенький самодельный столик из досок, на котором беспорядочно лежала посуда, а под ним находился большой оцинкованный бак для кипячения белья. Она взяла крышку от бака, перед печкой нашла круглую палочку и только после этого вернулась на свое прежнее шаманское место. Затем попросила потушить свет. Несколько раз ударив палочкой по металлической крышке, которая издавала непривычный, режущий ухо звук, запела:

— Гэ-э, хэгэ-гээ... Пускай забрали мой бубен, мои янга-побрякушки, но мои помощники-сэвэны — куда они денутся от меня? Кто где спрятался, кто где притаился, выходите, придите ко мне. Начатое дело надо довести до конца, и пойти в Буну за духом больного ребенка. Мы уже прошли большое расстояние до подземного мира, куда унесли черти дух нашего ребенка, осталось немного. Будьте внимательны, смотрите зорко и идите по следу, не теряйте его...

Так разговаривала шаманка со своими помощниками, так подгоняла их и предупреждала, чтобы они были чуткими и бдительными. Преодолев все ухищрения и препоны чертей, шаманка с трудом добралась до Буны, искала там среди

множества других духов дух того ребенка, родители которого пришли к Лингде за помощью. Найдя, шаманка для опознания стала перечислять все родимые пятна, ранки, которые когда-то получил ребенок, и другие его приметы. Родители подтвердили перечисленные приметы, они совпали все до единой. После этого шаманка подошла к одежке ребенка, которую принесли с собой родители и положили на кровать, наклонилась над ней и, как бы кусая что-то, словно львица, прорычала несколько раз.

Такое действие обычно совершают все шаманы в момент отнимания духа больного у злых чар. Если камлание идет в доме больного, то шаман, вроде бы кусая его и рыча, наклоняется над ним. Но если родители идут к шаману без больного, то обязательно для этой процедуры берут с собой какое-нибудь одеяние заболевшего.

Таким образом Лингде довела начатое дело до конца. Успокоилась только тогда, когда дух ребенка был помещен в ее «ясли» — саола (больших размеров жбан), куда не может проникнуть ни один злой чародей, потому что жбан охраняется помощниками шамана.

Наконец зажгли свет. В небольшом низеньком домике шаманки ощущалась какая-то пустота. Такое же чувство пустоты было не только у Лингде, но и у всех, кто пришел в этот вечер на ее камлание. Оно подобно тому, когда кто-то из членов семьи вдруг неожиданно покинет свой обжитой угол. Тогда в первую очередь появляется ощущение нехватки, недостачи привычного, гармоничного, которым было связано все содержание и существо дома. Так же и тут: появление незваных гостей изменило частично гармонию в доме и привычные взгляды людей.

— Раньше Коля не такой был. Мы с ним в одной бригаде рыбачили. Бригадиром нашей комсомольско-молодежной бригады являлся Дося Петрович Бельды. Коля любил шутить, всегда помогал своим товарищам... А тут — что с ним

случилось? Не знаю, — начал разговор Дохоло, у которого, по всей вероятности, до сих пор не прошла обида на закадычного приятеля.

— Да. Он какой-то не такой стал. И с людьми не очень любит говорить.

— Правда. Как избрали его председателем сельского Совета, стал замкнутым и таким важным, что уже своих односельчан будто не узнает. Смотрит на нас, как ворона с высокого дерева.

— Только ли Коля стал таким? Да и Тамарку не узнать. Она тоже — все хиханьки-хаханьки. Что ни спроси — толком не ответит. А вот где что не так — требует, спрос предъявляет.

— А вот что они с шаманами так обращаются, это плохо, это грех. Шаман — это посланник неба, нездешних миров. Поэтому такое отношение к нему будет иметь недобрый конец.

Так рассуждали все, кто находился в эту ночь у шаманки Лингде. Тяжело переносят люди, когда меняются устоявшиеся привычки, образ жизни и другое наследие предков, на которых они вырабатывали свои убеждения и видение мира сего. Этот процесс трудный, изнурительный, а порой бесплодный, сломить сознание людей подчас невозможно. Это касается не только нани, но и других народов, независимо от их численности. Однако только потомкам дано право давать оценку того, что совершали тираны верований и вершители судеб народов. Они не могут быть в шкуре тех, чьи заботы и страдания им неведомы. А пока об этом рассудят время и люди, живущие в нем, испытывающие на себе эти перемены и страдающие от потери всего того, что волновало и окружало их. В том числе и их духовных, культурных ценностей, традиционных навыков и привычек.

На другой день в кабинете председателя сельского Совета участковый милиционер разбирался по вчерашнему

случаю. Он был русский, значительно младше Дохоло. Однако как блюститель закона он не чувствовал перед старшим человеком ни малейшей совестливости.

— Итак, Дохоло, что у вас случилось вчера? Расскажите, — обратился к Бельды милиционер.

— А что рассказывать, когда председатель сельсовета, наверно, уже обо всем доложил, — при этом Дохоло кивнул головой в сторону Николая, который сидел за своим столом. — Пускай еще расскажет, а я послушаю.

— Просят — расскажи. Что ты на меня киваешь? Вчера вон какой герой был. Давай рассказывай, — повернулся к Дохоло Николай.

— Бабушка Лингде шаманила, я ходил к ней. А что, нельзя ходить к шаманке?

— Шаманство запрещается, и шаманить нельзя, вам это понятно? — сказал твердо милиционер.

— Почему нельзя? Это наша вера! А что плохого делает шаман? Он никого не убивает, никого не обманывает. Наоборот, спасает больных людей. Что тут плохого?

— Спасает... Кого спас ваш шаман? Темнота-а... Короче, с вашим феодальным прошлым надо закончить. Меня поставили, чтобы я здесь следил за порядком и спокойствием людей. Значит, я здесь хозяин. А теперь собирайся на берег, поедem со мной в отделение на пятнадцать суток ареста, — с этими словами милиционер надел Дохоло наручники, сведя его руки сзади, — за хулиганские действия.

Дохоло изо всех сил сдерживал свой гнев. Он молча стискивал зубы, отчего на мускулистых скулах то резко выступали, то исчезали тугие желваки. Двигаясь к берегу, хромая на одну ногу, он все думал над последними словами милиционера: «Ишь какой хозяин нашелся! Сопливый пришляк! Я здесь хозяин, наши предки жили на этой земле с самого возникновения мира, со своей культурой, традициями и, конечно, шаманизмом...»

— Дохоло, ты куда? — прервал его мысли женский голос. Оглянувшись, он увидел свою жену, которая вчера вечером ушла ночевать к отцу. Она пошла приглядеть за его больной второй женой. Поэтому не знала о вчерашнем случае у шамки Лингде.

Милиционер хорошо знал эту невысокую женщину как депутата Верховного Совета СССР и как опытную звеньевую в полеводческой бригаде Дадинского колхоза.

— Здравствуйте, Нюда Николаевна, — улыбнулся милиционер и хотел сразу приступить к рассказу о дебошах Дохоло. Но женщина остановила его и отозвала в сторонку. Тем временем арестант неторопливо и молча ковылял к берегу. Подойдя почти вплотную к кромке воды, он увидел в ней чернеющую массу уже крупных мальков, которые, как сверкающие огни фейерверка, выпрыгивали из воды, спасаясь от ловящих их и снующих на отмелях хищников. А чуть поодаль по всей глади реки, нарушая ее покой, то там, то здесь выпрыгивали из воды чебаки, востробрюшки, уклейки и другие рыбки. Иногда нет-нет да и выпрыгнет сазан, показывая свои круглые жирные бока, лоснящиеся под золотистыми рядами крупной чешуи. Пролетая над водой по дугообразной линии, он с шумом размахивал веером-хвостом, шевеля лазурно блестящими красновато-желтыми от жира глазами, ориентируясь так, чтобы точно головой опуститься в пучину вод, оставляя над собой расходящиеся круги с многочисленными пузырьками в центре. За этим наблюдением Дохоло не заметил, как подошли к нему милиционер и его жена.

— Вот так, Дохоло, скажи своей Нюде Николаевне спасибо. Она хорошая и знатная женщина: уговорила меня отпустить тебя под ее личную ответственность — домашний арест. Смотри не подводи свою умную и прекрасную жену. Как ни как она и в Москве известный человек.

После того как забрали у Лингде бубен и пояс с побря-

кушками, ее шаманские атрибуты несколько дней находились в кабинете секретаря сельского Совета. Тамара держала их в шкафу под замком. Здесь же были и чьи-то другие бубны, сзвэны различной величины и формы. Как-то приходила сюда Лингде в надежде получить обратно свои шаманские принадлежности. Она уже старенькая, с несколько удлинённым узеньким лицом, на котором с обеих сторон чуть ниже ушей еле заметными складками шли в сторону подбородка морщинки как отметины прожитых лет и лишь ей ведомой судьбы. Близоруко прищуривая умные глаза, Лингде просила, умоляла Тамару отдать ей отобранные вещи. При этом ее чуть свисающая нижняя губа слегка дрожала, передавая волнение и внутреннее переживание старухи. Однако молодая женщина оставалась непоколебимой и, показывая ровные белые зубы, только улыбалась через силу и поясняла, что это не их прихоть, а требование сверху, и они как ставленники законной власти должны выполнять все указания, идущие от руководителей района.

Из здания конторы Лингде вышла ни с чем. В ее душе где-то глубоко утонул, как в бурлящем море-океане, весомый камень разочарования в этой несговорчивой женщине. Шаркая домашними тапочками по тропинке, ведущей к дому, она чувствовала, что часть ее души осталась там, в шкафу под замком, куда упрятали ее бубен. И против этого не могла предпринять ничего, абсолютно ничего. Даже призвать на помощь своих помощников-сзвэнов она не могла, потому что пагубные деяния шамана, направленные во вред жизни и здоровью человека, несовместимы с теми задачами и противоречат тем целям, которые ставит перед собой добрый волшебник-чародей.

За несколько месяцев до того как отняли у Лингде ее шаманские принадлежности, Тамара стала жаловаться на здоровье. Она чувствовала какое-то недомогание. По этому поводу обращалась в сельский медпункт, где ей дали

направление на обследование в районной больнице. Но, по-видимому, из-за обычной халатности к собственному здоровью или уймы неотложных дел, от недели к неделе Тамара откладывала поездку. Между тем ей становилось хуже, хотя сама она старалась держаться веселой и жизнерадостной. А обратиться за помощью к шаману не могла из-за своего положения. Тем более что под давлением сверху вела борьбу с верованиями собственного народа, хотя в глубине души была готова в любой день и час пойти к Пилхе, чтобы он пошел в Буни за ее больной страдальческой душой-панян. Через две недели, как приходила бабушка Лингде в сельский Совет, Тамара слегла и с этого момента, не прожив полных два месяца, умерла.

О смерти Тамары говорили разное. Но однако все склонялись к тому, что это результат обиды шаманов, у которых при ее участии изымались их атрибуты. «И у шаманов, — говорили люди, — как и у всех живых людей, есть хорошие и плохие качества, есть добрые помощники и злые духи. Вот эти злые духи — оксоки — независимо от своего владыки-шамана могут учинять людям зловредное».

В этих суждениях, может быть, есть какая-то доля справедливости. Но эта философия не для простых смертных. Она сложна и непостижима уму. А медицинское заключение о причине смерти Тамары — рак внутренних женских органов. С такой болезнью и шаману не под силу помочь страдающему.

Глава 8

Исчезновение Николая

В селе появился первый гусеничный трактор. На нем стал работать Кальпя Оненко, мужчина коренастого телосложения с круглым, всегда улыбчивым лицом. В его натуре

чувствовалась какая-то мощь, сила, которую он, в общем-то, никогда не проявлял в деле, возможно, потому что за него обычно выполнял самые тяжелые работы в колхозном хозяйстве его стальной друг и силач — трактор. Еще осенью сделали для него сани с полозьями из круглого листовика, совпадающими по ширине с гусеницами, со стойками по бортам, обшитыми спереди и боков дощатыми стенками. На этих санях Кальпя возил из леса дрова для конторы, пекарни, школы и других учреждений, а также для населения, если кто выпишет дрова через колхозную бухгалтерию с разрешения председателя. Обеспечение учреждений дровами находилось на контроле главы сельской власти, то есть Николая Бельды. А районный бюджет выделял на места для оплаты рабочим на заготовке дров и другим категориям производителей какие-то средства. И этот денежный баланс тоже находился в ведении председателя сельского Совета. Кроме этого, тракторист обеспечивал население и колхоз круглым лесом для строительных работ. За один рейс трактор мог утащить волоком от восьми до двенадцати длинных лиственничных хлыстов. Стальные тросовые чокеры с толстыми крючками на концах затягивали вершушки нескольких деревьев мертвой удавкой и при движении трактора вперед натягивались в струну. Пучки хлыстов из всех сил сопротивлялись мощи стальной техники, упираясь в снег тяжестью всего тела или царапая, как медведи когтями, пни, бугры и кочки. Но сила механизма была велика, и хлысты со скрипом, скрежетом и стоном покидали обжитые родимые клочки земли, на которых десятками лет радовались ветрам, дождям и солнцу, принимая на своих ветках уставших от перелетов пернатых лесных щебетуний, под свист и пение которых весной распускали свои нежно-зеленые хвоинки, а осенью, готовясь к долгой холодной зиме, осыпали уже пожелтевшие иглы, чтобы затем с приходом тепла вновь приодеться в зеленый наряд. Трактор тащил хлысты всегда

по одному и тому же следу. От этого к весне снег сдирался до земли, а с наступлением оттепелей волок так раскисал, образуя месиво грязи с обломками прутьев, веток и травы, что пройти от села в сторону леса через раскисшую дорогу без резиновых сапог было невозможно.

Стояла на дворе первая декада апреля. В один из дней Николай обошел все сельские объекты, куда завозились дрова уже на предстоящую новую зиму. Топлива было припасено к холодам достаточно. Только для хлебопекарни, показалось ему, дров завезено маловато: она должна выпекать хлеб и в летнее время.

Придя в контору, он зашел к председателю колхоза:

— Иван Торокович, я сейчас проверил обеспеченность дровами на новую зиму наших учреждений. Вот только для пекарни, наверное, недостаточно.

— Да, я в курсе. А дрова в лесу есть?

— Еще кубометров тридцать должно быть. Надо бы вывезти на пекарню, пока земля еще не растаяла. Потом уже не сумеем.

— Это верно, на марях трактор утонет. Вот что: ты найди нашего тракториста Кальпя и скажи, что разрешил председатель съездить в лес за дровами. Всего-то надо сделать два рейса, завтра же и вывезут.

— Хорошо, Торокович. Я предупрежу людей, которые готовили дрова, они и будут грузить. Их пять человек. А с оплатой людям за работу задержки не будет.

После разговора с Иваном Тороковичем Вельды Николай зашел в свой кабинет. За столом сидел Баю Хотович Бельды. После смерти его младшей сестры Тамары он уже второй год работает на ее месте секретарем сельского Совета.

— Завтра Кальпя поедет в лес за дровами для пекарни. У нас там еще есть дрова рейса на два. С ним поедут те пять человек, которые их готовили. Баю Хотович, в кассе у нас деньги еще есть?

— Да, Николай Константинович. Правда, не так много, но есть.

— После того как они сделают работу, ты сразу рассчитайся с ними по наряду. Включи и тракториста, хотя он должен получить за работу в колхозе.

Дав указание секретарю, дополнил:

— Мне надо поехать на собрание председателей сельских Советов. Оно начнется завтра с утра. А сейчас пойду домой.

Николай был одет во все чистое. На ногах, отражая солнечные лучи, блестели лакированные черные туфли. Под новым черным костюмом виднелась белая накрахмаленная рубашка, воротничок которой был затянут сиреневым галстуком в полоску наискосок. Выходя из кабинета, он обернулся к секретарю, сказал:

— Ну, брат, бывай...

Завтра — суббота. Для колхозников этот день не был выходным, и потому каждый трудился на своем обычном месте. Кальпя с помощниками успел вывезти дрова за два рейса. В большие тракторные сани с высокими бортами укладывали чурки и поленья с верхом. Они вмещали ровно пятнадцать кубометров. А к вечеру все шестером пришли к секретарю Баю Хотовичу, чтобы получить заработанные деньги. Затем все вышли из конторы и направились в сторону магазина. Кальпя купил для своей любимой жены Розалии и детей коробочку недорогих шоколадных конфет, еще какую-то мелочь и две булки хлеба. Другие взяли по булке, карамели и печенья для детишек и перешептывались между собой, затем обратились к Кальпя:

— Ну что, брат, ты будешь с нами? Возьмем с устатку «пузырек» да и пропустим для бодрости.

— Нет, ребята, я не буду. Дома дел полно. Сейчас приду и буду пилить дрова. Вы же видели, я притащил из леса хлысты. Так что спасибо.

С этими словами Оненко вышел из магазина и направился в сторону здания почтового отделения. Розалия Николаевна работала начальником почты, а через стенку жила она сама со своими чадушками и первым трактористом на селе.

Мужики, оставшись в магазине, купили пару малосолевых селедочек и бутылку водки «Московской». Потом двинулись к колхозным складам на берегу, где к одному из них, стоящему на коротких сваях, к высоко находящейся двустворчатой двери шла широкая ступенчатая лестница из кедровых досок. Из таких же толстых досок была сооружена просторная площадка, предназначавшаяся для укладки грузов. На площадке всегда были дощатые или фанерные пустые ящики. Причем она находилась со стороны протоки, следовательно, из села ее не видно. Иногда приходили сюда мужики, чтобы испить чарочку-другую с добрыми приятелями: ведь даже и на деревне в стороне от глаз жен и других домочадцев посидеть под открытым небом — тоже природа! Куда всегда тянется душа с первых дней рождения человека, связанного с протоками, бескрайностями лугов и всегда зовущей к себе тайгой — тайгой удивительной, мудрой, как душа старца, и живой. Тем временем на противоположной стороне неширокой протоки, уже не на ярком оранжево-красном диске солнца, как будто рисунок, вырастали силуэты верхушек тальников. А на одной из веток сидели, один ниже, другой выше, два тетерева, что придавало опускающемуся диску светила одухотворенность и божественность. Чуть захмелевшие мужики с восторгом и упоением смотрели на эту чудесную картину природы. Диск солнца, как бы продираясь через густые ветки и стволы тальников, медленно опустился за горизонт. Только тогда все встали с ящиков, на которых сидели, убрали их на место и разошлись по домам.

С открытием конторы Нина прибежала сюда и зашла в кабинет мужа:

— А где Коля?

— Он еще не пришел, — ответил секретарь, человек спокойный, с размеренными движениями.

— Его дома нет. Он еще с пятницы не приходил домой. И мне ничего не сказал.

— В пятницу Николай был, давал мне кое-какие указания и где-то после шестнадцати часов ушел домой. Сказал, что пойдет собираться на собрание председателей сельских Советов, которое якобы состоится в субботу.

— Где это собрание? Он не говорил?

— Нет, не говорил. Был чисто одетый, при галстукке.

— Баю Хотович, позвоните в Найхин, Троицкое, спросите, что за собрание было в субботу?

— Хорошо. Сейчас, — секретарь поднял трубку телефона, который стоял в углу за дверью на специальной полочке, и несколько раз крутанул ручку сбоку аппарата:

— Алло, райисполком? Секретарь? Скажите, у вас в субботу состоялось собрание председателей Советов?

Услышав ответ, Баю положил трубку на место.

— Сказали, что никакого собрания не было и не собирали людей.

После слов секретаря лицо Нины как бы застыло в непонятном удивлении. Она даже не смогла произнести ни одного звука и слова. Только через несколько минут, по-видимому, придя в себя, произнесла с горечью и досадой:

— Где он? Что с ним?

— А здесь, в Даде, он не мог пойти к кому-нибудь или поехать с кем-нибудь на охоту или рыбалку?

— Да он же у меня никуда не ходит. Сейчас, когда шла сюда, заходила к матери Онге. Думала, он пошел к ней. У матери его тоже нет.

В открытые двери услышал разговор председатель колхоза Иван Торокович и заглянул в кабинет председателя Совета:

— Николая, что ли, нет?

— Он с пятницы не приходил домой и даже на обед не появлялся.

— Мы с ним встречались в этот день.

— И мне он говорил, что в субботу Кальпя будет вывозить дрова. И надо, мол, сразу рассчитаться с людьми за работу. Был чисто одетый.

— Значит, он где-то в селе, может, какую молодку нашел, — пошутил председатель колхоза.

— Нет. Этого не может быть, я его знаю, — возразила Нина.

— Мы все знаем о своих женах и мужьях. Однако грех — как костер на морозе, к которому всем охота приблизиться, чтобы согреть душу и тело, — еще раз пошутил Иван Торокович и добавил: — Надо начинать искать Николая Константиновича. Действительно, кто знает, что могло произойти. В Гасси он вряд ли мог поехать, да и в Найхин тоже — такая слякоть и распутица на дворе, что и выходить-то на улицу не хочется. До обеда я сниму с работы своих людей и отправлю их на поиски. И ты, Нина Тимофеевна, тоже поспрашивай у людей.

Уже к двенадцати часам вернулись все и доложили, что Николая не было ни в одном дворе.

— Ладно. Сейчас идите пообедайте, а потом прочешем прилегающий к селу лес.

После обеда в кабинете председателя собралось много людей. Иван Торокович сказал:

— Когда будете ходить по лесу, обращайтесь внимание на следы, которые могут быть на снегу. Правда, снега осталось уже мало, и хонгдан — оттаивающий за день снег и замерзающий корочкой в холодные ночи — уже слабый стал, но след человека все равно будет хорошо виден. Особенно вдоль тракторной дороги, где грязь, которая уже не промер-

зает за ночь, а застывает тонкой корочкой и не удерживает человека.

— Там и в резиновых-то сапогах толком не пройдешь, — вставил Калтакса, сильно заикаясь и дергая головой.

В этот момент забежала в контору Ямби Бельды, уборщица всех помещений здания:

— Я только что пришла из лесу. Взяла нарту и пошла собирать дрова. Смотрю, на дереве висит человек. Испугалась, бросила нарту и убежала.

— Ты не подходила к дереву? — спросил Иван Торокович.

— Да нет же! Как подойду? Страшно...

— Никуда не уходи. Сейчас вызовем участкового и ты, Ямби, покажешь, где это место.

С приходом участкового все толпой ринулись в лес.

— Вот тут я перешла тракторную дорогу. Видите — это мои следы и следы от нарты.

На грязевых лужах виднелись отпечатки следов от сапог Ямби, а по обеим сторонам — еле заметные линии от полозьев нарты.

— Надо бы посмотреть, есть ли следы в левую и правую стороны отсюда, — предложил милиционер, — надо определить место перехода человеком тракторной дороги от села в сторону леса. Только пройти так, чтобы на грязевой полосе не оставлять своих следов.

Разделившись на две группы, люди пошли в одну и другую стороны примерно метров на сто пятьдесят в каждый конец. Такая проверка не дала никаких результатов: человеческих следов не было нигде. После этого Ямби повела группу дальше. За неширокой марью росли большие деревья за низкорослыми кустарниками, раскидистым ольховником вперемежку с березняком, среди которых рыхлый и мокрый снег виднелся серовато-белыми плешинами. Подойдя к тем деревьям, за толстыми стволами стоящих рядом осин на сучке старой березы на высоте почти в три метра

увидели висящего человека. Нарта Ямби стояла здесь, на снегу, а ее следы прямо отсюда шли обратно.

— Это Николай Константинович, — сказал Баю Хотович, — он был одет именно так.

До березы было метров десять-двенадцать.

— Так, товарищи, остановитесь здесь. А мы с Иваном Тороковичем и Баю Хотовичем обойдем вокруг и посмотрим, какие здесь имеются следы, — распорядился милиционер.

Затем эти трое обследовали окрестность старой березы, где под кронами стоявших больших деревьев сохранился еще довольно толстый слой снега.

— Какой ужас!

— Как он мог подняться на такую высоту, когда на этой березе внизу и сучьев-то нет? — рассуждали стоящие люди.

Обойдя вокруг березы, ушедшие вперед подозвали остальных.

— Да-а. Ситуация довольно странная — нет никаких следов пришедшего сюда человека. Снег каким был нетронутым, таким и остался, — удивлялся милиционер.

— Действительно странно, — покачал головой Баю Хотович, — как он мог попасть сюда? Перелетел, что ли?

Прежде чем снять Бельды с дерева, люди, топчась внизу, осматривали одеяние трупа. На лакированных туфлях не было ни единого пятнышка грязи. Такими же чистыми выглядели черные брюки и пиджак. В любом случае человек, проходя обляпанные грязью и слоем пыли кусты, мог испачкать обувь и одежду. И еще. Залезая в черном костюме на довольно приличную высоту по стволу хотя старой, но белой березы, человек непременно оставит на одежде белые пятна и полосы. А в данном случае было все наоборот. Все блистало идеальной чистотой, и туфли ярко отражали лучи высокостоящего солнца.

Быстро снять труп с дерева не удавалось. Двое, прислонившись к дереву, нагнулись вперед. На них поставили

одного человека, но и он не смог дотянуться до сучка. Ямби, плача, предложила:

— Может быть, мою нарту прислонить к дереву?

— И правда! Как же не додумались? — сказал Иван Торокович. — А ну-ка, кто-нибудь, сходите за ней.

Притащили нарту, на которой лежала двуручная пила и небольшой топорик. Только поднявшись по наклонной нарте, смогли перерезать веревку прямо на сучке. Придерживая труп руками, поднесли его к нарте, уже поставленной здесь же рядом на снегу.

— А теперь вот что, — сказал Иван Торокович, — берите пилу, свалите это злое дерево, чтобы оно никому больше не причиняло подобное горе. Кто-нибудь, разожгите костерок, чтобы бросить злосчастную веревку в огонь.

Буквально через пару минут, выпуская вверх клубы дыма, с треском горел небольшой костер. Мгновение позже, ломая сучья, рухнула на землю береза. А капроновая веревка, извиваясь как змея, горела в огне, усиливая жар и пламя.

— Ну, мужики, давайте помогайте друг другу, тащите, — скомандовал Иван Торокович.

Труп лежал головой вперед. Все лицо и уши были темно-синими от зажатой в голове крови. Губы и нос — такого же цвета и сильно припухшими.

— Ребята, стойте, — остановил людей Баю Хотович и обратился к председателю: — Торокович, мы везем умершего домой головой вперед. Как ты думаешь, правильно это?

— Да, верно. Умершего на стороне или утонувшего надо везти домой ногами вперед. И заносят в жилье тоже ногами вперед, но не в дверь, а через окно. Надо повернуть труп ногами вперед, и заносить в дом тоже будем по нашему обычаю. Молодец, Баю Хотович, вспомнил.

Этот обычай говорит о том, что умерший человек движется домой, как бы глядя на свое жилье, двор, где он прожил

много лет. При вносе домой тоже «смотрит» на своих домашних. А вот заносят через окно, чтобы его последний путь не повторялся дважды, то есть через дверь внутрь и наружу. Это по нанайскому обычаю — грех.

Во дворе, прежде чем занести труп домой, сделали дощатый щит — диркэцэ, чтобы положить умершего. Застелив щит белой простыней, на нее положили тело, затем затащили в дом через уже открытое окно. Людей во дворе и дома было много. Плакали мать Онга, жена Нина и другие близкие родственники. Решили похоронить на следующий день, так как, считая и пятницу, когда Николай Константинович приходил в последний раз в контору, проходят уже четвертые сутки. За это время, находясь на весу под открытым солнцем, труп начал разлагаться.

Председатель колхоза, имея основную рабочую силу, взял на себя все заботы по похоронам. Тут же дал команду нескольким людям копать могилу, а другим пойти на пилораму, отобрать кедровые плахи и изготовить гроб.

Нина сидела у изголовья мужа, мать Николая — рядом. На головах повязаны белые косынки — это нанайский траурный обычай. Сидевшие люди переговаривались шепотом:

— Это он так был одетый?

— Говорят — да.

— Шел в лес по такой грязи и даже совсем не запачкался...

— Говорят, Ямби пошла с нартой собирать дрова и увидела висящего.

— Странно, будто кто-то позвал ее именно туда...

— Николай уважал свою уборщицу, и, может быть, его дух и позвал ее, чтобы она нашла.

— Нашли висящим на березе. Она же, как тронешь, пачкается. А на его одежде ни единого белого пятнышка.

— Это, наверное, черти его перенесли туда, раз не нашли никаких следов к этому дереву.

— Они с Тамаркой отбирали у шаманов их бубны и янгпаны. Это разве хорошо? Грех большой. Умерла Тамара, а сейчас и двух лет не прошло, как похоронили ее, и на тебе — повесился Коля загадочным и очень странным способом.

— У нас ведь так говорят, что обижать шаманов — это очень плохо, большой грех.

— Нет. Шаманы людям плохое не делают. Это какие-то другие злые духи сделали. Разве мало всяких разных чертей? Они что угодно могут натворить...

Так рассуждали люди, пришедшие проститься с очень уважаемым на селе человеком — Николаем Константиновичем Бельды, загадочно ушедшим от них.

Глава 9 Похороны

По нанайскому обычаю умершего обычно не моют, как это делают русские. А одевать во все чистое и новое должны. Однако Николая решили не переодевать, так как предполагали, что он сам переоделся перед смертью и в таком одеянии решил уйти в мир, откуда нет обратной дороги. На диркэцэ он лежал уже второй день головой в сторону двери. У изголовья стоял низенький столик, на нем находилась посуда, в которую периодически накладывали различную еду. Так кормят покойного. Чтобы положить свежеприготовленную еду, освобождают посуду в какой-нибудь сосуд. Посуду не моют в воде, а вытирают насухо специальной тряпочкой, которая служит для этой цели от самого начала до выноса тела.

Раньше остатки пищи и жидкости вываливали в большие берестяные туюски. Чтобы вытирать посуду, брали не лоскут ткани, а саори — мелкие и очень мягкие стружки из молодых прутьев черемухи или калины, специально изготов-

ливаемые для всяческих нужд в женском быту. Потом саори выбрасывали, как в настоящее время тряпочки, в сосуд, куда вываливалась еда, чтобы затем, во время похорон, закопать где-либо поодаль от могилы или вместе с посудой еду покойного кинуть в сторонке.

Еда, которая стоит на столике, попадает в организм усопшего через ниточку, свободно охватывающую шею, на одном длинном конце которой наживлены бисерные бусинки, завершающиеся светло-янтарной, больших размеров бусиной. На столике ближе к голове покойного ставят рюмку, куда наливают водку, которую приносят с собой люди, пришедшие проститься со своим односельчанином, или знакомые, друзья из других селений. Налив в рюмку водку, сам прибывший или старшая, знающая этот ритуал женщина, которая находится у изголовья для этого, сообщает, что пришел проститься такой-то, и угощает водкой «прими — угощайся». Кроме этого, говорит покойному всякие напутственные слова, что он обязательно встретится там, в Буни, со всеми родственниками, друзьями и товарищами, когда-то жившими вместе с ним, но ушедшими в иной мир раньше него. При этом конец нитки с бисером — большая бусина — должен находиться в рюмке с водкой. Приносимые съедобья кладутся по чуть-чуть в посуду на столике. А ткань и другие, обычно новые, вещи (могут быть носовые платки, носки и тому подобное) кладутся сначала прямо на ноги, к коленям, чтобы видели люди. Затем они убираются в общую стопку. Пришедшие проститься могут рассказывать друг другу различные веселые, смешные истории, которые произошли когда-то с ними, чтобы веселить людей и не сидеть понуриив головы.

Тем временем мастера по приготовлению вкусных блюд торопятся над пышущими жаром плитами очагов, чтобы успеть накрыть на поминальный стол.

По старинным обычаям народа нани тело покойного кладут в гроб за сутки до похорон, чтобы он уже в своем веч-

ном «жилье» лежал на глазах у родственников и пришедших проститься с ним. А сейчас это делается уже по-другому. Гроб не заносят домой. Он находится либо в сенях, либо на улице. И только за час до отправки на кладбище выносят прах на щите-диркэцэ к гробу и кладут его внутрь. Минут за двадцать-тридцать до выноса умершего начинают угощение из нескольких блюд, причем количество блюд должно быть нечетным, обычно от трех до пяти. Это обязательно каша какая-нибудь, мелко нарезанные нанайские лепешки, фасоль или соя вареные, сухая нарезанная юкола или такая же юкола, но отмоченная до мягкости без соли, и лук или черемша. Вот эти пять блюд подаются перед выносом. Но перед всеми этими блюдами несут водку и каждого, налив в чарочку, угощают. Идущие позади подают блюда на закуску. В настоящее время два последних блюда обычно не подносят, ограничиваются первыми тремя.

Если покойник пролежал сутки в гробу дома, то при выносе его в проеме каждой двери трижды делают поступательные движения вперед и назад. Это говорит о том, что умершему очень жалко оставлять своих домочадцев и дом. Выносятся покойный головой вперед, чтобы он оттолкнул ногами тех, кто хочет уйти вместе с ним в иной мир, и увидел в последний раз остающихся дома членов семьи.

Установив во дворе гроб, кладут к левой стороне умершего добела остроганную палочку-посох, на верхнем конце которой должен быть прикреплен лоскутик красной материи. К ногам укладывают специально слегка помятые котелок, кружку, чашку, изогнутую ложку, со сломанными концами нож, топорик, ножовку и кое-какие другие предметы, которые будут необходимы ему для пользования на том свете. К поясу подвязывают сшитые небольшие мешочки с насыпанными в них по отдельности мукой, сахаром и какой-нибудь крупой (рис, пшено, чумиза или другой вид зерна). Кроме этих трех основных видов продовольствия подвязывали еще мешочки

с соей и солью. Но последние не обязательно. И, наконец, у изголовья в угол гроба ставили бутылку водки, чтобы, придя в Буни, он угостил там всех своих родственников и близких.

Из погребальных обычаев хочется отметить и то, что для мертвых имеется специальный узел для соединения концов подвязок. Завязывают их особым образом: после первого оборота концов заводят их на второй раз так, чтобы они, образовав узел, торчали крестообразно к основной нитке (подвязке). Так следует завязывать мешочки с продуктами и так же необходимо закреплять их к поясу покойного. А помятая посуда, режущие предметы с поломанными концами при пользовании ими в ином мире, наоборот, окажутся целыми и острыми.

Возле установленного во дворе на низеньких подставках гроба крутились пожилые женщины. На голову покойного надели зимнюю шапку. Еще вчера, перед тем как положить тело в гроб, постелили на дно зимнее пальто, которое он носил всегда, чтобы не надевать на костюм. Мать Онга положила поверх пальто сшитый аппликацией из разноцветных лоскутков ткани узенький матрасик. А сейчас женщины приступили к укрытию праха отрезами ткани, которые приносили с собой люди. Отрезы клали так, чтобы конец ткани полностью закрывал голову до самой стенки гроба. Затем застилали к ногам и тоже до самой стенки. Если ткань оказывалась длиннее, ее отрезали ровно по длине гроба. Таким образом куски ткани настилались один на другой, чтобы, считая одеяло и самое верхнее простынное, тюлевое или шелковое покрывало, оказывалось непарное число. Гроб, напоминающий удлинненный ящик, немного превышающий рост человека, заполнялся постепенно от такового упакования, что все содержимое в нем, от последнего обрядового исполнения дани любви и уважения к умершему, становилось чуть ниже его бортов. Раньше ни крышка, ни сам гроб не обтягивались красным материалом и не обивались черной траур-

ной лентой, как сейчас. Однако и сегодняшний, перенятый у русских, обычай обтягивания гроба тканью имеет добропорядочный смысл. Но по верхнему периметру следовало бы все-таки прибавить рюшки белого цвета — цвета нанайского траура. К этому авторскому замечанию хотел бы добавить: в нанайской погребальной церемонии меня как очевидца многих похорон всегда возмущало, что перед покрытием трупа с головой слоями нечетного количества тканевых отрезков лицо закрывают отдельным куском либо атласа, либо какого-то однотонного шелка. Верхний край толкают под шапку, а на шее еще и завязывают. Но это объясняли мне тем, чтобы умершего якобы не увидели черти. Не знаю, насколько это верно, но в этом я нахожу абсурд.

Самым последним моментом является разрыв связи живых с мертвым. Для этого знающая данный обряд женщина, стоя у гроба с правой стороны, дает конец нитки от катушки кому-нибудь из близких родственников покойного или детей, а тот отходит на несколько метров в сторону двери дома. За первым берутся за эту нитку другие близкие люди. А женщина, держа в руке катушку, наматывает нитку на палец мертвого и, называя всех, кто взялся за нитку, по их именам, выговаривает громко:

— Никого с собой не бери! Иди, уходи один!

С этими словами женщина ударяет коротенькой палочкой по нитке, которую держат в руках стоящие, чтобы она порвалась, и с криком отправляет их в дом:

— Бегите скорее в дом и не оглядывайтесь, чтобы не взял с собой мертвый!

Такое повторяют и с другими родственниками, которые еще не участвовали в этой церемонии.

Исполнив данный последний ритуал, прямо здесь же, во дворе, закрывали крышку гроба и заколачивали нечетным количеством гвоздей — три, пять, семь и так далее. В настоящее же время крышку везут вместе с гробом и за-

колачивают ее после последнего прощального ритуала возле могилы. Гроб Николая тоже везли открытым, открытым было и лицо.

В могиле был сделан сруб из лиственничных брусьев. После прощания родственников заколотили крышку Нина, мать Онга и другие. Несколько ворон встревоженно летали над головами с карканьем то садясь на деревья, то вновь взлетая и продолжая громко кричать. Глядя на них, охотник Альчи Вельды вспомнил сон, который рассказал шаман Пилха дней шесть-семь назад:

— Вижу, говорит, сон, что какая-то большая птица камнем упала с неба во двор председателя сельсовета. У нее клюв и когти были железными. Там она кого-то схватила и сразу взмыла ввысь... Сказал, что этот сон очень плохой.

Пилха тоже пришел проститься с руководителем села. Но он не был на кладбище, остался там, в доме покойника. Во время такой весенней и осенней распутицы добираться до дадинского кладбища очень непросто. Оно находится километрах в четырех за двумя небольшими заливами. «Какая только «умная» башка придумала сделать здесь кладбище!» — всегда возмущались люди, когда приходилось хоронить кого-либо в такую распутицу.

— Брат Альчи, ты бы рассказал об этом сне шамана матери Николая, — сказала Ямби.

— Да я совсем забыл о нем, вот только сейчас, глядя на этих ворон, вспомнил...

— Действительно, если бы узнала о таком сне сестра Онга и обратилась бы к шаману, возможно, Пилха спас бы Николая... — сказала другая женщина.

Прощальные слова произнесли прибывшие из районного центра инструкторы райкома КПСС и райисполкома. Сказали добрые слова Иван Торокович и секретарь сельсовета Баю Хотович. Затем гроб опустили в могилу, по бокам затолкали узелки и связки вещей, которые носил при жизни Ни-

колай Константинович. После этого закрыли сруб толстыми лиственничными плахами и стали засыпать землей.

Вернувшись домой, люди мыли руки подогретой для этого теплой водой и проходили к поминальному столу. Кумбикэ с несколькими женщинами оставалась в доме, чтобы помогать вымыть пол, расставить столы и накрывать их.

— Когда вы ездили на кладбище, — начала рассказывать она стоящим группой женщинам, — дядя Пилха поведал нам о своем сне...

— Да, — подтвердила Ямби, — на кладбище брат Альчи тоже рассказал точно так же, как ты сейчас...

Пилха сидел за столом со всеми, кушая поминальный обед, о чем-то беседовал с мужиками. Перед его уходом Онга подошла к шаману и спросила:

— Ага-брат, когда совершить первый дегдин — поминальный костер? Сейчас обычно делают на девятый день, а у нас, нани, как я помню — на седьмой.

— На девятый — это неправильно. У нас дух умершего приходит домой на седьмой день. Вот тогда-то и надо делать поминальный костер. Когда во время этого мы сжигаем в огне вещи, которые носил умерший, и бросаем в огонь еду — покойник получает все как в натуральном виде. Поэтому первые поминки надо делать именно в тот день, когда дух возвращается домой.

Глава 10

С братом за черемшой

В начале мая после ледохода задули сильные северные ветры. Даже неширокая Дадинская протока бурлила, пенилась и шумела. Гривастые волны, как бы открыв зубастые пасти, яростно бросались на берег, кусали, грызли его вместе с редкой крупной галькой, илом, на котором, то накрываясь пол-

ностью, то вновь появляясь, катались на берег и обратно пустые, с раскрытыми створками, большие речные ракушки. Звук набегающих волн, кувыркающихся по камням ракушек очень походил на шум шаманских побрякушек, а хлесткие удары волн в борта бесхозно болтавшихся на берегу лодок стонали, как бубны во время камлания. Так бушевал ветер несколько дней. Затем он вдруг прекратился. День засветился солнцем. Дети высыпали на улицу, раздались веселые голоса и смех.

Иван с тех пор как ездил с младшим братом за его раненым сохатым, осип уже навсегда. И прозвище Капока, теперь ставшее его вторым собственным именем, употреблялось среди людей больше, чем первое. Теперь он уже больше не заговаривал об охоте, но в душе таил надежду когда-нибудь, если согласится Макто, поехать с ним побродить по лугам. Во время сбора ягод иногда он ездил с людьми вместе со своей стройной и высокой женой Нюркой. Светлые красивые черты лица, тонкие брови и губы придавали ей изящество. Однако широковатый, с уже потускневшими узорами нанайский халат висел на ней как на вешалке. Голос Нюрки, как и она сама, был приятным. Но когда кричала на Капоку, когда тот, шепелявя, злился на жену, голос становился тонким и писклявым, но без тени злобы. Собирая ягоду, Капока не уходил далеко от жены, опасаясь, что если где-то заплутает и будет кричать, то его голоса могут не услышать. Быстрые пальцы ловко срывали висящие на ветках голубые бусинки, и обычно он раньше наполнял свой одинаковый по величине, как у Нюрки, хордапин — берестяной туесок со шнурком на верхнем краю для подвязки спереди к поясу, очень удобный при сборе любой ягоды.

В середине мая так потеплело, будто это конец июня, когда высокое солнце палит землю, как огонь сковороду, на которой прошлогодние листья деревьев сворачиваются в трубочку, излучая запах прелой влаги. Тогда и решил Макто поехать со своими детьми Кумбикэ и Коачикой на горную

речку Хар. Здесь он обычно один собирал в такое время черемшу и всегда добывал мясо. А на сей раз решил показать сыну и дочери место, где растёт лакомый природный деликатес. Но дети учились в школе, и чтобы они меньше пропустили учебных дней, надо было подождать хотя бы до четверга. Если выехать в этот день, то лишь переночевав в пути, можно доехать до места, а сегодня только вторник. К вечеру этого дня в дом брата мужа пришла Нюрка. Лишь только вошла в дом, Коачика с восторгом сообщил ей:

— Бабушка! А мы поедem с папой за черемшой на лодке! Он сказал, что берет меня и Кумбикэ. Вот здорово!

— Когда? — спросила та.

— В четверг, это послезавтра.

— А кто еще поедет?

— Больше никто. Только мы — втроем.

Макто, улыбаясь, слушал разговор сына с бабушкой и продолжал чинить небольшую сплавную сеточку без нижней посадки-чидя, которую обычно ставят в уловах, чтобы она, как подол женской одежды, свободно свисала вниз до самого дна водоема. Такая сеточка, лишь только коснется рыба, запутывает ее полностью, и чем больше она будет биться, тем сильнее окажется в свободно болтающейся дели.

— Из вас никто не поедет с нами? — спросил Макто у Нюрки.

— Не знаю. Но и нам надо хотя бы немного нарвать черемши. Домой приду, спрошу у мужа.

— Бабушка, пускай с нами поедет и Дёльди?

Дёльди — двоюродный брат Коачики, одного года рождения с ним, но всего на один день старше его. Он такой же, как мать, худощавый, светлолицый и подвижный, как отец.

После ухода Нюрки вскоре прибежал Дёльди:

— Брат, мы с папкой поедem вместе с вами...

— Ура-а! — закричал Коачика, и этот возглас подхватил его пришедший брат.

В четверг лодка с черемшанниками вышла в путь рано утром. Кумбикэ работала веслами передней пары. За второй — гребли на пару братья, Капока сидел за рулем, а Макто работал шестом, стоя на середине лодки. С начала пути прошел почти час. За кривым заходом в заливчик виднелся обрывистый берег с красноватым песком, за которым раскинулось возвышенное плато, где среди дубравника белесо блестели редкие березы, низкорослый с корявыми кронами бархат и другие деревья. На редких дубах до сих пор сохранились, как куски ржавчины, изжелта-темно-красноватые листья. Они неподвижно висели на ветках, будто латунные или медные талеры в ушах давно похороненных здесь стареньких бабушек. На этом месте — кладбище жителей Дады. Здесь недавно похоронили и бывшего председателя Дадинского сельского Совета Бельды Николая Константиновича.

— Тут, наверное, страшно? — спросил Дёльди.

— Конечно, — ответил Коачика, — ночью все мертвые просыпаются и ходят здесь, чтобы поймать кого-нибудь.

Так пугали его родители, чтобы он не играл допоздна, когда был еще маленьким. Поэтому Коачика действительно поверил в это и даже сейчас, когда ему перевалило за десять лет, думает, что происходит в самом деле так. Макто молча слушал разговор детей, продолжая толкать вперед лодку, упираясь в дно речки шестом. Сидя на корме, Капока тоже помогал рулевым веслом, загребая им вдоль борта. Почти через полтора часа, как отправились в дорогу, путники добрались до бывшего нанайского селения Гасиан. С тех пор как жители этого стойбища переселились в селение Да, сюда стали переезжать люди из соседнего русского населенного пункта Гасси. Теперь во всех пустовавших домах живут они — переселенцы, нуждавшиеся в жилье из-за разросшегося населения. Здесь остались те русские, которые жили не один десяток лет бок о бок с людьми природы — нанайцами, и стали им большими друзьями. Причалив лодку к берегу,

взяв с собой пышные жирные лепешки и туесок с такса — ватообразной едой, приготовленной из рыбы особым способом, Макто и Капока повели детей к старым своим друзьям Бобряшовым. Они всегда держали кур, свиней и коров. Увидев в дверях гостей, Дуня, хозяйка дома, воскликнула:

— Ой! Кого вижу? Гена, выйди сюда, погляди на гостей...

Подойдя к ребятишкам, она обнимала детей как своих и целовала по-нанайски в разругавшиеся от усердной гребли щеки:

— Кумбикэ, какая ты стала взрослая, а глаза какие большие и красивые! Коачика тоже стал большой. Теперь ты не болеешь так часто? А здесь, на Гасиане, сколько раз ты умирал и кое-как выживал, помнишь? Шаманы тебя спасали.

Потом Дуня подошла к Дёльди и восторгалась:

— Какой ты высокий стал, а худой такой же и беленький... Сейчас, мои дорогие, я напою вас молоком, яиц сварю, будете есть.

Вышел из комнаты муж Дуни Геннадий. Он тоже поздоровался с гостями, подойдя ко взрослым, пожал им руки:

— Откуда вы и куда?

Услышав ответ гостей, хозяин продолжал:

— Черемша — это хорошо. А я вот занялся ремонтом сеточки, которую ты, Макто, подарил мне перед уездом из Гасиан. Я ею уже пять лет пользуюсь. А в прошлом году осенью поставил ее в Ори, протоке напротив Гасиана, и, придя домой, приболел. Лежал три дня, за это время она и примерзла ко льду. Пришлось выдалбливать осторожно, но все равно местами порезал пешней. Как без сеточки?

Потом обратился к Капоке, голос которого удивил хозяев:

— Иван, что с твоим голосом? Он же у тебя был такой звонкий и красивый!

За брата ответил Макто. Вслед за этим закачал головой хозяин:

— Ай-яй-яй... Как жалко...

За это время Дуня уже успела накрыть на стол: поставила вареные яйца, молоко, соленое сало и прочую еду. Живя с нани, она стала такой же гостеприимной, как местные жители. Увидев на столе гостинцы, ахнула:

— Ой, юкола, такса! Как давно я не ела такую вкуснятину! А полыневый суп я весной варю всегда — это объединение! Ну, давайте, гости мои дорогие, ешьте перед дальней дорогой. Я вам дам на дорогу молока, яиц и сала немного. А сейчас — ешьте. И ты, Гена, садись с гостями.

Хозяин поставил на стол бутылку самогонки, разлил в рюмочки и предложил по-нанайски:

— Давайте, Макто и Иван, выпьем за встречу и за нашу долголетнюю дружбу, вы для нас как родные стали.

Дуня тоже выпила с мужиками и, сладко чмокая таксу и налегая на юколу, все нахваливала мастерство Тойлы и Нюрки по приготовлению этих видов вкусной нанайской еды.

Закусив, гости собрались уходить на берег. Дуня налила путникам полный бидончик свежего молока, положила десятка два яиц и большой кусок соленого сала. Провожая отъезжающих, хозяева вышли на берег. Теперь за весла сели взрослые. Лодка с шуршанием, оставляя по бокам пузырчатый след, бурлящие с воронками от весел попарные лунки, скользила вперед, как большой пуймур-крокодил,двигающийся по поверхности воды. При движении лодки, оставляя на воде кружащиеся воронки и вихрящиеся потоки, убегали от берега большие рыбыны. Некоторые ударялись о днище лодки, издавая глухие стуки. Перелетая от дерева к дереву, от куста к кусту, порхали и пищали любопытные синички. Веселая пернатая стайка не боялась людей, иногда кружила над головами и вновь улетала к деревьям. Даже при этой тихой погоде распускающиеся нежно-зеленые листочки на смуглоствольных осинах качались, как маленькие маятники

часов-ходиков. Молодая травка расстилалась вдоль берега новеньким пушистым ковриком, уходящим далеко вперед. Солнце ушло далеко за полдень, когда лодка причалила к галечному отлогому берегу, за которым стоял один единственный домик перед открывающимся впереди широким заливом. Это сторожевая будка. Здесь жила одна семья русских, хозяин которой следил за телеграфной линией, идущей через мелководный залив, соединяющей селения Приамурья с краевым центром и даже с Москвой.

— Отдохнем здесь и попьем чаю, — сказал Макто, — ночевать будем у самого выхода в Гассинское озеро. До этого места не так далеко.

От Гасиан почти до самого этого места Коачика и Дёльди спали в лодке, устав после трудной работы веслами. Но, проснувшись, мальчуганы с интересом наблюдали за окружающим. Для них было все ново и удивительно.

— Пап, а это уже озеро?

— Нет. Только Алдой Хэлгэ — залив перед озером.

— Ничего себе — какой большой! Как море...

— Хэвэн еще больше. Вот возле него и будем ночевать.

Дёльди слушал разговор Коачики с отцом и тоже удивлялся. Его отец уже разжег костер, Кумбикэ, привычно похрамывая, собирала дровишки, которые волнами прибились к берегу при весеннем наводнении, а теперь лежали беспорядочно разбросанной полосой в одну и другую стороны от этого места. Они были уже сухими и хорошо горели, потрескивая, разбрасывая искорки, как салютики. На галечном берегу виднелось много камней разной величины и формы. Макто взял небольшой плоский камешек и сказал:

— Сколько лепешек состряпает Дёльди?

С этими словами он, наклонившись пониже, метнул его. Паря над водой, камень метрах в семи-восьми коснулся гладкой поверхности залива, затем подпрыгнул, чтобы сделать такие касания много раз, оставляя за собой водяные

круги все меньших размеров по мере удаления. Сделав последний слабенький прыжок, камешек погрузился в воду.

— Раз, два, три, четыре... десять, одиннадцать, — считали ребята, хохоча и подпрыгивая.

— А теперь посмотрим, сколько лепешек будет у тебя, — посмотрел Макто на сына. На этот раз он взял в руку камень размером побольше и метнул не так сильно. Подпрыгнув всего несколько раз, камень неуклюже бултыхнулся и ушел на дно.

— Нет, Коачика не умеет стряпать много лепешек. У Дёльди лучше получается.

В это время Капока зашепелявил:

— Давайте идите есть. Чай уже вскипел. Поедим да и поехали дальше.

Кумбикэ раскладывала кушания на сидушки от лодки.

За едой расслаживаться не пришлось. До выхода в озеро оставалось километра четыре. Для преодоления этого расстояния на весельной лодке понадобится около часа. Солнышко висело на западе уже не так высоко. С такой высоты оно обычно, как мячик по склону, опускается очень быстро, чтобы скрыться за неизведанностями горизонта: никто не знает о том, что принесет нам солнце завтра из этого таинственного ниоткуда.

Избушка-будка стояла возле самой телеграфной линии, которая идет через залив Пир к селениям Муху, Искра, Синда и другим, стоящим на берегах протоков и Амура до самого Хабаровска. А другая, основная линия связи проходила под водами второго Алдой Хэлгэ. Залив этот располагался за клиновидным перешейком от первого. Он был довольно широкий и прилично длинный. Провода в несколько ярусов и рядов висели на стоящих в воде длинных ровных столбах, у оснований которых, находящихся ближе к руслу проточки, были видны бревенчатые срубы квадратной формы, заполненные крупными камнями и булыжниками. Это, по-видимо-

му, защитное сооружение ото льда во время весеннего ледохода, хотя здесь, в широком заливе, течение очень слабое и вода почти стоячая. Но, как говорится, береженого бог бережет, и от такого пугающего сооружения только долговечнее служение столбов и польза. Остальные же несущие столбы стояли прямо со дна, дополнительных укреплений не имели. Макто постоянно бывал на озере и не помнит, чтобы часто меняли столбы. Это, вероятно, связано с тем, что дерево, находящееся в воде, не поддается скорому гниению, как на земле, а, наоборот, дубеет, и потому срок службы столбов долг и надежен.

Когда лодка проходила под проводами, от них слышался сплошной гул. Он постоянно менял свою тональность, то усиливаясь, то вновь становясь глуше. Ребята, снова сидевшие за веслами, как при выезде из села Да, подняли весла и стали удивленно слушать этот протяжный нескончаемый звук.

— Папа, отчего раздается этот шум? — спросила Кумбикэ.

— Это провода гудят от напряжения. Говорят, по ним идут слова, которые произносят люди по телефону и по радио.

— А что, у них внутри дырки, что ли? — спросил Дёльди.

— Я сам не знаю, как слова могут идти по проводу, — ответил Макто и, чтобы не вдаваться в неизвестную для себя тему, прикрикнул:

— Ну, давайте, гребите! А то скоро стемнеет. Надо успеть поставить палатку и сварить еду — устали же за день.

Лодка вновь заскользила ровно и ходко.

С левой стороны по движению лодки виднелся мысок. Впереди открылось широкое озеро. При низко светящем солнце гладь воды рябило слегка, ломая удлинённую дорожку отражения его на мелкие рубцы и порезы. С недалёкой противоположной луговой стороны доносились всплески воды.

Это собирающиеся в стайки сазаны делали первые пробные попытки порезвиться в самом начале икрометного периода.

— Слышите? К вечеру рыба хочет начать метать икру. Ребята, вы с дедушкой устанавливайте палатку, начинайте варить еду. А я поеду на тот берег. Там между затопленными кочками в молодой траве можно добыть рыбу на талу.

Убрав из лодки вещи, Макто направился в сторону противоположного берега. Добравшись туда, он снял весла, взял в руки острогу и, стоя на носу, толкал ею лодку вперед, как шестом. Трезубец остроги при движении отсвечивал грани бликами в виде моментально вспыхивающих и тут же гаснущих огоньков. Опытный глаз рыбака заметил между кочекдвигающуюся вереницей стайку сазанов. Выбрав из середины самую круглую, но не самую крупную рыбину, Макто коротким и точным движением рук метнул острогу. Сазан на трезубце выпрямился сразу и судорожно стал хлопать по воде изжелта-темноватым хвостом: острога, попав рыбе прямо в голову, сразу оглушила ее. Но, когда Макто, подобрав острогу, вытащил ее из сазана, тот затрепетал в лодке, ударяясь о дно головой и всей тяжелой тушей. В это время другие сазаны, разбежавшись, притаились за кочками. Но их все же заметили зоркие глаза таежного человека. Не раздумывая, он вновь метнул острогу. Древко, описав дугообразную линию, опустилось в воду. Сазаны разбежались по сторонам, конец древка остроги упал на кочку. Макто с трудом протолкнул шестом лодку до этого места. Кое-как дотянувшись до древка, потянул его к себе. На остроге сидел большой сазан-самец с насквозь пробитой трезубцем головой.

— На талу и уху хватит, — сказал сам себе Макто. Когда он вернулся на стан, палатка уже стояла. На берегу горел костер, но котелки стояли возле него еще пустыми. Тут же прибежали дети и радовались:

— Дедушка, папа двух сазанов привез! Будем таловать! Так и сделали. Взяв в руки оструганные палочки, Кум-

бикэ и ее братья чистили рыбу здесь же, на берегу, положив сазанов на сидушки для гребцов. Сестра была опытнее и первая разделалась со своим сазаном. Макто подошел к ней, ловко и быстро вырезал мясо с круглых боков рыбы. Кумбикэ, взяв весло, начала резать талу на его лопасти. Она не раз готовила эту еду вместе с матерью и орудовала ножом, как отменный парикмахер ножницами. Из-под его острого лезвия выходили просвечивающиеся янтарным жиром такие тонкие пластики, словно домашняя лапша. Вскоре она нарезала две металлические эмалированные тарелки, которые обычно брали с собой при выездах на природу. Они и удобнее, но главное — не разбить. На природе ведь как? Сегодня здесь, а завтра там. При суетливых сборах фарфоровая посуда бьется при первом же падении. А эта — нет.

Пока Кумбикэ резала талу, Макто с мальчишками сходил к обрывистой части берега, которую размыла когда-то большая вода. Она теперь находилась от линии воды метрах в десяти-пятнадцати. Здесь у комля невысокой ветвистой осины виднелось в земле углубление у одного из толстых корней дерева. Дно и стенки его были гладкими, как отшлифованные.

— Что это, — спросил Дёльди, — нора?

— Нет. Не нора, — ответил Макто, — сюда ходят изюбры кушать землю.

— А почему они кушают землю? — спросил теперь Коачика.

— В этой земле содержится соль. Диким животным тоже нужна соль, как человеку.

— Откуда же здесь взялась соль? — поинтересовался Дёльди.

— Она везде есть в земле. Только где-то меньше, а где-то больше, как тут. Поэтому ходят к этому месту изюбры: вот, видите, сколько здесь на земле следов. Они приходят сюда каждый день. Даже перед нашим приездом ели землю.

Макто показывал детям старые и самые свежие следы, одновременно указал на край углубления, который был еще влажным, со следами слюны животного, чтобы дети запомнили и учились видеть незначительные приметы, по которым следует определять многое в природе. Это как азбука, из букв которой надо научиться составлять слова, предложения, а затем и делать открытия для себя о жизни и поведении животных.

Возвращаясь обратно, Макто сорвал зеленый пучок, росший среди камней.

— Это дикий луговой лук. Понюхайте. Он пахнет луком? Идите обратно до палатки и соберите лук к тале, его тут много, особенно там, где мы остановились. Я сейчас вернусь.

Затем Макто отошел в лесок. Пройдя немного, он подошел к нескольким молодым лиственницам среди белоствольных берез, редких высоких лиственниц и других деревьев. На ветках листвячков росли небольшими пучками салатно-зеленые нежные иголочки. Макто провел по ним ладонью, они ощущались, как мягкий мех на ушах молодой косули, затем отломил от деревца несколько небольших веточек и пошел в сторону палатки. Мальчишки были уже здесь. Кумбикэ резала лук, который они принесли. Капока снял котелок с ухой и поставил его возле огня, чтобы не остыл. Потом, усевшись двумя группками, Капока с сыном Дёльди за одной лодочной сидушкой, а Макто за другой со своими детьми, ели сначала талу. Тала с диким луком оказалась такой вкусной, что будто сама проскальзывала вовнутрь без особых усилий. Макто раздал каждому по веточке, чтобы вместе с талой ели нежно-зеленые хвоинки. Они легко раздавливались в зубах и имели слегка смолистый, но очень приятный кислящий вкус. Дети ели ложками, а взрослые — палочками-сарбий, сделанными из тоненьких прямых прутиков таволги. Насытившись питательной талой, они даже не стали есть наваристую уху. Комары, мошки и особенно мокрецы, которые прилетают с

вечера, не давали покоя, и потому, как только село солнце и наступила темнота, путники поспешили забраться в палатку. Ночь была тихая, теплая. Ребята еще не заснули. Макто рассказал им небольшую легенду, связанную с озером.

— Когда-то за этим мыском, где мы сейчас ночуем, было небольшое стойбище. Стояло там несколько домиков, в которых жили люди одного рода. У молодой пары росла красивая дочь с черными длинными волосами. Ей было семь-восемь лет, очень любила купаться в теплых водах озера. Несмотря на большую ширину, оно не отличалось глубиной. Даже в большую воду от берега до берега можно доставать дно шестом в два с половиной — три маха длиной.

Как-то под вечер девочка пошла купаться. А днем очень сильно пекло солнце. Чтобы люди не видели ее тело (женщинам и молодым девушкам запрещалось обнажаться), зашла в воду в нательном одеянии, которое обычно носят под нанайским халатом. Оно у нее было длинное, из мягкой красивой китайской ткани. Купалась долго. Ушла далеко от берега, потому что доставала дно своими небольшими бленькими ножками. Потом люди услышали ее крик:

— Помогите! Меня за ногу укусила большая черепаха!..

Поспешили на лодках к ней на помощь, но найти девочку не смогли. На озеро опустилась ночь. Голос девочки вновь послышался еще и еще раз. Родители плакали, выходили на озеро на лодках с другими людьми, но найти и на этот раз не смогли. Старые люди всегда говорили, что если черепаха схватит за ногу купающегося, то не отпустит до тех пор, пока не загремит гром. А было как раз такое время, когда грома с дождем не могли дожждаться. С тех пор голос девочки раздавался каждую ночь. Теперь она не звала на помощь и не плакала, а вроде бы пела долго и протяжно. Потом превратилась в девушку с плавником вместо ног и иногда даже днем показывается на глаза людям в середине озера и, поя-

вившись из воды ниже груди в своем красивом блестящем одеянии, поет протяжно и звонко. Если ее увидят, то обязательно кто-нибудь умрет.

В этом озере много черепах. Поэтому купаться где попало нельзя: черепаха может схватить за ногу.

— А почему умирают люди, если кто-нибудь увидит девочку? — спросил Дёльди.

— Я не знаю. Но, может быть, потому, что не смогли спасти ее. И поэтому стала злая на людей и решила мстить им. Ну, ладно. Спите, а то завтра рано вставать. Будем переезжать озеро в сторону реки Пякса, а ширина его восемь километров. Сегодня в сумерках вы не успели разглядеть его, зато завтра будет все видно.

Дёльди и Коачике всю ночь снились черепахи. А под утро увидели сон, как эта красивая девочка, появившись из воды до пояса, запела прекрасно и звонко. Она пела и звала их к себе, но мальчики боялись заходить в воду, опасаясь черепах. Песня продолжалась долго и становилась все отчетливее и отчетливее. Наконец Дёльди открыл глаза: оказалось, что поет дедушка Макто. Он обычно пел во сне после изнурительного дня.

— Слышишь, твой папа поет, — толкнул он Коачику в бок.

— Отстань! — ответил шепотом тот. — Я спать хочу, папа часто поет во сне.

Всю ночь не умолкало пение то одних, то каких-то других голосистых птиц. Слышались плескания рыб в воде, разноголосо кричали утки, изредка издавали свои трубные голоса лебеди. А по земле, шурша прошлогодней листвой, копошились вокруг палатки какие-то зверюшки.

Наконец, сделав длинный выдох, произнося прерывистое «си-си-сии...», Макто прекратил пение и проснулся:

— Давайте будем вставать, уже рассвело. Пока чай вскипятим да уху подогреем, солнце поднимется.

Капока проснулся, когда запел его брат, но лежал молча и слушал. Он, живя с ним в разных домах, не часто слышал ночное пение брата, но знал об этом. А сейчас, оказавшись рядом, заслушался по-настоящему и был немало удивлен зычности и складности его пения. С выходом Макто из палатки он тоже поднялся, выскочил наружу. Уже было светло и не чувствовалось ни единого колыхания ветерка. Услышав человеческие шаги по камням, стоявшая недалеко в кустах косуля залаяла громким, хрипловатым голосом, похожим на рык медведя. Еще нежившиеся на постели дети, услышав это, высыпали из палатки.

— А что, медведь рывкал, да, папа? — обратился Дёльди к отцу.

— Нет, косуля была тут рядом, услышав наши шаги, испугалась и рывкала, — шепелявя пояснил сыну Иван.

— Ни черта! Голос как у медведя. В лесу, наверно, страшно?

— Чего в лесу бояться? Наоборот, там все убегают от человека и боятся его. Даже медведи, тигры... Все они уходят, чтобы не встретиться с людьми.

— Что ли, человек всех сильнее? — допытывался Дёльди.

— Нет, не сильнее, — ответил на этот раз Макто, — человек среди зверей самый слабый, но у него всегда есть с собой нож, ружье, которыми может дать отпор. А боится зверь человека потому, что у него на лице нет шерсти, как у животных. Видеть голое, без шерсти лицо им очень неприятно. В их понимании оно представляется как голый череп. То есть как нечто непохожее на них, как злой дух или черт, хотя звери не знают ни тех ни других.

Кумбикэ с дедом хлопотали возле костра, подогревали уху и чай.

Увлеченные разговором после рывканья косули ребята не рассмотрели озеро. И только сейчас, обратив внимание на обширность его, восторгались:

— Ничего себе! Такая ширина, как море!

— Даже тот берег еле видать, да, Дёльди?

— На той стороне видны какие-то точки. Это люди, что ли?

— Людей там нет. Это тальники, которые растут у выхода Пяксы в озеро. Вот туда, то есть чуть-чуть левее, к устью речки Хар мы и поедем, — пояснил Макто детям. — А там, далеко, еле видны неровные синие очертания — это горы. Между сопками этих гор протекают речки Пякса, Болхи, Хар и воды других ключей.

— Так высоко... и речки есть?

— Конечно. Они берут свое начало еще дальше, где еще выше горы.

— Пап, а ты там бывал? — спросил отца Коачика.

— Я там везде облазил и даже за перевалом был на другой большой горной реке Хор, где намуканы-удэгейцы живут. Меня мой отец возил с собой на охоту, когда мне было всего шесть-семь лет. А сейчас как брать вас с собой на охоту, когда вы каждую зиму учитесь? Тогда у нас школ не было. Только родители учили детей с малых лет своим охотничьим и рыболовным промыслам, а девочек матери учили вышивкам узоров, рукоделию и домашнему хозяйству.

Разговор этот продолжался за едой. Утром, выйдя из палатки, Макто уже успел сходить до солонца, который вчера показывал детям, чтобы проверить, приходил ночью изюбрь или нет. Да, зверь приходил и лакомился соленой землей: в те давние времена, когда никто не тревожил изюбрей в тайге, они и другие звери были малопугливыми. Увидев человека, могли даже какое-то время разглядывать его и лишь потом, хотя и с чувством страха, спокойно скрывались в родной таежной стихии.

После завтрака, аккуратно собрав все вещи в лодку, путники отправились в дорогу. Теперь им необходимо было преодолеть открытое водное пространство шириной почти в

восемь километров. А это занимало почти два часа пути. Поэтому на сей раз сели за весла взрослые. Кумбикэ держала нос лодки на те еле видимые кусты на противоположной стороне озера, которые росли у захода в речку Хар. Коачика и Дёльди, сидя на вещах в середине лодки, озирались кругом. Они уже второй день пропускали школьные занятия. Сейчас, находясь в пути, даже не вспоминали о школе, жили ощущениями поездки и предстоящим сбором черемши, так как никто из них до сего времени не ездил в тайгу за этой сочной и пахучей едой. Они даже не представляли себе, как она растет. В их представлении черемша росла сплошь, как трава на лугу, и потому рассуждали:

— Когда мы придем до черемши, я стану рвать двумя руками, — говорил Дёльди и показывал, как будет делать это.

— А у тебя силы не хватит так рвать. В прошлом году папка привозил черемшу, знаешь, какая она толстая — толще моего пальца и большая. Поэтому оторвать ее, наверное, тяжело, я буду собирать по одной или по две.

При этом Коачика вспомнил, как летом выдергивал на огороде траву. Особенно тяжело было вырвать полынь. Она, когда мать сварит из нее суп, вкусная, а вот вырывать ее из земли противно и тяжело.

Лодка двигалась ровно, оставляя вдоль бортов ряды пузырьков. На больших отчетливо отражался яркими огоньками диск уже высоко поднявшегося солнца, а на маленьких он переливался бисерно-радужным цветом. Удаляясь, пузырьки лопались и исчезали, однако отчетливо обозначая на воде ширину проплывшей лодки. Временами со всплеском уходили в глубину озера сонно отдыхающие у поверхности рыбины. От ударов мощными хвостами оставляли на воде бурлящие потоки с множеством кружащихся вороночек. Деревца и тальники, стоящие у захода речки Хар, постепенно принимали свои стройные очертания. На разной высоте пролетали над лодкой стаи уток. А на западной стороне озе-

ра, где на широких лугах располагалось множество проток, маленьких озер и заливов, в тоне тенора трубили лебеди, издавали прерывистые голоса гуси. Перелетные птицы любили это очень рыбное озеро, где во время отдыха досыта ловили мальков, щипали сочную весеннюю травку, чтобы, набравшись сил, продолжить нелегкий путь к местам, где за теплые летние дни успеют вывести свое новое потомство. А потом, осенью, этим же путем, подняв его на крылья, увести в края, где нет стужи и холодов. Так тысячелетиями садились здесь дважды в год большие стаи различных уток, белокрылых и сизокрылых крупных птиц, пары и одиночные аисты, даже журавли. А в осеннее мелководье и весной, когда наскоро растает нетолстая корка льда на сухом илистом дне озера, садятся здесь сотнями длинноногие цапли и грациозно вышагивают в поисках пищи или стоят, наевшись, как столбики, согнув шею, как знак вопроса, или спрятав голову под крыло.

Лодка двигалась через озеро почти два часа, чтобы проскочить в устье горной речки. Течение Хара у выхода в озеро спокойное. Вода в нем темноватая, не такая привычная, как в протоке Да или на озере. Однако галька и небольшие камни на дне были видны хорошо.

— Ага, — обратился Макто к своему старшему брату, — пойди к корме, бери шест и толкай лодку тихонько вперед.

Кумбикэ, положив рулевое весло в лодку, присела к ребятам. Макто взял острогу и встал на носу лодки. Его зоркий глаз замечал в глубине воды стайки карасей, сазанов и других мчащихся стрелой рыб. Они, заходящие на икромет и летнее кормление в озеро, гуляли и здесь. Наконец коротким движением он метнул острогу. Тут же конец древка, торчащий из воды, зашевелился, затрепетал. Капока направил нос лодки к остроге. Макто взял ее и вытащил из воды. На трезубце, выпуская алую кровь, трепыхался большой ленок. Таким же образом была добыта вторая такая же рыба. Ос-

вободив ее от металлического наконечника, Макто толкнул нос лодки на галечную косу у изгиба реки.

— Опять будем есть талу! — радовались дети.

— Нет, мальчики, талу будем есть попозже, когда доедем, с черемшой.

— А долго еще ехать?

— Нет. Отсюда — где-то всего час, — пояснил Макто.

— Ну, это долго, — насупился Коачика.

— Вчерашней ухи еще много. Вот сейчас подогреем и поедем, — поддержал брата Капока, — а пока собирайте дровишки.

Он вынес на берег котелок с ухой, чайник, сумочку с лепешками и другой едой. Макто взял топорик, у первого же куста срубил один из нетолстых тальниковых стволов с ветками, на которых уже выросли узенькие длинные нежно-зеленые листочки. Очистил от лишних веток, отрезал верхушку, оставив возле нее два пенька-сучка на небольшом расстоянии друг от друга, идущих в противоположные стороны, заострил толстый конец и воткнул его в галечный берег над костром, чтобы короткие сучки оказались над огнем. На них Капока повесил котелок с ухой и чайник с чистой водой из горной реки. Над пылающим жаром костра вскоре забулбила уха и закипел чайник. После обеда подуставшие взрослые прилегали отдохнуть на застланную на гальку палатку. Но недолго им удалось поспать. Кумбикэ легким движением разбудила отца и прошептала:

— Ама-папа, вон в кустах зверь стоит...

Макто открыл глаза, приподнял голову и посмотрел туда, куда смотрели Коачика и Дёльди. Мальчики, нагнувшись, вытянув руки вперед, говорили шепотом:

— Вон за тем кустом...

— Тихо, тихо, — шепелявил Капока, шаря глазами по кустам. В тот же миг Макто увидел зверя. Это была молодая изюбриха с маленьким телком.

— Папа, принести ружье? — спросил Коачика и тут же побежал к лодке. В одно мгновение он принес отцовскую бердану и сунул ему в руки. Макто поднял ружье, взял зверя на мушку. В ожидании резкого звука выстрела Кумбикэ и мальчики зажали уши. Подержав изюбриху на прицеле, Макто тихонько опустил ствол вниз.

— Стреляй, папа! — шептал Коачика.

— Нет, дети, стрелять я не буду. Видите, у нее есть маленький теленок. Убью мать, а как он выживет? Он же молочко сосет у мамы. Разве не жалко его?

Изюбриха еще мгновение стояла как вкопанная, затем, резко мотнув головой, сделала первые прыжки. За ней, высоко прыгая, помчалось молодое хрупкое существо, которое не один год будет украшать жизнь под солнцем. Со сказанными словами опытного охотника в душе согласились все.

Солнце уже довольно много перевалило за полдень, когда путники вышли в дорогу. Кумбикэ снова работала передней парой весел, а ребята сидели за второй. Макто с братом толкали шестами. Горная река, она — не протока на лугах или между островами на Амуре. У нее свой характер, нор, с многочисленными изгибами, поворотами. И чем выше от устья, тем становится она бурливее и говорливее на порогах и заторах. Поэтому на этот раз Макто с шестом стоял на корме, чтобы на сильных струях у изгибов реки быстро и вовремя направить нос лодки прямо на бегущий встречный поток. Здесь даже доли секунды, если не успеть среагировать, могут стать причиной крушения — быстрое течение вмиг может развернуть лодку или прибить к залому, отчего она легко перевернется. Кормовой шестовик должен быть опытным, чтобы умело подчинять своей воле нор бурной реки. Таким образом путники поворот за поворотом медленно, но уверенно продвигались вперед. Наконец лодка уткнулась в

небольшой заливчик-тупик, который оказался как раз на всю ее длину. Сразу от берега поднимался холмик. За кустами низкорослых тальников, стройного березняка, микропорого бархата, орешника и других деревьев он уходил в глубь леса в неведомые для Кумбикэ и двух ее братьев места. За верхушками стоящих поодаль на склоне холма высоких кедров не было видно солнца, но до захода его за горизонт оставалось еще достаточно времени.

— Вот и приехали, — сказал Макто.

С этими словами он сошел на берег прямо с кормы лодки, отошел шагов на пять от нее и продолжил:

— Несите сюда палатку, постель.

Здесь находилась ровная поляночка, к берегу от которой виднелся зольный круг прошлогоднего костра. Рядом стоял невысокий молодой кедр. К нему была прислонена длинная палка чуть толще шеста, а внизу, у самого основания дерева, аккуратно лежали колышки. Уже несколько лет охотник пользуется ими для установки палатки, чтобы каждый раз не срезать все новые и новые деревца и кусты для этой цели. С другой стороны — это удобно и быстро: человек природы с детства приучен рационально использовать свое время и жить воедино с ней, не нанося природе более и страданий, понимая каждый ее шорох и звук.

Быстро установив палатку, Макто распорядился:

— Гэ, ага-ну, брат, вы с дочей начинайте обрабатывать ленков на талу и уху, а я с ребятами-братьями схожу принесу зеленой черемши к тале, к ужину.

Оставшись возле привала, Капока разжег костер на месте прошлогоднего очага, срубил ровный длинный прут в стоящем рядом орешнике, вернулся к лодке. Заострив верхний конец прута, он одним движением воткнул его в рот недавно добытого ленка, вернувшись к костру, стал держать рыбу над пламенем, поворачивая то одной, то другой стороной. От огня чешуя сворачивалась, отдавая паленостью.

— Доча, принеси весло, — попросил он Кумбикэ.

Та, прихрамывая, вприпрыжку побежала к лодке и тут же вернулась с веслом. Капока, положив на него ленка, стал ловко чистить обратной от лезвия стороной ножа поджаренную чешую. Она снималась легко, оставляя за собой блестящую белую шкуру рыбы. Затем, обтерев начисто небольшой тряпочкой, отделил от хребтины весь лоснящийся жирный бок. Кумбикэ, приняв из вытянутых рук дедушки филе, положила его на другое весло, начала резать талу. Работая ножом, не утерпев, несколько ломтиков положила в рот. Тала таяла во рту, как сладкое украшение на торте, сама проскальзывала вовнутрь, оставляя на зубах и языке привкус неопишимо приятного нежного мяса и жира.

Второй ленок оказался самкой. Красновато-желтые икринки были крупными, как янтарно-золотые дробинки. Наполнив нарезанной талой одну большую миску, Кумбикэ положила сверху большие ломтики икры. Теперь это блюдо выглядело прекрасно. От него исходил свежий аромат с привкусом чистой горной воды. Наконец была наполнена с горочкой и вторая миска. К этому времени вернулись из леса мальчишки с пучками длинной, с толстыми стеблями черемши. За ними пришел на стан и Макто. Мальчишки были радостными, полными восторга и удивления.

В горах сумерки наступают скоро. Еще при свете вечернего солнца мои герои сели ужинать. Они ели талу из ленок со свежесоленой черемшой, соль в которой едва чувствовалась. А для этого Макто, придя к палатке, нарезал сочные стебли черемши и, подсолив слегка, помял их в небольшой берестяной чумашке так, чтобы выделился сок, впитывая в себя соль. От этого она становилась еще вкуснее и ароматнее. Тала из ленка значительно отличалась от сазаньей своей нежностью и особым ароматом. Дети, как и взрослые, ели ее то с подсоленной черемшой, то с сочными стеблями вприкуску. При этом они слащавили во рту и приятно хрус-

тели на зубах, придавая тале еще большую аппетитность и неопиcуемый вкус.

После ужина Макто со своим братом поставил сеточку прямо здесь же, в улове, и привязал береговой конец к лодке. Перед заходом солнца налетели стаи крупных желтых комаров, а с исчезновением к вечеру мошкaры не давал покоя мелкий, как пыль, и в то же время очень назойливый мокрец. Он не боялся даже дыма костра, садился на голые участки тела сплошным слоем, от его укусов опухали уши, веки, и неимоверный зуд ощущался на всей голове, будто жарили всю ее паяльной лампой. Спаслись от этой беспредельной напасти лишь когда зашли в палатку и плотно закрыли ее подол и вход. Через ткань палатки тускло виднелись на небе самые яркие звезды. Они как будто бы качались из стороны в сторону, и уставшие за день путники заснули крепким непробудным сном.

Под утро Макто запел во весь голос на каком-то непонятном языке. Язык этот был не нанайский, не китайский, на котором он говорил порой со своими ровесниками-друзьями за рюмкой дружеской встречи. От пения проснулись дети и Капока, но не стали будить его, слушали молча, затаив дыхание. Но лишь потом, сделав свое обычное «си-си-си» перед тем как проснуться, заговорил и выругался: «Энимбэрь катовань мимбивэ цурингису, айс! Хамаца осигoани сурункису-ну? — Мать твою за ногу! Не даете мне покоя! К какому случаю и какого черта вы тревожите меня?» Узнав, что и остальные уже не спят, рассказал о том, что приходил к нему во сне какой-то удэгейский шаман с янгпаном — поясом с побрякушками, и старался увести его с собой, но он, Макто, был решителен и упрям...

И это утро третьего дня путников оказалось тихим и спокойным. Только над горизонтом северного небосклона виднелись небольшие облака с округленными, как шапка, верхними краями, а на нижних — в виде неровных штрихов

и оборок — красноватые полоски. Следом за Макто вышел из палатки его старший брат. Глянув на сеточку, он заметил, что на ней в нескольких местах утонули поплавки из коры бархата:

— Наверное, рыба попалась. Давай проверим.

Макто шагнул в лодку и прошел к корме. Капока, оттолкнув ее, сел за весла, чтобы направлять и притормаживать. С сеточкой один за другим выходили из воды около десятка крупных сигов, один ленок и довольно крупный, килограммов на пять, таймень.

— Куда деть теперь эту рыбу? — запереживал Капока.

— Ничего. Сейчас скоренько почистим, пошинкуем и вокруг костра поставим на палочках на шашлыки. Ребята с удовольствием поедят.

Так и сделали. Однако добрая половина сигов и ленок оказались с икрой, которую собрали в одну миску до краев. Таймень был живой и еще сильный. Чтобы он не подох, Макто посадил его на крепкий капроновый поводок и привязал его конец за стоящий у воды тальниковый куст. На завтрак вместо талы поели икру с остатками лепешек, которые взяли из дома.

Черемша росла недалеко. Двух-трехлисткой она стояла тесными пучками высоко на толстых ножках, как бы придерживая и обнимая друг друга. При захватывании стеблей они упруго ложились в ладонь, а от небольшого усилия руки ломались, издавая своеобразный глухой звук, подобный короткому «пух!». Здесь черемша росла не как обычно, врассыпную, а плотностоящими группами, в которых ее было по пятнадцать и более штук. Поэтому собирать черемшу составляло одно удовольствие. Заготовленную черемшу укладывали в аккуратные стопочки, как показал Макто, чтобы потом связывать их в большие тугие пучки. Еще до обеда у Коачики было две стопки, Дёльди начал укладывать

третью, а у Кумбикэ были полные три стопки. Затем Макто подошел к детям с какими-то лентами в руке. Это были полоски коры тальника, которая в этот период времени легко отдирается от ствола деревца длинными полосами. Ими он связал сложенные стопки в тугие вязанки. В каждой из них по восемь-десять килограммов. Потом он обратился к старшему брату:

— Ага-брат, ты собирай здесь с детьми. Вязанки можете отнести к лодке. А я схожу подальше, там тоже есть черемша. Правда, не такая крупная, как здесь, а поменьше.

С этими словами он пошел по узенькой звериной тропке, которую копытами растоптали так, что толстые корни деревьев под ней оказались на виду. По этой тропе ходили звери днем и ночью, в зной и ливень годами, веками. От их копыт образовывались такие канавки везде и всюду в тайге, особенно вдоль водоемов, ключей и горных речек. Да это и понятно, природа — их дом, где они паслись безбоязненно, вволю, радуясь всему огромному, что окружало среди гор и удивительной тайги.

За двумя изгибами речки вновь начала встречаться черемша. Здесь она росла не пучками, а врассыпную и была значительно ниже той. Однако стебли, на которых она стояла, почти не уступали первым. Среди широколиственного разнолесья треугольными пирамидами виднелись редкие ели и, как бы обозначая свою величавость, высились над всеми исполины-кедры — красивейшее олицетворение и символ дальневосточной тайги и сихотэ-алинских отрогов. Благодаря ему, кедру, могущественному хлебному источнику, в этих дебрях — изобилие пернатых, грызунов, копытных, медведей и хищников, в ряду которых — красавец-тигр.

Здесь Макто уже собрал одну стопку черемши, связал ее в весомую вязанку. Начав собирать для следующей, увлекся этим занятием так, что будто отключился от мира сего.

Но вдруг перед его глазами по траве промелькнули, словно солнечные зайчики, какие-то огоньки. Удивленный этим явлением, охотник замер на мгновение, затем медленно поднял голову... Перед ним шагах в двадцати стоял изюбрь. Переплыв речку, он поднялся на берег и, не замечая присутствия человека, резкими движениями покатистого тела стряхивал с себя воду. От этого судорожно покачивалась голова и на раскидистых рогах быка позвякивали какие-то хрустальные висюльки! Макто не поверил глазам: за много лет охотничьей жизни он видел всякое, но такое чудо не встречалось никогда, и даже ни от одного промысловика не удавалось слышать о подобном. Перед ним стоял изюбрь с прошлогодними рогами, тогда как к этому времени у него должны появляться новые. На ветках пышных рогов и не совсем отвалившихся лоскутках кожного покрова висели ледяные сосульки! При движении головы от них издавался звон, будто в металлической посуде катали горсть речной гальки. От удивления Макто даже почувствовал, как у него на голове зашевелились волосы. Несмотря на это, он плавным движением снял с плеча бердану и, привычно вскинув ее, взял зверя на мушку. Следом раздался выстрел.

Вернувшись на стан, Макто нашел своих за обедом.

— Ама-папа, в кого стрелял? — спросил Коачика.

— Да зверь один пришел ко мне...

— Охотнику нельзя промахиваться и ранить зверя, чтобы потом, уйдя, он мучался.

— Ага-брат, надо поехать туда на лодке, разделать зверя и забрать мясо.

— Мы тоже поедem, — затараторили дети.

Разгрузив лодку, путники скоро добрались до места, где был сделан выстрел. Увидев лежащего мертвого зверя, дети и Капока в первую очередь обратили внимание на рога изюбря и висающие на них сосульки. Каждая из них горела огоньками от проникающего сюда сквозь ветки деревьев солнечного

света, а вода при таянии капала с них хрустальной слезой. Кумбикэ и мальчишки трогали сосульки.

— Лед не берите в рот, не кушайте, — предупредил детей Капока, — горло заболит.

Он-то теперь знал на своем опыте, как плохо остаться без голоса, застудив голосовые связки. Такого он не пожелал бы и своей жене Нюрке, хотя она порой, не расслышав его, звонко и пискляво ругалась на него. Однако Коачика, оторвав одну сосульку, откусил небольшой кусочек. Лыдинка окутала полость рта приятной прохладой и медленно таяла.

Взрослые умело орудовали ножами. Дети, помогая им, то придерживали зверя за ноги, то оттягивали шкуру животного. Затем с голой туши были отделены передние ноги с лопатками, задние ноги и ребра, а позвоночная часть разрублена на три части. Последние операции выполнял Капока с детьми. В это время Макто уже успел содрать с рядом стоящих берез несколько листов бересты. Он унес их на берег и застелил ими сэри — паёла лодки, чтобы положить на них мясо.

— Голову забирать будем? — спросил у брата Капока.

— Да нет. И так лодка уже загружена. Черемшу заберем, вещи, и как раз будет впору.

— Только жаль — красивые рога...

На траве на боку лежала голова изюбря, опираясь на нижнюю челюсть, отрезанную часть шеи и ветви рогов одной стороны. Уже помутневший, но широко открытый глаз безжизненно таращился в окружающий мир.

Добравшись до стана, Макто отрезал кусок печенки и подал брату. А сам положил такой же кусок на весло, стал резать мелкими ломтиками. Кумбикэ и Коачика ели с отцом, а Дёльди — со своим. Макая кусочки в соль на весле, заедали тающую во рту печень сочными стеблями черемши. Вскоре наелась Кумбикэ и стала носить в лодку посуду, ко-

телки. Запеченные до золотистой желтизны сиговые шашлыки, сняв с них палочки, сложила аккуратно и завернула в белую маслянистую тряпочку, положила в мешочек, где хранились лепешки. Закончив еду, остальные тоже стали носить связки черемши к лодке. В ней Макто сам укладывал вещи. Капока снял палатку. Когда он принес ее на берег, накрыли ею уложенные вещи и черемшу. Перед тем как оттолкнуть лодку, вспомнили о таймене. Капока тут же сходил за ним, держа за голову бьющуюся в руках рыбину, опустил в лодку.

На северном небосклоне, там, где утром виднелись округлые облака, к полудню они заострялись, как неровные горные вершины, и с той стороны потягивал ветерок. Макто знал: если здесь, на горной речке, уже чувствуется дуновение ветра, то на озере сила его значительно сильнее. Он стоял на корме лодки с шестом в руках, чтобы сильно и вовремя направлять ее по руслу реки вслед за бегущей струей. Капока сидел за веслами, а дети, расположившись кто где, любовались обновляющейся зеленью природой, тихо переговаривались. Перед выходом в озеро чувствовался тугой, усилившийся поток ветра. Наконец открылась впереди забелевшая водная гладь, на которой из-за отсутствия заметного течения волны были часты и круты, с белыми пенистыми верхушками. В такую погоду выезжать на разбушевавшееся озеро было опасно, тем более на загруженной лодке. Не однажды случалось охотнику выбираться из озера в такую погоду с полной оморочкой мяса. Он знал узенькие проточки на луговом западном берегу. Однако этот путь более чем в два раза удлинял расстояние. Но другого выхода не было. Тем более — кто знает, как разыграется погода ночью и завтра!

Майское солнце стояло еще высоко. До захода его было почти пять часов, так что Макто надеялся засветло объехать озеро и выйти в Алдой Хэвэн — неширокий залив

перед ним. Теперь сели за весла взрослые. За рулем сидела Кумбикэ и направляла лодку так, как указывал отец. Лодка уверенно двигалась вперед, но волны все равно захлестывали через низкосидящие ее борта. Коачика, сидя у кормовой перекладки, вычерпывал воду берестяным туюском для еды. Дёльди делал то же самое у средней перекладки, что находится возле второго гребца. В руке он держал сопон — специальный берестяной черпак. Таким образом мальчишки не давали воде подняться выше уровня паёл-сэри.

Садившееся солнце было уже во мраке, когда лодка проскочила через неширокую и недлинную протоку, соединяющую озеро с заливом. Здесь волны были не такими высокими и частыми: густые тальники, стоящие на левобережье залива, преграждали порывы ветра, не давали разгуляться волнам. В это время пошел сильный дождь. В небе сверкали молнии, прямо над головами гремел гром. Взрослые из последних сил налегали на весла, чтобы добраться до берега, где недалеко находилась сторожевая избушка-будка. И гребцы, и дети давно были мокрыми насквозь от брызг волн, хлеставших по лодке. Коачика почувствовал, что его берет озноб. Наконец лодка уткнулась в берег. В окне домика светился огонек. Макто отправил детей к сторожам-связистам. Через две-три минуты прибежали на берег Данил — хозяин будки, со своей женой Катей, чтобы помочь подтянуть лодку. Направляясь к домику-будке, Макто взял большой кусок мяса, а брату велел прихватить вязанку черемши, чтобы угостить давнишних хороших знакомых.

— Да как же вы поехали в такую погоду? — тараторила Катя. — Вон на озере какая волна, могли бы утонуть и детей угородить. Разве можно так? Ай да Макто, ай да Иван! Вы такие рискованные... Ужас!

Данил растапливал печь, чтобы высушить мокрую одежду путников:

— Да ты не трещи. Наливай людям чай, он еще горячий на плите.

Наложив полную топку сухих дров, Данил достал из старенького кухонного столика бутылку водки «Московской». Затем положил на стол конфеты-подушечки и печенье к чаю для детей. Увидев свежее мясо, хозяин удивился:

— Вы еще и поохотиться успели? Ну, молодцы! Спасибо за мясо и черемшу.

— Данил, — обратилась Катя к мужу, — когда должен прийти из Пяксы водомет?

— Кажется, сегодня. Там начинают строить поселок для лесозаготовителей.

— На Пяксе ведь один кедр, чего там готовить-то? — встрепенулся Макто.

— Вот его и будут валить.

— Как можно его рубить? Это же ореховое дерево! Оно дает корм всему, что живет в тайге.

— Начальству виднее, — ответил Данил и налил водки в поданные Катей на стол рюмки.

Уставшие люди захмелели быстро, и вскоре их потянуло ко сну.

Под утро постучали в дверь. У Коачики была температура, и временами он бредил во сне. Данил открыл дверь. Вошли два мужика. Один из них, Николай, был мотористом и капитаном в одном лице на небольшом суденышке-водомете. Другого звали Василием, он исполнял обязанности начальника на строящемся лесозаготовительном участке «Пихца».

— Ребята, тихо, — обратилась к вошедшим Катя, — мальчишка сильно заболел. Вы сейчас куда?

— Мы едем в Троицкое, — ответил Василий. — На берегу, дядя Макто, ваша лодка? Хорошо. Мы заберем с собой вас, а мальчишку надо в Найхин, в больницу. Только кому-то придется ехать с ним.

Глава 11

Странная болезнь

На берегу Найхинской протоки самые нижние дома поселения располагались вдоль неширокого рукавчика Они-Анюя с причудливым названием Далицоан. При впадении горной реки в Амур в ее дельте эта проточка самая верхняя. Она отделяется от основного русла налево километрах в трех-четыре до впадения в могучую дальневосточную реку. А устье Далицоана находится от главного выхода Анюя на расстоянии пяти-семи километров. Поэтому эта живописная проточка с несильным течением всегда была для охотников и рыбаков очень удобной, чтобы, не добираясь до главного захода, попадать по ней в Анюй, сокращая приличное расстояние пути. Потому она и получила у нани такое причудливое название, означающее «попасть, проскочить в русло горной реки кратчайшим путем».

В поселениях людей природы леса всегда подступали почти вплотную к домам. С верхнего и нижнего концов стойбищ так подходили к строениям, что, казалось, они плотным обхватом прижимают людей с их укладом жизни к своей мощной вечнозеленой груди за то, что аборигены считают и убеждены: окружающая среда — огромное живое существо, и его надо не только уважать, но и любить как самого себя. Природа для них не только дом и окружающая среда, но и источник жизни, существования, более того — образ их мышления, кладезь всех духовных, нравственных и просто человеческих ценностей. Вот за такое отношение к себе и за такие качества природа любовно подступала к людям и так же любовно охватывала их в свои плотные объятия. Только в такой гармонии жизнь и совместное существование благотворно!

Выше Далицоана Найхинская протока делала плавный небольшой изгиб. Как раз напротив него располагалась сельская больница почти районного значения. Сюда приез-

жали и привозили больных людей из селений, расположенных выше Найхина. Она имела несколько зданий, стоящих в П-образном виде с просторной площадкой в середине. Место это было спокойное, тихое. Небольшой изгиб протоки зимой, как бы выставляя грудь муссонным западным ветрам с материка, отгонял потоки воздуха вдоль протоки. А от северных ветров Очи в летнее время выставляли свои ладони и густые кудри плотные заросли тальников, растущих по берегам Далицоана и по всей дельте Анюя.

Коачика находился в этой больнице уже более суток. Мальчик был без сознания, потому поместили его в отдельной палате. Временами он начинал ворочаться, бормотать невнятно, широко открыв глаза, водил ими в разные стороны, по потолку и стенам. Тогда мать, находившаяся с ним рядом, успокаивала его, спрашивала, видит ли ее, слышит ли зов. Но он не видел мать и не слышал ее зова. Такое буйное состояние длилось недолго. Но в эти минуты приходила в палату врач-терапевт Сара Давыдовна Линчук, чтобы проконтролировать сердцебиение, померить артериальное давление крови. А дежурные медицинские сестры Лидия Николаевна Бельды и Мария Михайловна Валькова делали в свои смены ему успокоительные и еще какие-то другие уколы. Мать сидела на табуретке возле изголовья сына со слезами на глазах.

— Что у него? — спросила Тойла у врача. Она, как и все нанайцы своего поколения, не очень верила докторам, так как с самого детства они знали только шаманов, которым все-таки больше доверяли: те могли предсказывать, излечивать многие заболевания и поднимать на ноги даже почти мертвых больных. Таких примеров у Тойлы на памяти более чем достаточно.

Как-то более двух лет назад приезжала в нанайское селение Да русская женщина со своим пятилетним очень ослабленным сыном. На его бледном лице тускло светились серые

глаза без тени детской радости и улыбки. Она рассказала, что сын болеет более года. За это время побывала с мальчиком у многих врачей в разных больницах Бури — Хабаровска. В лечебных учреждениях она лежала с ним по месяцу и более. Однако состояние мальчика не шло на поправку: он получал как бы поддерживающее лечение, которое давало кратковременное улучшение, за которым следовали новые ухудшения. На это странное заболевание врачи ставили разные диагнозы и, по мнению женщины, не очень точные.

Однажды Лидия пришла к своей знакомой Маню Оненко, жившей в городе, попросить какие-нибудь нанайские лекарства. Маню посоветовала русской женщине поехать к шаману. «А что? — подумала Лидия, — чем бы ни лечить, к кому бы ни обратиться, лишь бы сына спасти». Так она и приехала в Даду на пароходе со своим Алешей.

Тогда Пилха камлал дважды. Так как он, шаман, жил очень бедно, не стал звать для этого женщину к себе в дом, а пошел к соседу Макто, у которого остановилась Лидия.

Начиная свое камлание, Пилха сразу сказал, что души русских не такие, как нанайские. Они какие-то не очень яркие, похожие на маленьких рыбьих мальков, у которых видны насквозь все внутренности, но значительно больших размеров, однако меньше размера людей. Злые духи похожи на людей, но крылатые, с большими носами, какими-то непонятными украшениями на головах и кривыми когтями на пальцах. Кроме этого, в разных лохмотьях и другие страшные существа. В отличие от нанайских чертей, которые уносят паня-дух больного в подземный мир, русские злые духи забирают их за облака, в небеса. В этом состояла сложность отнятия духа Алеши у нечистой силы. Однако шаман — посланник неба, и ему подвластно все. Найдя паня мальчика, Пилха, прежде чем забрать его, стал перечислять все приметы и одновременно спрашивать у Лидии:

— Не рассказывал ли Алеша вам про свои сны, будто

часто летает он над землей с какими-то необыкновенными птицами, орлами и другими существами и что прыгал с ними, скакал по облакам, перелетая с одного на другое?

— Да, да, часто рассказывал. Даже и о том, как срывался с них на землю, затем снова взлетал.

Разговор шамана с Лидией переводила молодая, красивая нанайка Сини. Она жена Тарпиана, старшего брата Коачики. Сейчас он служит в Вятском, где в здешней разведшколе обучается искусству этого сложного и опасного дела на случай нападения на страну с востока. А Сини в отсутствие мужа жила у его родителей. Работая в рыболовецкой бригаде, она неплохо знала русский язык.

Во время камлания Алеша, от страха укутавшись с головой, лежал калачиком под одеялом. Он первый раз присутствовал на таком деле. Его мать, Лидия, тоже никогда раньше не видела ничего подобного и была полна удивления, страха, одновременно восторга, оттого что шаман так правильно и точно определял, перечислял приметы сына и его сны, и тайно предавалась изумлению и диву. Порой от сплошных звуков бубна, побрякушек на поясе и постоянно меняющего тональность пения шамана чувствовала на всем теле мелкие покалывания, похожие на легкие уколы иголкой, а волосы на голове дыбились шапкой. Тогда лишь голос Сини, переводящей вопрошания шамана, приводил Лидию в реальные обстоятельства.

Пилха закончил свое камлание лишь тогда, когда, забрав паня мальчугана у злых духов, поместил его в свои «ясли», где теперь он будет находиться под зорким присмотром и охраной няnek и сторожей шамана вместе с паньями нанайских детей и взрослых людей, здесь каждый всегда почитает любого, не взирая на его пол, происхождение и даже национальность: в этой обители все равны и все уважаемы.

После того как зажгли свет в керосиновой лампе, Лидия, не скрывая чувств, сказала:

— Ну и дела! Как это удивительно и здорово! Я никогда не могла и подумать, что у шамана есть такая волшебная, ну прямо сверхмагическая сила! Как это вы, дядя Пилха, сумели узнать все приметы моего сына и даже сны его? Все это для меня просто непостижимо.

— Силу шамана даже мы, нанайцы, не объедем. Она связана с небом, со Вселенной и всем, что называется Жизнь, — сказала, улыбаясь, Сини. При этом ее грудной бархатистый голос прозвучал откровенно, доверчиво.

— Завтра надо бы Лидии достать петушка, чтобы кэсивэ гэлэгугуй — помолиться всевышнему и попросить для Алеши здоровья, — сказал Пилха. — Пускай вы русские, но для нани самый большой и основной Бог на небе — это Солнце, от силы которого существует на земле жизнь. Оно, этот Бог — один на всех, светит для всех и каждого. Поэтому у него надо попросить помощи и пощады, чтобы под его светом и теплом мальчик поправлялся и рос.

Слова шамана перевела Сини. Лидия согласно закивала головой. На следующий вечер Пилха провел короткое камлание, во время которого предупредил своих помощников сэвэнов-бурханов, что утром нового дня будет сделано молитвенное угощение Солнцу и Боа — Небу, возле пиухэ — священного дерева. Это старое, уже полусухое, раскидистое дерево-ясень стояло в отдаленном, ближе к лесу уголке огорода Макто. Перед уходом на охоту в тайгу он всегда совершал молебные обряды под этим священным деревом семьи. Одновременно Пилха попросил нянек и сторожей в своих «яслях», чтобы хорошо ухаживали и присматривали за духом чужеродного мальчугана. А утром была проведена молитвенная церемония, во время которой вместе с Пилхой и Макто поклонялась, касаясь лбом земли, Лидия.

И такой случай с русской женщиной хранила память Тойлы.

Тогда Лидия жила у своих новых знакомых целую неде-

лю. Так попросил ее Пилха, чтобы понаблюдать за состоянием Алеши. К великому удивлению гостыи на третий день мальчик уже бегал по двору вместе с девочкой Кэриэ и Лейней. Это — дети Тойлы, младшие Коачики. Однако Алеша ел плохо. Тойла посмотрела язык русского мальчика и сказала своей невестке:

— Эй пиктэ бальдиоктони манга...

Сини перевела слова золовки Лидии, что у ее сына сильно заложен язык, это — признак потери аппетита, что надо найти бабушку, которая может излечить такое заболевание.

После обеда Тойла привела в дом жену своего старшего двоюродного дяди. В Даде только она, Ява, умела хорошо нащупывать на теле больного пульсирующие точки на левой и правой сторонах груди, на шее между соединениями ключиц, а также в паху с одной и другой стороны: там, где сосредоточены лимфатические узлы. Она знала, что нервные окончания в этих местах тесно связаны с пищеварительным центром человеческого организма, и при умелом воздействии на эти точки нанайскими лекарствами из особых растений аппетит у больного восстанавливается всего за два-три дня. Для этого она, бабушка, принесла с собой мелко наструганный порошок из корней хаокта, коглихин и хулэтун (эти растения еще не изучены современной медициной), завернутый в бумажку.

Алеша лежал на нарах на спине. Бабушка присела к нему, на белом бледном теле нащупала нужные ей точки. По пульсации в них Ява определила степень заболевания у мальчика и сказала:

— Эй наондэкан бальдиоктони манга — у него очень сильная потеря аппетита.

Затем, посплюнув большой, указательный и безымянный пальцы правой руки, макнула в порошок. После этого так расположила их, что указательный лежал в ямочке возле ключиц, а остальные два находились на груди. Большим и безымян-

ным пальцами левой руки, макнув их в лекарство, прижала лимфатические узлы паха с правой и левой стороны. На пульсирующие точки бабушка давила с силой, мальчик морщился от боли, но упорно терпел. Лидия стояла рядом.

На второй день у Алеши появился аппетит. В этот день Тойла сварила уху из свежих карасей и косаток. Лидия подала сыну в тарелке одного крупного карася, налив в нее немного юшки. К удивлению матери Алеша с удовольствием поел рыбу, аккуратно отделяя кости, и попросил еще. На этот раз мать положила в тарелку двух косаток. Алеша съел и их. Тойла с Лидией смотрели на мальчугана с удивлением и радостью.

— Надо же, — сказала гостья хозяйке, — Алеша будто не он! Как это здорово! Вы, нанайцы, такие изумительные люди! Я раньше никогда не знала, что вы — такой добрый и щедрый народ. Моя знакомая Маню Оненко, что живет в городе, тоже очень хорошая женщина.

На слова Лидии Тойла только улыбалась и кивала головой, не очень понимая русских слов. Но она была уверена, что гостья радовалась за сына и выражала свои добрые чувства.

После третьего дня лечения бабушки Явы Алеша играл во дворе с детьми и, доставая с пэулэна (специальных вешал для сушки рыбы) уже насухо высохших небольших уклеек, щурят, сдирая с них шкурку с чешуей, грыз такую юколу, как и все игравшие с ним нанайские ребяташки.

Уезжая в город, Лидия пообещала приехать в гости через какое-то время. И приехала. Ровно через месяц. С ней был и Алеша. Теперь он выглядел совершенно здоровым: на лице появился румянец, был весел, радостен. Для Пилхи привезла добротные брюки и отрез шелковой ткани для его жены. Бабушке Яве подарила толстый шерстяной платок. Не обошла подарками жену и детей Макто. Лидия была очень рада и благодарна, что ее сына спасли нанайские целители и добрые души этого небольшого народа.

Теперь Тойла, стоя перед Сарой Давыдовной, ожидала от нее ответа на свой вопрос. Она старалась, заставляла себя поверить в то, что скажет сейчас врач.

— У вашего сына сильная простуда, кроме этого все горло воспалено от ангины. Будем лечить, колоть антибиотиками. Думаю, через неделю пойдет на поправку.

— А почему он так часто теряет сознание? Это от ангины?

— Не знаю. Возьмем кровь, другие анализы, и тогда мы постараемся определить диагноз заболевания.

Ближе к вечеру Коачика открыл глаза. Мать, сидевшая рядом, заметила это, спросила:

— Поя, сэнэхэси — дорогой, проснулся?

Мальчик поморгал глазами, повернул голову, увидел мать. На его лице промелькнула еле заметная улыбка.

— Эниз, где я?

— В больнице, сынок. Ты сильно заболел.

— Мама, дай воды.

Тойла приподняла голову сына и поднесла к его губам стакан со сладким чаем. Коачика глотал, морща лицо от боли. Опухшее горло болело сильно, но чай выпил весь. Потом мать покормила его жиденькой манной кашей на молоке. Приняв несколько ложек, мальчик отказался есть. Он чувствовал слабость, головокружение, тело на постели с клеенкой горело. Сделав усилие, попытался сесть, но не смог. Заметив это, Тойла помогла сыну. Спина была горячей и красной, особенно ниже поясницы. На табуретке стоял стакан, в котором на одну треть находился белый, застывший, как свечка, жир от изюбря. Он по-нанайски называется «нилэптэнги», и используют его при раздражениях кожи на теле, высокой температуре. Тогда смазывают им спину, грудь больного тонким слоем. Он хорошо понижает жар и в какой-то степени стабилизирует хворь. Тойла несколько раз доставала из стакана жир на кончике пальца и легонечко растирала им покрасневшие места у сына.

Коачика уже неделю лежал в больнице. Ему часто делали уколы, давали таблетки, какие-то жидкости в небольших мензурках. Теперь он ел неплохо и безотказно принимал все назначенные для приема препараты, даже вставал и играл с ребятами, которые лежали здесь, в больнице. Однако вдруг, ни с того ни с сего, он прибежал в палату, держась обеими руками за голову, сразу ложился на постель. Лежа на спине, широко открыв свои большие глаза, вначале замирал, глядя в одну точку. Тогда он вроде бы прислушивался к звукам, которые возникали в ушах. Они были похожи на побрякивание каких-то железок или постукивания по стакану, делались все слышнее, звонче. Наконец превращались в сплошной гул и звон очень высокой тональности, начинали звенеть не в ушах, а в самой голове. А недвижимая точка постепенно начинала шевелиться еле-еле. Затем становилась больше, делала круговые движения. Рядом возникала такая же кружащаяся точка, за ней другая, третья... Коачика старался поймать глазами каждую, которые двигались быстро и хаотично по спиралеобразной линии, разрастаясь до больших размеров. Они вертелись одна за другой с невероятной скоростью по всему потолку, по стенам палаты так, что мальчик, вертя головой, не успевал отличить одну от другой. Дыхание его учащалось, он то закрывал глаза ладонями, то укутывался в одеяло с головой и вновь скидывал его...

Мать успокаивала сына, звала медсестру. Крутящиеся, вертящиеся перед глазами мальчика спирали сливались в какое-то дымное или туманное марево, на фоне которого он видел лицо матери как светлое пятно. Но оно постепенно удалялось от него, уходило далеко-далеко, как в какое-то темное пространство. На удаляющемся лице матери вначале он отчетливо видел глаза, лоб, нос. Потом они сливались в одно светлое пятно, затем в яркий огонек, который исчезал из виду в темном мраке. Тойла знала, что сын потерял сознание. Она плакала и не знала что делать. В такие минуты прибегала

медсестра, делала успокаивающий укол. Приходил и врач, который, взяв руку мальчика, проверял пульс и прислушивался к его дыханию. Только в Найхинской больнице он работал более десяти лет. За всю свою медицинскую практику, что превышала два десятка лет трудовой деятельности, он никогда не встречался с подобным и очень странным заболеванием. Все анализы, которые были проведены, показывают, что у мальчика простуда и ангина. За дни лечения здоровье больного пошло на поправку, однако только за время нахождения в больнице сын Тойлы уже второй раз впал в подобную кому. Это неразгаданной загадкой теснилось в голове врача, он чувствовал некоторую беспомощность. Тогда, в те далекие сороковые годы прошлого столетия, он знал, что где-то там, в научных центрах, уже работает медицинская аппаратура нового поколения по диагностированию болезней, но до нас, до таких маленьких деревень, она может прийти не скоро. Огорчало его, что не может до точности определить диагноз больного, чтобы затем оказать ему необходимую помощь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

В кабинете у директора

Коачика всю ночь находился в тяжелом состоянии. При этом температура его не поднималась выше тридцати восьми и пяти десятых градуса. Дыхание оставалось учащенным, неглубоким. Время от времени заходила медсестра, приходил и врач. Мальчик открыл глаза утром следующего дня к десяти часам. Тойла, сидевшая рядом, заметила это и спросила:

— Поя, как чувствуешь себя?

Мальчик не отвечал. Он слышал слова матери, но не видел ее. От этого искал глазами мать, стараясь повернуть голову. Его невидящие глаза наконец поймали маленькую яркую точку. Она находилась где-то там, далеко-далеко. А вокруг была крошечная темнота. Коачике казалось, что он бежит к ней, к огоньку, однако не мог шевельнуть ни ногами, ни рукой. Но точка становилась все ярче и больше. Потом стал замечать на ней нос, глаза. Даже и тогда лицо матери поначалу было маленьким. Но оно ежеминутно увеличивалось и наконец Коачика увидел родные черты прямо перед собой. Она сидела на табуретке возле него в слезах.

— Мама, — произнес он наконец слабым голосом и заплакал. — Дай воды.

Чай, который принесли на завтрак, был уже остывшим. Выпив весь стакан чая, попросил еще. И второй он опростал до дна. Мать хотела покормить жиденькой рисовой кашей — отказался, но спустя около часа сел на кровати и уже сам поел ее. После обеда состояние Коачики нормализовалось полностью, как будто и не было никакой комы. Он хотел поиграть с детьми, но врач строго велел лежать. Беспокоилась за сына и мать, которая все время находилась с ним рядом. За всю свою медицинскую практику врач еще ни разу не встречал подобной болезни. Она приходила моментально, от нее так же скоро терялось сознание и больной находился на грани смерти. Но когда отпускала, все нормализовывалось почти до полного здорового состояния.

Коачика пролежал в больнице почти двадцать дней. После последнего приступа они больше не повторялись. Врач выписал его из больницы, написав справку для школы, где указал, что находился на лечении с такого-то по такое-то число и его состояние нормальное.

Школьные занятия закончились в конце мая. Учащимся четвертого класса предстояло сдать первые выпускные эк-

замены за курс обучения в начальной школе. На подготовку к этим испытаниям дали две недели. Так как вся программа обучения велась только на нанайском языке, поэтому экзамены должны были сдаваться на родном по этому пройденному курсу. Сюда входили математика, чтение, диктант, правила нанайской грамматики и правописания. И лишь только в пятом классе, уехав в Найхин, где была семилетняя неполная средняя школа, дети нанайцев начинали обучаться по русской программе. Для них это было очень тяжело. Поэтому многие ученики не справлялись с новыми требованиями и, недоучившись, оставляли школу именно с пятого класса. Но Коачике предстояло учиться в родном селе еще не один год.

Приехав домой, Коачика не стал относить справку в школу. Как-то увидела его на улице классная руководительница Анна Григорьевна Бельды, жена директора школы Юны Николаевича. Она подозвала мальчика к себе и спросила:

— Ты когда приехал из больницы?

— Три дня назад.

— Тебе дали справку, что ты болел?

— Да.

— Почему не принес ее в школу?

— А зачем?

— Как зачем? Так надо.

— Мы же уже не учимся.

— Ну и что? Нам все равно нужна справка. Так что принеси ее. Ты же не просто так пропустил уроки, а по болезни.

— А-а-а.

— Скажи отцу, чтобы пришел в школу. Понял?

— Ладно.

С этими словами мальчик побежал туда, где возле клуба на просторном поле играли в лапту. Здесь было много людей. Эту веселую и озорную игру любили как взрослые, так и дети. Приходили сюда молодые девчата, даже женщины, которые в критических ситуациях игры, когда кто-то бежал

за прозевавшей, чтобы запятнать ее увесистым гуттаперчевым мячом, поднимали визг, шум и гам на все село. На этот раз таковой оказалась Долдо. Несмотря на свою полноту, она бежала быстро, подпрыгивая как газель, увертывалась то в одну, то в другую сторону. А бежавший за ней Леонид Егорович Бельды, бухгалтер колхоза, размахивал правой рукой, стараясь выпустить мяч из нее, чтобы попасть точно в шуструю и подвижную Долдо. Глядя на этот своеобразный поединок, игравшие кричали, гоготали во все горло, прыгали, хлопали в ладоши, так что над полем стоял сплошной гул. Наконец Леонид Егорович настиг девушку и сильно бросил мяч прямо в ее спину. Мяч отскочил в сторону, но поймал его на лету Хэри-Коля, прибежавший выручить свою одноклассницу. Он очень живой и подвижный мальчик, метким броском попал в ногу убегающему Леониду Егоровичу. Тут же вмиг все члены команды, где были Долдо и Хэри-Коля, заняли исходные позиции: одни за дальней линией на поле, а другие за линией подачи мяча. Подавал мяч Борис Андреевич Бельды, секретарь партийной организации колхоза. Коачика подошел к нему и спросил, можно ли поиграть и ему. Получив утвердительный ответ, побежал с радостью на поле, где стояла вся команда Бориса Андреевича на важении. Был как раз воскресный день, и потому азартная игра продолжалась долго. Подустав, одни уходили, на смену им приходили другие. Несколько раз команды менялись местами. Прекратили игру лишь тогда, когда Коачика, почувствовав себя плохо, упал в бессознательном состоянии. Принесли его домой Сини — жена брата, и Юбиэ Оненко, который жил по соседству с Макто, работал мотористом на небольшом колхозном катерочке с названием «Ерш».

Увидев на руках соседа своего сына, Тойла всполошилась, указала на широкую деревянную кровать с вырезными нанайскими узорами на спинках, которую сделал муж из ясеня. Кумбикэ с тепло обмотанной шеей сидела возле окна

за небольшим столиком и готовилась к завтрашним экзаменам. Младшие Коачики, сестра Кэриэ и Леня, игравшие на полу, встали и подошли к брату. Мать цыкнула на них, чтобы отошли, и тут же попросила сходить к шаману Пилхе. Однако, придя, дети сообщили, что он уехал в стойбище Курун. За ним приезжали на лодке, чтобы пошаманил там у местных жителей. Тогда Тойла послала детей за фельдшерницей. Находясь тогда в первый раз с сыном в больнице, она видела, что после сделанных уколов у Коачики дыхание становилось ровнее, глубже, и спустя несколько часов мальчик просыпался, приходил в сознание. Вопреки своим устоявшимся убеждениям в глубине души Тойла начинала верить в чудодейственную силу врачей. Несмотря на это, притягательность к шаманам преобладала в ней, ведь с самого детства она была связана с ними и имела множество убедительнейших фактов, когда этот маг казалось бы уже безнадежно больного ставил на ноги. На селе кроме Пилхи имелись и другие шаманы — Моло, Куню Оненко, были и женщины. Но по существующим среди исцелителей с бубнами законам они, как правило, содержат в своих условных жбанах-яслях духи тех людей и детей, которые когда-то обращались к ним, шаманам, во время болезни. А людям, чьи духи находятся у другого шамана, берутся камлать с неохотой, так как может возникнуть своего рода недовольство со стороны хозяина, содержащего эти духи-паняны. А дух Коачики находился под защитой помощников Пилхи. Зная это, Тойла не решалась беспокоить других шаманов, тем более бесстыдный должен был вернуться из Куруна со дня на день.

Молодая светловолосая фельдшерница Александра, которую нани звали попросту Сура, не заставила ждать себя долго. Русская девушка, войдя в дом, сразу подошла к больному. Присев к нему, приоткрыла глаза мальчику. Зрачки были большие, а орбиты подергивались слегка, что говорило об отсутствии сознания. Затем посчитала удары сердца

по пульсу, достав слушательную деревянную трубочку, приложила один конец к уху, а другой переставляла то к одному, то к другому месту сначала на груди, а потом, повернув мальчика на бок, на спине.

За два года работы среди нанайцев Сура неплохо усвоила разговорную речь людей природы. Потому успокаивала Тойлу по-нанайски, объяснила, что мальчик в силу каких-то причин или от чрезмерного переживания ушел в транс. Говорила, что горло чистое, только на шее сильно увеличены лимфатические узлы. Затем, сделав укол, проверила, зачем и почему обмотана шея у Кумбикэ. Увидев сильно опухшую шею с правой стороны, Сура ахнула:

— Ты почему не идешь ко мне в медпункт? Тебя надо направить в больницу!

— Мне надо сдавать экзамены. Завтра начинается первый. Как я поеду?

— Когда это у тебя началось?

— Дней десять назад, — ответила вместо Кумбикэ Сини.

— Приходи завтра, я тебе дам направление, — затем обратилась к Сини: — Девочку надо отвезти в Найхинскую больницу.

Но ни завтра, ни потом Кумбикэ не пошла в медпункт. С завязанной шеей она ходила сдавать экзамены. В последний день сдачи испытаний подошла к Кумбикэ классная руководительница Коачики Анна Григорьевна и сказала:

— Я говорила твоему брату, чтобы он принес справку из больницы, что он действительно лечился. Просила, чтобы с ним пришел отец. Но прошло уже больше десяти дней — ни справку он не принес, ни отца не прислал. Почему?

— Коачика снова заболел. А папу включили в рыболовецкую бригаду временно. Он находится в Гасиане.

— Приедет — скажи, чтобы пришел в школу.

— Ладно. Он, наверно, сегодня приедет.

С самого утра следующего дня шел изнурительный дождь. К полудню усилился северо-восточный ветер. Он гнал по небу низкие грязновато-мутные облака, похожие на клубы дыма, чем-то угнетающие душу с проносающейся чередой навязчивых и утомительных мыслей в голове. Приехав домой, Макто застал сына Коачику опять больным. То ли от этого, то ли из-за сырой и сумрачной погоды он чувствовал себя раздраженным, но о своем состоянии старался не давать виду. Еще вчера, когда отец приехал домой, Кумбикэ сразу сообщила ему, что его звали в школу. Сколько ни учились дети, Макто почти не ходил в школу на родительские собрания. Он считал это пустой тратой времени, так же, как и учебу в школе. «Детей надо учить нашим потомственным навыкам, — думал он. — Что дает эта учеба? Ровным счетом ничего!» Но на этот раз он почти заставлял себя пойти в школу. Достал из самодельного хорго-шкафчика, похожего на небольшой комод с тремя выдвижными ящиками, из самого его нижнего отдела сверток, в котором аккуратно хранил свои кое-какие вещи. Развернув, взял в руки хромовые сапоги. Их когда-то сшил обувщик-самоучка Сойго Поссар. Его рост едва превышал одного метра. Жил он в селе Джари, кое-когда ездил на Муху к брату Иннокентию, по пути останавливался у Макто и прямо здесь, в Даде, Сойго сшил ему эту обувь. Сапоги, хранившиеся завернутыми, не имели ни единого пятнышка. Несмотря на это, Макто протер их чистой тряпочкой. Он в них обувался редко: только на какие-нибудь колхозные или партийные собрания, а порой, когда шел к кому-то в гости. На ногах они сидели очень удобно, а при ходьбе издавали своеобразный скрип. Для этого Сойго положил под подметки берестяные полосы.

К приходу Макто в школе шел педагогический совет по итогам учебного года и по прошедшим только что экзаменам. Увидев в дверях гостя, директор Юна Николаевич Бельды пригласил войти.

— Мы знаем, что ваш сын Коачика болел, — начал он, — мальчик и так учился слабенько. По письму у него только в первой четверти «три», а по остальным — неуспевающий. По математике во второй и третьей четверти «двойки». А третья четверть — основная. Поэтому мы и не знаем, что с ним делать.

— Если плохо учится, надо отчислить из школы, — сказал Макто. — Какой толк от этой учебы? Нас тоже никто не учил, но живем, знаем свое дело, к которому приучали наши отцы и деды.

— Дядя Макто, нельзя так рассуждать. Сейчас настает другое время, государство требует, чтобы все дети были грамотными, — вступила в разговор Анна Григорьевна.

— А потом куда девать эту вашу грамоту, на лбу приклеить или за пазухой таскать? Разве она поможет добыть рыбу или убить зверя? Ее только во двор, на улицу выкинуть к воронам. Даже они не клюнут, скорее тухлую рыбу утащат.

Молча слушали Григорий Багдович Гейкер, Александр Алексеевич Заксор. Они, вернувшись с войны, работали учителями. На их лицах виднелась легкая беззлобная улыбка. Слова потомственного следопыта были настолько убедительны, что и спорить-то, казалось, было невозможно. Ведь у всякой спорящей стороны есть своя правда, своя неопровержимая точка зрения. Макто с самого детства был воспитан в деловом духе, в неразрывной связи с природой. «Мужчина должен быть добытчиком, кормильцем для семьи, а не хлындать по дому из угла в угол от безделья!» — так думал Макто и доказывал эту точку зрения:

— Хорошо. Выучится. А дальше что? В голове грамота, а в доме нищета? Значит, он будет позорным гиохатоном. Нет. Человек родится на свет мужчиной не для этого, а для настоящих мужских дел, чтобы слиться воедино с природой. С вашей грамотой он на природе ничего не добудет, не сумеет отличить след енота от следа лисицы. Надо у природы

учиться ее мудрой, многосторонней грамоте. Вот для чего родятся мужики!

Слушавшие учителя были согласны с ним. Именно такими воспитывали нани своих мальчуганов с детства.

— Дядя Макто, — начала Анна Григорьевна, стараясь как можно мягче выразиться, — это было раньше, когда у нас не было школ. Вы правильно говорите. Сейчас требуют, чтобы учились все дети. Это не наша прихоть, а государственная установка. Что касается Коачики, он мальчик способный, но с ленцой: иногда письменные задания не делал, не читал дома, что задавали. Поэтому у него такой результат. Он не чувствует особой ответственности за учебу.

— Значит, мне надо сидеть рядом и с ним вместе делать уроки?

— Да нет. Просто иногда следует заглядывать в его дневник, тетради, интересоваться, как он выполнил задания. Тогда он будет чувствовать контроль с вашей стороны.

Потом вступил в разговор классный руководитель Кумбикэ Григорий Багдович. Он сообщил, что девочка сдала все экзамены, и осенью следует отправить ее в Найхин для дальнейшей учебы в семилетней школе.

Вернулся Макто домой с чувством неудовлетворенности, что не сумел убедить учителей в своей правоте. Конечно, старый уклад жизни оставил в его памяти твердо устоявшиеся отпечатки, переломить которые нельзя было за день или два. Со своей стороны он был прав, был прав и в своих догадках, что вслед за обучением в школах придут другие, еще не изведенные условия, от которых самобытная жизнь аборигенов изменится в корне. Это очень досадовало и печалило его.

А Кумбикэ осенью поедет в Найхин, но, столкнувшись с программой русской школы, она вернется домой, чтобы уже навсегда оставить учебу. На воспаленной шее появятся открытые раны. Из них будут выпадать кусочки челюстной

кости. Отец приготовит из коры девяти деревьев нанайское лекарство в виде тягучего дегтя. Только оно поможет Кумбикэ избавиться от этой изнурительной болезни. Зато на щеке на всю жизнь останется глубоко впалый шрам от утраченных частей челюсти.

Глава 2

Три ночи камлания

В тот день, когда Макто возвращался из школы, причалила к берегу лодка. Это Пилха со всей семьей вернулся из селения Курун. Шаман, опираясь на свои костыли, вышел из лодки. Он с Макто как старые друзья и соседи тепло приветствовали друг друга, перекинулись несколькими словами. Тем более что шаманы не любят рассказывать про свои дела — это их внутренний мир, это их магическая тайна. Бывали случаи, когда кто-то из любопытства расспрашивал, о чем поют они во время камлания и что означает все то, чем обладают шаманы. В таких случаях они всегда отвечают с большим нежеланием и неохотой — почти не помнят то, о чем пели, что они целиком и полностью находились во власти сэвэнов — добрых духов-помощников. Зная это, Макто не стал расспрашивать соседа, чем он занимался на Куруне так долго, только сказал:

— Мой Коачика заболел, даже в больнице лежал. Выписался. Вроде было нормально. Сейчас снова захворал.

— Я так и знал. Еще в Куруне обнаружил, что его духа в моем кагба — «яслях» — нет.

— Анда-друг, тогда завтра-послезавтра, как отдохнешь от дороги, может быть, попробуешь сходить за духом Коачики?

— А чего ждать завтра-послезавтра, — возразил Пилха, — надо сегодня же взяться за него. А то как знать, может и худо быть. Так что, анда, я сегодня же вечером приду к тебе.

Как только опустились сумерки на село, от первого удара громко заголосил бубен. Звуком заполнился весь дом. Он проникал во все щели, под одеяло Коачики, через оконное стекло в темень ночи, где прыгал, скакал между кустами, стучал по веткам деревьев и уходил далеко-далеко в небо, к звездам. С первых слов камлания Пилха созвал всех своих сэвэнов — добрых духов, чтобы они проверили еще раз «ясли». Убедившись в отсутствии паня — духа Коачики, Пилха сказал, что встречается с единственным и довольно опасным случаем, когда паня человека похитили не черти, а маг-шаман. Затем он обратился к Макто:

— Анда, эй тэнг манга дяка — друг, это очень тяжелый случай. Сумею ли спасти твоего сына или нет, не знаю. Паня твоего сына похитил удэгейский шаман. Куда вы ездили в начале мая с сыном, дочерью, братом Капока и его сыном?

— Ездили за черемшой на речку Хар.

— Ты там подстрелил красивого изюбря с прошлогодними ветвистыми рогами, на которых висели ледяные сосульки.

— Да, да. Он перешел речку и поднялся на пригорок, где я собирал черемшу.

— Это был самый основной сэвэн — помощник удэгейского шамана. За это он должен был убить тебя, но потом главным образом переключился на Коачику, так как он первым сорвал с рог льдинку и съел. Кумбикэ тоже съела одну небольшую сосульку. Это были не льдинки, а побрякушки шамана, которые носил на своих рогах изюбрь.

Пилха камлал и все время вздыхал: сумеет ли выпросить у более сильного шамана дух мальчика. Если бы утащили паня черти, то хотя и с большими трудностями, но можно осилить злых духов.

— Ну, анда, давай поднажмем, иди во владения своего единомышленника. Попробуй, постарайся уговорить нездешнего шамана, — просил Макто своего соседа сквозь грохот бубна, металлический звон побрякушек и его гулкое пение.

Между тем Пилха подбадривал своих сэвэнов, но просил их быть крайне осторожными, чтобы не попасть впросяк во владениях другого шамана. От Хара передовые сэвэны повели своего хозяина на речку Пякса, затем через Мэкэн — тигровый дом — направились вверх по Мухену. Здесь они нашли старые «ясли» какого-то шамана. Оттуда доносились жалобные стоны, просьбы, чтобы отпустили их. Вокруг «яслей» не было никаких сторожей. Туда также не было новых следов. По-видимому, шаман, который содержал души людей в этих «яслях», не открыв свой жбан — «ясли», умер. И они оказались взаперти. «Ничего не трогайте, — просил своих сэвэнов Пилха, — не открывайте чужой жбан. Это грех, хорошо закончиться не может». Далее путь шамана пролегал через речки Сохори, Пор (Хор), находящиеся на удэгейской стороне. Затем направились к верховьям Сукпая, где между высоких гор с крутыми склонами, далеко внизу, шумела своими быстрыми водами неугомонная основная речка небольшого народа удэге. Здесь, на склоне с неприметной площадкой, сэвэны Пилхи обнаружили «ясли». Вот сюда-то и вели следы паня Коачики. Вокруг этой местности стояли охранники удэгейского шамана. Они даже близко не подпустили к «яслям» хозяина. Но Пилха все-таки просил, умолял, чтобы охранники отдали паня мальчика. И все напрасно.

После продолжительного камлания шаман обратился к соседу:

— Анда Макто, хонь тамбиа... Друг Макто, что я могу поделать? Наотрез отказываются отдать паня твоего сына. Это сильнее моей воли. Мог бы я силой войти в «ясли» и забрать душу Коачики... Но так делать нельзя. Тогда мы с удэгейским шаманом станем смертельными врагами, его сэвэны могут поголовно уничтожить твою семью и мою тоже.

Так закончился первый вечер камлания Пилхи. Тойла, вся в слезах, зажгла в доме керосиновую лампу.

На второй вечер, как только смерклось, шаман снова взял в руки бубен и гисил — палочку-колотушку. Со своими помощниками он шел тем же путем, как вчера. Но на этот раз он направился к самому шаману-похитителю. Дойдя до Гвасюгов, Пилха нашел шамана Кялундзюгу тяжело больным. До прихода в стойбище удэге Пилха попросил, чтобы Макто приготовил сугдиптэнги — стопочку водки для угощения удэгейского шамана. Зайдя в дом, он, встав на колени, трижды поклонился Кялундзюге, легонько касаясь лбом пола. Эти действия шаман показывал здесь, положив на пол бубен и колотушку. Теперь он говорил на удэгейском языке, как будто испокон жил на берегах этой суровой горной реки. На языке нани слова нашего шамана значили: «Мой старший брат, я переступил порог твоего дома по тяжелому случаю. Не прогони меня, прости. Произошла очень досадная ошибка. Охотник не знал, что убитый им изюбрь был твоим самым основным сэвэном-помощником. Мальчик очень страдает, часто теряет сознание... Прости охотника, отдай мне паня его сына».

«Я остался без своего главного сэвэна, оттого и болею. А паня мальчика готовлю, чтобы вместо изюбря он стал первым моим помощником. Пока я живой, сын охотника не умрет. Но когда я буду камлать, он всегда будет находиться в бессознательном состоянии...»

Прежде чем вступить в переговоры с Кялундзюгой, перед поклонами Пилха попросил подать сугдиптэнги. Взяв из рук Макто чарочку с водкой, наш шаман выпил до дна все содержимое. Это по шаманским понятиям означает, что выпитая водка попала не в желудок Пилхи, а того, кому она предназначалась.

Наш маг еще долго продолжал уговаривать гвасюгинского, чтобы тот смилостивился и отдал паня Коачики. Но каждый раз получал твердое «нет». Тогда Пилха предложил самый последний, однако сомнительный вариант. «Стар-

ший брат, а нельзя ли дух мальчика заменить на дух какого-нибудь удин — домашнего животного?» Удэгейский шаман подумал, затем ответил утвердительно, но с условием, что рассказанный им обряд будет исполнен в течение всего трех дней, и паня мальчика отдаст только после совершения этого ритуала.

Во время камлания на протяжении всех переговоров Пилха пел на удэгейском языке. Так как по неписанным установкам предков, пребывая на чужой земле, находясь в чужом доме, следует знать и уметь говорить на языке исконных жителей. Макто знал удэгейский язык. Он неоднократно охотился с ними, уважал их обычаи и традиции. Поэтому переговоры Пилхи с Кялундзюгой ему были понятны.

Недолго ветру гулять по полю, недолго и окрыленному шаману вернуться домой. Когда в доме зажглась керосиновая лампа, на лице Тойлы сияла нескрываемая радость: наконец-то в ее сознании обозначился какой-то еще не совсем видимый лучик надежды на спасение жизни среднего сына. Быстренько она накрыла стол. Помогали ей дочь Кумбикэ и невестка Сини. А остальные, в том числе и Коачика, спали беспробудным сном. Затем Тойла пригласила Пилху за стол. Макто разлил по рюмочкам водку, и все взрослые сели ужинать.

У Макто была дойная корова и годовалый бычок от нее. Они всегда ходили вместе и к вечеру обязательно приходили домой. Но вчера, в день второго камлания, они не пришли. Не появились и в этот вечер. А три дня, данные Кялундзюгой, истекут послезавтра. «Куда могли подеваться коровы? — думал Макто. — Неужели их задрали медведи?» Иногда они близко подходят к селу, оставляя за собой вывороченные гнилые валежины. Это косолапые так ищут свое любимое лакомство — муравьев. Но чтобы убивали коров, такого еще не было. Хотя как знать, о чем думает зверь. Тем

более в здешних лесах он самый сильный, не считая амбатигра. При удобных случаях может напасть и на корову. Они не вернулись и на следующий день. Тойла переживала про себя. Макто несколько раз ходил в местечко На Дуэни в надежде встретить их там. И каждый раз возвращался ни с чем. Он даже ходил к Юне Николаевичу и его жене, чтобы купить у них козу. Они много лет держали у себя этих миловидных и в тоже время неумно-пакостных животных. Козы, гуляя по улицам, нет-нет да и зайдут в чей-нибудь огород, чтобы навести там свой «порядок» по уборке культурных растений. Увидев состояние на грядках, хозяева с криком прибежали в дом директора школы и в полный голос высказывали возмущение:

— Пойдите поглядите, что сделали ваши козы у нас на огороде! Съели всю кукурузу, которая только начала набирать рост. Фу-у! Какую пакость вы держите!

— Для вас пакость, а для нас радость, — ответила Анна Григорьевна в самый первый раз, когда к ним пришла соседка.

— Вот радостей-то сколько! К вам почти через день ходят люди с подобными жалобами.

Анна Григорьевна лишь потом поняла, что тогда, в первый раз, ответила неправильно, не подумав до конца о том, какой последует ответ от соседки. С тех пор никому больше не отвечала так. А на этот раз, увидев в дверях Макто, даже встrepенулась и, сразу подумав о своей козе Розе, спросила:

— Дядя Макто, сколько чего поела, потоптала?..

— Кто сколько чего поела и потоптала? — не поняв вопроса хозяйки, переспросил гость.

— Разве не наша коза Роза побывала у вас на огороде?

— Конечно нет. Она на нашей стороне даже и не бывает.

— А я-то подумала, что по поводу нашей козы вы пришли. К нам часто ходят люди из-за проделок Розы.

— Мой приход тоже, в общем, связан с козой. Хочу купить одного козла, если есть.

И он коротко рассказал своей родственнице о проблемах с паняном Коачики. Выслушав гостя, Анна Григорьевна ответила:

— Мы убрали всех своих, кроме одной Розы, самой удачной. Но ее продать я не могу.

— Что делать, я не знаю. Завтра истекает последний, третий день, который дал удэгейский шаман. Он сказал, что после третьего дня паня Коачики навсегда останется у него. Наших коров тоже нет, куда запропастились? Я-то надеялся на своего бычка, а его нет.

— Может быть, они еще придут. Впереди целая ночь и день.

Так Макто пришел домой ни с чем. Дома он налил в небольшую стопку водки, подошел к сэвэну Дюлин, поставил стопочку перед ним, опустившись на колени, трижды по три раза поклонился хранителю домашнего уюта и спокойствия, чтобы он помог Коачике, вернул во двор затерявшихся коров. Стопочкой водки задабривал Дюлина. В эту ночь Макто и Тойла спали плохо, охваченные переживаниями. Заснули крепким сном только под самое утро. Прежде чем проснуться, Макто запел громко и звонко. Ему приснилось, что какой-то мальчуган ведет их коров домой. Впереди шла дойная, за ней маленький теленок, и замыкал строй тот самый их годовалый бычок. Почему-то на его рогах висели красные, белые и желтые лоскутки ткани. Проснувшись, он рассказал жене о своем сновидении. Легко поднявшись с постели, Тойла открыла дверь и выглянула на улицу. Во дворе коров не было.

— Да ты просто сильно думаешь о них, и потому приснился такой сон.

Макто обидело это, и он ответил жене грубовато:

— А ты что? Не думаешь? Жизнь Коачики, может быть, зависит и от них!

Во время завтрака младший сын Леня глянул в окно и воскликнул:

— Идите поглядите! Наши коровы идут из леса.

Все бросились к окну. И действительно! Впереди шла Марта, за ней маленький теленок, сзади сопровождал их бык Абдул: точно так, как во сне Макто. Тут же засуетились все. Макто, взяв кусок хлеба, выбежал во двор. На ходу снял с гвоздя висевшую на нем веревку. Подойдя к Абдулу, протянул ему хлеб. На рогах действительно висели какие-то лоскуты. Вероятно, он нашел мусорную свалку и расшуровал ее рогами. Не снимая висевших лоскутов, Макто быстро накинул на рога Абдула веревку и привязал ее второй конец к стоящему во дворе телеграфному столбу. Тем временем Тойла с детьми загнала Марту в стойку. Маленький теленок тоже оказался бычком. Он зашел вместе с матерью. Сини по просьбе свекра пошла за Пилхой.

Шаман не заставил ждать себя долго. Он встал рано, съездил на противоположный берег реки на своей оморочке, где ставил небольшую сеточку в одном из многочисленных заливов. Его улов был неплохим: более десятка карасей, три средних по величине сазана, сом и дюжина мелочи. Возвращаясь домой, Сини несла, вдев пальцы за жабры, двух сазанов. За ней ковылял Пилха.

— Гэ, анда, бачигоапу — ну, друг, здравствуй, — взаимно поприветствовали друг друга приятели.

— Как будем делать? — спросил Макто. — Я никогда с таким делом не сталкивался и не знаю что к чему.

— А ты думаешь, я знаю? — усмехнулся сосед. — Но будем делать так, как пояснял мне Кялундзюга.

Пристреленный бык лежал на земле. Из раны на голове струилась кровь. Из этой струйки набрали немного крови в стакан. Сини унесла его домой, поставила на дальний угол стола и, как велели, накрыла крышкой от банки.

Разделку быка закончили еще до полудня. На солнцепеке роями летали крупные зеленые мухи. В двух местах пос-

тавили дымокуры, чтобы отпугивать назойливых насекомых. Кроме того, стояли здесь рядом младшие дети Пилхи и Макто с веточками в руках и отгоняли быстрокрылых летунов. Внутренности — ливер — лежали в отдельной посуде. Макто сам отрезал от них куски и клал в большую ведерную кастрюлю. Потом позвал жену, велел поставить варить. Кроме ливера в кастрюле лежали большие куски жирного мяса. При разделке туши хозяин отложил отдельно на брезент один задний окорок целиком и большой кусок реберной части. Указав на них, обратился к соседу:

— Это я вам отложил.

— Куда нам столько? Отдели от окорока половину, вот нам и хватит.

— У тебя есть родственники, друзья — угостишь их. Я тоже все это мясо разрублю на куски, чтобы дети разнесли по родственникам, друзьям. А то сейчас лето, где хранить? От того-то злополучного изюбря мясо соленое в бочке лежит. Оставлю себе второй окорок и немного от ребер.

Ближе к вечеру Пилха снова пришел в дом соседа. Застал всех членов семьи за едой. Тойла пригласила шамана за стол. Таковы были правила гостеприимства у нани с древнейших времен.

— Я только сейчас поел и пришел, — говорил гость.

— На, хоть боды попей, — поднесла хозяйка шаману, устроившемуся на нарах, пиалу с крупяным отваром. Даже сытому отказываться сесть за стол или отказываться от угощения — это обида для хозяев, что якобы гость брезгует их посуды или еды. Об этом знали все, даже дети, которых с малых лет приучали к правилам хорошего тона, к правилам гостеприимства. Пилха действительно был сыт, но принял из рук Тойлы пиалу с бодой.

— У вас сено, конечно, есть, — заговорил сосед. — Надо сделать из соломы небольшое чучело, подобное изюбру.

— Конечно, есть сено. Тем более и солому найдем.

Макто неоднократно доводилось делать из соломы или травы всякого рода сэвэнов. Поэтому ему не составляло труда и много времени для изготовления такого чучела. К наступлению темени все приготовления были закончены. На голове соломенного животного виднелись две воткнутые веточки с несколькими отходящими в стороны побегами. Послушать камлание шамана пришли соседи. В доме собралось более десятка людей. Среди них были моторист колхозного катера «Ерш» Юбиз Оненко, рыбак Дучикэ со своим отцом охотником Вачиа Киле, Альчи Бельды — тоже охотник, кроме них другие мужчины и женщины.

Наконец Пилха занял место на низенькой табуретке посреди пола лицом в сторону окна, где через выставленную шипку был пропущен на улицу один конец веревки. Ею привязали за шею поставленное под окном соломенное животное. За второй конец, который находился дома, держался Юбиз. Рядом с ним сидел сухощавый Дучикэ. Еще при свете керосиновой лампы Пилха, зажмурив глаза, легонько стукнул по бубну. Коачика лежал на своем обычном месте с открытыми глазами. С тех пор как случился с ним последний приступ на поле, где играли в лапту, он вот уже больше семи дней чувствовал себя не очень хорошо: кашлял, чихал, и его нос был постоянно мокрым. Фельдшерица Сура говорила, что он простыл, потому что тогда на поле много бегал до пота и, потеряв сознание, резко остыл. Она запретила ему выходить на улицу. Играл дома со своим младшим братом Леней, сестренкой Кэриэ и смотрел за маленькой сестренкой Вале́й, которой едва перевалило за год.

Когда потушили свет, Пилха все таким же ровным голосом пел песню досады, огорчения и сомнения. Он говорил: «Вышел тяжелый случай — по ошибке охотник убил главного сэвэна у шамана чужого народа. Взамен своему сэвэну он взял паня мальчика — сына нашего охотника, чтобы стал

помощником в его шаманских делах. Теперь куда пойти, где найти дух этого изюбря, чтобы ценой жизни нашего удин — домашнего животного — воскресить, оживить душу сэвэна нездешнего шамана? Боа, бэлэчиру! На, хориро! — Помоги, небо! Земля, посодействуй!..» Только после такого вступления Пилха созвал всех своих помощников, чтобы отправиться в дальний нелегкий путь на поиски духа убиенного сэвэна. Теперь его голос сливался с гулом хорошо подсушенного перед огнем бубна, со звоном ударяющихся друг о друга металлических подвесок на поясе. Он подбадривал своих помощников, торопил их. Дойдя до места, где был подстрелен изюбрь, он обнаружил, что здесь нет лежавшей головы. Лишь были следы медведя, утащившего ее. Для шамана эта голова уже ничего не значила. Сюда пришел он для того, чтобы, как от исходной точки, где отделился дух магического зверя, начать искать волшебную силу, таившуюся в изюбре. Пилха просил своих сэвэнов, чтобы они не торопились, были внимательны, круг за кругом расширяя площадь, искали дух, отделившийся от зверя. Наконец сова с железными когтями и клювом обнаружила на противоположной стороне реки Хар в стволе березы дырочку от пули. Сова — ночная птица. Потому ночь для нее — что день для нас. А случилось так: при вылете пули из головы дух зверя вместе с ней покинул изюбра. Пролетев вместе с ней, при попадании в березу он остался в ее стволе. И только отсюда сначала пришел к хозяину — Кялундзюге, затем, перевалив Сихотэ-Алинь, посетил побережье Татарского пролива, где пасся вволю. Только после этого вернулся в дебри большой горной реки Хонгари (Сунгари), где появился на свет. Здесь его взял шаман, чтобы сделать своим главным помощником.

Во время своего камлания обо всем этом пел Пилха. Слушавшие удивленно шептались между собой: «Вот как интересно... Словно сказка какая... Надо же так!»

Наш шаман предупреждал помощников: если они обна-

ружат дух изюбра — чтобы были начеку, в случае, если он пустится убегать стремглав, то не дали бы скрыться куда-нибудь. Так и случилось: сэвэны — волк, медведь и даже тигр — не успели поймать дух изюбра. Только остроглазый сэлэмэ гу-си — железный орел — камнем упал с высоты и схватил в свои крепкие когти. За орлом вслед спикировали оксаран и гихон — сова и ястреб. Пилха просил быстрокрылых помощников нести пойманный дух зверя, а сову и ястреба — внимательно сопровождать орла.

По мере приближения сэвэнов домой шаман спрашивал у Юбиэ, державшегося за конец веревки возле окна:

— Топтонгоси хай мэдэ? Чил-чил би? — Как там веревка? Нет никаких признаков?

— Спокойно. Нет никаких признаков.

— Надо быть начеку, — говорил шаман, — как только появятся какие-либо признаки, сразу скажите мне.

После этого прошло не более двух минут, Юбиэ закричал:

— Ага, топтола сизэрги! — Брат, по веревке идет какая-то дрожь!

Тут Пилха обратился к жене Макто:

— Где собранная кровь? Надо влить в душу соломенного сэвэна — оживить его. Подайте мне!

Тойла, сидевшая возле стола, сразу взяла стакан с кровью и подала шаману. Он залпом выпил до дна. Дрожь веревки усилилась, даже подергивала.

Теперь Пилха пел по-другому:

— Даи дуэнтэ, удинни панианиа, хэги-гэ, Тайги великой жителя душа, хэги-гэ,

Бэээчии игуруэ, хэги-гэ, Проникни в свое тело, хэги-гэ,

Аядиани амиолио, хэги-гэ, Вновь воскресни, хэги-гэ,

Дёптончии дёпчиги, хэги-гэ, В новом теле оживи, хэги-гэ...

В этот момент веревка стала сильно дергаться, она натягивалась втугую. Теперь ее удерживали вдвоем Юбиэ и Дучикэ. Но веревка так натягивалась, что они не могли удер-

живать. Пришли к ним на помощь старик Вачиа и охотник Альчи. Шаман кричал на своих помощников:

— Принесите серебряную клетку, чтобы загнать ожившего изюбра!

Только после того как он оказался в клетке, натяг веревки ослаб совсем. Шаман теперь пел усталым голосом. Он успокаивал своих сэвэнов, говорил им:

— Отдохните, чтобы потом вновь отправиться в путь.

Потом попросил зажечь свет. Когда дом осветил огонек лампы, Юбиэ и Дучикэ все еще держались за веревку. Они громко восторгались:

— Ну и дела! Если бы не подошли на помощь, веревка так бы ускользнула из рук! Какая сила!

Глядя на них, люди гоготали, острили над ними. Потом по просьбе шамана они собрались выходить на улицу, но Юбиэ спросил:

— А он нас не забодает? Как удержим его?

— Да, к нему сейчас только подойди... Мать родную вспомнишь, — смеялся Альчи сквозь гогот людей.

— Мы же посадили его в клетку, — смеялся Пилха.

— А тот, соломенный, где?

— Да выходите же, принесите, — уже серьезно сказал шаман.

Когда его занесли, люди увидели, что веревка держится только на шее соломенного сэвэна, матерчатая же полоска, охватывавшая грудь за передними ногами, порвавшись, висела двумя концами на основной веревке.

— Во-о, видите, к-как! Он нас даже ч-чуть не утащ-щил, а вы смеет-тесь, — Юбиэ заикался чуть-чуть при разговоре. Этим самым больше рассмешил людей. Потом он подал макет Пилхе. Тот раздвинул на нижней стороне груди соломинки, достал из нее крохотный мешочек и сказал:

— Изюбрь, который едва не утащил вас, находится здесь.

Шаман положил мешочек на пол. И действительно, в нем что-то шевелилось. Потом снова забрал его, затолкал за пазуху.

Времени было полночь. Пилха сел на свое обычное место, взял в руки бубен и колотушку. Потушили свет. Созвав своих сэвэнов, на этот раз направился в Гвасюги. Находясь дома, удэгейский шаман знал все, что делал наш бесстопый. А сейчас ожидал его прихода. Встретившись, они тепло приветствовали друг друга:

— Гэ, багдыфе, сукпайтэ бата, — по-удэгейски сказал Пилха.

— Гэ, бачигоапу, мангбони анда, — ответил Кялундзюга по-нанайски.

— Как ты велел, я оживил твоего главного сэвэна-помощника и притащил в клетке. Принимай его и выздоравливай сам, — с этими словами Пилха, достав из-за пазухи тот самый маленький мешочек, положил Макто в руки. — Открывай калитку и отпускай его к хозяину.

Макто, держа в руке мешочек, открыл дверь, развязав мешочек, вытряс его. Тут же в темноте все услышали цоканье настоящих копыт.

Только после этого оба шамана направились к верховьям Сукпая, туда, где находятся «ясли» Кялундзюги. Это было в ущелье. На незначительной площадочке стояли охранники. Помощники удэгейского шамана отодвинули камень величиной с дом. За ним была глубокая темная пещера, где содержался дух Коачики.

Когда находят паня больного у злых духов, в момент отнимания души шаманы подходят к больному и с громким рыком трижды наклоняются над страдающим. Это значит, что он зубами отнимает у злодеев дух страдальца. А в этом случае дух отдается без такового, то есть по доброй воле, из рук в руки. И на этот раз Кялундзюга отдал паня Коачики прямо

в руки Пилхе. Возвратившись к себе, наш шаман поместил паня мальчика в своих надежных «яслях».

Так закончилось камлание трех ночей.

Глава 3

На охоту через Амур

После ветреной и дождливой осенней кетовой путины настали по-настоящему теплые дни. У людей в каждом дворе висела, как красное полотнище, огасан — юкола разных видов. При такой тихой, теплой погоде длинные тонкие полоски высыхали быстро. Из одной кетины умелые женщины срезали ровным движением ножа только с одной ее стороны до четырех штук пластиков. Для этого надо иметь острый нож и набитую руку. У нани соленая кета не очень пользуется популярностью. Зато юколу любят даже малолетние дети, которые только начинали привыкать к взрослой пище, обсаывают, грызут ее вместо хлеба.

Кетовую красную икру для употребления брали мало. Ее могли высушить на трех-четырех небольших жердочках вместе с верхней пленкой для добавления в крупяной напиток бода или для пагдана — состава, которым увлажняли рыбу шкуру и даже шкуры мелких пушных животных для быстрой и качественной обработки. В свежем виде ее солили немного, только для того, чтобы отведать. Все же остальное бросали в котел, где варили хребтины, головы, внутренности на корм собакам и свиньям.

В поселении Да, как и во всех других, картофель и овощные культуры сажали только на своих небольших приусадебных участках. Используя такие теплые дни, люди выкапывали картофель и собирали огородную культуру. У Капоки только картофель занимал значительную площадь, а всего же остального было понемногу. Поэтому и на уборку урожая

не тратили особо много времени. Зато Макто основную часть картофеля сажал на луговой стороне. Здесь земля наносная, с песком, и клубни вырастали большие, появлялись из земли, как шары, чистые и даже поблескивали на солнце туго натянутой кожей. Песчаная с черноземом почва была рыхлая, пышная, и, чтобы облегчить трудоемкую работу, Макто обычно просил в колхозе небольшой конный плуг, впрягал в него всех пятерых своих больших собак, сам, держась за ручки управления, подгонял собак. Они нартовые, очень сильные. Но в первое время собаки тянули в разные стороны. Тогда Макто велел Коачике идти вместе с ведущей, и работа шла на лад. На развороченной земле оставались лежать на виду сплошные ряды клубней. Капока с Дёльди тоже помогали. Домой привозили две лодки по десять-тринадцать кулей. Весь остальной урожай закапывали на рядом находящейся релке. Для этого Макто копал яму чуть больше своего роста диаметром в полторы сажени, высыпал туда весь оставшийся картофель, на него в виде решетки клал сухие ветки тальника и поверх укрывал толстым слоем скошенной сухой травы. При этом в центре ямы, прямо от картофеля поднимал вверх сноповидный валик, через который «дышали» клубни. Яма зарывалась сверху небольшой остроконечной копешкой сена, чтобы дождевая вода не проникла к клубням. Макто не раз делал так. Картошка сохранялась свежей. Тронутая несколько морозцем, делалась еще вкуснее и даже сластала. Капока помогал брату, потому что им предстояло поехать вместе на охоту на левобережную сторону Амура двадцатого-двадцать пятого октября. Об этом они договорились еще тогда, когда ездили за черемшой.

В колхозе шла горячая уборочная пора. Его поля находились в разных местах: бывшем нанайском стойбище Гасиан в пяти километрах выше Да, на луговой стороне Пахали в восьми километрах на Сириминской протоке, в давние времена здесь тоже жили нани. На эти два участка ежегодно мо-

билизовывали школьников копать картофель. Вилами взрослые переворачивали каждый куст, а дети собирали клубни. В местечко же На Дуэни отправляли женщин-домохозяек, некоторые из которых, поработав полдня, уходили домой к своим малолетним детям. А Макто и Капоку определили в бригаду по скашиванию овса. Это поле находилось недалеко от входа в Сириминскую протоку. За косарями шли сноповзальщики. Они, связав несколько снопов веревкой, уносили на берег в лодки. А уже на лодках доставляли в Да, где мужчины крутили за длинную ручку молотилку, приводя в действие грохочущую установку. От ветродувных лопастей метра на три летела помятая, дробленая солома овса, а сами зерна, пройдя через три наклонные сеялки, падали на широкий брезент, устланный на земле. Вокруг этой установки бегала малышня разных возрастов. Наравне с мужчинами работали здесь и женщины, которые с ведрами в руках носились от молотилки в склад и обратно. Зачерпнув овес, несли его в помещение. Возле дверей у больших весов стоял бухгалтер колхоза Леонид Егорович Бельды. Он отмечал количество засыпанного овса. Эта работа длилась более одной недели. А картофель копали почти до самых холодов. Макто со своим братом уехали бы давно, но дела задержали их: как же не помочь своему колхозу, когда ты являешься его членом? Да и по дому тоже было много неотложных дел. Ведь охотник перед отправкой на промысел должен успеть сделать многое, чтобы облегчить жизнь жене. Надо поправить завалинки вокруг дома, засыпать картофель в подвал, напилить сухие тальниковые деревья на поленья и прочее. Только редкие мужчины-баки, ленивые, могли оставлять своих жен и детей на произвол судьбы перед предстоящими холодами, а затем морозами.

За три дня до отправки Капока привез к брату на своей небольшой лодочке все, что было необходимо для длительной жизни на природе. Макто отливал из свинца увесистые

пули для берданы, а для Капоки — круглые жиганы к своему гладкоствольному ружью шестнадцатого калибра. За островом Партоан на левобережье Амура у Макто была землянка. Она находилась в неширокой проточке километрах в трех от захода. Сам же остров уходил вниз двумя расходящимися лучами, образуя большой и глубокий дэвун-залив, где во время ледостава скапливались стаи сазанов, амуров и другой крупной рыбы. Поэтому на этом острове почти всю зиму рыбачили промысловики Дадинского колхоза. Здесь было несколько просторных колхозных землянок. Кроме специальных бригад ловили рыбу и другие частные любители подледного лова, которые тоже сдавали уловы в счет колхозного плана. Каждая группа жила в отдельной землянке. А заезжали люди на этот остров только по льду, то есть в середине декабря, когда можно было добраться сюда на лошадях с санями.

Но охотникам следует быть уже на месте до появления шуги на Амуре, чтобы по чернотропу начинать добывать пушных зверьков. Поэтому Макто с братом направились на левобережье дальневосточной реки сразу после двадцать пятого октября. Выехав рано утром, только после обеда они вышли из протоки к берегам Амура. Лодка была загружена с верхом и потому двигалась очень медленно, причем она преодолевала встречное течение. За веслами сидели поочередно. Для отдыха останавливались в двух местах, подкреплялись сами и один раз кормили собак. А их в лодке было пять. Этих нартовиков везли, чтобы уже по твердому снегу возвращаться домой.

На выходе из протоки перед путниками открылся широкий, просторный Амур. Нани всегда почитали свою великую колыбель, в которой находили еду и одежду, горести и утешения, в буйном нраве реки видели методы мирного сожительства с ней и обогащения жизненного опыта. Амур для аборигенов был не только рекой, но живым символом добра.

Поэтому нани всегда просили у реки милости, помощи, пощады, разговаривали с Амуром как с равным, но более величественным и могущественным. И на этот раз, причалив на обычном, постоянном ханко — месте отдыха перед отправкой на противоположный берег, до которого почти четыре километра, братья разожгли костер, вскипятили чай, и перед тем как сесть подкрепиться, Макто достал бутылку водки, налил в маленькую рюмочку и направился к берегу. В другой руке держал корень растения хулэтун (русского названия нет), кусочек тасимы — лепешки. Встав у берега, говорил:

— Гэ, Мангбо, даи дама! Синчи-маня дяламбари сира-мари гудиэмбэ гэлэмэри бальдиапу! Баро, амиолиру, гудизсиру! — Ну, Амур, наш родной прадед! Только у тебя мы всегда просим помощи, пощады и участия во всех наших суетных делах! Пожалей, помоги, не гневайся. Прими наше скудное угощение!

С этими словами вылил содержимое рюмки в воду, положил на ее поверхность кусочек лепешки с корнем хулэтун. Хулэтун — это священная еда хозяина Амура, Муэ Эндурни. Слегка подкрепившись, братья тронулись в путь.

Добрались до землянки еще засветло. Чтобы не мешались, сначала вывели всех собак и привязали их к новым столбикам, прибитым только что. Оказавшись на земле, они довольно повизгивали и лаяли, будоража привычную здешнюю тишину. В тугом воздухе, как бы подпрыгивая, удалялось вдаль эхо. Старый дэсю — настил на высоких столбах — был еще крепок. Туда сложили всю одежду, кроме спальников и мешков с продовольствием. На всех четырех столбах были прибиты кольцевые козырьки, чтобы на настил не залазили мыши.

Весь второй день использовали на заготовку дров и отдых. Собирали тальниковый, осиновый сухостойник. Также свалили стоявший недалеко сухой листвячок. Только к вечеру, успокоившись, Макто определил для брата путик, по которому он будет охотиться. Это луговая часть местности

до Амура и вниз вдоль берега. Она была богата лисами, енотами, колонками. А на заливах и озерах всегда плавала пернатая дичь: утки, гуси, лебеди, водились здесь даже аисты и журавли. На маревой части с широкими дубовыми и лиственничными релками можно было встретить медведей, кабанов, изюбрей и лосей. Сам же решил охотиться на противоположном берегу протоки, где места были тоже неплохими. Завтра предстоял первый день настоящего промыслового сезона.

Глава 4 По чернотропу

В свое время Капока тоже занимался охотой. Потому неплохо знал повадки пушного и крупного зверя. Однако большой тяги к охотничьему промыслу никогда не испытывал. Возможно, потому, что специальность добытчика связана с бесконечной ходьбой на большие расстояния через мари, болота, густые чащи с хаосом валежин, с лазаньем по кручам сопок и опасными спусками с них. Может быть, и потому, что она была связана с лишением чьей-то жизни, пусть и животных, но все-таки живых созданий.

В первый день он занимался изучением местности, одновременно делал ловушки из сухих тальниковых прутьев, клал в них небольшие кусочки рубленой кетовой головы от кисоакта — сушеной хребтины кеты, и перед самым входом сделанного сооружения ставил настороженные капканы, которые прикрывал трухлявым перегноем прошлогодней листвы и травы. Находил посреди лугов и переходные места — узенькие тропочки, по которым от одного озерца к берегам другого ходили лисы, еноты, колонки в поисках съедобного, где искали живых ракушек, оставшихся на мелководье рыбешек, лягушек и питались ими. На таких тропках находил удобные для установки капканов места и прикрывал их так,

что даже опытный глаз другого охотника не мог бы отличить замаскированный участок от общей тропки.

Придя к вечеру в жилье, застал брата за разделкой крупного енота, рядом лежали колонок и простреленная в голову темно-коричневая с буроватым оттенком выдра. Это подбодрило Капоку, мысли которого уходили вновь к местам, где ходил в этот день и устанавливал капканы, и он уже верил, что здесь есть на кого охотиться. Потом рассказал брату о местах, где побывал за день и сколько насторожил капканов. Макто говорил, что те места более богаты пушной живностью и не дадут Капоке вернуться домой с результатом цор — пустым, нулевым исходом: на этом участке так не бывает.

Утром братья разошлись по своим путикам. Собираясь в дорогу, Капока положил в свою котомку с десятков капканов. Шел легко, бодро, одновременно замечал новые следы лис, енотов, которых не было вчера на прибрежной илистой черте у воды. При небольшом порыве ветра опадали последние листья с ветвистых тальников, кружась и кувыркаясь в воздухе, ложились пестрым ковром на землю. Под ногами они издавали сухой шорох.

Капока приближался к первому капкану, и в его воображении рисовалась картина, что сидит в нем пушистый, жирный енот. Сейчас подойдет к нему, возьмет за шею и начнет душить это безобидное существо... Но капкан находился в таком же положении, как вчера. Следующий был на переходном месте среди уже высохшей травы. «Здесь-то обязательно будет», — думал Капока. Но и этот оставался в нетронутом состоянии. Только с одной стороны тропы, не доходя буквально одного человеческого шага до капкана, была оставлена лисой пометная кучечка. Капока осторожно убрал ее и поверх присыпал залежалым травяным перегноем, сделал так, что тут будто и не было никаких, даже малейших признаков посторонних помех. Проходя по путику, он одновременно поставил еще несколько капканов. Отойдя от них чуть в сто-

рону, делал на стволах деревьев хорошо видимые засечки. Это на случай внезапного выпадения снега, дабы потом не искать капканы, вороша и разгребая снег. А с такой пометкой охотник сразу находил свою промысловую снасть.

К обеду Капока обошел более половины настороженного оборудования. Оно оставалось нетронутым, но по всем признакам приходили зверьки, и в доказательство тому — у одной из ловушек с ее задней стороны имелся подкоп и приманка, находившаяся в ней, отсутствовала — унесла рыжая проказница или выдавший виды притворщик-енот. Стоя возле нее, Капока густо выругался и, ставя второй капкан на взрытой стороне, шепелявил: «Все равно попадешься! Не может быть того, чтобы человек не смог обхитрить четвероногую природную тварь! Сегодня же хотя бы в одном из капканов я задавлю вот этими руками вам горло!..»

Однако этого не случилось ни сегодня, ни завтра и даже в течение всей недели. А Макто каждый день приносил по одному — по два енота, добыл четырех лис, более десятка колонков и еще одну крупную выдру. Старший брат приходил домой усталый, расстроенный и огорчался вслух:

— Какого же черта я приехал? Лучше бы остался дома да ходил ловить щук махалкой.

— Может быть, коцали действуют? Когда они мешают, получается именно так: зверьки как бы зримо видят все капканы и обходят их далеко. Или кто-либо из родственников, товарищей и друзей часто вспоминает о тебе. Тогда их завистливые души приходят к промысловнику, чтобы, затаившись возле каждого капкана, отпугивать и отгонять зверьков.

Однажды вечером, когда Капока вернулся в землянку, Макто сидел перед камином, курил. Перед ним в наклонном положении был воткнут в землю тонкий тальниковый прутик, на верхнем конце которого виднелись колечки, сделанные из длинных полосок тальниковой коры. Макто разговаривал с ними, прикуренную самокрутку клал на нижнюю, внутрен-

нюю сторону колечек так, как будто дымящаяся сигара находилась во рту, обратился к старшему брату:

— Гэ, ага, ицу, димангосал исихамбачиа! — Ну, брат, посмотри, сколько гостей прибыло к нам! Встречай их, усаживай: они устали с дороги. Наверное, соскучились по нас и в такой сплошной ледоход на Амуре все же сумели добраться сюда.

Затем он называл их по именам, просил располагаться поудобнее, чтобы поговорить, побеседовать... Но в один миг схватил в руку все висевшие колечки и, достав нож, вспорол их одним движением и уже в злобном тоне прогнал всех незваных гостей, чтобы их завистливые души не мешали охотиться. Швырнув колечки на улицу и взяв воткнутый прутик, как бы догоняя убегающих коцали, бил прутиком по лежащим на земле колечкам, ругался:

— Вот так-то! Я все ваши поганные рты порезал ножом, чтобы не шептались возле каждого капкана моего брата!

Шел десятый день промысла. До этого дня Капока не поймал ни одного пушного зверька. Утром вставал с неохотой, уходил на путики позже брата. А на Амуре шел сплошной ледоход, шум и шуршание трущихся льдин было слышно далеко. Утренняя прохлада становилась все более заметной, с крутым морозцем. Однако погода стояла ясная и не обещала скорого прихода снега.

После изгнания коцали Капока на следующий день принес одного енота. В его душе наметился какой-то огонек, что дело пойдет на лад и сумеет добыть хотя бы штук пять енотов. На большее он уже почти не надеялся. Через день принес зайца и прямо в дверях ругал себя:

— Эним катоани эй гормохомба ваниндами тэй горолачиани дичимбитэнь! — Какого черта заехал в такую даль, чтобы поймать этого зайца!

Макто улыбнулся, но, чувствуя, как переживает брат и в каком угнетенном состоянии он находится, сказал:

— Ладно, брат, не расстраивайся: удача обязательно придет. Я завтра пойду с тобой и посмотрю, где и как поставлены твои капканы. Может быть, ты что-то не так делаешь?

Капока почувствовал какую-то поддержку со стороны брата и, успокоившись, помог младшему разделявать добычу. На полу лежали три енота, две лисицы, двенадцать колонков и один крупный барсук. И, уже полушутя, сказал:

— Ну, ладно, ты лови, а я буду разделявать.

Он знал: когда несколько промысловиков объединяются и охотятся вместе, независимо от того, поймал ты что-либо или нет, вся добыча идет в общий котел, чтобы затем разделить между всеми членами коллектива поровну. Такой закон и неписанный порядок всегда существовал у народа нани. Эта добрая традиция взаимоподдержки возникла в незапамятные времена. На протяжении многих тысячелетий она передается из поколения в поколение.

Наутро братья пошли вместе. Капока взял свою собачку, а Макто на этот раз оставил своего верного помощника и друга Палкиана — пса-нартовика и отличного охотника как по чернотропу, так и зимой. Он отлично шел за кабанами, медведем и копытными, такими как лось и изюбрь. Это с его помощью он вчера добыл сильного и верткого барсука. На недалекой релке сначала залаял, а затем начал жестоко драться. Макто знал, что Палкиан может драться так только с барсуками, и поспешил туда. Когда добежал, увидел, как они оба встали на дыбы, держа передними лапами друг друга, словно борцы, и сердито рычали. Барсук вцепился за верхнюю челюсть собаки, а нижняя челюсть противника была в зубах Палкиана. В этой смертельной схватке никто не хотел уступать. Они топтались на месте, рычали в ярости и мотали челюсти друг друга в своих зубах. Крупный барсук может даже задрать собаку. Он по силе ничуть не слабее и даже несколько превосходит ее.

Чтобы барсук не вырвал нос вместе с челюстью Палкиа-

на, Макто подбежал к ним и, так как нос зверька был сверху, резким, точным ударом палки, которая была в руке, попал прямо по черному кончику носа барсука. Падая свернувшись, тот освободил нос Палкиана, и разъярившаяся собака трепала оглушенного зверька на земле. Через какие-то секунды барсук пришел в себя, но не успел подняться на ноги, как вторым ударом уже обухом топорика Макто усмирил постояльца этих релок и лугов.

В этот день братья обошли все поставленные капканы. Удивительно, Капока насторожил их почти на тех же местах, как и Макто в прошлые годы, которые были очень удачливыми, но... увы, причины такого невезения оставались загадкой и тайной. В последующие дни Макто тоже расставлял свои капканы на участке брата. И здесь он также добывал колонков, лис и тех же енотов. Даже на одном и том же месте, для пробы, каждый ставил свой капкан. Однако и здесь зверьки попадались именно в капканы Макто.

В природе много непознанных тайн и загадок. И одной из них является сам человек, пределы и возможности которого еще далеко не изучены. Бывают случайности, ожидаемый или неожиданный успех, удача. Возникают какие-то проблемы, на решение которых уходит время, уходят годы. Кто создает их? Какая-то сила? Возможно. А возможно и нет! Тогда почему сейчас сложилась у Капоки такая ситуация, сложная и почти безвыходная? Может быть, у него самого есть еще своя дополнительная какая-то аура, которая остается на его следах и всем том, что он делает? Может, все это в целом называется судьбой, которую запрограммировали родители при зачатии? Но сейчас положение Капоки оказалось непонятным, сложным и безнадежным на какую-либо удачу. Со дня начала охоты он добыл всего двух зверьков — енота и зайца. Настроение у него было крайне удрученное, иногда даже не желал пройти по проложенному путику. Плюнув на охоту, два дня ходил с махалками на забереги Амура, шу-

мящего сплошным звоном ледохода. Однажды поймал двух больших щук и, зацепив случайно, вытащил круглого, как чурбачок, черного жирного сазана. А во второй раз поймал восемь щук. С удовольствием поели с братом мерзлой сазаньей талы-пярма. На такое же любимое блюдо пускали и щук. А снега все еще не было.

Глава 5 Сон Капоки

Днем Капока обошел всего половину путика, вернувшись скоро, занимался латанием изорванной местами одежды. Потом готовил дрова, чтобы к снегопаду были запасы напиленных чурок. Он знал, что брат придет только к вечеру, замесил муку, стал печь лепешки. Тем более ее (муки) хватало, а енотового сала и топленого жира было много. В себе он уже не чувствовал особой тяги к охоте, но раз уж так вышло, что приехал в такую даль, как Пэрхи, что расположен за левой стороной русла Амура, заставлял себя ходить по установленным капканам. Не раз приходила ему в голову мысль, что он здесь лишний, но со стороны брата не чувствовал ни малейшего признака такового. Макто, наоборот, радовался присутствию брата, который так хорошо помогает разделявать добытую за день пушнину, всегда сварит еду, и вообще вдвоем веселее: можно порассуждать о чем-то, поговорить — присутствие человека рядом всегда радость. Даже из этих соображений Капока внутренне успокаивал себя.

Приход хозяина собаки чувствуют задолго. Их острый слух улавливает почти ультразвук. Лежа на боку, положив голову на землю, слышат звуки шагов и шорохи при ходьбе за несколько километров, по ним могут определить точно — хозяин это идет или посторонний.

Вчера и сегодня Палкиан, получивший серьезные укусы на верхней части морды при схватке с барсуком, отдыхал в своей конуре. Но каждый раз, когда уходил хозяин, он долго выл и стонал, что не взял с собой. И сейчас прерывисто заурчал, услышав далекие признаки его прихода. В эти два дня Макто брал с собой молодого рослого Пуктена — пса грязновато-дымчатой масти с небольшим белым, как фонарик, кончиком на хвосте и почти прямой такой же отметиной на лбу. Линия эта начиналась от самого черного пятачка вокруг носа и шла вверх ко лбу. Из-за этой отметины на морде дали псу такую кличку. Уже при подходе хозяина к жилищу Палкиан завыл жалобно, что не взял хозяин его с собой, и от этого весь день лежал свернувшись в клубок от обиды, даже не прикоснулся к еде, что налил ему в полдень Капока.

Да, Макто в этот день действительно сильно устал. Нашел в своих капканах семь енотов, трех лис и более десятка колонков. Вначале носил за спиной в специальном вещмешке, сделанном в нанайском стиле, одного енота. Потом добыл еще двух. Каждая целая тушка достигала восьми и более килограммов. Когда их за спиной оказалось четыре да еще две лисы, Макто решил снять с них шкурки, а голые тушки оставить где-нибудь в одном месте. Так и сделал. Теперь стало идти намного легче. Дойдя до последнего капкана, который стоял на высокой дубовой релке, сел на валежину, чтобы снять шкурки с остальных трех енотов, лисы и колонков. Тут забежала на склон релки косуля. Она испуганно оглядывалась назад. Макто не стал стрелять в косулю, хотя бердана была рядом. Через мгновение, сделав несколько высоких и длинных прыжков, она скрылась из виду.

Времени было в обрез. Осеннее солнце висело над горизонтом где-то на одной пятой небосвода. Опытному охотнику снять одну шкуру не составляло труда и времени. На это уходило восемь-десять минут, не более. Через несколько минут прибежал Пуктен именно с той стороны, откуда пришла ко-

суля — это он гнался за ней. Подойдя к хозяину, доверчиво лизнул руку, будто рассказывая, что именно он гонялся за этой красавицей.

С приходом брата Капока помог ему снять с плеч вещмешок. Затем, радостный и довольный за удачливого младшего, вытащил все шкурки добытой пушнины. Под ногами крутился Пуктен. Макто поймал его и, надев на шею хомут, подвязал ремешки на груди за передними лапами.

Братья делились своими дневными впечатлениями, делами. Макто одобрял старшего, что без него бы, придя в землянку усталым и голодным, пришлось бы варить себе ужин, а тут — на всем готовом, да и дров столько напилено. Умывшись, сел ужинать. Капока занес кусок щуки на талу, резал ее на бэдуре — нанайском разделочном столике на низеньких ножках, и тоже ел вместе с братом. Покушав, Макто прилег отдохнуть, чтобы потом подняться и начинать освобождать от правилок высохшие шкурки и натягивать на них свежие. Но Капока еще днем сделал это за брата, свободные правилки положил под нары. Макто заснул крепким сном, захрапел и до самого утра не просыпался. Чтобы не разбудить уставшего брата, Капока занес оставленные на дэсю шкурки и натянул все на правилки, чтобы они к завтрашнему дню успели высохнуть. Только после этого, потушив свет керосиновой лампы, растянулся во весь рост на своем месте. Как только голова коснулась подушки, провалился в сон, как в яму.

Сначала ему снились какие-то места, похожие на его путики. Но почему-то здесь же находились небольшие холмики, сопки, когда их тут не было никогда. Поднялся на одну из них — дальше расстилались луга, на которых, как на пастбище, пасла разную пушную живность какая-то женщина. Она была вся как воздушная, передвигалась легко, будто порхала над лугом. А зверюшки, послушные ей, прыгали, скакали вокруг нее. Капока подумал: «Вон где они ходят, водятся!

Я-то ставлю свои капканы совсем не там! Вот почему у меня ничего не получается...» С этими мыслями он спустился с возвышенности с твердой решимостью сейчас же собрать все свои бездействующие орудия и пойти туда, где они ходят и пасутся вольно. Вернулся опять к тому месту, показавшемуся таким знакомым. Пригляделся... Да это тот самый раскидистый тальник, под которым стоит его первый капкан. Только хотел взяться за поводок капкана из обожженного тросика в несколько жил, услышал: «Подожди, Капока, не топчись и не горячись...» Он поднял голову и увидел перед собой молодую женщину. Нанайское одеяние амираи из рыбьей кожи с яркими узорчатыми личинами придавало ее лицу неопишемую красоту. «Я давно заприметила тебя и решила немного пошутить над тобой... Иди ко мне, мой дорогой мэргэн...» Но, не дожидаясь подхода, сама приблизилась к нему и взялась за его левую руку. Капока почувствовал какую-то энергию, исходящую из ее рук, потом легкое головокружение и будто полетел вместе с ней над лугом. «А красотища-то какая», — думал охотник-неудачник, озираясь по сторонам и вниз: будто не осень, а настоящее лето! Кругом зелено, но почему-то озера, заливы и небольшие протоки и речки были во льду. «Смотри, мой мэргэн, — обратилась к нему красавица, — у меня столько разного добра, сколько ты никогда в жизни не видел! Все это может стать твоим, если не отвергнешь меня, полюбишь и станешь моим добрым послушным другом...» Тут она отпустила его руку, теперь он уже сам парил рядом с ней.

Капока никогда не видел с высоты землю, на которой живет сам и многие тысячелетия жили предки. Она, оказывается, такая красивая и удивительная: протоки, реки, ручьи, озера и заливы расположены один за другим. Их соединяют извилистые ленты водоемов, по их берегам — широкая кайма тальниковых зарослей. А дальше расстилаются мари, похожие на море. На них, как островки, листовенничные, ду-

бовые, осиновые рощи, изрезанные тропами. По ним шагают лоси, изюбры с ветвистыми рогами, в дубняках копошатся стада кабанов. Там, за марями, на стороне, куда уходит солнце к ночи, поблескивает длинное обширное озеро, к водам которого спускаются, как к водопою, хребты видимых вдаль гор. Разноцветная пестрота всего пространства была удивительно похожа на узоры и рисунки свадебного халата женщин — амири. «Это все мое, — говорила женщина, — здесь я хозяйка, здесь все подвластно только мне. А там, за озером, владение другого хозяина». Потом женщина пела, опустившись на землю, кружилась, исполняла танец и все пела. Капока неотрывно смотрел на нее, любовался ее изяществом и красотой. Затем в одно мгновение легким движением руки сняла с плеч одеяние и оказалась перед ним во всей своей обнаженной красе. Даже свою жену Нюрку он никогда не видел в таком изящном виде, где все части ее тела так предстали бы перед ним воочию. Легкая улыбка скользнула по ее лицу, затем, вытянув перед собой руки, подмигнула, чтобы он подошел к ней. Капока хотел сделать шаг, но ноги почему-то не слушались, они были как ватные. Поняв состояние приятеля, женщина сама подошла к нему, стала гладить слегка волнистые его волосы, плечи, грудь, живот. Затем нежные пальцы коснулись каких-то натянутых струн его тела и души. Теперь уже сам Капока хотел ласкать, прижать ее плотнее к груди, но брюки, брюки мешали достичь то, чего желала его встревоженная, возбужденная душа, и только на миг, на короткий миг почувствовал, что достиг цели и... тут же женщина отошла от него, сказала: «Теперь ты мой. Вот моя рука, — она протянула ему правую руку, — отныне мы с тобой будем всегда вместе. Только не рассказывай брату обо мне. Это наша тайна!» После этих слов запела вновь и удалилась, но ее песня все так же оставалась слышимой громко, четко: она просто врезалась в его память и продолжала все еще звенеть.

Оставшись один, Капока огляделся — опять эти же знакомые места... Оказывается, он стоит на том же месте у толстого, раскидистого тальника с капканом у корня. В этот момент проснулся: брат пел во весь голос. Его песня походила на шаманскую, когда тот ведет схватку со злыми духами. Тут Капока почувствовал, что у него чицу-пенис находится в возбужденном состоянии и делает последние пульсации, отчего стало на душе так томно, сладко, что голова кружилась слегка. Поворачиваясь на бок, почувствовал, что его трусы стали влажными и липкими. Поднялся осторожно, чтобы не разбудить и не прервать пение брата, на ощупь нашел под постелью чистые трусы, сменил. Он все еще находился под впечатлением сна: «К чему бы это, и что может он значить?» — думал Капока.

На улице было темно. Да и вставать рано. Лежал, занятый размышлениями: «Как там дома? Чем занимается жена Нюрка? Может быть, на рыбалку ходит? Ведь в это время, как только протока покроется льдом, прямо здесь же, на берегу Да, хорошо берется щука на махалку. В день можно поймать пятьдесят—восемьдесят штук, иногда — сотню и более. Прошлой осенью сам натаскал и сдал в рыбокооп семь центнеров щуки. Да она попадалась некоторый раз такая крупная, что из лунки вытащишь ее кое-как... Зря я приехал сюда! А поохотиться так хотелось! Раз уж предложил брат, отказываться тоже было нехорошо». Эпизоды сна нет-нет да снова приходили в голову. Даже сейчас Капока отчетливо видел перед собой эту красавицу в ее одеянии амири. И правда, халат был ей очень к лицу. А обнаженная сама — слов не подберешь! «Кто она такая? — думал наш шепелявый. — Ведьма, злой дух или добрая хозяйка этих мест? Ведь она сама говорила: до того озера, что расположено за марями — ее владения...»

Прервав раздумья брата, проснулся Макто. Он сразу начал громко ругаться:

— Энимбэрь катовань, хай-да хэм амбасани, найва цунгинчи!.. — Вот вам в душу мать, всякие тут черти не дают покоя!..

— Что-то тебе приснилось?

— Ты не спишь? Да вот какая-то женщина приснилась. Она так любезничала с тобой, что смотреть было противно! А тебе ничего не приснилось? Ты давно не спишь?

— Нет. Ничего не приснилось, — ответил Капока, вспомнив наказ красавицы во сне.

«Как же мой брат увидел ее во сне? Он не шаман, но в нем есть какая-то сила, что заставляет его петь среди ночи во сне такие песни, как шаманские», — подумал шепелявый, однако тут же перевел разговор на настоящее бытие:

— То, что ты принес, я с вечера все на правилки натянул. К утру они должны высохнуть.

— А ты утром куда думаешь пойти?

— Не знаю. Пойти по путику — что толку? Все равно ничего не будет. Занял твой участок и только мешаю тебе.

— Брат, зачем ты так говоришь? Вот снежок выпадет, тогда будет видно — есть на твоём путике живность или нет. Ты мне помогаешь, разве мало? Сходи, конечно, проверь, переставь капканы на другие места. Чего расстраиваться и огорчаться? Охота — это ходить за живой душой, догонять, стараться перехитрить зверя. Это непросто. Они ведь тоже жить хотят, а нам надо быть выше их умом и опытом. А опыт у тебя есть.

Так успокаивал Макто брата. Тот слушал его молча. Как будешь спорить с человеком, когда он говорит правильно и правду?

— И тот капкан, второй на переходном месте, надо было сразу убрать оттуда, потому что они делают такие пометки, когда заметят что-то неладное. Зверек сам не придет туда и другим об этом сообщит.

Братья разговаривали, не зажигая лампу. Потом выхо-

дили на улицу по малой нужде. Макто глянул на небо. По звездам определил, что после полуночи прошло всего часа два, не больше. Они достали с дэсю — стеллажа — накрытый брезентом кусок талы, зажгли в землянке свет. Капока быстро нарезал строганину. Затем Макто попросил брата достать ту бутылку водки, из которой угостили хозяина Амура, перед тем как переехать на противоположный его берег. Макто налил немного из содержимого бутылки, открыл дверцу камина, в котором медленно тлели толстые сыроватые тальниковые чурки, стал говорить:

— Гэ-э, Пэрхидиэ калта Подяния, агбиа гудиэсю, хаямба-да пасалёанду... — Ну, хозяин западной стороны Амура, Подя — хозяин огня, пожалей моего брата, дай ему удачу, помощи. Он первый раз приехал сюда. Если дашь ему сколько-нибудь из своих тварей, разве убудет в твоём стаде? Помоги! Пожалей! На-а, прими наше угощение!

Сказав это, плеснул водку в тлеющий огонь. Вмиг пламя вырвалось из очага наружу, одновременно загудела труба от вспыхнувшего огня. Такой всплеск языка пламени говорит о том, что Подя действительно принял угощение.

Братья выпили по рюмке водки, с аппетитом ели строганину из щуки. Затем снова легли спать. На этот раз Макто спал тихо, без храпа до самого утра. Капоке же вновь приснилась та же самая красавица, но уже в халате с апплированными на спине в виде чешуи узорами, орнаментами в несколько рядов по подолу, на груди, идущими вниз по правой стороне от таких же узоров на воротнике и на коротких рукавах. В этом нарядном женском свадебном халате амири она выглядела еще краше. Стояла под тем раскидистым тальником, где поставлен его первый капкан. Она с улыбкой смотрела на Капоку, зашла за ствол дерева и исчезла. Тут он открыл глаза, увидел, что брат снимает с правилки высушенные шкурки. В окне светился ясный свет зари морозного декабрьского утра.

Глава 6

Удивительная находка

За завтраком братья не говорили. По-видимому, каждый думал о своем. Да говорить-то не было особых поводов. О невезеньи Капоки тоже сказано уже достаточно, не стоило об одном и том же перемалывать слова сто раз, как в хэни — ступе для дробления кукурузных зерен для приготовления крупяного напитка бода. Наверное, у всех народов есть одинаковая черта — мужская скромность и немногословие. Это женщины — народ неугомонный. Им только стоит встретить знакомую, как язык во рту начинает трепыхаться, как только что пойманный карась на дне лодки. Да так растреплется, что брызги полетят во все стороны от имеющейся там, на дне лодки, водички. Вот таков и норов у женщин. Даже они сами чувствуют, как увидят знакомых, тот зуд, который продирает их языки. И не успокоятся, пока не вытрясут все, что содержится в голове, душе и даже в том укромном месте, которым тихомирят стойкость и волю мужчин. Это их неписанная обязанность или вообще естественная потребность, как в еде, сне и прочем другом. У нани даже существует легенда, которая гласит, что когда-то давным-давно дочь умершей сестры жила у своей тети — сестры матери. Кроме падчерицы у нее была своя дочь, которую, конечно, любила, а к неродной относилась плохо. Заставляла много работать, обижала, давала есть остатки со стола и так далее. Однажды не оказалось дома воды. Тетка подняла уже спящую девочку, дала ей в руки ведра и коромысло, пинком отправила ее, полураздетую, на берег к проруби за водой. Девочка со слезами на глазах, босая пошла к речке по снегу. Дошла до проруби, а она застывшая. В ней был виден прозрачный, как зеркальце, лед. На нем ясно отражалась луна без единого пятнышка на ней. Девочка, стоя с коромыслом на плечах, на которых оставались висеть ведра, плакала: «Луна, зачем ты

в проруби? Как теперь я достану воды? Меня мачеха прогнала из дома, чтобы я принесла воды...» Так девочка долго стояла и жаловалась луне о своей нелегкой жизни. А коромысло и ведра все оставались на ее плечах. «Да, я понимаю тебя, — отвечала луна, — но что я могу поделать?» А девочка все продолжала плакать и говорила, что больше она уже не может жить у мачехи. «Забери меня к себе. Пожалуйста. Если я приду домой без воды, она будет меня бить, я не хочу этого...» Тут луна вышла из проруби, поставила девочку на себя и поднялась на небо. Задул ветер, замела метель, спрятала прорубь под снег и следы девочки тоже. С тех пор, гласит легенда, девочка с коромыслом через плечо и ведрами стала рисунком на луне. Если присмотреться хорошенько в изображение ночного светила, то действительно можно найти очень похожее в рисунке на луне. Может быть, правда это или ложь. Но женщины, разговорившись, преследуют две цели: найти сочувствие, сожаление, другая — выманить, выудить все сокровенные тайны второй. А мужики не такие: им все новости и сплетни — по топору. Они стараются избегать словесной суетности.

Вот и сейчас братья, обменявшись несколькими короткими сухими фразами, разошлись по своим участкам. Макто предстояло пройти большое расстояние вдоль нескольких протоков, заливов, выйти на окраину широкой мари. По ее окрестностям тянулись холмистые релки, сменяя одна другую — дубовые, лиственничные вперемежку с березами и осинами. Ходьба для него стала жизненной необходимостью. Преодолевая такие расстояния, шагал он все так же легко и бодро. Здесь могли встретиться и кабаны, лоси и медведи. А путь Капоки пролегал в сторону нанайского стойбища Курун вдоль одной из трех протоков. Сюда тоже расстояние приличное. Однако первый капкан находился в направлении этого пути минутах в десяти-двенадцати ходьбы. Любой промысловик, подходя к своим ловушкам, надеется увидеть в них

то, чего хотел бы поймать. А Капока уже почти привык к тому, что они, одна за другой, стоят в нетронutom состоянии. Ко всему этому у него не было ни малейшего желания тратить время на такие пустые хождения. Его одолела апатия, и он всего лишь делал вид перед братом, что все-таки хочет добиться каких-то результатов. До первого капкана оставалось не более двадцати метров. Порыв ветра донес до его слуха еле слышимый металлический звон. Капока увеличил шаг и еще издали заметил рыжий хвост лисы. Подбегая к ней, уже не скрывая своей накопившейся злобы за столько попусту истраченных дней, ругался, что сейчас он изольет на нее весь гнев души... С ходу размахнулся палкой, на которую опирался при ходьбе, и уже опускал ее. Но она зацепилась за низко свисавшую ветку раскидистого тальника, выскользнула из руки и осталась висеть на ветках... Капока поднял голову, чтобы достать свою палку, ухватился за ту ветку и замер... В руке была ветка необычной формы. Она походила на кисть руки! Как две капли воды! Дотянувшись до нее, он в первый же момент почувствовал, будто электрическим разрядом кольнуло его пальцы. Но не отпустил ее. Вот тут-то он вспомнил про свой сон и ту красавицу, которая в одеянии амири стояла точно на этом месте. Лиса испуганно прижалась к стволу тальника и смотрела на пришельца злыми глазами. «Пусть сидит, а я уже не отпущу эту находку, пока не срежу, не отделю, — думал охотник и, достав нож, одним движением отсек от основной ветки, — вот это и есть су — талисман удачи!..» Его же палка находилась в находке, как в ладони. А когда срезал, она упала.

Он не однажды слышал от взрослых людей еще тогда, когда был маленьким, а затем молодым, что тот, кто найдет су, станет удачливым в промысловых делах — охота это или рыбалка. Но чтобы талисман помогал, надо его хорошо спрятать, чтобы никто не нашел, и еще — самому об этом не проронить ни слова, даже жене, детям и родственникам. Только

в таком случае су будет действовать и помогать. В любом же другом случае он перестанет оказывать свое влияние. Даже в памяти у Капоки были некоторые знакомые, которые якобы когда-то нашли такой талисман, а затем стали зажиточными людьми, не знающими нужды ни в чем. Помня это, он обрадовался до глубины души. Достал из-за пазухи чистенький платочек, который дала ему Нюрка, чтобы он вытирал им глаза, когда станут слезиться на ветру. Но Капока им еще ни разу не пользовался и всегда носил его с собой как память о жене. А сейчас, аккуратно выровняв место среза, завернул находку в платок и затолкал драгоценный сверток прямо к телу, под нательную рубашку. Только тогда, уже без всякой теперь злобы, подошел к лисе, взял ее за шиворот и стал душить. К удивлению, она нисколько не билась и не дергалась. Положив ее в вещевой мешок, снова насторожил капкан. Во втором капкане, где переходное место, сидел енот. В этот день Капока снял еще пять енотов и дополнительно одну лису. Вещмешок забил полностью. В нем было весу более тридцати килограммов, но, вдохновленный успехом, наш охотник не чувствовал за плечами этого груза. Возвращался к жилью засветло. На обратном пути, дойдя до первого капкана, он обнаружил в нем бьющегося енота. Он был уже седьмым по счету, не считая двух лис.

В землянке брата еще не было. Воспользовавшись этим, Капока вошел в жилье и спрятал драгоценный сверток в самый дальний угол мешка, где хранились его вещи, который всегда клал под голову вместо подушки.

С сумерками пришел Макто. Увидев добычу брата, ахнул: — Ну что, ага — старший брат, наконец пришла удача! Я так и знал, что и к тебе обязательно придет успех! Какой ты у меня молодец! Вот сейчас-то можно выпить за это дело. Ага, доставай бутылку и сядем ужинать.

После ужина братья стали разделявать пушнину. Макто, чтобы не таскать на плечах увесистый груз тушек, прямо

там, в пути, обдирал шкурки. У него тоже были две лисы, две большие выдры, пять енотов и одиннадцать колонков, не считая двух горностаев. Меньшой натягивал шкурки на правилки, а Капока обдирал. Правилков не хватало. Свернутые вверх мездрой комочки вынесли на дэсю — стеллаж. Таким образом, только в полночь завершили работу, попив еще раз чай, легли спать. Перед утром Капоке вновь приснилась его красавица. Она явилась в том же свадебном красивом халате сикэ. Молча подошла к нему да только и спросила: «Ну как, мой мэргэн, доволен?» — и исчезла. Капоке хотелось снова увидеть эту женщину, но ее уже не было.

Проснувшись, накинул на себя телогрейку да наскоро засунул ноги в лэми — домашние тапочки, чтобы сходить по малой нужде. Вышел во двор, а на кукпуцу — месте, куда вываливают всякий мусор и льют помои, копошится что-то. Подумал, что собака отвязалась с привязи, подошел, пнул. Оказался енот, да такой упитанный, круглый, как мячик. Взял за шиворот, затащил в жилье. Макто проснулся, тоже хотел выйти во двор. Зажженная им лампа горела ровно и ярко. Братья поудивлялись, порадовались такому подарку судьбы. Уже задушенный зверек лежал на полу. Даже ни одна собака не издала ни единого звука, когда предутренний пришелец копошился на куче выносимого мусора.

Ясные дни стояли еще целую неделю. За это время у Капоки стало более сорока шкурок енотов, восемь лисиц, две выдры, более пятидесяти колонков. По последним он даже превзошел своего младшего на несколько штук. Теперь был всегда в настроении, прибавилась энергия и жизненная сила. Макто радовался успеху брата и стал догадываться в душе, что помогает ему какая-то сила. «Да ладно, — думал он, — это даже хорошо, что ему повезло, брат воспрянул и стал почти другим человеком!» И правда, в те тяжелые дни чернотропа Капока сам замечал излишнюю раздраженность, затаившуюся там, в глубине души, но ста-

рался не подавать виду. А Макто замечал. Замечал и всячески стремился поддержать брата морально, в деле. И вот наконец настали те долгожданные дни, когда уже убитый безвыходностью Капока воспрянул. Такого конца и следовало ожидать: не может быть того, чтобы человек природы мог оставаться долго в ее зависимости. Вот только ее стихию нельзя обуздать!

Амур уже давно закован льдом. Выпал снег, и надо было поискать зверей на мясо. Оставалось не так уж много дней до прихода нового года. Обычно к этому времени промысловики возвращаются домой, чтобы смену лет встретить дома среди детей и близких. А тут как раз пошли снега. Макто предупредил брата, чтобы снимал свои капканы и вешал их на деревья или собирал и клал там, где потом можно легко найти: на лугах — это не в тайге, где сплошной стеной стоят деревья. Как задует после снегов, так все заровняет, что и своей-то тропы не найдешь. Поэтому он, подстрелив двух кабанов на дубовых релках, сделал лабаз выше своего роста, сложил туда мясо, накрыл шкурами животных и положил поверх толстые куски рухнувшего когда-то дерева. Когда выпадет снег, можно добраться сюда на нартах с собаками. Мясо двух кабанов — это не так много на две семьи, поэтому надо было еще добавить, хотя бы малость. А они здесь имелись и бродили группами до десяти-пятнадцати голов.

С тех пор как предупредил брат, Капока ходил по своему путику и делал так, как просил младший. Он — охотник опытный, знает намного больше его по промысловым делам, да и охотился здесь не один год. Еще когда жили в Толго-не большим стойбищем на обширном острове недалеко от поселения Най хани (Найхин), он приезжал сюда с отцом. Ему было только за десять лет, но уже тогда Макто познал некоторые секреты этого нелегкого дела. Отец Гильтонга почему-то всегда брал с собой именно его, а не старшего, Ивана. Он чувствовал: у младшего есть пристрастие к охоте, а у

второго оно было несколько притуплено. Поэтому уже с этих лет Макто бывал с отцом там, где он охотился зимой — на Они (Аньюе), Пяксе, Болхи, и даже переходили через мари на сторону Дюин, что находится на Болоньском озере. В этих местах водятся в изобилии лоси, изюбри, кабаны, и даже забегают сюда нередко дикие олени.

В первый день снегопада братья прошли по своим участкам. Макто принес пять колонков, двух енотов, столько же выдр и одну лису. И старший не отстал от младшего, даже перещеголял: тринадцать колонков, четыре енота, две лисы и одна выдра. К землянке пришли мокрые — падающий снег прилипал к одежде и таял. А на второй день снегопада решили отдохнуть, заняться скоблением жира на шкурках. Их накопилось уже порядочное количество, и это занятие требовало несколько дней кропотливого труда.

После двухдневного снегопада задул сильный северо-восточный ветер. Один раз он даже сорвал вещи с дэсю — стеллажа, на котором хранились продукты, одежда и, конечно, в мешках аккуратно сложенная пушнина. Собаки спали в конурах, не издавая ни единого звука, и только когда выходили из согретой теплой лежанки по необходимости, скулили и повизгивали, но тут же заходили и ложились опять на свои места, свернувшись в калачики, засунув носы под пушистые хвосты. Поднимаясь с постели, Капока каждый раз движением руки как бы невзначай дотрагивался до своего спрятанного свертка и вечером, ложась и будто поправляя подушку, ощупывал теперь уже ставший настоящим су — заветную находку. Он нисколько не сомневался в том, что пришедший к нему успех не случайный, а настоящее, испытываемое воочию деяние той красавицы в амири, в котором она явилась перед ним в первый раз, в первом его сне. «Теперь я буду хранить доставшийся мне су как зеницу ока», — думал он. И в связи с этим в его голове возникали мысли, что «надо бы проверить его действие и на ловле рыбы...».

Это был второй день у братьев, когда они пережидали непогоду, чтобы потом с нартами на собаках отправиться за мясом и увезти его жене и детям. Через пять дней наступал новый год.

Глава 7 К лабазу

Макто знал, что после такого обильного снегопада и сильного ветра заметаются все тропки и дорожки. На открытых местах выдувается снег почти до самой земли. При сильных порывах даже срывается на ней жухлая прошлогодняя трава, которая затем, как бы соревнуясь с такими же, как она, несется по полю, кувыркаясь, подпрыгивая, ломая хрупкие сухие веточки, до тех пор пока на своем пути не встретит какое-либо препятствие. Напротив, рощи и релки так задуваются снегом, что одни бугры сменяются другими, выставив свои выпуклые округленности на заглядение солнцу и окрестностям, как женщины с пышной грудью. Это и есть таинства природы, скрывающие в себе массу условностей и загадок, которые предстоит человеку открывать для себя, обогащая свой опыт и знания в течение жизни, чтобы жить в природе и слиться с ней воедино, не побеждая ее норы и не становясь мучеником ее беснующегося характера. Главное, никогда не забывать о том, что у природы надо всегда учиться.

Еще вечером Макто предупредил своего брата: «Утром едем на нартах с собаками до лабаза за мясом». За истекшие несколько дней после схватки с барсуком раны на морде у Палкиана почти зажили. Для ускорения этого процесса хозяин опраправлялся на его раны по малой нужде, так как собака не доставала до них своим языком, чтобы облизывать их.

Утро выдалось тихое. Выйдя на улицу, Капока потянулся и сделал глубокий вдох. Прохладный воздух приятно проник

в легкие, обдав их холодком. От этого он кашлянул непривольно. Тут собаки выглянули из своих пригретых конур, зевая и повизгивая слегка. Войдя в помещение, сказал брату, что погода ясная, нет ни единого ветерка.

— После непогоды всегда устанавливаются такие дни — будто и не было вьюги и пурги. Вот только как мы доберемся до лабаза? Наверное, передупло, намело... — сказав это, Макто продолжал помешивать подогреваемый суп в закопченном охотничьем котелке. Затем, налив себе в алюминиевую небольшую миску, сел за стол.

— Брат, у тебя есть лыжи? — продолжал Макто.

— Я их не взял с собой: старенькие, и камус стерся весь.

— Ну, как же не взял? Хорошо, сейчас только первый снег. А дальше как, если снегу будет много? Пешком ходить будет тяжело.

— Мы же поедем домой на Новый год, вот тогда и привезем.

После завтрака братья стали собираться в дорогу. Макто запряг в нарты всех трех собак. Палкиан в упряжке, как всегда, ведущий, а остальные две — за ним. Однако ближе к нarte был впряжен небольшого роста Луку. Он получил такое прозвище из-за своей густой и длинной шерсти, что у нани означает «лохматый». Собаки такой масти обычно очень выносливые, даже в дальнем пути не знают усталости, всегда остаются такими же живыми и верткими весь день. Не исключением был и Луку. Коачика, когда ездил с отцом на подледный лов рыбы с мешковидной сеточкой-ангалкой, сидя впереди на нarte, любил наблюдать за Луку. Во время бега по бокам задних лап густая и длинная шерсть изжелта-коричневого цвета опускалась до сгиба коленных суставов. Она напоминала галифе, и при быстрых перестановках лап шерсть смешно шевелилась, как бы слегка подпрыгивая, пружина кверху и в стороны.

Наконец Капока собрался, и братья тронулись в путь. Макто повел собак за упряжь, держа веревку у самого Палиана. Луку рвался вперед. При этом тянул второго в упряжи Силпяна в сторону. У Макто был прутик в руке. Им он хлестал легонечко, чтобы Луку шел так, как следует. Этот жест хорошо понимали нартовые собаки и потому уже не особо старались нарушать неписанное для них правило. Вскоре показалась протока, где на выдутой белоснежной песчаной косе лежала их лодка, перевернутая вверх дном. Капока шел сзади и тоже вел двух своих собак. Вдоль косы и дальше по протоке виднелись голубовато-синие плешины голого льда. А на снегу лежал надутый желтовато-темный крупный песок, похожий на гречневую крупу.

Дойдя до протоки, охотники сели на нарты. Собаки, почувствовав, что хозяева отпустили упряжные веревки, стремглав понеслись вперед. Однако, добежав до надутого песчаного сугроба, остановились — не могли тащить нарты.

Макто неоднократно охотился в этих местах. Знает, что эта протока идет очень далеко, но была до того извилистая, кривая — ну, прямо уму непостижимо! Если ее вытянуть, то окажется километров за двести. Это только до гор Болоньского озера. Затем она идет вдоль этих гор и продолжает извиваться дальше этого огромного водоема еще на несколько десятков километров. Поэтому, если ехать до лабаза по протоке, то только в одну сторону уйдет больше полдня. А напрямую, через мари и рощи, километров около десяти. Берега протоки крутые, обрывистые. Она покрылась льдом при низком уровне воды. Теперь выглядела извилистым глубоким котлованом с берегами в виде крутых снежных склонов. Края их возвышались над верхней береговой чертой трамплином в полтора, а то и почти в два метра высотой. Это местами так, смотря с какой стороны дул ветер в зависимости от изгиба ее русла.

Двигаясь по протоке, часто приходилось садиться на

нарты, а затем вновь вставать на песчаных барханах, чтобы вместе с собаками тащить пустую нарту. «Так не пойдет, — думал Макто, — надо идти верхом, напрямую». Найдя более покати́стый берег, путники оставили протоку. Здесь среди лесочка снег оказался рыхлым, но довольно глубоким. Палкиан не знал, куда идти. Поэтому Макто, надев лямку через голову на правое плечо, тащил нарту, держа левой рукой рулевую палку-янгапон. Собаки, чувствуя направление, куда идет хозяин, двигались вперед то прыжками, то трусцой. Две вторые собаки иногда натыкались на Палкиана, так как впереди идущей было гораздо сложнее, чем остальным. Когда ведущая собака старалась пойти в сторону так, как ей хочется, Макто коротким напутствием «кай-кай» направлял ее туда, где впереди между деревьями есть просвет. Капока шел сзади и не отставал от брата. Его собаки двигались ровно по проложенному следу.

На свежем снегу хорошо видны следы лис, тропы зайцев, прыжки колонков и проделанные сплошной бороздкой углубления от проходивших коротконогих и тяжелых выдр. Пестрые и многочисленные следы походили на замысловатые узоры на мужских и особенно на женских халатах. Может быть, женщины, увидев когда-то впервые на снегу бесчисленные следы мелкой и крупной таежной живности, представили их в своем воображении именно так, как они выводили их на ткани в виде орнаментов. А для этого были необходимы величайшая фантазия и талант, которыми одарила природа разум нанайских женщин.

Между тем разнолесье закончилось мелким и сплошным березняком, который растет обычно по краям марей. Выйдя на марь, охотники столкнулись с другой сложностью. Белопетые лечебные и нелечебные багульники росли по марям сплошным ковром. Задутый снег лежал на них ровным слоем, как на футбольном поле, казалось бы — иди и радуйся. Но здесь таился скверный подвох: наступаешь на ровную снеж-

ную гладь, а она плотная сверху, но не удерживает человека — проваливаются ноги, как в болото, и при следующем шаге колено опорной ноги упирается в края твердого верхнего слоя. Снежный слой навис на сплошных кустах багульника, а поверх него пурга утрамбовала, разгладила твердый слой. Собаки идут поверху. Но если сядешь на нарту, то ее полозья проваливаются то на одной, то на другой стороне. Макто очень сожалел, что не взял лыжи, лежавшие на дэсю — стеллаже. Но а тогда как бы двигался старший брат Капока? У него-то нет лыж. И даже только из этих соображений он успокаивал себя, что если худо, то пусть будет одинаково обоим. С таким трудом и мучением прошли весь путь до лабаза. Вокруг него виднелись следы волков. Они чувствовали запах мяса, приходили сюда, но добраться до сладостных, аппетитных кусков так и не смогли. Наверное, и потому, что в этих местах добычи хватало для них. К тому же обычно волки едят добычу в свежем, теплом виде. По пути к лабазу, уже ближе к нему, несколько раз встречались свежие следы двух изюбрей и одного сохатого. Направления их движения обозначались в сторону Болоньских сопок. Поэтому Макто даже и не думал о том, чтобы идти по их следу: во-первых, стояла абсолютная тишина, когда шаги человека зверь почувствует с большого расстояния; во-вторых, если даже подстрелишь животное, то вывезти мясо будет сложно по такой дороге.

Дойдя до лабаза, братья решили отдохнуть. Выкурив по сигарке-самокрутке, Макто сам залез на лабаз и сбросил вниз все, чем было придавлено мясо сверху. Потом стал скидывать смерзшиеся куски дикого животного. Когда спустился, сказал брату:

— Головы и шкуры не будем забирать. С одним мясом замучаемся, пока доберемся.

— Конечно, можно и оставить. Пусть колонки, лисы и другие попируют. Им ведь тоже надо мясом питаться, даже и шкуры сгрызут.

Укладывая добычу на нарты, Макто положил на свою немного больше, чем брату, учитывая, что у него было всего две собаки, да и то не ахти нартовые. На снегу еще лежала передняя нога с лопаткой. Макто, взяв в руку топорик, отрубил небольшой кусок от мякоти. А затем разрубил его на две половинки.

— Брат, делай строганину и поешь: грузу хотя и немного, но в дороге мы устанем — вон что снег и пурга натворили. Сколько я тут охотился, раньше такого никогда не было.

Капока взял один из кусочков, сел на свою нарту и, положив мясо на верхнюю перекладину, стал резать и есть.

— Кабанье мясо, оказывается, тоже вкусное в сыром виде, — удивленно жевал Капока, — оно, конечно, не как козье (косули), изюбря или лося.

— Зимой можно есть любое мясо дикого зверя. В эту пору в нем нет никаких глистов. А сколько их в мясе медведя летом! Но зимой у него их нет. Однако есть в сыром виде нельзя. У нани он считается священным зверем. Кто этого допустит, того медведь обязательно накажет: или задерет совсем насмерть, или в лучшем случае сдерет кожу на голове — синэй (скальпирует). В этом случае, если человек где-то далеко и один, может умереть.

Капока знал об этом поверье, но слушал молча, лишь отгонял своих собак, которые тоже, проголодавшись, стремились подойти поближе к хозяину.

— Домой придем, тогда поедите, — говорил он. Хорошо помнит и о том, что красть мясо кабана нельзя. Говорили, что секачи разъярятся от обиды за краденое мясо кабана и, напав на того вора-охотника, вспорят острыми клыками ему живот, чтобы вывалились кишки вместе со съеденным мясом. Медведь же, наоборот, обрадуется вору и будет нахваливать сам себя: «Вот какой я почетный! Даже мясо крадут».

Отдохнув и подкрепившись, Капока пошел назад тем следом, который протоптали, двигаясь сюда. Нарта, хотя управ-

ляемая специальной длинной ручкой впереди, переваливалась с одной стороны на другую, иногда падала на бок. И что же тут поделаешь, если специально протоптанной тропы нет. Охотники, двигаясь по снежной целине, для ночлега останавливаются обычно заходя, чтобы до наступления темноты успеть проложить на лыжах тропу, чуть превышающую ширину нарты. А назавтра она застывает, и при движении по ней удерживает груженую нарту. Макто — опытный охотник, но и он даже не мог представить, что здесь может случиться такое.

До жилья добрались перед сумерками. Не только хозяева, даже всегда бодрый и неутомимый Луку и тот, когда дошли до места, лег на живот, вытянув вперед и назад свои лапы, высунув из пасти во всю длину язык, дышал быстро и устало. Привязав собак по конурам, братья дали своим четвероногим помощникам по целой кисоакта — сухой кетовой хребтине вместе с головой. Собаки с жадностью накинулись на них, с хрустом грызли любимое ими лакомство, иногда даваясь хорошо не прожеванными костями. Затем вместо воды довольствовались снегом.

Макто не стал разгружать нарту, зашел в жилье и растопил камин. В котелке подогревался утрешний суп. Рядом стоял чайник. Капока тоже последовал за братом, зашел.

— Вот так, охота — это тяжелая штука, — сказал Макто. — Однажды в Даде мне сказал один рыбак, наш знакомый: «Что там ваша охота! Это как курорт! Хочешь — иди в тайгу, хочешь — целый день лежи в палатке и камин топи, чтобы не замерзнуть. Кто там в тайге вас гонит? Вот рыбалка — это да! Толстый лед долбить надо и невод тянуть надо. Вот это работа!» Тогда я сильно обиделся на него и ответил: «Дурак ты, Аячи! Ты ведь ни разу в тайге не был. И даже не представляешь себе, что такое охота. Вот ты правильно говоришь — долбить лед тяжело. А когда тянете невод, вас в бригаде по пятнадцать—двадцать человек. Кто следит за тем, все ли тянут в полную силу? Ведь, наверно, есть среди бригады и

такие, которые делают вид, что тянут, а фактически не прикладывают особого усилия. Может быть, и ты один из таких, а, Аячи?» Он тоже тогда обиделся и лишь сказал: «Ну, дядя Макто, зачем ты на меня так говоришь?» «А ты думаешь, мне не обидно, когда на охотника говоришь так плохо!..»

— Вот есть такие люди, которые, не зная и не понимая о трудностях и сложностях чужого дела, берутся рассуждать, — закончил Макто.

Капока удивленно слушал брата и в конце только вставил:

— Сколько я помню, Аячи никогда не занимался охотой. А вот в рыболовецких бригадах работает летом и зимой. Взрослый человек, однако ему постоянно напоминают и говорят о том, как надо делать ту или иную операцию.

Хотя чувствовали усталость, братья до самого позднего укладывали добытую пушнину в мешки, чтобы не заниматься этим перед самой отправкой домой. А на завтра Макто попросил брата сходить по своему путику, переставить капканы на надежные участки, другие же снять и оставить где-нибудь на более приметных местах. Дабы не искать их потом, когда приедут сюда после Нового года. Сам же решил пойти на лыжах до острова Партоан, где сейчас должны находиться дадинские рыбаки. Но главной своей задачей он считал проверить и, если будет надобность, протоптать тропу до острова, чтобы по дороге домой не мучаться, как в сегодняшний день, оказавшийся скверным и тяжелым.

Глава 8

Свежий след косули

Макто вернулся обратно еще днем. На острове Партоан рыбачила бригада Кеньки Бельды. Прибыв сюда уже по окрепшему льду, с первого же замета зацепили огромное количество рыбы, в основном попали крупные сазаны, амурь,

толстолобы, нельмы и другие виды. Здесь же было немало осетров, даже больших калуг. Концы невода не могли вытянуть из проруби на лед — так он был набит рыбой, даже тянули их лошадьми. Большая майна кишела рыбой, и три дня и ночи вычерпывали ее большими специальными сачками из дели на лед. Вокруг майны и особенно на песчаной косе со снегом высились большие горы рыбы. Не сумели вытащить невод до конца. Лишь выдолбив другую майну, где находилась мотня невода, и отрезав ее, сумели вытащить его из двух половинок. А рыба, которая трое суток находилась в неводе, задохнулась и слегла на дно толстым слоем. Чтобы рыба зря не пропала в воде, разрешили всем, кто хочет, приезжать сюда и вычерпывать ее прямо из воды для себя. Многие люди из разных сел и даже из Хабаровска приезжали сюда почти всю зиму и доставали рыбу из воды.

Увидев Макто, Кенька обрадовался. Он по старому обычаю считал своего однофамильца родственником и рассказывал «старшему брату», как всегда обращался к нему, о своей большой удаче. А когда тот уходил обратно, предложил взять несколько жирных сазанов, распиленные желтые куски осетра. Но Макто не стал брать много, так как они на днях уйдут домой через этот остров и только тогда возьмут рыбу с собой.

Сейчас, придя к себе, Макто занес увесистый кусок осетра, чтобы нарезать к приходу брата. Капока вернулся незадолго до захода солнца. Принес трех енотов, лису и семь колонков. Лиса и еноты были живыми и потому талые, а колонки — мерзлые. За ужином Макто рассказал брату о большом улове Кеньки. Капока с самого лета не ел осетровую талу. Хрящи смачно похрустывали в его зубах, а голова была полна мыслей, что после Нового года он не вернется сюда, а поедет на остров доставать из воды лежащую там толстым слоем рыбу. Но брату об этом не вымолвил ни слова. Ему и поохотиться хотелось, даже представлял, какотреагирует

брат, если поступит так, как подумал в первый раз. Он знал, что поступить так будет нехорошо, нечестно, подобно предательству — оставить на произвол судьбы компаньона, тем более родного брата: вдруг ему одному станет плохо, вдруг еще что-то случится? Ведь мало ли чего ни бывает в жизни — предстоящее всегда неведомо. Поэтому первого «я» он отверг решительно и теперь уже твердо знал и решил, что продолжит охоту с братом. Тем более сейчас дела у него пошли на лад.

Легли спать за полночь. Однако через какое-то время Макто проснулся с громким криком. Сев на нарах, бил по подушке, постели, словно отмахиваясь от налетевшей стаи муравьев и комаров. При этом произносил слова «пуйк-пуйк», что по-русски означает «вон-вон» или «прочь-прочь». Вслед за этим крикнул громко и звонко:

— Га-а-а!

Повторяя такое несколько раз, ругался от души на чем свет стоит. При этом он чувствовал, как на голове волосы становятся дыбом, а по всему телу будто проходят мурашки.

От первого же крика проснулся Капока и тоже стал кричать «га-а-а!». Но он еще не понимал, с чего и почему брат взбудоражился так. Подойдя к столу, нащупал спички, зажег керосиновую лампу. Даже при свете Макто крикнул несколько раз отпугивающее злых духов «га» и стал рассказывать сон, что какая-то женщина в ярком национальном одеянии подошла к нему, а он будто лежит на каком-то стеллаже, начала душить. Одна ее рука была не обычная, а особая, похожая на какие-то когти вместо пальцев...

Макто рассказывал, и у него по всей спине, телу будто вновь поползли мурашки, а волосы на голове так и дыбились взъерошенной копной. Тут, прервав рассказ, он снова кричал «га-а-а!..» и разразился бранью. Достав свое копье, освободив лезвие от деревянного чехла, сделал несколько размашистых полукруговых движений в разных местах

жилья: «Вот вам! Насквозь ваши поганые животы! Вот вам — по вашим гадким душам!» После этого, выйдя во двор, воткнул древко в снег, чтобы копье стояло под большим наклоном от двери вверх. Даже в безлунной ночи листообразный стальной наконечник, как зеркало, отражал мерцание звезд.

Времени — только полночь. В стоящем на камине чайнике шиповниковый с багульником и чагой настой был еще горячий. С шумом хлебая ароматный чай из кружек, братья решили поутру уложить вещи на нарты и уже по протоптанной дорожке отправиться до острова Партоан, а там до самой Дады имеется укатанная санная дорога, по которой возят рыбу в Гассинскую рыббазу. До рассвета было еще далеко, и после чая снова легли спать.

Капока проснулся от громкого пения брата. Он уже привык к таким его ночным ариям. На улице блистал ясный утренний свет. Поющего брата не стал будить, тихонько поднялся, вышел на улицу. Собаки тоже, повизгивая и махая хвостами, выскочили на свет. Он прошел мимо них до своего обычного места, где оправлялся. Здесь метрах в трех увидел на снегу следы. Подойдя к ним, определил, что прошла косуля. Они оказались свежими, даже снег был совершенно сыпучим. «Интересно, как она прошла рядом с собаками, что и они — очень чуткие — не сумели услышать?» — удивлялся про себя. Зайдя в помещение, увидел брата растапливающим камин.

— Ты давно встал?

— Да нет. Вот только недавно.

— Вот так спали! И всю ночь снились такие кошмары! Какая-то напасть чертей и злых духов была. Черт его знает, к чему это все.

Тут Капока рассказал брату о свежем следе косули.

Недалеко от этого места, чуть в стороне от путика шепелявого была обширная релка. На ней стояли толстые дубы, тополя, бархат и многие другие деревья. По краям в камышовниках росли раскидистые низкорослые тальничковые

кусты. Если в этих местах появляются косули, то они обязательно приходят сюда и пасутся по низинкам и бугоркам три, а то и четыре дня, прежде чем уйти на другие места. Не однажды Макто подстреливал здесь косуль.

— Может, пойдем посмотрим, куда ушла гиу — косуля, — предложил Капока брату.

— Конечно, добыть хотя бы косулю — неплохо. Тогда домой придется идти только завтра.

— А что? До Нового года еще останется два дня.

— Ну, ладно. Давай сейчас поедем и сходим, — согласился Макто.

После завтрака Макто надел свою повседневную одежду. Капока поверх нательного белья и теплой байковой рубахи облачился в тоненькую ватную душегрейку, которую сшила для охоты жена. А на самом верху защищала тело от охлаждения телогрейка цвета хаки из грубоватой прочной ткани. При ходьбе по лугам с густыми плантациями колючего шиповника, по ернику на краях марей она не скоро рвалась. Однако от каждого прикосновения к веткам деревьев, даже тоненьким, издавала царапающий звук. На ногах у обоих братьев были нанайские кожаные олочи с мягкой сухой травой наокта внутри. Такая обувь при ходьбе очень легкая, хотя порой на снегу бывает довольно скользкой.

Направляясь по следу, Макто шел впереди. Однозарядную бердану нес на согнутой в локте руке. За ним шел старший. Он тоже держал гладкоствольное ружье шестнадцатого калибра в правой руке, как брат. Каждый раз, уходя по путику, всегда брал с собой это ружье и на телогрейке подвязывался, как поясом, патронташем, на одной стороне которого держал дробовые, а на второй — патроны с крупными, увесистыми жиганами. Первые предназначались для тетеревов: в некоторые дни они садились на верхушки тальников, чтобы покормиться большими, как у вербы, пушистыми почками. Они обычно летают стаями, в которых численность достига-

ет ста и более птиц. На лугах кроме тетеревов можно было подстрелить дробью зайца, лису и другую мелкую живность.

Собираясь идти по следу косули, Капока не стал надевать патронташ. Пять штук патронов затолкал в карман телогрейки на одной стороне. На другой положил тоже пять штук с дробью: вдруг заяц или лиса выскочат из кустов. Заряжать ружье сразу не стал, так как впереди шел брат с надежной нарезной берданой, которую Макто так настроил, что мушка была срезана по высоте наполовину. А к основанию оставшегося металлического выступа привязал накрепко березовую клиновидную тонкую дощечку-щепу с маленькой дырочкой на ее передней части, из которой торчала мушка буквально на миллиметр, чтобы при стрельбе не равнять конец мушки с высотой прицельной планки. А на дне планки, как только появлялась мушка и едва могла стать видимой — белая березовая приставка. Для него такой метод прицеливания был исключительно точным и чтобы стрелять в цель в кромешной темноте ночи. Капока так набил левую руку, что поднимал ее вместе со стволом точно на звук и выпускал пулю, которая попадала прямо в цель.

След косули шел действительно туда, куда предполагал Макто. Однако, глядя на оставленные на снегу следы, охотник останавливался несколько раз и внимательно всматривался в след, казавшийся для него странным. Но брату не говорил ни о чем. Только подумал: «Может быть, она раненая? Порой шагает, как будто качаясь из стороны в сторону».

Дойдя до начала релки, Макто остановился и сказал брату, чтобы он шел по следу. Сам же пошел в обход, надеясь проверить, есть ли выход следа из релки к дальним таким же лесистым островкам. А встретиться решили там, где будет выход следа. Только здесь Капока достал из кармана патрон с жиганом и затолкал его в ствол. Ружье это было курковое, лишь после взведения можно было стрелять.

Макто шел быстро по краю релки привычной пружиня-

щей походкой, одновременно внимательно оглядываясь по сторонам. И потому не заметил, как дошел до середины релки. Местами слой снега был большой, с твердой корочкой сверху. Но она не удерживала тяжести тела, проваливалась, как в позавчерашний день, когда ходили до лабаза. Следа козы не было. Везде виднелись заячьи тропы, по которым бегали лисы, охотясь за белыми длинноухими. Вот показался конец релки. Чтобы не огибать по краю, Макто решил срезать путь и через лесок выйти до противоположной стороны. Капока шел по следу по укороченному пути. Поэтому, выйдя на открытое место с низкорослым березнячком, Макто увидел идущего брата. След косули здесь вышел к другой релке. В ожидании прихода брата он сел на валежину, убрав с нее снег и положив на дерево рукавицы. Достал из-за пазухи кисет, сделал самокрутку и закурил. Ему хорошо было видно, как идет брат. Но потом тот скрылся за кустами и не появлялся какое-то время. От самокрутки оставалось немного. Макто подумал, что брат сел оправиться. Но в это время грохнул выстрел... В ушах раздался звон. Макто свалился в рыхлый снег спиной, успел только подумать: «Чем стрельнул? Жиганом или дробью?» И потерял сознание.

Капока видел, как падала косуля. Теперь он не шел, а бежал к своей добыче, даже не вытащив из ствола пустую гильзу. Он радовался, ликовал, что ему улыбнулась удача. Но, добежав до места, Капока не поверил своим глазам. На снегу лежал Макто на спине. Только тогда он взревел во весь свой шепелявый голос, затрясся от испуга как лист на ветру. Решительно подошел к брату, чтобы определить его состояние. Лоб и все лицо были в крови.

— Жив, жив! — шептал он. — Еще дышит!

Затем ругал себя, стучал кулаком по голове и не соображал, что надо делать. Однако тут же стал раздеваться, снял с себя нательную рубаху, так же наскоро оделся и стал рвать нательник на широкие полоски.

Макто постепенно приходил в себя, вспомнил, как раздался выстрел, открыл глаза, но они ничего не видели. Потом медленно пощупал лоб...

Изорвав рубаху, Капока вытирал дрожащими руками, без конца шепелявя, лоб, лицо брата. В глазных орбитах тоже стояла лужа крови. Только после того как Капока вытер с них кровь, Макто увидел над собой плачущего брата, сказал:

— Как ты мог выстрелить в меня? Неужели не видел, что это сию я и курю?

— Ну что поделать, брат... Вся твоя одежда сшита из шкуры косули. Вот я и не разобрался. Извини, прости... Сейчас я тебя перевяжу...

Макто еще раз пощупал лоб убедиться — цела ли кость. Да. Она была цела. Капока помог ему сесть на валежину. Теперь оба заматывали голову изорванными полосками. На лбу, на лице было несколько ран. Из них сочилась кровь. Оказалось, Капока по ошибке затолкал в ствол патрон с дробью вместо жигана.

— Хорошо, что и глаза целы, — сказал Макто. Потом добавил: — Вот для этого случая сегодня ночью приходили всякие амбаны — черти. Ты только глаза мне не заматывай, а то как я буду идти?

Глава 9 Недобрая примета

К зимовью пришли за полночь. По дороге Капока неоднократно помогал брату подняться на ноги после падения. У Макто глаза застилала пелена. Он не плакал. Просто они сами слезились. Причем из-под плохо замотанных лоскутов из ранок сочилась кровь. Она тоже стекала на глаза. Еще издали собаки залаяли дружно. Они всегда узнавали шаги

хозяев задолго до их появления. Повизгивая и махая хвостами, ждали, натягивая поводки от ошейников, чтобы подпрыгивать и ластиться, когда будут проходить мимо. А сегодня было не как обычно. Луку же при приближении хозяина так рывкнул и дернулся в его сторону, что, натянув поводок, едва не достал зубами руки.

— Ты что? Не узнаешь? — прикрикнул Макто. Только услышав голоса, он виновато поджал пушистый хвост, лег на один бок и, как бы прося извинения, протягивал передние лапы к нему.

Придя к себе, братья даже не стали есть. Прислонив ружья к стволам деревьев, доставали вещи из дэсю — стеллажа на ножках, укладывали на парусину, где лежало мясо. Только уложив все, подвязали натуго к нарте, зашли в жилье, чтобы подкрепиться на дорогу. Вынесенное вчера копье Макто перед самым заходом зачехлил и затолкал между веревками поверх парусины. Утренний суп с жирным еновым мясом поели, не подогревая.

Охотники-нани всегда употребляли в пищу мясо этого зверька. Оно было со специфическим резковатым запахом, однако вкусным и очень питательным. Они привозили мерзлые тушки домой. Поэтому в супах ели такое мясо все члены семьи. Некоторые из детей нехотя отворачивали носы, но родители все-таки заставляли есть. Возможно, поэтому в семьях охотников все их члены никогда не страдали болезнью эри — туберкулезом. Только в редких семьях кто-то заболел им.

Между тем солнце уже низко опустилось над горизонтом. Собаки, не чувствуя тяжести нарты, легко бежали по проложенной вчера тропе. Полозья издавали поющий, бесконечно протяжный скрип. Перед отправкой братья, набрав в рот воды, поднимая поочередно полозья, густо смачивали водой изо рта небольшую тряпочку в руке и проводили ею по нижней рабочей поверхности, чтобы на ней водица застыла

ровной прочной ледяной пленкой. Причем, опуская поднятую сторону на снег, нарту следует сразу подтолкнуть вперед и назад, чтобы не прилип снег и не сделал ледяную пленку шершавой. Так поступают и со второй стороной. Поэтому нарты скользили легко и на небольших спусках почти догоняли собак.

Когда добрались до стана и вошли в землянку, рыбаки, увидев обмотанное лицо Макто, ужаснулись.

— Ага, что случилось? — подошел бригадир Кенька Бельды.

— Да это я подстрелил его вместо косули, — зашепелявил Капока.

— Сейчас вы домой уезжаете? Я могу дать лошадь с санями, и рыбку возьмете домой, — предложил Кенька.

— Может быть, не надо? Вам самим здесь лошадь нужна...

— Да ладно, ага-брат Макто, — прервал его бригадир, — ехать сидя на нартах — от холодного встречного потока ранки воспалятся. А тут в санях тулупом укутаетесь.

Через десять минут лошадь была запряжена. В санях лежали большие сазаны, амурь и другая крупная рыба, более двадцати штук. Нарту Капоки разгрузили, вещи тоже положили в сани. Его собак привязали к нарте Макто и тронулись в путь. На улице стояла темень. До Дады было около тридцати километров.

В доме Макто все члены семьи сидели за столом, ужинали. От похлянутого супа с сомом исходил ароматный, щекочущий нос аппетитный запах. Тойла варила такие нанайские супы часто. Они очень нравились и детям, всегда ели с добавкой. Только маленькая грудная Валя еще не знала сладости этой вкуснятины. Она довольствовалась еще более приятным и аппетитным лакомством — кусочком хвостовой части юколы, держа ее в своей маленькой пухленькой

ручонке, обсасывала и чмокала, как карасик в траве между кочками.

После ужина Коачика готовил уроки. Младший брат Леня и сын невестки Сини Боря играли на полу, толкали по полу маленькие прямоугольные дощечки и, представляя их машинами, громко издавали звуки, похожие на работающие под нагрузкой двигатели. Сини — жена старшего сына Тарпьяна — пришла домой с сумерками. Она рыбачила в бригаде Димки Киле — единственной женщины-бригадира. В этот день ее коллектив осваивал новую рыболовецкую тонь в протоке Сирими, по которой по воде уезжали на охотничий промысел братья. И так случилось, что на этом месте оказался зацеп. Чтобы вытащить невод, всей бригадой пришлось обдолбить лед почти на всю его длину, около трехсот метров. Придя домой, она в первую очередь стала кормить грудью восьмимесячную дочку Риту. Сама же сидела на нарах, закрыв глаза, дергалась и качалась, засыпая временами. Тойла подошла к невестке, взяла в руки заснувшую внучку, уложила на место, где она обычно спала с мамой.

— А ты иди покушай и ложись спать. Видать, сегодня очень устала.

Сини пошла за стол. Подошел к маме сын Боря, обнял ее и спросил:

— Мама, а когда папа вернется домой? Скоро? Ведь война уже давно закончилась...

— Не знаю, сыночек, я сама очень жду папу. А сейчас иди ложись спать. Мне завтра опять на рыбалку.

Времени было полночь. В доме все спали тихо. Тойла, лежа на спине, еле похрапывала, но затем стала издавать прерывистые стоны, то дрожащие иногда, то похожие на крик. Наконец крикнула громко и от этого проснулась сама. Следом во весь голос крикнула Сини:

— Га-а-а! Что-то очень странное и страшное есть в доме!

Проснулись дети. Заплакали грудные Валя и Рита. Пока Тойла нащупывала спички, сквозь плач детей послышался треск в окне, и стекло большой шипки на наружной раме разбилось вдребезги. Куски стекла падали в межрамный проем с дзиньканьем и лязгом.

Сини стала кричать еще больше, закричала и Кумбикэ:

— В окно смотрит какая-то женщина в ярком халате амири...

Истерично кричала Сини:

— Вокруг женщины прыгают, скачут лисы, еноты... Га-а-а! Удивительная, странная картина...

Наконец Тойла нашла спички и зажгла керосиновую лампу. Но пока шарила по столу, тоже кричала. При свете лампы увидели, что Кэриэ, Ленька и Боря легли все в куче и укрылись с головой ватным одеялом. Они спали на полу на большой медвежьей шкуре с густым и мягким мехом. Грудные дети, всхлиывая на руках у матерей, сосали молоко.

В поверье нани существует такое понятие, как пава сарпарини — вдруг разбивается вдребезги стекло в окне. Такое явление говорило, что, опережая какую-то весть, событие, приходит в дом панян — душа человека, находящегося где-то там, вдалеке. И говорит еще о том, что с этим человеком случилась какая-то беда, трагедия. И теперь, проснувшись, все были в напряженном состоянии, в ожидании чего-то, так как поверье сарпа — предвестник недоброй приметы. Но, посидев, порассуждав, Сини и Тойла легли спать, не гася света, и заснули тут же. Через какое-то время спавшая Кумбикэ расплакалась навзрыд с криком:

— Га-а-а! Входит в дом женщина в амири, глаза горят, как лучины, весь ее рот красный от крови... — при этом задыхалась от слез и продолжала кричать.

Проснулись Сини и Тойла. Они тоже кричали «га-а-а!»,

отгоняя чертей. Лежащие дети вновь укрылись с головой под одеяло. Опять плакали груднички.

— Надо пойти за Пилхой, — предложила Тойла, обращаясь к Сини.

— Ой, мама, боюсь... Не пойду...

В это время во дворе залаяла собака. А спустя минуты три-четыре на улице заржала лошадь. Затем открылась дверь и Капока с Кенькой завели в дом обмотанного, перевязанного Макто. Он обнял подошедшую в слезах жену и тоже всхлипывал:

— Я думал, уж больше не увижу ни тебя, ни детей, ни внуков и никого из села...

Спавшие дети все встали на ноги и подошли к Макто. Он, утирая невольно катившиеся слезы, обнимал всех и целовал. Груднички, увидев обмотанного человека, не признали за своего и, тараща глаза, плакали, отворачиваясь.

Кенька с Капокой разгрузили нарту, сани, все привезенное затаскивая в сени, собак же отвязали и сняли с них хомуты, чтобы после долгого нахождения на привязи набегались вволю. Охотничьи собаки никогда не трогали людей. Даже незнакомых они будто признавали за своих, всегда ластились к любому. Тойла кроме коров держала более десятка белых и пестрых кур. Ни разу не было, чтобы охотничьи собаки задрали хотя бы одну из них. Клушки с выводком цыплят иногда подходили к собакам за едой и прямо с их чашек начинали клевать вареную рыбу. Отойдя в сторонку, собака поглядывала на них без тени злобы, а когда уходили, продолжала доедать.

Управившись, Капока уехал к себе домой на нарте брата, погрузив несколько кусков мяса и рыбы, что привезли с собой. Кенька поехал распрягать лошадь, поставить в стойло. Отправляясь, сказал Макто, что поедет обратно на остров сегодня после полудня. Так как и им надо встретить приход нового года у себя дома, в кругу семьи и друзей. А невы-

везенная рыба? Придется, видимо, оставить. Кенька знал, что нани никогда не возьмет чужое. Если даже удастся взять, зная, что это того-то человека, при первой же встрече с ним обязательно скажет об этом и сколько взял. Этому неписанному закону предков всегда учили своих детей с малолетнего возраста.

Тем временем уже рассвело. После перевязки Макто лег спать. Для этого Тойла и Сини нарезали из белой хлопчатобумажной ткани узкие длинные полоски. Настругали от стебля кустарника варанкола его лубовую часть в виде тоненькой и мягкой стружки подобно вате и, прикладывая на каждую ранку, обмотали голову аккуратно. А до этого Макто нащупывал ранки рукой. Внутри катались дробинки на черепной кости. Он их сам вытаскивал из ранок, выдавливая. Их было восемь — одна над левой подглазной костью, две на лбу над глазами и пять в волосистой части над лбом. Тойла и Сини все удивлялись: по счастливой случайности ни одна дробина не попала в глаз! Проснувшиеся дети ходили возле нар и удивленно смотрели на перевязанного отца. Позавтракав, Сини ушла в бригаду, Коачика — в школу.

Еще до обеда все село знало о случившемся и начали приходить в дом Макто наведывать. Одни советовали поехать в больницу подлечиться, а другие были против:

— Наша фельдшерица вылечит. Сейчас только появившись в больнице, сразу появится милиция, заберут Капоку и посадят. Скажут — умышленная попытка к убийству. А случилось же так просто по случайности. Ведь у Макто и куртка, даже ноговицы, которые надевают поверх брюк, сшиты из хорошо обработанного косульего меха. Поэтому Капока действительно не разобрался. Он шел по следу и, увидев одежду Макто, подумал, что это в самом деле та косуля, по следу которой он шел. Наверное, любой бы подумал так. Поэтому ехать в больницу, по-видимому, не следует, — рассуждали люди.

К вечеру заглянул к соседу Пилха. Они с Макто поздоро-

вались как старые добрые друзья. В ходе беседы поговорили обо всем. Тойла рассказала шаману о ночных кошмарах, что даже среди ночи хотели послать Сини за ним, чтобы погонять чертей.

— Надо было послать. А что же не пришла?

— Побоялась идти одна, — ответила Тойла.

— А что страшного? Черти человека не возьмут и не унесут. Это сейчас люди становятся страшнее любого черта.

— Да. Это только начало, — подхватил разговор Макто. — А что будет дальше, я даже не представляю.

— Сейчас настает другое время. Когда раньше у нани было так, чтобы отбирали у шаманов бубны, палочки — гисил, и янгпаны — поясовые побрякушки? Вот у Лингде отобрали. Но ко мне до сих пор никто не приходил. Только предупреждали, что если буду шаманить, то и у меня отберут все.

— Но это не может хорошо кончиться. Уже есть примеры... Анда, друг Пилха, может быть, придешь сегодня вечером, покамлаешь?

— А что? Приду.

Глава 10

Неведомая тайна

Как и обещал, с сумерками Пилха пришел в дом Макто. Его шаманские атрибуты принесла жена Нюрка. Тойла подала гостям по обычаю нани уже остывший прохладный крупяной напиток бода. Пилха сел на нары, принял пиалу, стал пить. Нюрка взяла посудку с напитком, отошла от стола в сторонку, где Сини, сидя на полу на устланном куске брезента, скоблила жир со шкурок лис и енотов. Села на низенькую сидулечку, стала разговаривать с ней полупшепотом. Тетке помогали здесь Кумбикэ и Кэриэ. А Леня и Боря сидели за столом и ели уху из касаток. Они так громко и аппетитно

обсасывали головки рыбы, что даже Пилха, сидевший в стороне, заметил:

— Ну, молодцы! Будут настоящими рыбаками!

Макто, с аккуратно обмотанной головой, разделявал на полу на специальной для этого широкой и толстой кедровой доске — чиэнку — амура. С рыбы уже снял одну из половинок, которую, приняв из рук мужа, резала мелко, в виде лапши, Тойла. Она резала быстро и красиво, что при еде, казалось, берешь в рот не грубую мерзлую рыбу, а как настоящую стружку саори, изготовленную для специального пользования в быту, такой она была тонкой и нежной. Только приятно холодила во рту, таяла в зубах и на языке, что слюни обильно обволакивали вновь положенную порцию, и через язык раздражала центры головного мозга неопишмым блаженством и наслаждением. Закончив резать, Тойла поставила на стол две миски с пярмой (так называется тала в мерзлом виде), уложенной с горочкой.

— Ну, давайте садитесь к столу, будем ужинать, — пригласила она гостей.

— Мы только что ели дома, — сказал Пилха. — А пярму и талу можно кушать в любое время. Это настоящая и первая наша еда, — добавил он.

Макто достал бутылку купленной сегодня водки. Тойла ходила в магазин за хлебом, взяла бутылку, зная, что вечером придет шаман, и заодно отметить возвращение охотников. Отсыпав немного в тарелку из второй миски, Тойла отдала почти полную посуду детям, усевшимся прямо на полу отдельно за низеньким квадратным столиком. Вымыв руки, села к столу и Сини. Выпив по рюмочке, Макто сказал шаману, что есть какая-то причина, которая подстерегает их, и потому надо хотя бы немного отогнать чертей подальше. А по-настоящему следует взяться за них попозже, когда закончится сезон охоты, или летом.

После ужина Пилха занял обычное место на низенькой

скамеечке, сев лицом к двери. Еще при свете, начиная свое пение, он сразу предупредил, что этот случай связан с очень нехорошим делом, и сумеет ли сейчас чем-то помочь. Затем попросил потушить свет.

На этот раз шаман не стал долго камлать. Прерывая свое пение, он звонко и громко кричал «га-а-а!». Просил, чтобы и другие кричали, потому что вокруг дома, даже на чердаке уйма всевозможных чертей. И во время пения он говорил, что волосы на голове все время становятся дыбом. Просил своих помощников не горячиться, не рисковать, а просто стараться отогнать злых духов подальше. Заканчивая камлание, попросил, чтобы сэвэны-помощники зорко охраняли дом охотника, а другие — чтобы всюду и всегда оберегали Макто от возможных напастей злых духов.

Когда зажгли свет, Пилха удивлялся: сколько, мол, ни шаманил, почти не приходилось встречаться с такими большими странностями, как в семье у Макто. Потом он обратился к Тойле:

— Перед тем как забеременеть Коачикой, ты видела во сне, что поймала жар-птицу?

— Да. Действительно, я поймала такую красивую птицу.

— Такое красивое создание — эта птица не здешних миров. Говорят, и у нас водились они раньше, давным-давно. Значит, и ваш Коачика тоже посланник откуда-то. На теле у него есть какая-либо отметина либо родимое пятно?

— У него тело чистое. Только на нижней стороне его чицукэн есть родимое пятнышко — темненький кружочек, в центре которого имеется небольшое вздутие, вроде там маленький шарик внутри.

— Вот это-то и есть его отметина. В будущем у мальчика обнаружатся какие-то особенные черты. У тебя, Макто, тоже есть что-то неординарное. Если сказать на тебя шаман, то такового у тебя нет. И все-таки ты обладаешь чем-то очень интересным и странным. Говорят, к таким людям кукушки,

когда они вторят их пению, садятся прямо на голову и поют. Ты не пробовал делать такое?

Тут Макто рассказал, как однажды весной во время охоты подстрелил кукушку. А до этого он знал по рассказам старых людей: если добыть птицу, сварить ее мясо, съесть, а затем лечь спать, положив под себя одно крылышко, вторым укрыться, а веерообразный хвостик положить под голову вместо подушки, то в момент просыпания можешь определить свою судьбу на всю жизнь. Если проснешься от дрожи и прохлады, то жизнь будет обречена на нищенство, неудачи, промахи. Если же проснешься вспотевшим от тепла и жары — жизнь сложится удачной, счастливой, без нужды и особых сложных проблем. Проспав какое-то время, Макто проснулся вспотевшим. Поблизости куковала другая кукушка. Охотник стал вторить вслед за птицей. К удивлению, она подлетела на ближнее дерево и продолжала петь. Макто продолжал куковать. И вдруг кукушка, вспорхнув, сделала над человеком круг и опустилась прямо на голову. Даже и сейчас одновременно с птицей продолжал петь охотник. Но через некоторое время кукушка улетела совсем. По рассказу Макто, был в действительности такой случай в его молодые годы. Из этого Пилха сделал вывод, что у его соседа-охотника есть в самом деле какая-то неведомая тайна, которая способствует ему в жизни. Даже этот случай, когда брат подстрелил его вместо косули, говорит именно о том же. Капоку, знавшего, в каком кармане лежат патроны с жиганами, эта неведомая сила Макто заставила полезть в другой карман и затолкать в ствол ружья патрон с дробью.

В нанайском поверии есть выражение «най хоронни», что в переводе означает не совсем точно, но подобное — человеческая аура. Она по своим свойствам и силе предельно велика. В другом варианте это же обозначается как «най этумдини». То есть телохранитель, защитник, добродетель. По убеждению Пилхи, такой защитник имеется у всех людей.

Но у одних он слабо выраженный, почти незаметный. Вот у других, как Макто, очень сильный, что не всякому злему духу по силе справиться с добродетелем такого человека.

— По-моему, и у вашего сына Коачики тоже есть очень сильный защитник. Я это почувствовал, когда ходил за паняном — духом Майи — после сбора шиповника в бывшее стойбище Манга-Модан. Тогда именно его приметили черти в образе двух собак, чтобы утащить панян Коачики. Но защитники мальчика оказались намного сильнее злых духов. Только поэтому заболела девочка, у которой ее этумди были более слабы.

Прежде чем уходить домой, Пилха сказал Макто:

— Следующее камлание тоже нельзя откладывать надолго. Надо пошаманить до истечения одного года. А то может случиться ужасное, непоправимое. Но, анда-друг, я предупреждаю: мне одному вряд ли удастся справиться с таким сильным и грозным амбаном-чертом, злым духом. Надо будет найти мне в помощники какого-нибудь сильного шамана.

После этого гости, попрощавшись с хозяевами, ушли домой.

Проводив соседей до улицы, Макто занес мешок, в котором были необезжиренные шкурки. Зимний день смеркается быстро, на улице была предновогодняя безлунная темень, и времени для дела оставалось не так много. Сини с дочерью Ритой спала, спали и другие дети. Макто с женой сидели и скоблили жир со шкурок далеко за полночь. Надо было поторопиться, чтобы обработать их. А для этого после соскабливания применяли мелкую золу. Она досуха впитывала жир, и только затем, убирая золу, вытирали насухо чистой тряпкой или ватой. Работа эта изнурительная, долгая. Однако все приходилось делать только самим. Дети помогали, но выполняли только основную работу по удалению жира. Сини приходила с рыбалки усталая, но и она принималась за это дело, сидя допоздна.

В ночь прибытия Капока забрал с собой все четыре меш-

ка шкурок, чтобы у себя заниматься такой же работой. Еще утром приходила наведываться его жена Нюрка. Она сильно огорчалась и гневалась на своего мужа не матершинными, как у русских, а ругательными словами по-нанайски, в которых отсутствует густая нецензурная брань:

— Дурак! Конечно, дурной... Как можно не отличить человека от зверя? Даже если он был одет в свои меховые ои — ноговицы на брюках, и кацой — меховую куртку из кожи косули. Он же каждый день видел, что брат ходит в этом одеянии. Причем ты не просто так сидел, — иногда обращалась она к Макто, — а курил. Даже по табачному дыму можно было догадаться, что это человек, а не зверь. Просто дурак, да и только! Что можно сказать другое?!

— Да ладно, — успокаивала Тойла, — хорошо хоть жиганом не пальнул. А то было бы все... Пришлось бы могилу копать, а не сидеть сегодня так.

— Конечно, хорошо, хоть так обошлось. Спасибо Эндур-богу, что пожалел, чтобы дети не остались без отца, — закончила Нюрка досадовать.

Потом, после уроков, приходил Дёльди, притащил нарту. Тойла спросила его, чем занимается отец. Мальчик ответил: «Шкурками». И добавил: «Папа привез много шкурок».

Нанайцы новогодний праздник первое января не отмечали. Считали, это не настоящий день смены лет. Настоящим называли февральский день в начале месяца, когда на вечернем небе появляется первый тоненький серпик по лунному календарю нэудимэ, то есть февраль. В этот день выносят на улицу приготовленную еду — угощения новому году, ставят араки — водку. Встав всеми членами семьи перед поставленной едой, а значит, и перед тоненьким серпом луны на колени, после угощения старшего (хозяина дома) едой и водкой делали одновременно поклоны в сторону луны, касаясь лбом земли (снега). При этом старший просил у луны и неба, где живет ночное светило, добра, здоровья, благополучия,

успехов для всех членов семьи, а для семейных добытчиков — удачных промыслов. Серебристо-желтому серпику кланялись трижды. Только после этого, затачив вынесенную еду, садились ужинать за стол. Если в такой день придти в дом китайца, а их в Даде было несколько одиноких людей, то при входе в дверь они (китайцы) обязательно пустят навстречу гостям паодан — хлопушку, из которой вылетает заряд подобно конфетти. После этого хозяин дома угощает пришедших пампушками и другой едой, приготовленной специально к этому дню — настоящему китайскому новогоднему правднику по восточному календарю.

Раночки, оказавшись без дробы, заживали хорошо. Тем более к каждой перевязке Тойла настругивала из высушенного корня лечебного травянистого растения хаокта мелкий порошок, накладывала его на раночки, а сверху придавливала мягкими стружками варанкола. Таким образом, ранки зажили быстро в течение каких-то четырех-пяти дней. Все эти дни занимались усиленно шкурками пушных зверьков. Управились только на седьмой. Сняли последние шкурки с правилок. Макто связывал отдельно енотовые, лисьи, пропуская хлопчатобумажные суровые нитки через ротовые и глазные отверстия, по пять штук. При этом отбирал по сортам: за долгие годы охоты и сдачи пушнины на приемный пункт уже знал, с какими дефектами, по какому качеству меха они распределяются в те или иные категории. Такие связки висели по потолочным балкам, по стенам на давно прибитых гвоздях для этой и для других целей. Все помещение дома представлялось, как выставочный зал мехового аукциона: связки лис сменялись связками серовато-темного енота, затем буровато-коричневых выдр, ярко-желтых колонков, белых шкурок зайцев и горностаев. Возле двери висела большая серебристая шкура волка. А рядом с ней — связка пушистых, очень смешных комочков, похожих на чрезмерно вздутых жаб. Это меха соболей. Их двенадцать штук.

Через два дня утром пришли Нюрка, Дёльди и его отец. Каждый нес за спиной большой, но очень легкий мешок с пушниной. А у Капоки было три мешка, связанные вместе.

— Только сегодня управились, — прошепелявил он, заходя в дом.

— Мы тоже только позавчера закончили, — ответил брат.

— Как твои ранки?

— Уже зажили. Наши нанайские лекарства хорошо и быстро заживляют раны.

Капока подошел поближе к брату и, чуть щурясь, разглядывал их. До этого он приходил один раз проводить, заодно взять колонковые, лисьи и другие правилки для сушки натянутых на них шкур.

Макто развязывал мешки, вывалив содержимое прямо на пол, стал сортировать и откладывать тоже по пять штук для завязывания. По количеству добытого и у старшего брата было ни чуть не меньше, чем у него самого.

— Я не состою в кадровых охотниках, так что тебе надо сдать все мое в свой план.

— Придется делать так, а как иначе? Завтра же нужно отнести в «Союзпушнину».

Эта контора находилась прямо в центре села.

Илья Бельды, коренастого телосложения, в очках, сутулился слегка. Его смугловатое лицо с лучеобразно исходящими от уголков глаз белесыми морщинками во время разглядывания шкур, особенно соболей, принимало важный и серьезный вид. На высоком лбу то бугристо появлялись волнообразные морщинки, то вдруг исчезали. Проверив все, а их с учетом пяти соболей, пойманных шепелявым, оказалось семнадцать штук, отложил в одну кучу. Это значит, он принял их за первый сорт. Связки остальных шкур не разглядывал долго, так как знал: Макто не обманет никогда.

— Ну, молодец ты, Макто, — похвалил Илья, закончив приемку всего привезенного. — Где ты их так много добыл? Я слышал, что брат твой пальнул в тебя...

— Да, это получилось случайно.

— Случайно-случайно, да могло оказаться печально!

— Что уже теперь делать, раз так вышло.

— Вот, на, дорогой Макто, тебе квитанцию. Ты только до Нового года добыл пушнины на пять с половиной годовых планов! Ты всегда был моей надеждой и всегда сдаешь меха больше всех!

Прощаясь, Илья радостно, добродушно пожал руку охотника.

Глава 11

Пилха

Доброта — не совсем признак, а более всего качество человека. Она вырабатывается в течение всей жизни, накапливается по крупицам из многогранности бытия. Наконец достигается целостное состояние души, в котором положительное стоит на пике всех эмоций. Таким или подобным качеством обладал, по всей вероятности, шаман Пилха.

К нему часто обращались люди, чтобы он помог заболевшим детям или другим членам семьи. Наверное, почти не было случаев отказа. Порой бывал занят какими-то домашними делами, уставал на промысле рыбы либо зверя. Но всякий раз, если обращались к нему с просьбами, непременно давал согласие, что придет, и вообще не было такого случая, чтобы свое обещание не выполнил.

Кроме Пилхи на селе были и другие исцелители древним методом, уже давно проверенным поколениями людей. Это и Моло Оненко, Конго Бельды, Куню Оненко и женщины: Наоя Поссар, Лингде Бельды, Сиоя тоже из рода Бельды и

другие. Однако все же чаще приходили к Пилхе, и именно к нему. И почему это именно так, никто, пожалуй, не смог бы объяснить точно и убедительно причины такой притягательности, кроме как тем, что он — наиболее сильный из здешних шаманов.

Пилха действительно одаренный в своем магическом деле, как и вся его комплекция, располагающая к себе, вызывающая уважение: плотное телосложение, гладкое крупное лицо с небольшими открытыми и пронизывающими глазами. Когда говорил, голос выходил из груди, как четкие басистые звуки хорошо прогретого над очагом бубна. Это чувствовалось особенно тогда, когда во время разговоров среди друзей и товарищей вдруг начинал смеяться от души над чем-нибудь. Его необычный, будто бы суховатый, но громкий грудной смех непременно увлекал за собой и других.

Шаман как человек был хорошим собеседником. С ним можно поговорить обо всем, что касается рыбалки, охоты. В молодые годы, когда нога была со ступней, он охотился и добивался неплохих результатов, ходил на кабанов, других копытных и даже несколько раз убивал медведей. Родом из небольшого нанайского стойбища Курун, поблизости которого имелось множество протоков, заливов и всевозможных других водоемов. Их примечательной особенностью здешнее население считало обилие белых и черных амуров. Эта рыба особо ценилась среди нани: свежая тала из нее, заправленная луговым луком, настоящий деликатес. Здесь кроме амуров водилась в большом количестве и всякая другая рыба. Пилха умело добывал острогой — цакпан, трезубец которой прикреплен накрепко к концу древка. Острый глаз Пилхи и набитая с детства рука попадала карасям, касаткам, лещам и другим рыбам прямо в голову. Трезубец — дёгбо с поводком, с конической выемкой у основания, натягивая веревку, надевают на конец древка. Когда гарпун попадает в рыбу, она делает рывок, дёгбо снимается со своей насадки, и уже,

как на поводке, рыба таскает за собой древко по воде. Догнав ее на оморочке, человек забирает древко, затем за веревку водит рыбу, подтягивая к себе. Если рыба крупная и сильная еще, подтянув поближе к поверхности воды, и острый, длиной с метр, металлический прут — сугбэ — втыкает ей прямо в голову. После этого, забрав добычу в оморочку, дополнительно глушит по голове деревянным молоточком кунку, чтобы, придя в себя, какой-нибудь амур или сазан не трепыхался в лодке и не пугал других рыб.

Пилха все это знал и делал точно так, как когда-то учил его отец. Но однажды, взяв дёгбо, поехал искать на талу хорошей рыбы. Заехав в один из заливов, в глубине его нашел питавшихся здесь сазанов. Они были изжелта-черными. «Ох, какие жирные!» — подумал и, заметив круглую, как чурбачок, с широкой покатой спиной, метнул в нее. Рыба рванула в сторону кочарника и, запутавшись в нем, дергала веревку, раскачивая кочки с густыми зелеными шевелюрами. Здесь было неглубоко. Подъехав, забрал Пилха древко, потащил за веревку. Но она так запуталась, что подтянуть добычу не удалось. А рыба, хотя и подустала, но продолжала биться и дергать веревку, поднимая со дна грязь и ил. Пилха прямо в брюках слез в воду. Нашупал рыбу, стал распутывать. Сделав это, повернулся, чтобы положить рыбу в оморочку. В этот момент сазан мощно встрепенулся, вырвался из рук и в своей стихии сделал сильный гребок хвостом. При этом ударил по ноге Пилхи головой, возле которой один крайний рожок трезубца с тремя усиками назад держался на спине рыбы. От резкого движения сазана этот свободный рожок трезубца воткнулся в ногу, пробив ее насквозь за костными фалангами пальцев. Теперь рыба вместе с ногой билась в воде. Перебивая боль, Пилха сумел ухватить за жабры злополучного сазана, поднял трепыхающегося над водой вместе со своей ногой и, достав из оморочки кунку, с силой ударил по голове. Лишь тогда достал нож, разрезал спину сазана, чтобы осво-

бодить дёгбо. Ну а из ступни вытащить трезубец возможности не было. Быстро залез в оморочку и сильными гребками махового весла направил лодку домой.

Будучи юношей, Пилха всегда чувствовал в себе присутствие шаманского начала. Об этом догадывался по своим удивительным снам — то он летал, то по каким-то лабиринтам подземелья ходил. Всегда сопровождали его всевозможные бурханы, которых еще в детстве он видел у своего деда-шамана. Тот был большим шаманом и мог отправлять души умерших людей в дальний потусторонний мир. А этим могут заниматься только шаманы высокого ранга. Однако Пилха не придавал особого значения своим еще не осознанным чувствам. Но бывали моменты, когда оказывался наедине с самим собой. Тогда из груди невольно выходили песни, подобные дедовским во время камлания. Неоднократно убеждался и чувствовал какое-то облегчение на душе, приподнятость настроения после таких, как бы шуточных, импровизированных песен. Порой он пел и во сне, когда оказывался в кругу неразлучных бурханов. Тогда вокруг него бегали, прыгали становившиеся будто воодушевленными деревянные человечки, насекомые, зверюшки, пресмыкающиеся и пернатые разных видов. От такого своего пения просыпался много раз. Слышавшие ночные его серенады говорили:

— Пилха, ты станешь шаманом. Тебя надо только «открыть».

В этом выражении заключается весь тот шаманский церемониал по введению или приданию его шаманской магии. Но и этим высказываниям людей Пилха не придавал особого значения. «Какой из меня шаман? Мне надо охотиться, рыбу ловить...» — думал юноша.

Дома тоже не смогли вытащить рожок трезубца из ноги.

Передняя часть ее, особенно там, где была рана с торчащим металлом, распухла и покраснела.

— Надо повезти в Долин — Троицкое.

— Медлить нельзя... Вон уже как распухла нога...

— Там ведь доктора знают, лечат всякие болезни, может быть, сумеют вытащить, — рассуждали люди.

Тут же, не задумываясь, организовали двухвесельную лодку и, несмотря на наступление сумерек, отправились в путь. Под напором сильных рук двоих мужиков лодка скользила вниз по течению реки ходко. Пилха лежал в середине лодки на настиле с мягко-устланными вещами. Рядом с ним сидели два загорелых мускулистых парня — смена гребцов. Темень ночи освещала луна.

У народа нани есть поговорка: при езде на лодке ночью у нее появляются четыре ноги, а днем она движется только на двух ногах. Это значит, что езда ночью быстрее, чем днем. Почему?

Это нанайская мудрость! Она связана с тем, что при езде днем человек далеко впереди видит определенные точки. Видимое приближается всегда долго, потому что человеку хочется добраться до видимой вдали точки как можно быстрее. Это желание придает чувство медленного движения, как бы на двух ногах. А ночью наоборот. Потому и кажется быстро.

Заполночь лодка причалила к галечному берегу поселения Долин. Двое пошли в больницу. Вскоре подошла машина скорой помощи. В эту ночь сделали операцию Пилхе. Нога из-за сильного загрязнения начала воспаляться гангреной. Во избежание общего заражения врачи решили ампутировать переднюю фаланговую часть стопы, оставив невредимой пятку. Так у Пилхи одна нога осталась без передней части ступни.

Об этом случае он не рассказывал почти никому. Здесь

не рыба виновата. Он знал, что к загарпуненной трезубцем-дѣгбо рыбе ни в коем случае нельзя опускаться в воду. Она, находясь на поводке с трезубцем, мечется из стороны в сторону и обязательно поранит человека. В данном случае получился очень печальный исход только из-за оплошности самого Пилхи.

Пилха не был членом колхоза. Да и руководство хозяйства, зная о его хромоте, не старалось привлекать к какой-либо работе. Можно бы доверить ему посторожить, но на селе, где живут одни местные нани, никто никогда ничего не воровал и не утаскивал. Поэтому такая необходимость отпала за ненадобностью.

Иногда, чувствуя неловкость перед людьми, которые работали, Пилха сам выходил на колхозное поле, чтобы какую-то пользу принести хозяйству. Иногда он привозил на полеводческие станы свежую рыбу для котлового питания работающих. Среди добычи были сазаны, крупные толстолобы, змееголовы, щуки, которые непременно шли на приготовление самого любимого лакомства — талы. Тогда бесстопого благодарили все. А он отвечал:

— Да ладно... Я все равно работать на поле не могу. Хоть этим помогу.

Ежегодно в конце лета, перед началом кетовой путины, в колхозе проводились отчетные собрания. Руководство хозяйства отчитывалось перед членами колхоза о проделанной работе за истекший период. В основном получалось так, что люди работали все лето на колхозных полях и на других разных участках, а в итоге для получения заработной платы, как всегда, мало оставалось. А вели табели на работающих либо крестиками на листочке бумаги напротив фамилий, либо надрезиками на палочках на того или другого труженика. Это означало количество выходов на работу, будь то на поле, в

овощехранилище или на животноводческую ферму. От такого учета работы люди нередко оставались в долгу за общекотловое питание. Для этого колхоз закупал все необходимые продукты. К тому же привозили с фермы молоко, порой забивали свиней или рогатый скот. Такой учет труда для людей всегда оставался недостигаемой для ума тайной. Все возмущались, ворчали, однако назавтра, как и сегодня, выходили безотказно на свои рабочие места, чтобы потом, по достижении возраста, получить пенсию в сумме шесть рублей.

Готовясь к отчетному собранию, руководство хозяйства начинало хлопоты заранее. Ставили в одной, а порой в двух двухсотлитровых деревянных бочках бражку. Закупали много продовольственных товаров, среди которых были печенье, конфеты и другие сладости. Специально отправляли рыбаков поймать калугу или осетров на талу, а охотников — на добычу мяса. В группу добытчиков всегда включали и Пилху, зная его удачливость, или вообще, чтобы не обидеть. Бесстопный не отказывался и радовался, что им не чураются: все-таки чувствовал себя членом хозяйства.

Во время отчетного доклада среди активистов колхозного производства называли и имя Пилхи. Вот, мол, человек на костылях, а стремится выполнить посильные ему дела. После окончания торжественной части приглашали всех за длинный стол почти в пятьдесят метров, установленный прямо на улице, возле клуба. Праздник продолжался далеко за полночь, иногда почти до утра. Ведрами подносили бражку на столы, которые ломились от вкусной еды. Среди разговаривающих голос Пилхи отличался зычностью и густотой.

После больницы его шаманское начало стало часто тревожить и беспокоить Пилху. По-видимому, стрессовый случай пробудил в нем дремавшую силу мага. Появились несвойственные ему черты: то замыкался сам в себе, то, взяв в руки бубен, начинал петь еще не шаманские песни. Наконец

он сам обратился к старику Подали, который две ночи прогонял от Пилхи имевшиеся у него силы черной магии — злых духов. И только в третью ночь вселил в Пилху настоящую шаманскую добрую силу. С тех пор тот уже несколько десятков лет выполняет всякие обряды методом камлания, чтобы помочь людям в их бедах и горестях.

К Пилхе часто приходили в дом по разным делам, не касающимся шаманского обряда. Так, у него была зернодробилка, на которой можно было размолоть не только пшено, но и зерно кукурузы, бобы сои и даже фасоли. Только последние приходилось пропускать по два, а то и три раза.

Для этой цели приходили в глинобитный небольшой, низенький домик шамана в основном женщины, иногда дети-подростки соседей. Нередко появлялась здесь и Нюрка, жена Капоки. Жену шамана она считала одной из лучших подружек, с которой можно поговорить обо всем.

У Нюрки от шепелявого трое детей. Из них ни одной девочки. И так природа наделила эту супружескую пару, что рождались они с интервалом в семь лет. Так что старшему в семье, Зоту, исполнилось семь лет, когда на свет появился второй сын, Дёльди. Но когда Нюрка забеременела в третий раз, женщины шушукались, что Капоке более шестидесяти лет, и он уже не в состоянии сделать дитя, а распузатилась она от Пилхи. Третий сын, Сала, тоже родился, когда Дёльди исполнилось семь лет. Тут опять чесали языки, что Нюрка не может родить дочь: все зависит только от нее. Однако китайская наука доказывает другое, что рождение в семье сына или дочери зависит только от мужчины. От мужчины зависит и периодичность, промежуток между появлениями детей на свет. Все это лишь потому, что в организме мужчины полностью зрелое семя, способное зачать яйцеклетку у женщины, вырабатывается в определенные промежутки времени. У Капоки это семь лет. Если же Нюрка забеременела раньше этого срока, дитя было бы в действительности от другого

человека, потому что в организме у нее, как у всех женщин, зрелая, готовая к зачатию яйцеклетка ежемесячно вырабатывается один раз. А при регулярных исполнениях супружеских обязанностей Капоки во все остальное время извергалось у него семя, не способное дать потомство. Поэтому сплетни и болтовня женщин были пустыми и необоснованными.

Пилха действительно уважал Нюрку — жену Капоки. И потому никак не мог позволить себе сделать подлости почти что родственным себе людям.

Глава 12

Неслучайный гость

В начале двадцатых чисел января прозвучало по крайевому радио сообщение о количестве сданного охотниками пушно-мехового сырья государству. Оно начиналось именно с Макто Вельды из селения Дада. Диктор-мужчина перечислял по видам всю сданную пушнину за период охоты до Нового года. В конце пожелал, чтобы и другие таежные промысловики равнялись на передового охотника.

В это время в селе Галбон, в стойбище, где первобытные жители нынешнего Сикачи-Аляна наносили для памяти потомкам на камнях рисунки-петроглифы, слушая по радио сообщение о Макто, высокий худощавый мужчина Лаога Перменка, вытягивая руки перед собой и нервно тряся ими, спрашивал самого себя: «Ну кто этот Макто Бельды, о котором так часто говорят по радио? Поехать бы мне в Дадуду да поглядеть на него...» Он и в годы войны слышал такие же сообщения не однажды, что «передовой таежный промысловик Макто отправил на фронт несколько грузовых машин мяса кабанов, сохатых, медведей и других диких животных. Этим самым он вносит большой личный вклад в дело борьбы с проклятым гитлеровским фашизмом».

Лаоге очень хотелось увидеть воочию этого знаменитого охотника. Но от Галбона до Дады почти сто пятьдесят километров! Родом Перменка из Улики. Его сестра Бянси вышла замуж за сикачи-альянского и жила там. Более пятнадцати лет назад приехал в Галбон к сестре в гости да так и остался жить в этом населенном пункте, понравившемся ему. Здесь рыбы всякой много, главное — в любое время можно поймать осетра либо калугу на талу. Он любил есть талу, прикусывая луком-батунном или ароматной душистой черемшой. У него было несколько красивых, стройных лошадей. Держал он их просто так, для похвальбы, что де зажиточный и так далее и тому подобное. В нем имелась явно выраженная черта хвастовства и горделивости.

До охотничьих угодий Макто поехал на своей нарте. Собаки брата тянули нарты за лохматым Луку. Добравшись до острова Партоан, он остановился, чтобы подождать старшего брата, ехавшего с рыбаками на лошадях.

Прибыв до места, братья прибрали во дворе: ветры в их отсутствие намели сугробы, упрятав под снег заготовленные дрова, закрыли белой пеленой входы в собачьи конуры. На одном из углов вещевого стеллажа задрана вверх парусина, и лежавшего там большого толстолоба склевали вороны, оставив на виду голову без глаза и верхнюю половину без мяса до хребтины.

Времени только перевалило за полдень.

— Сегодня отдохнем, а завтра пойдем по своим тропам. Ты можешь посмотреть свои лыжи. Если есть необходимость где-то подправить, подлатать — сделай. А я займусь дровами. Нам тут жить еще более месяца, — сказал Макто, разделывая сазана на талу.

За делами братья и не заметили, как подкрались сумерки. За ужином Макто угостил хозяина огня здешних мест Подю, которому как добродетелю и богу огня нани всегда

поклонялись и подносили угощения, привозимые с собой. Он просил, чтобы Подя огораживал их от всяческих дурных неожиданностей, возможно подстерегающих ежедневно на каждом шагу. Выпив огненной воды чисто символически по несколько граммов, легли спать. Ночь прошла незаметно, спокойно. Под утро братья, храпевшие густо, будто соревнуясь друг с другом, укрылись под одеяла с головой от проникшего в жилье морозного воздуха. Первым проснулся и встал Капока. Он растопил камин, вскипятил чай, подогрел еду. Поднялся и Макто. После завтрака оделись не спеша, покормив собак, пошли по своим путям-дорожкам на лыжах.

Быстро пролетели последние дни января. Так же незаметно уже подходил к концу февраль, заканчивался охотничий сезон. Чтобы не заниматься дома удалением жира с добытых шкурок, братья делали это сразу, вечерами. Тем более енотов попадалось уже мало: в зимние стужи прячутся они подальше, ложатся в спячку, в полудрему. После удачного чернотропа их осталось не так уж много. А вот колонков стало больше. Вероятнее всего, пришли сюда, мигрировали откуда-то. К концу охотсезона уже высушенных шкурок этих зверьков в мешке насчитывалось около ста десяти штук.

Еще до Нового года перед снегопадом, проходя мимо мари, где пролегал путик, Макто заметил копнообразный бугорок за серединой этой большой мшистой болотистой равнины. С каждым днем бугорок становился больше. Охотник знал, почему увеличивалось и росло это возвышение и превратилось в небольшой стожок почти в два метра высотой. Но он не говорил о том брату. А сегодня, когда оставалось до конца охоты четыре-пять дней, сказал:

— Брат, мы завтра сходим по моему путику до мари. Там вроде бы за ее серединой залег спать медведь.

— Проверить, конечно, надо. Может быть, действительно есть «хозяин».

Так в основном говорили, если в берлоге, пещере или

другом месте имеются признаки, что на зиму залег там хозяин тайги.

На следующее утро, уложив на нарты все, что следовало взять с собой, тронулись в путь. От тропы, которую прокладывали до лабаза, не осталось и следа. На всякий случай шли и протапывали дорогу. Наконец показалась марь. При подходе к возвышению Макто ясно увидел приметы присутствия здесь зверя: на воронкообразной его вершине виднелись снежные кристаллические образования от выходящего изнутри теплого пара. Собаки, почуяв запах медведя, стали непослушными, все рвались в сторону возвышения, высоко водя носами, затем фыркая.

— Брат, с «хозяином», — сказал Макто полусшепотом. — Ты собак своих отведи вон до тех кустов и привяжи. На, вот веревочка, сними с хомута моего Палкиана и завяжи его за шею так, чтобы узел был с бантом и на нем торчал конец веревочки. При случае, если медведь выйдет, только дернешь за этот конец — и собака отвяжется. Бери мою бердану и стой вот тут, недалеко от меня.

Затем сам освободил собаку Силпяна от хомута, сделал так же, как сказал брату. А второй свободный конец веревки привязал себе к поясу. Так же было и у Капоки.

Капока знал: на больших марях вот таким образом залегают медведи на зиму. Но охотиться не приходилось. Поэтому делал так, как велел младший брат.

Макто подошел к сооружению, стал делать подкоп примерно на уровне груди. Для этого взял с собой багба — пешню. Сам был без ружья. Но рядом виднелось копьё без чехла, воткнутое в снег. Листообразная сталь, сверкая на солнце, поблескивала тонким бритвенно-острым лезвием. Макто долбил осторожно, углубляясь в стенку, сделанную из мокрого мха и прутьев, которая от мороза замерзла в монолит. Потом его сменил Капока и через какое-то время пробил, сделал маленькую дырочку. Макто быстро подошел, забрал багба и сказал:

— Отойди туда, где стоял, и будь начеку: может быть вылезет через верх... — Сам стал осторожно расширять отверстие. В это время изнутри раздался глухой рев и пасть с крупными изжелта-белыми зубами на миг появилась из отверстия. Как только она исчезла, Макто коротким движением воткнул копьё в отверстие и тут же вытащил... Ярко блестящий металл окрасился в алый цвет, и с лезвия капала кровь. Внутри сооружения ревел и буйствовал медведь. Собаки лаяли дружно, рвались в сторону отверстия Силпяна, Палкиана и другие. Через некоторое время рев стал хрипловатым с каким-то клочкотанием. Капока был весь напряжен, ругался шепелявя на собак. Макто достал кiset, закрутил самокрутку и закурил:

— Кажется, хорошо попал... Брат, надень на собак хомуты.

Только после того как все стихло внутри, Макто стал расширять отверстие. Взял свой тунепун — посох, на который опирался при ходьбе, потрогал им хозяина тайги по какому-то боку: туша была недвижимой и только лоснилась.

Расширив отверстие, кое-как вытащили наружу. Это был большой бурый медведь. Макто попал копьём возле самой ключицы в горло. Капока радовался сквозь утаенное огорчение, что ему даже не удалось стрелкнуть в этого медведя. Но его радость была так велика, что оно было всего лишь минутной досадой. Между прослойками мяса, да и в нем самом, поблескивал жир.

К стану притащили тяжелые нарты перед самыми сумерками. Братья утоптали снег возле жилья, разложив темно-красные куски мяса отдельно друг от друга, зашли в жилье. Назавтра, упаковав нарты, предстояло уходить домой.

Был теплый день в конце марта. Из селения Найхин приехал в гости к Макто Цадяка Оненко. Он с женой Онга жил на тихом берегу залива Халбиан, ставшим именоваться позже

Щукинским. На берегу этого залива, только на Даергинской стороне, жил председатель колхоза «Новый путь» Владимир Семенович Щука. Вот по его-то фамилии и переименовали залив. Онга давно турундилла мужу поехать в Даду в гости к своей старшей родной сестре Тойле. Привезли с собой несколько видов юколы, таксу — сухая ватообразная еда из рыбы, приготовленная специальным образом, кроме этого кое-что по мелочевке и, конечно, араки — водку. Какой гость без водки?! На радостях все уселись за стол, посадив детей, как обычно, отдельно. Был как раз полдень. Во дворе послышался топот копыт лошадей. Макто выглянул в окно. Возле телеграфного столба, стоявшего недалеко от угла дома, виднелась кошевка с резными бортами. Худощавый нанаяец привязывал к столбу стройную, с длинными ногами, красивую лошадь черной масти. А к кошевке привязана другая, только красного цвета, с белыми «носочками» у копыт. Через мгновение открылась дверь, вошел гость в дом без стука. На нем была черная кожаная меховая куртка. Перешагнув порог, спросил, даже не поздоровавшись:

— В этом доме живет выдающийся охотник Макто Бельды?

Хозяин дома встал, шагнул навстречу гостю:

— Да. Здесь живет. Это я. А ты кто?

— Я — Лаога Перменка. Специально приехал посмотреть на такого известного промысловика.

— Ну ладно, дорогой, раздевайся, садись к столу.

Макто посадил гостя на скамейку между собой и сидящим на стуле в торце стола Цадякой.

— Вот я живу в Галбоне лучше всех! Я заставил жителей Сикачи-Аляна уважать себя!

— Это хорошо, что тебя любят и уважают.

— Я думал, ты, Макто, здоровый, большой мужик. А ты такой же, как все. Даже маленький, совсем худой. Ты что, мало мяса кушаешь? Почему такой худой?

— Я — охотник, много хожу по тайге. Если буду толстым и жирным, как буду ходить по горам, как смогу догнать сохатого, изюбря или кабана? Вот поэтому худой.

Гость был подвыпивший. Это он для смелости, не доезжая Дады километра три-четыре, выпил прямо из горлышка водки на одну третью часть бутылки.

— Так, говоришь, чтобы бегать за зверями? Аха-а, вот наконец-то вижу перед собой этого небольшого роста, худощавого передовика-охотника Макто Бельды... Ха-ха, вот он какой, Макто Бельды, о котором так часто говорят по радио, а во время войны говорили и из Москвы...

Гость явно издевался над хозяином дома. Он вел себя развязно.

— Ты думаешь, зачем я приехал к тебе из Сикачи-Аляна, из такой дали? Я приехал убить тебя!

Он встал, достал нож из ножен, а в этот момент раздался сильный треск. Сидевший справа от гостя Цадяка заметил, как Перменка доставал нож. Он мгновенно встал и со всего размаха ударил Лаогу в висок. От резкого и сильного удара гость с грохотом упал на пол, а нож отлетел в сторону.

Еще в годы организации рыболовецких артелей в селе Гасси делали заездок на всю ширину протоки, чтобы скатывающаяся осенью из озера рыба не уходила в Амур, чтобы вылавливать ее прямо у заездка. В это время принимали в группу водолазов — сильных и здоровых мужчин. Вот и Цадяка работал в эти годы водолазом в Гассинской рыболовной артели. Он обладал невероятной силой и резкостью в движениях.

Сейчас от удара Цадяки гость был оглушен и, пролежав какое-то время, пришел в себя. Озлобленный Цадяка взял Перменку за шиворот и кричал:

— Ты, собака, кого приехал убивать? Вот я сейчас тебя задушу, придавлю, растопчу!

— Цадяка! Хватит, успокойся! — кричали на него Тойла и Онга. Дети плакали навзрыд.

— Выходи сейчас же, гад ты вонючий!

С этими словами Цадяка вывел гостя из дома, как щенка, ухватив за шиворот. А тот уже не говорил ни о чем. Возле кошевки, приподняв, бросил гостя на тулуп. Онга принесла меховую куртку, шапку Перменки и положила на лежащего там Лаогу. Цадяка отвязал лошадь и пустил ее вскачь.

Глава 13

Неверящий, поймешь ли ты?

Наступили теплые июньские дни. Огородная посадочная пора закончилась. На этот период Макто был назначен бригадиром женской полеводческой бригады. Участок находился сразу в конце села, в местечке со странным названием На дуэни. На русском оно означает конец земли. Однако и за этим местом имелась земля. Сначала колхозная пасека на большой площадке, расчищенной специально для нее среди широколиственного разнолесья с толстыми раскидистыми дубами, высоким стройным ясенем, всегда шумливой и звонкой осиной, мягкокорым бархатом и другими деревьями. Среди них то здесь, то там виднелись, как заплутавшие русские девицы в белых сарафанах, белоствольные березы. Пасечником был высокий, стройный мужчина с продолговатым лицом, шаман Моло Оненко. Ему помогал в летнее время тот самый крикливый, психоватый рыбак, хромой Василий Бельды. К нему прилипла кличка Дохоло из-за его хромоты. Он не обижался, что так зовут. А когда бывал выпивши, иногда кричал во весь голос: «Вот, смотрите на меня и работайте, как я — Дохоло!» Иногда приходила к нему сюда, работая рядом на овощном поле На дуэни, жена Нюда — депутат Верховного Совета СССР. А когда отправлялась обратно в бригаду, Дохоло наливал в поллитровую баночку золотистоянтарного цвета свежий душистый мед. Нюда отказывалась

братъ, чувствуя за собой такую высокую и почетную обязанность государственного значения. Но шутливый, улыбчивый муж насильно толкал ей в подмышку эту баночку и, весело хохоча, выговаривал:

— Ты что? Мать твою — энтовочь! Сейчас же ты у меня получишь в харю... Ну-ка, на, бери! Думаешь, колхоз обеднеет, если дам тебе баночку меда, зато все вместе попьете чайку с медом. Люди ведь тоже колхозные!

Слушая это, Моло смеялся громко:

— Ха-ха-ха! Ну, конечно, бери, Ньюда, Дохоло правильно говорит.

И за этой пасекой тоже не было конца земли. За ней находился залив, на том берегу которого виднелась холмообразная возвышенность с высоким геодезическим знаком. Верхняя часть холма представлялась широким плоскогорьем, медленно уходящим вниз к следующему заливу Алдой хэлгэ, то есть по своим размерам намного меньшим, чем тот, первый — Дахэлгэ, или Даи хэлгэ — большой залив.

Здесь на равнинном плоскогорье земля черноземная, с песком — это колхозное поле. Оно в трех километрах от Дады. На пригорке виднелись два рубленых дома. Один из них — жилой барак для пребывания колхозников во время сельскохозяйственных работ. Другой — пищеблок. На плодородной земле Дахэлгэ колхоз сажал картофель, сеял овес, сою и разные овощные культуры, в том числе капусту.

В весенний посадочный сезон отправляли сюда и Ивана, то есть Капоку. До этого года, находясь на работе среди людей, всегда был разговорчивый, шутил с людьми, смеялся. В этом же году будто переменили его. Стал нелюдимым, сторонился всех, находился всегда в какой-то глубокой задумчивости или печали. Говорили и шушукались: а что случилось с дядей Иваном? Никто не знал ни повода, ни причины такого его сотояния.

С окончанием охотничьего сезона Капока часто видел сны, будто снова ходит по своему путику. Здесь обязательно встречается с той красавицей в ярко орнаментированном национальном одеянии. Она говорила ему: «Милый, почему ты покинул меня? Неужели я не мила тебе? Смотри, сколько у меня всякого добра...» Показывала на стада диких животных: «Это все твое! Только останься и будь со мной — я так скучаю по тебе...» Не доглядев сна, просыпался, терзался, что прервался такой удивительно красивый сон. Нюрка тоже заметила изменения в поведении мужа и, когда он сидел задумчивый, угрюмый, кричала:

— Иваноа! Что с тобой, что случилось? Иди во двор, поделай что-нибудь! На огороде вон сколько травы!

Тут шепелявый как бы просыпался и выходил полоть траву на придворном огороде.

Однажды под утро снова приснился сон. Эта женщина уже в более красочном и ярком одеянии предстала перед ним: «Вот видишь, я сама пришла к тебе. Дорогой, я не отстану от тебя. Ты ведь тоже любишь меня? Нам с тобой надо стать неразлучными. Вот, возьми мое золотое кольцо, примерь себе на шею. Оно блестящее, длинное, в несколько рядов можно надеть и опустить на грудь... — с этими словами она стала поднимать замкнутый конец кольца, вытягивая руки вверх: — Видишь, какое оно красивое...» Капока тоже тянул руки вверх, чтобы ухватиться за ее руку... Но тут он почувствовал резкий удар по рукам и услышал привычную писклявую брань жены:

— Эним катовань мэпи пасичиси!

Нюрка резким движением вырвала из его рук веревку, которую он хотел зацепить за балку в сениях. Она думала, что муж делает это в разуме, задумал повеситься. Но Капока спал. Теперь, проснувшись, обнаружил, что это было далеко не кольцо, а веревка, висевшая на шее. Все делал он, как лунатик. Даже сейчас, проснувшись, еще не совсем разобрал-

ся в случившемся, до сих пор находясь под воздействием сна. Он обиделся на жену и побил Нюрку довольно сильно.

— Дурак! — плакала она. — Что тебе, жить надоело? Хотел повеситься, я тебя спасла, а ты же меня бьешь! Как ты смеешь делать это?

Только теперь, ясно осознав свой поступок, Капока подошел к сидящей на нарах жене, обнял ее за голову, погладил по черным, но с белеющими прожилками волосам. От этого Нюрка записклявила еще больше:

— Вот повесился бы, я плакала бы не от побоев твоих, а от жалости, что ты после стольких лет совместной жизни ушел, оставив меня!..

От таких слов Капоке подкатился ком к горлу, и он, оставив жену, вышел на огород пополоть и подергать траву.

В один из теплых дней июня Макто ходил проводить заболевшего приятеля и неразлучного друга по охотничьим делам Гакану Киле. Возвращаясь домой, увидел соседа-шамана. Он строгал во дворе из прута сухого молодого ясеня взамен сломавшейся ручку к верхней части зернодробилки. Поздоровавшись, Макто начал:

— Ну что, друг, поведение моего брата Ивана становится каким-то непонятным и серьезным: сделался необычно хмурым, нелюдимым, раздражительным. Надо бы доделать то, что ты говорил во время камлания после несчастного случая.

— Конечно, надо. А то кто знает, что может случиться. Может и на нехорошее обернуться. Анда-друг, когда скажешь, тогда и сделаем. Откладывать не надо. Только вот кого ты хочешь попросить мне в помощники? Мне одному такой тяжелый случай может оказаться не под силу.

— Давай начнем послезавтра.

— Ну ладно, хорошо, — согласился Пилха и добавил: — Надо делать именно в его доме.

В назначенный день в небольшом домике Капоки собралось много людей. Перед самыми сумерками зашел Моло со своей женой Аники — женщиной с белесым лицом и большими глазами. Она двоюродная сестра Макто, выглядела, как колобок, из-за своей полноты при невысоком росте. Улыбчиво поздоровалась со всеми и положила возле печки на пол мешок, который принесла, где были шаманские атрибуты мужа. Чтобы послушать камлание, пришли Коачика, Кумбикэ, Сини, Тойла. Кроме них беседовали, сидя прямо на полу, Кальпиа Оненко, Бидака Киле, который не так давно вернулся из армии, Леонид Бельды — счетовод колхоза, и другие. С Тойлой и Нюркой сидели рядом жена Пилхи, тоже Нюрка, и шаманка Наоя Поссар. Через три года после похоронного извещения о смерти мужа Пики Наоя вышла замуж за бригадира рыболовецкой бригады Лангто Актанко, который тоже находился здесь.

За печкой один на другом лежали пять чемоданов, полные вещей. А за этой стопкой стояла железная кровать, на которой с самого вечера, отвернувшись к стенке, лежал хозяин дома. Он никого не встречал, не разговаривал ни с кем. Все, однако, думали, что спит. Но он не спал и свое внутреннее волнение и переживание скрывал в казавшемся безразличии и спокойствии.

На улице уже смерклось. Луна появлялась на небе запоздало. Только огонек керосиновой лампы тускло освещал помещение и лица людей, беседующих между собой.

— Может быть, начнем? — обратился к Пилхе Макто.

Шаман уже был готов к этой просьбе и сразу подвязал к себе пояс с погремушками. Уменьшенный огонек лампы дрожал мелко от каждого еще не сильного удара палочки в бубен. А от первого же наиболее сильного удара огонек как бы подпрыгнул и погас.

Сквозь грохот бубна Пилха высказывал свои сомнения: сумеет ли сделать так, как следует, как надо — дело очень

опасное и серьезное, связанное с нечистыми силами, злыми духами других родов людей. Просил Наюю и особенно Моло следить хорошо, чтобы черти не смогли совершить нежелаемое, чтобы эти два сидящих здесь человека следили за тем, куда двигается он, шаман Пилха, со своими помощниками, чтобы не пошел по ложному следу, который могут создать возмутители людского покоя. Одновременно призывал наш добродетель своих единомышленников. Он говорил им, чтобы круг за кругом вокруг дома Капоки проверяли, искали следы чертей. Их, всяких, было очень много, больших и маленьких. Вокруг жилища повсюду виднелись утопанные следы злых чар.

Слушавшие люди, дрожа от страха, прижимались друг к другу и как будто чувствовали злых духов, находящихся неподалеку от них или в непосредственной близости. От этого, казалось, волосы на голове дыбились, становились торчком и шевелились от сотен каких-то паразитов, ползающих в них. Холод и дрожь пробегали по телу. От ощущения присутствия неприятного на теле хотелось закричать или убежать куда-либо.

В это время раздались звуки бубна Моло. Он просил Пилху быть осторожнее и успел только предупредить: как камнем с неба падает на помощника Пилхи, орла с железными когтями, стальная птица — злой дух, и ударила нашей птице по голове. Раздался грохот падающего бубна... Пилха замолк и рухнул на пол.

Теперь Моло встал вместо упавшего, просил зажечь свет, кричать «га-а-а!» — гонять чертей. При свете лампы люди один за другим кричали, гоняли злых духов. Пилха лежал бездыханный. Вокруг него крутились Макто, Лангто и шаманка Наюя. Она говорила, что его помощник-орел ест глист, который присасывается к внутренней части жабер карася. Но где взять его? Нюрка, жена Капоки, вспомнила, что Дёльди под вечер ходил с удочкой на берег порыбачить и поймал

несколько карасей. Выйдя в сени, занесла большое урэк-тэми — плетеное из лозы блюдо, на котором, еще шевеля жабрами, лежало около десятка карасей. Пилху надо было спасать быстро. Женщины трясущимися руками открывали жабыры рыбы, искали спасительный для Пилхи, вернее для его помощника-орла, глист. Наконец Сини нашла, сорвала с жаберной крышки и подала Наое. Она, открыв рот Пилхи, положила в него живое, отвратительное существо.

В таких случаях обязательно надо дать шаману то самое, чем питается его помощник, чтобы вновь он почувствовал силы. Наоя спросила у Нюрки, приготовила ли она сугдиптэнги — водку для задабривания шамана и его помощников. Та, кивнув головой, пошла к кухонному столу, достала бутылку водки. Наоя взяла стакан, налила этой жидкости на дне стеклянной посуды и подала Пилхе, уже сидевшему на полу. Шаман опрокинул содержимое себе в рот и сказал:

— Да, этот случай чрезвычайно сложный.

Все это время Моло камлал и пел, подбадривая своих добрых сэвэнов-помощников. Говорил, что черти постоянно крутятся здесь, прячутся или превращаются во что-то другое. И сэвэны Моло уже почти не справляются со злыми силами. Капока все лежал на своем месте, теперь укутавшись с головой. Наконец Пилха взял бубен и снова встал на ноги. По его просьбе потушили свет. Теперь наш бесстопый пел звонко и уже будто был совсем другой. Шаманка Наоя, которая, хотя и без бубна, четко следила за тем, куда идут добродетели камлающих магов: в правильном направлении или пропускают где-то затаившихся злых чародеев. Вдруг Наоя с криком «га-а-а!» обратилась к Пилхе и Моло:

— За печкой, под лежащей там одеждой, кто-то шевелится, поднимается, как в накидке... Посмотрите, кто это?!

— Это женщина! — крикнула Сини. — Она в ярком халате сикэ — женский свадебный халат.

— Она выбегает на улицу, — закричал Моло, — подзывает к себе Капоку!

Пилха продолжал камлать стоя, побрякушки на поясе, звеневшие до этого сильно, стали ослабевать:

— Дайте для моего помощника — трехглавого змея — его еду и налейте немного водки: он начинает терять силы.

Нюрка, жена шамана, знала то, чем питается этот змей. Она подбежала к печке, открыв дверцу, достала оттуда горящие красные угли, затолкала мужу в рот. Пилха сжевал их, словно сухари, и запил несколькими каплями водки. Теперь он пел, что эту женщину Капока встретил на своем путике на охоте. Они очень сдружились. Капока часто видел ее во сне и ложился с ней, как с женой. В благодарность эта женщина стала приводить своих оронов — пушных зверьков, которых у нее было много, к капканам своего избранника. Это очень злой дух. Она часто манит Капоку к себе. И даже пришла к нему сейчас, чтобы обвенчаться с ним на вечные времена. Поэтому она сняла со своей шеи золотое кольцо и надела Капоке на голову. А это было не кольцо, а веревка, на которой хотел повеситься хозяин дома.

У всех по коже прошла дрожь, и разом начали кричать, отгоняя эту страшную и злую силу.

— Вот она выходит из дома! — крикнула Наоя. Вслед за этим распахнулась дверь, но не видно было, чтобы кто-либо вышел из сидящих.

— Она бежит к берегу, оглядывается и зовет за собой Ивана, — пел Пилха. — Следите, смотрите за Капокой: он хочет пойти к ней.

В этот момент вмиг соскочил на ноги лежавший на кровати Капока и, перепрыгнув через плотно сидевших людей, пулей выскочил из двери. Молодые люди — Кальпя, Леонид Егорович, Бидака — выскочили на улицу вслед за ним. Капока уже бежал на берег в полпути от дома, до которого было более ста метров. Он сходу вошел в воду уже по горло. Но в

это время нагнали его бежавшие за ним. Первым подбежал сухощавый стройный счетовод колхоза Леонид. Он с ходу ухватил Капоку за волосы и потянул на себя. Подоспевшие ребята, ухватившись за него, тащили на берег, но Капока бился ногами и руками, шепелявя что-то невнятное. При-тащили его в дом запыхавшегося, мокрого. С его одежды текла вода. В доме уже горел свет. Пилха продолжал кам-лать. Он говорил, что Капока нашел на ветке раскидистого тальника очень удивительную находку. Сразу подумал, что это его талисман счастья и удачи — су. После этой находки он действительно стал очень удачливым — помогал ему талисман. И далее он пел:

— Его су теперь находится в этом доме. В самом нижнем чемодане, аккуратно завернутый в лоскуток желтой шелковой ткани, в его охотничьей рукавице.

Люди с ужасом посмотрели на стопку чемоданов. Подошла жена Нюрка. Помогали ей Кальпя и Видака. Наконец, открыв последний чемодан, Нюрка порылась в вещах мужа и достала рукавицу, в которой было что-то. Достала — сверток, действительно из желтой шелковой ткани, развернула... А там лежало невероятное! Со страхом взяла в руку и в то же мгновение уронила на пол — по ее руке к телу прошел какой-то заряд, похожий на электрический. Поднял находку счетовод колхоза... Это была рука! Как настоящая женская рука со всеми суставами, складками на них и даже ногтями, как у живого человека.

Все были потрясены этим удивительным созданием природы. Что это — загадка или случайность? Люди с опаской брали в руки это уникальное чудо и с нескрываемым ужасом разглядывали ее, деревянную руку. Остановив камлание, Пилха говорил с усмешкой:

— Не бойтесь... Теперь это только дерево. Хозяйка ушла через речку в сторону Пэрхи — Запада. Дайте мне ее.

Затем, сев на пол перед металлической наковальней,

взял в руки майто — небольшую кувалду, и несколькими сильными ударами раздробил на мелкие части.

— А теперь соберите куски и выбрасывайте в печь, чтобы руку этой ведьмы покорежило в огне.

Подошла хозяйка дома, собрала веником все до мельчайшей частицы и бросила в печь.

Через некоторое время снова потушили свет. Теперь Пилха камлал один. Он шел вдогонку злой женщине-черту. За короткое время она оказалась далеко за сопками Джуена, расположенными за Болоньским озером. Путь ее пролегал на север. Недолго лететь мыслям, так же недолго оказаться шаману за тридевять земель. Пилха пел, что женщина не идет, а летит, расправив, как крылья, свой яркий халат. Одна ее рука висела как плеть. Вот этой рукой, когда она была целая в виде деревянной находки су, водила Капоку по следу косули. В самом же деле это был не след зверя, а она сама наследила на снегу. Поэтому в нескольких местах Макто останавливался в сомнении и догадках, глядя на своеобразный след. Сделала она это для того, чтобы Капока подстрелил своего брата насмерть. Но внутреннее чутье шепелявого говорило: «Не делай этого! Не-е делай этого-о!..» Потому Капока вместо жигана зарядил дробь.

Пилха догнал злую женщину со всей ее компанией, приносящей людям зло и беды. С помощью своих добродетелей связал всех их своим волшебным хэ — в виде маута тоненькой, но прочной лентой из хорошо выделанной кожи. И отнес злых духов в широкий и открытый океан и бросил их в одной связке в пучину и бездну бушующих волн.

Так закончил Пилха это мучительное и опасное камлание, которое даже и ему принесло немалое волнение. Свет керосиновой лампы осветил помещение. Люди сидели в изумлении. На их лицах сияла неутаенная гордость за Пилху, конечно, и за Моло, Наою и других шаманов, могущих побеж-

дать опасных и злых духов. А для этого надо иметь и талант, и скрытую в душе тайну, которой владеют шаманы.

На небе светилась ясная и полная луна. Ее серебристый свет вселял в души уходящих по домам людей добрую надежду на завтрашний день.

Глава 14

Обряд каса

В Даде никто никогда не видел, чтобы Пилха делал обряд каса. Этот удивительный и сложный обряд по отправке душ умерших людей в довой буни — дальний потусторонний мир — мог совершать только специальный шаман, который обладал наибольшей силой и могуществом проникать в иные параллельные миры. Такой шаман обладает большей магической силой, чем обыкновенный. Однако в других селениях знающие Пилху люди иногда приглашали его для отправки душ умерших родственников — жены, мужа или других близких людей — туда, откуда эти души уже никогда не смогут навесить живущих на земле родных.

Жители же Дады приглашали для этой цели Богдано Бельды из Толгона или удэгейского шамана Мизвэну (иногда звали его Ливэну), живущего на горной реке Они-Аньюе, в стойбище Сира. Ходили слухи, что этот обряд может исполнить и наш Пилха. Но такие разговоры считали просто надумкой или сплетнями.

После смерти Конго Бельды, который был тоже известным шаманом, его жена Ойра попросила соседа Усиз Бельды сделать панё — небольшого деревянного человечка без рук и ног, но с обозначенной головкой, лицом на ней в виде плоских вырезов и небольшим отверстием вместо рта. Любившие своих мужей жены вышивали для их образов маленькие настоящие халаты и другие одеяния. Вечерами укладывали их

спать. Клади деревянных человечков на нарах возле себя, стелили под него тот самый коврик с узорами, на котором он стоит весь день, укрывали орнаментированным одеяльцем, специально сшитым для этого. Утром обязательно повторялась та же процедура: поднимала, одевала, кормила и бесконечно разговаривала с ним как с живым. Некоторые более мастеровые люди делали для панё специальные подставки из дощечек, чтобы не ставить образ человека прямо на коврик. Подставка представляла собой квадратик из кедра или другой более мягкой породы дерева. В центре на его верхней стороне делали небольшое углубление, равное основанию панё. В него вставляли деревянного человечка для устойчивости. По верхней стороне, по периметру снималась довольно широкая фаска. А на ней, фаске, вырезали тоненькие изящные узоры. Панё в целом представлялось довольно красивым изделием.

Усиз был человеком мастеровым. Однако свой талант не всегда использовал при изготовлении каких-то изделий. А для Ойры приложил все свое умение, мастерство: он был равнодушен к этой невысокой, с черными как смоль волосами женщине. В зимние долгие вечера он оставлял свою красивую и стройную жену Майлу, сказав, что идет к такому-то приятелю по делам. А сам направлял свои стопы к Ойре, одиноко вышивающей узоры, когда Конго находился далеко в тайге, на охоте. Сейчас же, после смерти ее мужа, он ходил к ней даже днем. Его жена Майла замечала похождения мужа к одинокой женщине, но не смела говорить ему об этом, только переживала и страдала, затаив обиду в груди.

Конго еще при жизни знал, что Пилха может, и не только может, даже хорошо исполняет обряд каса. Поэтому просил свою любимую жену Ойру перед смертью, чтобы его дух после смерти, когда исполнится год, отправил в дальний потусторонний мир Пилха, и только он.

Так уж случилось, после смерти Конго ровно через один

месяц умер и Цокцо Киле. Его жена Ява осталась с пятью детьми. Старший сын Луку уже взрослый, несколько раз ходил зимой на охоту с отцом по горной реке Пякса. Старшая дочь Тончи работала летом на колхозном поле, зимой — в женской рыболовецкой бригаде Димки Киле. Мальчик Гуйдю ходил в школу, остальные — девочка и мальчик — были маленькими.

После смерти мужа Ява не знала, к кому обратиться, чтобы сделать панё. Знала, что Усиэ умеет изготавливать такого деревянного человечка, но почему-то стеснялась и побаивалась его. Усиэ ходил по селу всегда важный, да и не отличался особой общительностью. Говорили на него по-на-найски «салисоко най» — воображающий человек. Даже это не давало Яве подойти с просьбой к довольно высокомерному человеку.

Как-то на улице Ява встретила Ойру:

— Я не знаю, к кому обратиться, чтобы изготовить панё для моего Цокцо.

— Усиэ же делает хорошо.

— Он какой-то важный. Я стесняюсь его.

— Да ну! Ха-ха, он очень милый, простой человек. Хочешь, я закажу Усиэ панё для твоего Цокцо?

— Ну, конечно, — обрадовалась Ява.

Через два дня Ойра сама принесла Яве домой изготовленный для Цокцо деревянный его образ. Он был не такой красивый, как у Ойры, но все же аккуратный, с вырезными узорами на подставке по ее краям. Ява была довольна и спросила у подружки:

— Ты молодчина, Ойра. А Усиэ надо что-то заплатить?

— Ты что? — засмеялась Ойра. — Я уже рассчиталась с ним.

— Много он взял?

— Он просто приносил. Приходил ко мне домой...

Ява не совсем поняла подружку, но уточнять ничего не

стала. Потом сделала для панё своего мужа красивое одеяние, коврики и полта-одеяло.

Скоро год с тех пор, как умер Конго. Ява как-то пошла к Ойре, чтобы посоветоваться об исполнении обряда каса. Думала, может, она попросит Багдано Бельды из Толгона. А вот привезти шамана в Даду на чем и с кем? Зайдя в дом, увидела сидящего за столом Усиэ. На нем были белые штаны наподобие шаровар. Он пил из пиалы крупяной напиток бода. Выпив остатки, поставил пиалу на стол, не сказав ни единого слова, вышел из дома. Только сейчас Ява стала догадываться о визите Усиэ к одинокой женщине. Конго с Ойрой жили вместе более двадцати лет, но у них дети так и не появились.

Две женщины говорят — базар. Но нанайским женщинам такая поговорка не подходит никак: они обычно немногословны и говорят в основном только по существу. После ухода гостя Ява спросила:

— Анда-подруга, скоро год, как умер твой Конго. Для обряда каса кого думаешь просить?

Тут Ойра рассказала подруге о просьбе мужа. Ява была очень удивлена, когда узнала такую новость.

— Давай, подруга, вместе сделаем каса! — обрадовалась гостья.

— У тебя же на целый месяц позже.

— Ну и что? А ты повремени, подожди меня. Ведь не обязательно исполнить обряд день в день, зато будем вместе делать.

— Хорошо. Давай сделаем в один день! — согласилась Ойра.

Ява пришла домой в добром настроении. С помощью подруги нашла прямо здесь же, на селе, нужного шамана. Рассказала об этом и детям.

В назначенный день Пилха подъехал на оморочке к берегу, напротив которого находился домик Конго. Для испол-

нения обряда во дворе построили из тальниковых прутьев просторный шалаш, аккуратно накрытый до самой земли двумя парусиновыми пологам. Ими некогда пользовался Конго. Во дворе стояло много людей, пришедших посмотреть на старинный обряд, который будет исполнять впервые в своем селе Пилха. Все люди были очень удивлены, что такой обряд может делать наш шаман!

Причалив к берегу оморочку, Пилха вылез из нее. Тут же вокруг него собралась ребятня. Они подтянули оморочку, взяли у него мешок с атрибутами и понесли в сторону дома. За ними без костыля шел прихрамывающая Пилха. Он был в своей повседневной одежде. В одной руке держал шаманский специальный посох, по всей длине деревянного прута виднелись тонкие, четко исполненные узоры в виде каких-то змей или драконов. Нижняя часть посоха заканчивалась металлическим наконечником, называемым хогдо. И от этого слова весь посох назывался так же.

Шагая неторопясь, Пилха делал глубокие вдохи и шумные выдохи, как делают это обычно от сильной усталости. В его воображении уже рисовались какие-то странные моменты, и от этого шаман перебирал свой посох-хогдо из одной руки в другую. Но он не говорил ничего. Только, проходя мимо людей, здоровался со всеми — «бачигоапу» — и в отдельности с некоторыми, называя их имена.

С прибытием шаман, по обычаю, в первую очередь заходит в дом того, кто приглашал. И сейчас он зашел к Ойре. Хозяйка посадила Пилху за стол и подала ему пиалу с бодой. В блюдо из лозы положила поджаристых толстых нанайских лепешек, два вида юколы и чарочку с водкой. Кроме хозяйки в доме были в основном женщины. Они шепотом переговаривались между собой. Здесь же находилась и жена шамана Нюрка.

Пока Пилха был в доме, приготовления возле шалаша заканчивались. Недалеко от входа в него виднелись акку-

ратно сложенные дрова для костра с небольшими кусками бересты. Стоило только поднести к ним горящую спичку, как дрова загорятся, весело потрескивая, выпуская клубы дыма. За приготовленными для костра дровами стояли воткнутые в землю прутьики-тороаны с несколькими небольшими ветками. Внизу у их оснований находилось блюдо из лозы, в котором, как на гнезде, сидели две утки-моноки, изготовленные из муки, а затем сваренные.

Наконец Пилха вышел из дома и вошел в хомаран, где в дальнем углу было приготовлено для него место: от самого входа весь пол устлали большой, широкой циновкой из камыша. На место, где должен сидеть шаман, постелили медвежью шкуру с густым черным мехом. Этого медведя убил Конго еще при жизни. За входом с правой и левой сторон у стенок шалаша виднелись панё Конго и Цокцо. Они стояли в ярких нарядных халатах на своих подставках, под которыми были устланы узорчатые коврики.

Пройдя на свое место, Пилха переоделся в свой специальный наряд для исполнения обряда каса. На голове — меховая шапка из шкуры головы рыси, по бокам торчали толстые, как у молодого бычка, рожки. На них висели небольшие лоскутки ткани и маленькие латунные круглые бубенцы-колокольчики с узенькими продольными, как ротики, отверстиями внизу. На ладно сидевшем на нем халате от плеч по рукавам вниз, и особенно на спине, висели узкие полоски, лоскутки и довольно большие отрезки разноцветного тканьевого полотна. Теперь Пилха выглядел подобно шуту, которому предстоит веселить людей. Но назначение шамана было совершенно в ином...

Когда Пилха вышел из хомарана, называемого по-другому и более правильно — яотана, пришедшие на эту церемонию не поверили своим глазам. Ходивший обычно в повседневном стареньком одеянии шаман превратился в какого-то сказочного героя. Перед ним уже полыхал костер.

На веточках прутьиков-тороанов висели сеточки из прочной льняной нитки, похожие на рыболовные вентера. Но они висели почему-то широкими горловинами книзу. А на верхнем конце, внутри, находились очень мягкие бытовые стружки для всевозможных нужд — саори. Такие приспособления назывались на языке шаманов «уйкур», предназначались для ловли душ умерших.

Начав свое пение, слегка стуча в бубен, Пилха велел Ойре и Яве вынести панё своих мужей из яотана-шалаша, поставить их подальше от костра. Люди стояли вокруг, некоторые сидели на стоящих здесь двух нартах. Шаман пел, звал души Конго и Цокцо, называя их по именам. Даже не пел, а куковал по-настоящему:

— Кэ-ку, кэ-ку, коко-енгэ, (— Ку-ку, ку-ку, коко-енгэ,,
Конго паняни, коко-енгэ, (Душа Конго, коко-енгэ,)
Тороаканчи, коко-енгэ, (На прутик-вешку, коко-енгэ,)
Дондагоро, коко-енгэ... (Прилетай, садись, коко-енгэ...)

Он так же звал душу Цокцо. При этом предупреждал двоих молодых людей, стоящих у тороанов-вешек, возле которых находилось блюдо из лозы, где виднелись две мучные утки. Парни держали в руках палки в виде шестов с остро заточенными концами:

— Будьте чутки и бдительны! Если какая-либо из этих уток зашевелится вдруг, сразу воткните в нее палки. Только не промахнитесь...

Так куковал и звал Пилха души Конго и Цокцо. Он уговаривал, умолял, чтобы пришли-прилетели. Наконец одна из мучных уток зашевелилась... В этот же миг юноши враз воткнули в нее свои деревянные пики-сугбэ, каждый дернул ее в свою сторону, чтобы метнуть выше голов людей. Она развалилась, и парни, вновь вонзив пики в свои половинки, швырнули далеко вверх и в стороны.

В момент, когда острые концы палок вошли в утку, в од-

ной из ловушек-уйкур зашевелилось что-то. Пилха попросил кого-либо из взрослых людей завязать горловину ловушки, чтобы попавшая в нее душа умершего не вышла и не скрылась. Это сделал стоявший рядом Донгся — младший брат Конго, отдал ловушку Пилхе, вновь вернулся на свое прежнее место, к стоящему среди людей Усиэ. Пилха, приняв ловушку, затолкал себе за пазуху.

— А теперь, — пел он, — надо проверить, чья душа пришла к нам.

Все дело в том, что прилетевшая душа человека, увидев на блюде образ утки, стремится сразу вселиться в нее. А от удара острием условной пики подпрыгивает вверх и попадает в ловушку-уйкур. Теперь шаман, положив ее за пазуху, видит явившуюся душу умершего и, чтобы опознать, перечисляет имеющиеся на ней приметы:

— Этот человек был невысокого роста, на его левой щеке имелась бородавка, на плече родимое пятно...

— Это мой! Это мой Конго, — заплакала Ойра.

Но шаман продолжал перечислять дальше:

— При жизни у него, вероятно, случилась какая-то очень серьезная беда — на его затылке имеются непонятные следы...

— Это мой Конго! — еще сильнее расплакалась Ойра. — Его на охоте медведь царапнул за затылок! Если бы не напарник Бонга, медведь убил бы его. Бонга подбежал вовремя и воткнул копьё в сердце зверя. Мой Конго, милый мой Конго! Зачем ты ушел, зачем ты покинул меня?..

Так кричала и рыдала Ойра. Вслед за ней заплакали и другие женщины, одновременно жалея: ему, Конго, было так страшно, когда попал в лапы медведя. Другие говорили, что он был хороший шаман, выручал и спасал от болезней и смерти многих людей.

— Да, это, наверно, действительно Конго, — говорил Пилха, — на поясе висят у него шаманские побрякушки. Но

он гневается, не хочет идти в дальний бун — потусторонний мир. Конго сильно печалится, словно думает о тебе, так и тянется к тебе, даже плачет. Что делать? Я не могу уговорить его идти, отправиться в дальний потусторонний мир. Милая Ойра, ты, наверно, в чем-то повинна перед мужем, наверно, неправильно вела себя за этот год, как он умер? Конго говорит, приходил к тебе какой-то мужчина в белых штанах...

Донгся догадывался, о ком идет речь. Даже видел однажды, как Усиэ, оглядываясь по сторонам, открывал дверь в дом Конго. Да и никто в Даде не ходил в белых штанах, кроме него. С крутого разворота Донгся с силой ударил Усиэ в нос, из которого тут же брызнула кровь.

— Я в белых штанах к ней не ходил, — оправдывался Усиэ, держась за нос, вытирая его протянутой мягкой стружкой-саори.

— Эним катовань! Ми агби асичиань цагдян пэруку пульсиси! — Какого черта, мать твою туды! Ходишь до жены моего брата в белых штанах! — ругался Донгся на Усиэ.

— Неправда! Ты несколько раз приходил ко мне в белых штанах! Да-да! Приходил... — плакала Ойра. — А что мне оставалось делать, если он мужчина... если он сильный... — рыдала вдова Конго.

После того как Донгся ударил Усиэ по носу, люди замерли в ужасе, думали, начнется драка. Но когда Ойра сказала, что Усиэ действительно ходил к ней в белых штанах, грохнуло от смеха: «Вот, получил за свои белые штаны!..»

— Ну, Конго, давай отправимся в дальний бун, — просил его шаман, — вот Усиэ за свою подлость поплатился кровью. На, посмотри — вот это его кровь.

Только после этого душа Конго согласилась отправиться туда, откуда уже никогда, даже во сне Ойры, не сумеет явиться к ней. Получив согласие души Конго, Пилха, камлая, подошел к приготовленной для его души деревянной скульптуре в рост сидящего на полу человека. Она была разнаря-

жена в узорчатые нанайские одеяния, которые когда-то при жизни носил Конго. Вытащил из-за пазухи ловушку-уйкур, достал из нее мягкие стружки-саори, в которых шевелилось что-то... Да! Это видели все своими глазами. Затем Пилха положил стружки за пазуху высокого деревянного изваяния — так в образ Конго вселил его душу. Прodelывая все эти таинства, шаман не умолкал ни на одну минуту, все пел и комментировал.

Негромко стуча в бубен, он просил положить на нарту с собачьей упряжкой деревянный образ Конго, так как он был Бельды. А души людей таких родов, как Бельды, Актанко, Заксор, Гейкер и некоторых других, везут в мир невозвратный только на собачьей упряжке. Души же Киле, Самаров, Дигоров и прочих из рода самагиров — на оленьей упряжке. Когда положили аккуратно изваяние на нарту, Пилха тоже сел на нее. Впереди виднелись запряженными около десятка собачек. Только они были сделаны из соломы.

— Та-а! — крикнул на них шаман. Теперь, сидя на нарте, Пилха подергивался слегка всем телом и головой так, как будто в самом деле ехал на собачьей упряжке по неровностям дороги или по целине. От этого на шаманской шапке позванивали бубенчики-колокольчики. Прощаясь с душой мужа, сильно плакала Ойра. Плакали и другие женщины:

— Хороший человек был Конго.

— Он держал паняны моих детей в своем кагба — шаманских «яслях» — и всегда камлал, если заболевали... Жалко, что ушел от нас такой хороший человек...

Так рассуждали плакавшие женщины.

Между тем Пилха продолжал ехать, все так же подергивал головой и стучал в бубен. Полузакрытыми глазами не видел никого, только словами обозначал места, мимо которых проходила его собачья упряжка. Наконец стал петь, что тропа, идущая в дальний буни, спускается вниз по наклонной, уходит далеко в лао — темноту. Но через какое-то

время открылся перед ним как будто молочного цвета белый свет. Здесь Пилха видел уже находящиеся души умерших. Он узнал женщину Бельды Поро, работавшую когда-то в пекарне села Дада, Куэту — тоже из рода Бельды. Души этих людей находились рядом. Они на вид были неухоженными, в стареньких одеяниях. Когда Пилха говорил о них, знавшие их женщины снова стали плакать дружно:

— Конечно, они умерли во время войны. Мужчин на селе оставалось мало...

— Их похоронили в местечке Кумчиэн, что недалеко от Дады, в лесу.

— Сначала умерла Поро. Конюх Дянгтари запряг в телегу лошадь и в сопровождении десятка людей отвез до Кумчиэна. Кое-как сколоченный гроб при прохождении через неширокую кочкастую марь переваливался с боку на бок и снова становился на место.

— И затолкали, кажется, чуть расширив, в барсучью нору...

— Так же, там же похоронили через год и Куэту. Наверно, они поэтому в первом буни находятся в таком неухоженном состоянии?

Нанайские женщины раньше во время плача высказывали все, что есть в голове, все, о чем думали. Поэтому плач можно было послушать как высокое искусство, похожее на арию в операх. Да и пение шамана — это настоящее мастерство.

Далее Пилха пел, что в этом первом буни все хаотично, все сумасбродно, нет никакого порядка...

Однако увидел души троих людей. Они сидели и стонали. Пилха подъехал к ним поближе, остановил собак, стал осматривать, пел и перечислял их приметы:

— Интересно, почему прижимаются друг к другу и сильно стонут? Двое из них молодые. Один чуть выше, другой пониже, плотный, с большими открытыми глазами. Третий из них — пожилой.

— Это наши, наши!.. — сразу узнали старик Ава Киле, шаманка Наоя, Галина Киле и пожилая женщина Сиоя Бельды. Все заплакали хором. Заплакали и другие сидящие женщины. Попросили, чтобы Пилха перечислял имеющиеся у них признаки, чтобы окончательно убедиться, что это действительно они. Шаман называл приметы духа с открытыми глазами:

— У него очень большая шишка в затылочной части головы, у Амбан-Коли верхняя часть головы, как месиво, от ударов топором, а у третьего — обе ладони в порезах и на теле много ран...

Наоя, Галя, старик Ава и другие плакали громко, говоря слова проклятья в адрес какого-то русского...

А дело было так.

Тимофей Поссар — сын Наои, кадровый охотник Канза — муж Сиои Бельды, и Амбан-Коля Киле — сын старика Авы, муж Галины, охотились вместе, жили в одной палатке. Николай Киле получил кличку Амбан — черт, из-за необычно больших, одутловатых глаз.

Как-то заглянул к ним в сумерках худощавый, стройный русский мужчина. Он зашел в палатку, поздоровался и сказал, что заблудился. Нанайцы по своей природной гостеприимности оставили гостя ночевать. Так он у них и прижился. Тоже ходил на охоту, но удача ему не сопутствовала. А охотники приносили ежедневно по одному, два, а то и три соболя и другую пушнину. Прожив более полумесяца, гость сказал, что приболел и сегодня не пойдет на охоту.

К вечеру первым вернулся Амбан-Коля. Он принес четырех колонков, трех соболей и с десяток белок. Повесив соболей и колонков, чтобы оттаяли, взял котелок и направился на берег принести воды.

— Я тоже схожу, совсем забыл, что нет воды, — сказал русский и, взяв маленькое ведерко, зашагал за Амбан-Колей.

Охотник взял топорик, чтобы обдолбить застывшую прорубь.

— Дай я сделаю, ты устал.

Гость скоренько пробил тонкий лед, расширил и сказал:

— Ну а теперь набирай воды — все готово.

Амбан-Коля наклонился и тут же рухнул на лед от сильного удара обухом топора в затылок. Затем пришлый, ухватив его за волосы и шиворот, оттащил по льду чуть в сторону, где у берега висел лед козырьком. Положив на лед, сильно ударил дважды по голове для верности и затолкал тело убитого под козырек. Потом прибежал к палатке, взял пятизарядный карабин Амбан-Коли, стал ждать прихода остальных. «Кто же появится первым?» — думал убийца. Где-то через полчаса показался старик Канза. Он — участник войны, имел ранение, и с возрастом у него ослабли глаза, но все-таки стрелял довольно метко, убивал кабанов, даже скачущих косуль. Пришлый, прицелившись из-за палатки в идущего старика, выпустил пулю из ствола, которая, попав в межбровье, прошла навылет. При этом от ударной волны развалила череп охотника и, как от разбившейся бутылки с кефиром, разбрызнула серую массу с кровью на ствол ели, которую Канза успел обойти и сделать шаг вперед. А на одной из веток, качаясь на светлой жилке с красными волокнами, висел глаз. Подойдя к лежащему на снегу старику, как волчьей пастью, ухватил мускулистыми пальцами за шиворот Канзу, потащил в сторону, закопал в снег, кровавой волок засыпал снегом.

Теперь русский твердо знал, по какой тропе ходит Тимофей. Должен был вернуться в течение какого-то получаса. Повесив карабин на короткий, толстый сук кедра, пошагал в сторону мари по тропе на снегу. Показался Тимофей, устало переваливался с ноги на ногу: нес в рюкзаке за спиной свежее мясо убитого кабана.

— Ты куда пошел? — поинтересовался охотник.

— Схожу на речку Пякса, скоро вернусь.

— Ну ладно, уже темнеет, возвращайся скорее. А ребята пришли?

— Да. Они в палатке...

Только миновали друг друга, Тимофей повернул голову, чтобы спросить еще что-то, увидел поднятую руку с ножом, воскликнул:

— Ты что?! — подставил руку и с силой толкнул.

Нож прошелся по предплечью Тимофея, от толчка русский упал в снег. Тимофей тут же скинул рюкзак, снял с плеча карабин и направил ствол в сторону гостя:

— Сейчас застрелю!

— Да ты что, Тимофей, я просто так, пошутил, проверял: трусоватый ты или нет. Вот видишь, я нож спрятал. Положи ружье на рюкзак, поговорим.

По своей доверчивости Тимофей поверил, положил ружье на рюкзак, чтобы посмотреть на руке рану. В этот миг он упал в снег от резкого толчка. Рядом с ним стоял человек с горящими от злости глазами, который доставал нож.

— Ах ты, гад! — вскочил на ноги Тимофей, и тут же у него в руке заблестел широкий охотничий нож...

Прошло более полумесяца, как охотники вернулись домой на Новый год. Но этих троих все не было. Снарядили группу людей и отправили на двух лошадях с санями, чтобы разведали и узнали причины их задержки. Вернулись на третий день с обледеневшими телами Канзы и Тимофея. У второго были изрезаны все ладони от ножа, а на теле кровоточили при оттаивании около десяти ножевых ран. Нашли Тимофея на середине обширно истоптанного поля с кровавыми пятнами на снегу. Амбан-Колю отыскиали лишь тогда, когда арестованного убийцу увезли в тайгу, чтобы он показал место, куда спрятал труп охотника.

В тот день, оставшись в палатке один, гость спешно про-

верил все мешки и связки охотников. В них он обнаружил много шкурок соболей, норок, колонков и другой пушнины — его догадки о добыче промысловиков оправдались. И он уже представлял себя богатым, когда сдаст весь добытый мех. Представлял также свою любовницу, что живет в селе Найхин, в собольей шапке, воротнике и с такими же пышными манжетами на рукавах ее старенькой шубки. Однако арестовали его, заподозрив: откуда же у недавно освободившегося из мест не столь отдаленных человека столько пушнины, которую он сдает. При обыске в доме, где проживал, обнаружили дополнительно много меха. Их находили во дворе в поленнице дров, на чердаке и у его любовницы.

Решением суда он был приговорен к высшей мере наказания. Об исполнении приговора было сообщено семьям пострадавших персонально.

Вспоминая всю эту трагическую историю, люди, в основном женщины, плакали и ругались, что есть люди, у которых души чернее ночи, убивают небольшой народ на его же исконной земле.

— Конечно, не все! Среди русских много и хороших людей.

— Но, однако, есть и гады...

Так, рыдая, ругались люди, одновременно слушая шамана.

Души этих троих охотников находились в первом буні потому, что после их смерти никто из шаманов, могущих исполнять обряд каса, не отправил души в дальний потусторонний мир. Они теперь в этом первом буні находятся так же, как сегодняшние бичи и бомжи без адреса и жилища, с общим адресом — первый потусторонний мир или первый, самый ближний с нами, параллельный мир.

— Гэ-э, — сказал наконец Пилха, — прибыли до дока довой буні — до ворот дальнего потустороннего мира.

Здесь хозяином этих ворот был мэргэн Уде. Когда-то на небе было три солнца. Он, взяв три стрелы и лук, отправился на небеса, чтобы подстрелить светила. Шел долго. Дорога была трудная. С лица и со лба обильно капал пот на снег, застывая хрустальными льдинками вдоль его лыжни. Когда дошел до нужного расстояния, подстрелил одно из крайних светил. Второй стрелой сразил второе, с другого края. Но в этот момент раздался треск, затем грохот и засверкала молния: рассердилось Небо, раскололось там, где стоял Уде. В тот же миг Уде полетел вниз: Небо не могло позволить, чтобы мэргэн подстрелил и последнее солнце, чтобы Земля превратилась в безжизненный ледяной шар. На Небе бог — это Солнце. И другого бога там нет. Благодаря только Солнцу существуют на земле всякие чудеса!

Наш Уде упал с неба далеко в глубь земли, да так и остался там — между первым и вторым буни. Теперь в его обязанность входило только одно — открывать и закрывать ворота во второй, дальний буни — потусторонний мир. А на Млечный Путь народ нани говорит: «Это лыжня Уде на небесах, а скопление звезд вдоль его пути — это застывшие капли падавшего с него пота».

Подъехав к воротам, шаман сказал:

— Гэ-э, Уде, чицуй анаро! — Открой ворота, Уде, своим фаллосом-ключом.

Через мгновение появился торчащий вперед член, которым Уде толкал ворота, открывая их. В руках все так же держал лук и стрелу... Как знать, может, когда-нибудь Уде выпустит свою третью стрелу, чтобы потухло на Небе дарующее жизнь Солнце. Как знать! Вот это и будет концом света, концом всего живого на Земле, на которой все — от гигантов-слонов, обезьян, букашек и даже микроскопически малых существ — делали свое дело, не нарушая всеобщего баланса в окружающей среде и в целом на Земле.

Как только открылись ворота, подошли встречать вновь

прибывшую душу души умерших ранее. Пилха говорил, что тени умерших недавно видны отчетливо, ясно, а другие — тускло, еле заметно, что это души давно умерших людей. Среди подошедших Пилха заметил женскую душу в стареньком узорчатом халате. Ходит прихрамывая на правую ногу, у нее в носу большая завитая серьга из серебра. Подошла к Пилхе и спросила: «Ты, Пилха, меня узнаешь? Я жена Цандаги. Как там живут мои?»

— Ой, это бабушка Ойбака! Ее покусала по правой ноге соседская собака Чинчики, — узнали душу умершей слушавшие обряд люди.

«Передай моим, что мне здесь хорошо, спокойно. Только вот сильно скучаю по мужу Цандаге и детям», — сказала Пилхе душа этой женщины.

Подъехав сюда, шаман не стал задерживаться долго, оставил здесь душу Конго и направился к выходу (попросил, чтобы деревянного идола в нанайском халате бросили на землю и развернули нарту с упряжкой собак в обратную сторону). Мыслям лететь недолго, как и шаману оказаться дома, в подсолнечном мире — Илу. С прибытием обратно, отдохнув немного, Пилха начал кукованием звать душу умершего Цокцо. Душа его сразу согласилась отправиться в дальний потусторонний мир. На этот раз шаман сел на нарту, запряженную оленем. Образ животного изображало соломенное чучело с веточками на голове, изображающими рожки оленя.

С окончанием обряда бывшие панё двоих умерших раскололи на части, большие мугдэ в одеянии побросали в костер. Затем, установив прямо на улице и в яотане-шалаше импровизированные столы из широких кедровых досок, сели за поминальный обед по душам отправленных в дальний буни Конго и Цокцо, чтобы им там было спокойно и беззаботно. Шаман Пилха сидел среди односельчан и рассказывал им о жизни в потустороннем мире.

Эпилог

Я написал автобиографическую повесть, в которой в образе Коачики представлен я сам. Описанные эпизоды в целом соответствуют действительности: в детстве я умирал несколько раз и благодаря жившему тогда шаману Пилхе возвращался в этот подсолнечный мир.

Сила шамана велика! И эта сила его еще не изучена в полной мере ни одной наукой мира. Это не маг Коперфилд, не всевидящее око Ванги и дар предвестника Лонго. Это совершенно иная сила, которая может свободно входить в параллельные с нами миры, видеть то, чего не может увидеть Ванга и никто другой.

Пилха был очень сильный и известный шаман. Но он не мог отправлять души умерших в дальний буни. Однако я сделал его таковым, чтобы не вытаскивать на страницы повести еще другого шамана. Поэтому его образ — и его собственный, и собирательный в том числе.

Все эпизоды, описанные в повести, имели место в реальной жизни. Но отдельные из них передвинуты во времени назад или вперед, чтобы повесть как литературное произведение стала цельной и последовательной. Я не писал хронологию родного мне села Да (Дада), а создавал художественное произведение.

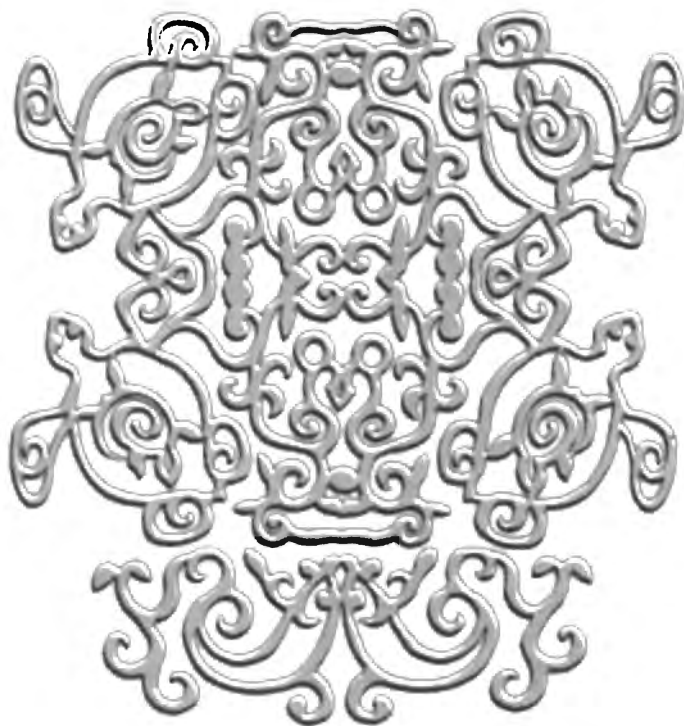
Если где-то не так, пускай извинят меня люди, знающие обо всем описанном в повести.

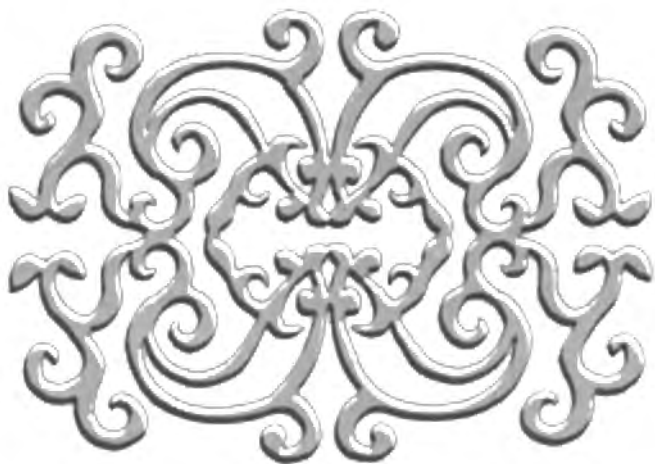
Автор

В КРУГОВОРОТЕ БЫТИЯ

МОИ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Предисловие

Меня давно интересуют вопросы, связанные с названиями старинных нанайских стойбищ. В их названиях я нахожу для себя много интересного, занимательного, а порой и удивительного. А что в сегодняшних названиях сел и городов? В своем же ответе на этот вопрос вижу, в первую очередь, исковерканные на русский лад некогда существовавшие нанайские названия или переименованные совершенно на новые. Это случалось с постепенным появлением на берегах дальневосточной реки Амур русских переселенцев из западных регионов России. Но эти изменения произошли, как мы сегодня видим, не только с селениями, стойбищами этнических народов Приамурья, но и в их культуре, традициях, веровании и во всем образе жизни. Хорошо это или плохо? Однозначно на этот вопрос не ответишь. Бесспорно, есть

положительные моменты, немало и отрицательного. Это большой и трудный вопрос. А прямо и честно говоря, я бы ответил, что это не очень здорово. Меня правильно поймет тот, кто хорошо осведомлен о прошлой жизни аборигенных народов Приамурья — таких как нанайцы, удэгейцы, ульчи и другие.

Возвращаясь к переименованным и переделанным названиям населенных пунктов, приведу лишь несколько примеров, чтобы не быть голословным в начатом разговоре.

Бури — это прежнее название краевого центра, города Хабаровска. С древних времен в стойбище Бури проживали нанайские роды — такие как Актанка, Маринка, Удинка, Онинка и другие. А дали такое название своему поселению нанайцы из-за большой излучины Амура, которая видна с Утеса, если смотреть в сторону выхода Уссури в Амур. В 1858 году на этом месте было основано селение Хабаровка, в котором разместили военный пост. В 1880 году Хабаровка получила статус города. А в 1893 году Хабаровка переименована в город Хабаровск. С 1924 по 1938 год Хабаровск был административным центром крупнейшего в стране Дальневосточного края (от Посъета до Чукотки). Он является столицей Приамурского региона и сегодня.

Подали — нанайское стойбище, по-русски Падали. Переименовано в Амурск в 1958 году в связи со строительством здесь целлюлозно-картонного комбината. В 1973 году ему присвоен статус города.

Мио — негидальское стойбище на левом берегу Амура, в восьмидесяти километрах выше Амурского лимана. На этом месте в 1850 году Г.И. Невельской основал Николаевский военный пост. В 1851 году начальником этого поста был назначен Николай Бошняк. С 1856 года пост стал именоваться городом Николаевском-на-Амуре.

Я привел только малую долю из всех тех изменений, ко-

которые произошли в жизни аборигенного населения с появлением на Амуре русских людей. На мой взгляд, это была целенаправленная политика царского времени, чтобы дикие, якобы безлюдные места, где проходили землепроходцы и бывали мореплаватели, причислить к России и сделать их окраиной царской империи.

Это предисловие сделано к моим топонимическим размышлениям, чтобы раскрыть перед читателем тайны, которые были скрыты в прежних названиях нанайских стойбищ и поселений.

Часть 1 Стойбище Када (Маяк)

Этот населенный пункт находился сразу за заходом в Синдинское озеро на стороне утеса. Как вспоминал старейший житель села Синда Андрей Константинович Бельды, было в стойбище пять или шесть домов. Здесь среди родов Онинка, Киле жили и китайцы. Расположение *Када* очень удобно для ловли рыбы, так как через неширокий заход в озеро с самой ранней весны и до поздней осени мигрировала рыба — начиная от такой мелкой, как чебаки и косатки, заканчивая сазанами, амурами, толстолобами. Там, где водится в большом количестве мелкая рыба, всегда есть и хищники, такие как сом, щука, верхогляд, сиг и другие. Весной, когда паводковая вода подтапливала дно мелководного озера, с массой рыб, заходящих в кормовой водоем, богатый растительностью, устремлялись в горные речки Тон, Мухен и Немту ленки и редко таймени. Кроме того, на противоположной стороне узкого захода видна обширная лугообразная низина, на которой расположены небольшие озера, заливы и протоки, связанные и с Синдинской протокой, и с обширным озером. Следовательно, они для жителей *Када* были кладо-

выми живой рыбы, которую можно поймать в любое время для приема в свежем виде.

Другим удобством для людей стойбища был окружающий лес: начиная от самого склона сопки и на всей нынешней территории села Маяк рос густой кедровник. Сегодня остатки этого уникального «хлебного» дерева густой зеленой красотой одиноко высятся на окраинах села и вдоль автотрассы.

Стойбище *Када* очень древнее. Это подтверждает Онуфрий Степанов в своей «Ясачной книге» за 1656 год, что здесь существовал улус Кодосунский (селение *Када-сэндэ*). Улус, вероятнее всего, объединял стойбища Када и Синда.

В прежние времена в этой кедровой тайге сразу за домами каданцев водилось множество всякого таежного зверя, в том числе медведи, кабаны. При необходимости можно было добыть мясо тут же, за стойбищем, не уезжая в дальние места.

Каков смысл и значение слова *када*? В нем скрыто выражение «горная скала». Маякская сопка, спускаясь к Синдинской протоке, образует небольшой скалистый утес, камни которого стеной высятся прямо над водой. Вот эти-то скалы и дали название стойбищу. По словам Андрея Константиновича Вельды, в стойбище *Када* не жили русские люди вплоть до 30-х годов прошлого столетия. Старое название населенного пункта сегодня уже не помнят, кроме отдельных еще живых старожилов-нанайцев.

В настоящее время село Маяк — одно из крупных селений Нанайского района. Оно стоит на автотранспортной магистрали, связывающей краевой центр город Хабаровск с Комсомольским районом и другими районами края. А красивый стальной мост, перекинутый через устье озера, как бы в добром рукопожатии, по-родственному связывает Нанайский район с его бывшей территорией, ныне относящейся к Хабаровскому сельскому району.

Часть 2

Тон

Небольшое стойбище нани с таким названием находилось в глубине Синдинского озера. Здесь было около двадцати домов, где в основном жили роды Киле, Бельды, Поссар. И этот населенный пункт очень удобно расположен для добычи главной пищи аборигенов — рыбы и мяса. Мимо домов, огибая неширокую галечную косу с крупным черным песком, уносила свои воды в озеро горная речка Тон, давшая название стойбищу. А в те давние времена озеро называлось *Тон хэвэни*, то есть озеро Тон, а не Синдинское, как сейчас.

Горные речки Тон, Мухен и Немту своими верховьями устремляются юго-западнее Болхи и Пяксы, мимо хребта Мэкэн, где высятся каменные столбы, и теряются в отрогах Сихотэ-Алиня. Мэкэн был любимым местом для тигров, где они жили и скрывались в многочисленных каменных пещерах, — тигриный дом. Весь горный массив от озера Тон до Пяксы, Немту и далее, относящийся к Сихотэ-Алиньскому хребту, был покрыт кедровником. Поэтому привольно, сытно обитали здесь многие жители тайги. Но почему-то приезжали сюда на охоту зимой иногда из Дады, Гасси, Муху и других мест, когда в близлежащих лесах тоже водилось много всякой таежной живности. На мой взгляд, охотникам было важно не столько поймать, добыть зверя, сколько встретиться со своими родственниками, друзьями, товарищами, чтобы какое-то время побыть вместе, поговорить, пообщаться. Ведь на таких встречах люди обменивались новостями, проблемами, рассказывали друг другу сказки, легенды, былины и многое другое. Об этом я знаю потому, что охотился не один год с отцом и братьями, где была членом семейной бригады и мать, по горной речке Пякса. На зиму прибывали сюда охотиться из Даерги, Найхина, Муху. Кроме множества

дадинских охотников собирались здесь близкие и дальние знакомые, друзья из разных мест. Таким образом, на стане образовывался целый палаточный городок. Раньше все охотники жили зимой только в палатках, не строили рубленого жилья, чтобы не уничтожать растущие деревья. Это говорит о бережном отношении людей природы к своей окружающей среде. Даже для очага брали исключительно сухостойные деревья.

Возвращаясь к стойбищу Тон, следует сказать то же самое и об охотничьем угодье Пякса. В такое далекое место приходили охотиться не только с Када, Кучипу (Синды), Муху, но и с Гасси, Дады, Хаухали, Пахали и других мест. Два последних стойбища располагались на Сириминской (Хаухалинской) протоке.

Почему стойбище получило такое название? На языке аборигенов нани слово *товори* обозначает подниматься куда-то, по какому-то лазу, склону. В данном же случае стойбище Тон являлось местом, откуда после прибытия из других мест охотники, погостив у своих знакомых и друзей, поднимались вверх по речке на зимнюю охоту.

Когда существовали колхозы, у Тонского коллективного хозяйства были большие земельные угодья, на которых сажали не только картофель, но и другие сельскохозяйственные культуры. А здесь урожаи получали богатые, потому что на данном месте был своеобразный микроклимат: с одной стороны — озеро, с другой — гряда гористых холмов.

В этом стойбище русские люди не проживали. В конце 60-х и начале 70-х годов XX века жители села Тон стали разъезжаться по другим населенным пунктам района. Но в 40-х годах, когда здесь еще жили люди и когда образовался колхоз, стойбище Тон переименовали в село Дубовый Мыс. Так, с этим несвойственным для себя названием бывшее нанайское стойбище и ушло в пучину лет, в небытие.

Часть 3

Синда

В районе вряд ли есть второе село, которое бы имело два названия, как это есть у Синды. Раньше одинаково пользовались этими двумя названиями. Если говорили про Кучипу, то значило — про Синду, и наоборот.

В настоящее время Синда — современное село со смешанным населением, где бок о бок живут нани, русские, украинцы, белорусы и другие народы России и Приамурья. Интересно, что сегодняшняя Синда состоит из четырех бывших до недавнего времени самостоятельных селений: Искра в самой нижней части, немного выше ее Рыббаза, третья часть — Кирпичное, и сама Синда на верхнем конце. Вот эта-то часть имела второе название. С появлением русских людей название *Кучипу* постепенно утратило свое назначение, и сейчас о нем почти никто не помнит, кроме отдельных старожилов.

Из всех четырех селений, пожалуй, самым молодым является Искра. Время ее основания можно отнести к началу 30-х годов прошлого столетия. Во второй половине этих годов привезли сюда ссыльных людей из Западной Украины и определили Искру для постоянного местожительства. Чтобы занять людей каким-либо производством, установили на территории села лесопильную установку, пилили кедр и из него изготавливали бочкотару. В пиломатериале нуждались не только вновь прибывшие сюда люди, но и жители, и производство в близлежащих селениях. А бочки требовались рыббазе для затаривания рыбы. Среди новых жителей Искры были Кириленки, Туруны, Стекловцы, Менщиковы и другие. Название села являлось чисто русским.

Следующее село, Рыббаза, в своем большинстве имело русское население, но когда образовалась здесь рыболовецкая артель, некоторые нанайские семьи переехали жить

сюда, чтобы заниматься ловом рыбы. Это было и в интересах руководства артели, так как местные жители нани хорошо знали рыбные места. А рыбачили на всех близлежащих водоемах лугов на левобережной стороне Синдинской протоки и на левобережье Амура, на Актаре и других местах, даже на самой Синдинской протоке. Всю вылавливаемую рыбу обрабатывали здесь: часть солили и затаривали в бочки, а часть замораживали в леднике и отправляли в Хабаровск.

Следующая часть села — Кирпичное. Время основания Кирпичного и Рыббазы можно отнести к 30-м годам XX века, когда на территории сегодняшнего Нанайского района впервые стали создаваться артели, затем колхозы и другие производственные предприятия. На Кирпичном, как и на Рыббазе, жили в основном русские люди. Но впоследствии стали работать здесь и нанайцы, живущие в Кучипу. Эти два населенных пункта получили названия по роду занятий жителей, то есть чисто русские названия.

Синда является древним нанайским стойбищем. Оно упоминается в «Ясачной книге» О. Степанова за 1656 год как улус *Када-сэндэ*. Из этого следует, что улус Кодосунский объединял стойбища *Када* и *Сэндэ* (Синда). По Синдинской протоке оно ниже *Када* (Маяка) в пределах 5—6 километров. Все перечисленные выше бывшие селения, в том числе и Муху, были расположены на берегах Синдинской протоки, которая сама по себе является очень рыбной. Свой верхний заход протока берет непосредственно из Амура, затем свои воды выводит в протоку Ори, которая тоже связана с Амуром. А в осеннее время кета поднимается по протоке, двигаясь к икрометным водоемам, чуть ли не под окнами в ряд стоящих селений, и Синды в том числе. Поэтому стойбище Кучипу располагалось на очень удобном месте, как и *Када*. Рыбой изобиловали и заливы, и другие водные артерии, расположенные на левобережной луговой стороне протоки.

Первые русские появились в стойбище *Кучипу*, вероят-

нее всего, в конце XIX века. Из их числа можно назвать детей и внуков, таких как Ценцевичские, Вашковцы, Каштановы, Казаковы, Богдановские, Хоненко и других. Прибывшие сюда новые люди занимались огородничеством, разведением скота, ловлей рыбы, а когда образовались артели, влились в эти производства. Позже Синдинское коллективное хозяйство носило название «Красное знамя», имело свой водный транспорт, сельскохозяйственную технику для обработки полей, скотоводческую ферму, лесопильный завод и прочие производственные цеха. Здесь наравне с русскими осваивали новое для себя дело нанайцы — дети потомственных рыбаков и охотников. Лесопильную продукцию Синды, Искры и особенно кирпичного завода закупали многие жители сел района для своих нужд. Кирпич уходил даже за пределы района.

Итак, каковы значения в словах *кучипу* и *синда*?

В нанайской речи слово *кучипу* означает вагу, рычаг. Но что могли важить рычагом древние хэдзэни (нани) на этом месте? Разве только полно загруженные охотничьи нарты, когда они по каким-то причинам во время движения переворачивались именно здесь. Эта версия вряд ли верна. Но данное слово имеет и второе значение. *Кучипун* — соска. Если слово разобьем на составные *кучи+пу*, то получается: *кучи* — сосет, а в отношении второй половины можно только догадываться. Дело в том, что в водах нашей дальневосточной реки водилась в незначительном количестве рыба черный амур, называемый *пусэли* на языке нани. Вот эта рыба в основном питалась корнями растений, растущих по самой береговой черте реки. Причем она водилась там, где имеется для нее кормовая база. Возможно, на этих берегах Синдинской протоки росла такая трава, и рыба *пусэли* добывала себе коренья способом высасывания земли в водной береговой черте реки. Тогда из слова *пусэли* выпала вторая половина слова, а первая примкнула к слову *кучи*. Возмож-

но, таким образом получилось новое слово, давшее название стойбищу *Кучилу*.

Рассматривая образование второго названия Синда, в первую очередь вспоминаешь о слове *син*, означающем лунку, прорубь, майну. А вторая половина *да* означает вход, горловину проруби. Однако для чего в зимнее время люди выдалбливали проруби? Если для рыбалки махалками, то почти во всех деревнях занимались люди подледной рыбалкой зимой. Это предположение, на мой взгляд, не имеет под собой основательной почвы. Тогда нам предстоит обратиться к другому значению слова *синда*. Если в данном выражении мы заменим букву *и* на нанайское *э*, то получим *сэнда*. Вот теперь картина перед нами становится более ясной, так как *сэн* — это очень небольшая, неширокая протока, богатая рыбой, таких проток немало на луговой стороне Синды. А вторая половина слова *да*, как указывалось выше, есть вход, заход в такие малозаметные водные артерии. Таким образом, впоследствии звук *э* заменился на *и*, образовав слово *синда*, давшее название стойбищу.

Сегодняшнее село Синда — большой населенный пункт, где живут бок о бок представители многих народов России и Приамурья. Процветавшее в добрые времена село в годы перестройки пришло в упадок. Но здесь живет один из самых деловых, перспективных предпринимателей не только среди нанайских, но и среди русских — Юрий Владимирович Донкан. С помощью и при поддержке районного руководства он поднимает из руин свое родное село. Здесь он создал мощное лесопильное предприятие, столярный цех, а в 2003 году пустил в строй свой кирпичный завод. Кроме этого, Ю.В. Донкан немало облагораживает Синду, имеет несколько торговых точек, обеспечивает продовольственные, промтоварные, строительные и другие нужды населения. Вот кого надо благодарить, вот с кого надо брать пример, как любить свой район и свое родное место.

В заключение выскажу такое мнение: предположенные мной варианты образования названий *Кучипу* и *Синда* не считаю окончательными и не утверждаю, что они правильные. Возможно, у древних людей были свои соображения и свои основания, чтобы свои населенные пункты назвать именно так. Для написания данного материала мной использованы сведения, полученные от старожилы Андрея Константиновича Бельды, Галины Гангавны Донкан, работавшей длительное время главным бухгалтером колхоза «Красное знамя», и других людей.

Часть 4

Муху

Старое стойбище нани с таким названием существовало на берегу Синдинской протоки, которая в здешних местах называлась Мухинской. Оно располагалось от нижнего утеса в пределах одного километра. Место это было ровное, долинное, с отлогим берегом, но у самой реки значился небольшой выступ, образуемый наносами от течения и наката волн при паводках. От селения Синда оно удалено на 6—7 километров выше по протоке. Для ведения рыбного промысла здесь имелись условия такие же, как в Синде и других селах, которые расположены на этой Синдинской протоке. Водные артерии, текущие на левобережной стороне, являлись негласными общими для всех жителей небольших селений. Однако стойбище Муху находилось ближе к протокам Ори, Сирими и очень рыбной речке Пир, потому выгодность для рыбопромыслового дела перед остальными селениями была очевидной. Мухинцы в любое время могли поймать свежую рыбу на реке в рядом находящихся водоемах.

До начала XIX столетия на месте старого поселения Муху не жили люди. Но потом переселились сюда жители

стойбищ Лу-мама, Хаохали, Актар и других, которые к этому времени стали затапливаться водами Амура при наводнениях. Хаохали располагалось в Сириминской протоке, Актар — на левом берегу Амура, а Лу-мама находилось на обширном острове луговой части Синдинской протоки.

Каково значение слова *муху*? С каким явлением оно связано? Вот вопросы, на которые я попытаюсь дать какой-нибудь ответ, хотя бы относительно близкий к тому, какой смысл зашифровал тот неизвестный нам человек, который дал своему стойбищу такое загадочное название. Задумываясь над смысловым значением слова, в первую очередь приходит в голову болезнь водянка, которая в нанайской речи называется *муху энун*. Но вряд ли эта болезнь могла дать название стойбищу. Однако, по моему убеждению, в названии стойбища присутствует вода, оно связано с водой, но как и почему? Можно предположить, что через данное место текла вода со стороны склона сопки, которая находилась недалеко отсюда. Тогда почему люди, ушедшие с лугов от затопления, снова обосновались на месте, где течет вода? Может быть, вода находилась не так далеко от поверхности земли? Но эти и другие догадки не очень убедительны.

Моя жена Зинаида Николаевна припомнила один случай, о котором рассказала ей мать Мария Ивановна Оненко. Был летний тихий день. Вода на Мухинской протоке текла спокойно и плавно. Но вдруг напротив нижней сопки на поверхности воды появились волны и из воды поднялся высоко водяной столб-фонтан. В этот момент вода забурлила еще больше, а фонтан продолжал струиться подобно тому, как киты выпускают воду из полости рта через небольшое отверстие в верхней части головы. Люди испугались и со страхом смотрели на это странное явление. Через какое-то время это видение исчезло и больше не показывалось. Люди так и не поняли, что это было и отчего. Может быть, данный случай явился поводом для названия стойбища Муху?

Интересно, что мухинцев всюду преследовала вода. На мой взгляд, все же это явление дало название селу от слова *муку*. А оно означает, что есть вода, имеется вода. В процессе своего изменения в слове исчезла буква *з*, а вместо *к* пришла буква *х*, образовав слово *Муху*.

Однако есть еще и другое предположение. Так, в Большой советской энциклопедии говорится, что раннефеодальное государство Бохай возникло в Северо-Восточной Азии в VIII веке. Основное население государства составляли тунгусские племена, именовавшие себя *мохэ*. Но мы знаем, что к тунгусским племенам относились не только эвенкийские народы, но и народы маньчжурского происхождения, которые являются прямыми предками приамурских аборигенов. А *мохэ* — это водные люди, которые испокон веков проживали на берегах больших и малых рек. Поэтому *мохэ*, может быть, то самое слово, которое дало название стойбищу *Муху*.

Перечисленные выше варианты — это только мои предположения, и твердого, основательного ответа я для себя не нашел.

В самом конце XIX века и это стойбище стала заливать вода при наводнениях. Вот только теперь мухинцы перебрались второй раз на новое место, расположенное выше по протоке. Здесь между двумя сопками, на концах которых высились над протокой скалистые утесы, находились четыре сухих ключа. Они начинались тут же, за селом, и своими углублениями делили местность на пять холмистых бугров, на которых, лучисто сверкая окнами, в разбросанном порядке стояли небольшие дома. Их всего насчитывалось более пятидесяти. Сразу за селом начиналась настоящая густая тайга с высокими кедрами, маньчжурским орехом, липой, ясенем, бархатом, лиановыми — диким виноградом, актинидией, и прочими ягодными кустарниками и орешником. Здесь были своего рода субтропики с каким-то особым климатом.

Берег с излучиной между двумя утесами был недостижим для порывистых холодных северных ветров, а теплые западные ветра летом ласкали берег небольшими говорливыми волнами. В селе люди проживали по родовому составу. Так, на нижнем холме жили в основном люди из рода Гейкеров, на верхнем — в преобладающем большинстве Бельды, а на остальных жили Оненки, Поссары, Киле, Актанки, Донканы, в том числе и Бельды. Первые русские семьи, а их было всего три, появились на Муху в 20–30-х годах прошлого столетия. Ими были Сулеймановы, Деревянко и Размахнины. Здесь вначале организовали колхоз. Потом, в 70-х годах, Мухинский и Синдинский колхозы объединили с Найхинским колхозом «Новый путь», что было крайне неразумно и нецелесообразно. Вот в эти-то годы население прекрасного села с загадочным названием Муху и стало разъезжаться, кто — на Маяк, кто — в Найхин и Даергу, а основная масса людей переселилась в Синду.

Как я уже отмечал, земля Муху отличалась своеобразным климатом. Возможно, и это повлияло на формирование способностей и человеческих качеств отдельных людей, которые родились в данном небольшом селе. Кола Бельды стал известным певцом, его знают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Андрей Александрович Поссар стал классиком нанайской поэзии.

В настоящее время бывшее в недавнем прошлом оживленное село стало безмолвным. Холмы заросли бурьяном, и только на отвесных камнях верхнего утеса можно прочесть имена и фамилии мухинцев, которые не вернулись в родное село, пали смертью храбрых на полях сражений с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне. Этот памятник своим землякам-односельчанам сделал Николай Конавич Бельды — человек, который был равнодушным к поэзии, изобразительному искусству, к заботам и переживаниям своего народа.

При написании этого материала мной использованы сведения, полученные от Марии Ивановны Оненко, Андрея Александровича Поссара, Зинаиды Николаевны Бельды, Николая Наумовича Ойтанко и других, которым я остался благодарен за информацию.

Часть 5 Дада (Да)

Во второй половине двадцатого века в селе насчитывалось свыше пятидесяти домов, в которых проживали в основном нанайцы, несколько семей удэгейцев и других народов Приамурья. Однако жили здесь и русские люди. В 1940—1943 годах жила в селе Да семья Соколовых, с 1943 по 1953 годы — Размахнины. Сам Размахнин был председателем колхоза. Потом приехали Шаповаловы. В годы войны работал в магазине продавцом Кяхрин. Он жил в селе со своей семьей.

Село Да (нанайское название). Среди местных жителей оно сохранило его и по сей день. По данным Энциклопедии Хабаровского края и Еврейской автономной области село расположено в 42 километрах от райцентра, в 197 километрах от станции Хабаровск-I, основано в 1888 году. Но эта дата, по моему твердому убеждению, очень сомнительна, так как старожилы рассказывали удивительно интересные вещи про это древнее стойбище нани.

По их рассказам, даже прапрапрадеды не застали то время, когда через стойбище Да протекала неширокая речушка, берущая начало где-то за широкими марями. По этой речке спускались до самого села то японские налетчики, то китайские разбойники-хунхузы. А их встречали здесь жители стойбища с копьями и стрелами. Они устраивали засаду — *туву* (укрытие) — прямо в чащобе по берегам этой реч-

ки недалеко от стойбища. Поэтому речка у жителей стойбища Да впоследствии получила название *Туву* — засадная.

Сегодня этой речки нет. Но как бы следом от нее в настоящее время видна небольшая канавка между домами моих братьев Трофима и Леонида Мактовичей.

Старший брат Трофим построил себе дом в 1962 году. С тех пор, копая и обрабатывая огород, он с женой Ольгой Андреевной часто находили в земле, особенно в первые годы, много интересных, разнообразных вещей старинного происхождения. Среди них были копья нескольких размеров и видов. Одни короткие с широкими полями, другие узкие и длинные. Находили немало металлических наконечников от стрел. И они были разнообразны по форме, различны по величине. На одних усики торчали назад, на других — в стороны. Кроме этого, среди находок значились медные монеты с квадратным отверстием в середине, глиняные черепки, бусы, серьги с нефритовыми камнями и янтарными шариками на тоненьком серебряном основании-проволочке. Встречались куски от жбанов и другие металлические предметы домашнего обихода, медные, латунные изделия, резные, с чеканкой и так далее. Не менее интересными находками были листообразные металлические или из обожженной глины чешуйки с отверстиями, через которые вдеты кожаные ленты так, что лепестки эти прилегали друг к другу плотно, образуя сплошные ряды, которые тоже были прочно связаны между собой такими же кожаными лентами. Но в то время брат с женой находили лишь небольшие кусочки-лоскутки.

Однажды Ольга Андреевна показала один такой фрагмент моему отцу. Он оглядел его и сказал, что это было *далдако тэтуэ*, то есть одежда-панцирь. Значит, такие доспехи надевали, когда шли на смертный бой с неприятелем.

Младший брат Леонид построил себе дом за канавкой от Трофима во второй половине 1980-х годов. Копая подпол под домом для хранения картофеля и других овощей, он на

глубине более двух метров обнаружил скелет человека. В связи с этим и учитывая рассказы старожилов села, нанайское стойбище Да возникло очень давно, существует с незапамятных времен. Вот тут возникает вопрос: в каком году попал на такую глубину скелет жившего когда-то здесь человека? А нанайцы в древности, так рассказывали старожилы, не хоронили мертвецов в землю. Для этого строили усыпальницы, и гроб с телом устанавливали там.

Не подтверждают ли все эти факты ту мысль, что возраст стойбища, а затем села Да исчисляется не со времен распада могущественного государства чжурчжэней, а гораздо раньше? Ведь и во времена существования империи Цзинь тунгусо-маньчжурские племена, составлявшие население этого государства, проживали на обширной территории Дальнего Востока, включая нынешние Приморский, Хабаровский края и особенно благоприятные берега Приамурья. А нанайцы как раз относятся к племенам тунгусо-маньчжурских народов, и их самоназвание *хэдзени* является второй половиной слова чжурчжэни, но никак не гольды, как записали первые мореплаватели, зашедшие в Амур со стороны моря. Затем это же слово подхватил известный путешественник В.К. Арсеньев, закрепив за народом хэдзени (нани) это несуразное название, которое произошло от негидальцев и ульчей.

Так что над возрастом села Да стоит подумать, поразмышлять и поспорить. На мой взгляд, 1888 год как год основания села назван, когда в этих местах впервые появился русский человек. Тем более археологическая группа А.П. Окладникова обнаружила возле местечка Елан, что находится между селами Гаси и Дада, целое большое городище, относящееся к IV—II тысячелетиям до новой эры. Возможно, там жили далекие и древние предки нынешних дадинцев, дети и правнуки которых впоследствии поселились на территории нынешней Да в древнейшие времена.

Прежде чем основать стойбище, нани приглядывались к данной местности, изучали ее по удобству для проживания, ведения хозяйственной деятельности. А здесь учитывалось в первую очередь обилие рыбных запасов, и только потом — удобство охотничьего дела.

Почему выбрали именно это место?

Все дело в том, что в близлежащих луговых окрестностях очень много протоков, речушек, заливов, озер, заходы и выходы которых расположены не так далеко. В нанайской речи заходы и выходы каких-то ручьев, речушек, заливов одинаково называются *да*, только с добавлением для ясности, что это верхний или нижний. А в этих больших и малых водоемах и водоемчиках всегда водилось несметное количество всевозможной рыбы. Следовательно, стойбище получило свое название именно от расположенных здесь многочисленных заходов и выходов водных артерий, именуемых *да*.

Говоря об удобстве месторасположения села Дада, следует отметить, что Дадинская протока является как бы магистральной линией для весенней, летней и осенней миграции рыбы. Ниже Дады на левой стороне протоки виден широкий выход Сириминской (Хаухалинской) протоки, которая берет начало из Амура. Выше села, напротив бывшего нанайского стойбища Гаси, тоже виден выход протоки Ори, берущей, как и Сирими, начало из Амура. Дадинская протока, уходя далее мимо села лесозаготовителей Дубовый Мыс, упирается в просторный залив, а затем — в широкое Гассинское озеро, которые очень богаты рыбой. В осеннее же время мимо стойбища Да шла на икромет кета большими и плотными косяками в нерестовую речку Пякса. А Гассинское озеро — единственное место в Нанайском районе, где живут и размножаются черепахи. Выгодность месторасположения стойбища была и в том, что хребты и долины горных речек Пякса, Хар, Хасо были сплошь покрыты массивами густого кедрача, где водились всевозможные пернатые, мелкие и

крупные копытные животные, медведи, тигры, рыси и разные виды пушного зверя. Табуны кабанов в своей численности доходили до 150, порой до 200 голов.

Таким образом, стойбище Да для людей нани было очень удобным и выгодным не только для рыбной ловли, но и для охоты.

Стойбище Да имело много названий.

Я не знаю и не встречал подобных селений, чтобы их территории разбивались на ряд делений и чтобы каждое из них имело свое название, как это имелось в стойбище Да. И оно являлось общим названием данного населенного пункта. Дома как характерная особенность всех стойбищ нани располагались вдоль берега в одну неровную линию на целых два километра. На самой нижней части его видно холмистое возвышение. Вот с этого-то места я начну свое пояснение названий отдельных составляющих частей стойбища Да, постепенно уходя вверх до самой последней его точки.

На дуэни. На русском языке название звучит как «конец земли». Но это всего лишь окрестность села с холмистой возвышенностью. На этом месте, когда в селе существовал колхоз, было сделано в земле несколько огромных овощехранилищ, в которых сотнями тонн хранились зимой картофель, соленая капуста, огурцы, помидоры и даже свежие арбузы. На этом *На дуэни* не было жилых домов, и он находился от последних домов в полутора километрах. Как раз напротив этого холмистого места, на противоположной стороне Дадинской протоки, виднеется выход Сириминской протоки. На обширных лугах левобережья, как причудливые узоры на зеленом поле нанайского халата, видны с этого холма узкие извилистые русла множества протоков, заливчиков, озер, заросшие по берегам лентой тальниковых зарослей. А ниже выхода Сирими отсюда была хорошо видна рыболовецкая тонь-*ирга* с несколькими большими бараками и жилыми домами. Здесь во время осенней путины колхоз-

ные рыбаки ловили кету длинными неводами. Вот таковыми были достопримечательности местечка *На дуэни*.

Яока — так называется следующая часть, прилегающая к селу Да. Оно расположено выше *На дуэни*, граничит с первыми жилыми домами нижней стороны населенного пункта. Однако на *Яока* с самого начала XX века жил один китаец в вырытой землянке. Он сажал разную огородную культуру и, что помнится мне до сих пор, низкорослую ягоду в сумочке, которую мы называли *никан амтакани* — китайская ягода, а это растение было физалисом. На *Яока* возделывались колхозные поля, где сажали картофель, помидоры, огурцы, арбузы и даже табак-самосад. Это, вероятно, для того, чтобы отоваривать колхозников табаком в годы войны и для отправки на фронт, когда все табачное производство страны было перепрофилировано на нужную для фронта военную продукцию.

Что означает слово *яока*? Если перевести его на русский язык, то получится «черта, очерченность». Но где эта черта, которая дала название данному местечку? На границе между *На дуэни* и *Яока* всегда протекал небольшой полусухой ручеек, воды которого хотя струились очень слабо, но прокапывали значительную канавку, похожую на какую-то очерченность. Может быть, она явилась поводом для названия? И еще. Напротив *Яока* на глади Дадинской и Сириминской проток при слиянии двух вод летом образовывалась пенистая линия от завихрения водяных потоков. А к зиме, когда застывала речка, по линии пенистой борозды всегда образовывались ледяные торосы, похожие на какой-то очерченный вал. Может быть, и это явление дало название местечку *Яока*. Но, во всяком случае, я конкретного определенного ответа на этот вопрос для себя не нашел.

Чисонко. Это уже жилая часть села. От первых домов она тянется до дома Леонида Мактовича. Какой смысл скрыт в этом слове? В переводе на русский язык оно означает то

место, откуда выезжают люди на лодках к месту для замета невода или сплавной сети. А все рыболовные тони всегда находились ниже выхода Сириминской протоки в Дадинскую, то есть значительно ниже села. Выше было указано, что Сириминская протока непосредственно связана с Амуром, поэтому ниже впадения ее в Дадинскую иногда ловились огромные экземпляры калуги весом до пятисот, тысячи и более килограммов.

Да — основная часть села. Она начинается от канавки *Тузу*, то есть от дома Трофима Мактовича, и тянется до дома Юны Николаевича Вельды, который почти всю свою педагогическую деятельность отдал Дадинской школе. А его дом находится недалеко от здания почты. Вот напротив этой-то части села и находится большое количество заходов и выходов проток и заливов, где летом и зимой всегда водилась рыба в большом количестве. В давние времена, когда не было моторных лодок, жители стойбища устремлялись на левобережье в речушки, заливчики, озерца на своих весельных лодках и оморочках, чтобы поймать на уху, талу свежую рыбу. Поэтому название Да в полной мере оправдывает свое название как вход в кладези природы.

Цонгдо — часть села, расположенная от дома Юны Николаевича и примерно до дома китайца Лао. Название свое она получила из-за излучины, которая имеется на этом участке берега протоки. Эта часть села не отличается какими-либо особыми приметами.

Аодакан. Эта часть села начиналась сразу от последнего дома *Цонгдо* и заканчивалась не доходя нескольких домов до самого верхнего окончания общего села Да. Каково значение слова *аодакан*? В нанайской речи *аодан* — луг, *аодакан* — лужок. Если посмотреть на береговую часть этого участка села, то она сама говорит за себя. Береговая полоса здесь покрыта невысоким редким кочкарником, скудной травянистой растительностью, а во время весенних павод-

ков иногда заливалась водой, и тогда в утонувшей траве и между кочками плескались караси во время икромета. Это, разумеется, была азартная пора для мальчишек, которые с отцовскими острогами в руках усваивали навыки древнего способа добычи рыбы. Из-за своей береговой особенности эта часть села получила такое название.

Бучитэ — самая верхняя часть села. Жители его и до настоящего времени произносят название этой местности двояко: *Бучиктэ* и *Бучитэ*.

Что означает первый вариант названия? Если слово разбить на *бу+чиктэ*, то *бу* — это подражаемый звук воя кого-то. А *чиктэ* — кровососущее насекомое вошь. Соединив две половины в русском варианте, мы получим нечто неправдоподобное — воющая вошь. Этого, разумеется, быть не может. А что во втором слове? Разобьем слово так же на две составляющие: *бучи+тэ*. В этом случае *бучи* — это выть, а *тэ* в нанайской речи означает оседлое место. В данном варианте получается, что на этом оседлом месте раздается какой-то вой. Можно предположить, будто здесь у хозяев живут воющие собаки. Но собаки есть у охотников во всем стойбище, и собаки на *Бучитэ* не могут особо отличаться от других в одном населенном пункте.

Эта часть была самой маленькой в селе Да. Здесь насчитывалось всего-то пять или шесть домов. Возле нее на верхней стороне был длинный неширокий залив с одноименным названием. В нем в летнее время можно ловить любую рыбу. Однажды я пошел с ночевкой к своему приятелю Михаилу Малаховичу Киле. Побегав, поиграв, мы с Мишей решили поехать на ночь на оморочке в залив *Бучитэ*, поставить там небольшую ставную сеть. Как решили, так и поехали. Поставили сеть, подтянули к берегу оморочку, разожгли у самой воды костерок и возле него незаметно задремали. Однако не давали хорошо спать назойливые, надоедливые комары да мошки. Была тихая звездная ночь. И вдруг со стороны мари,

что находится недалеко, раздался какой-то протяжный вой. Потом он повторился второй, третий раз. Миша спал, положив под голову руку и укрывшись какой-то тряпкой, находившейся в оморочке. Я толкнул его в бок:

— Миша, слышишь?

Он испуганно вздрогнул:

— А, что?

В этот момент вой снова повторился.

— Это волки, — сказал Миша, — давай уедем! Мой отец однажды стрелял здесь в волка, поранил его.

На другой день я спросил у отца о том, почему ту часть села называли *Бучитэ*. И он объяснил мне, что на том месте действительно иногда появляются волки и воют.

Старинное стойбище на Бучитэ. Я неоднократно слышал от матери Тойлы Наниковны Вельды о том, что на противоположном берегу заливчика *Бучитэ* находилось древнее нанайское стойбище. Она говорила, там когда-то была похоронена ее какая-то родственница. Но я в то время не придавал этому почти никакого значения. Это было где-то во второй половине 60-х годов XX века, когда моей матери перевалило за 50 лет.

Однажды она попросила меня поехать туда и поискать могилу ее родственницы. В то время у нас был один из первых подвесных руль-моторов «Стрела-5». Сели в лодку и буквально через 5—7 минут были на месте. Здесь на площади в десять или более гектаров сплошь осиновая роща. Причем все деревья большие, некоторым от 70 до 100 лет. Мать сказала, что деревца тогда были молодыми, и похоронили родственницу здесь потому, что на этом месте покоятся ее родители. Долго ходили мы с матерью по этой роще, но так и не нашли могилы. Встречались какие-то холмики, углубления, однако явно заметного холма, похожего на могилу, не обнаружили: почти за полвека природа внесла свои коррективы.

Из рассказов своих родителей и старожиллов мать, вероятно, знала, что в древности на этом месте было первоначальное стойбище *Бучитэ*. В нескольких домиках жили роды Гейкеров, Вельды, Киле. Тогда этой густой рощи не было, стояли отдельные осины за стойбищем.

Приехав домой, мать рассказала мне одну печальную быль, которая якобы произошла в этом стойбище. Ее она наверняка слышала от кого-то из старожиллов. Жившую в этом стойбище девушку родители хотели выдать за человека, которого она не любила. Как ни отговаривала родителей, все напрасно. Тогда девушка в полном отчаянии пошла в лес и повесилась на одной из осин.

До этого я несколько раз слышал от стариков, что осина — нехорошее дерево, но почему — не знал. Только после рассказа матери понял: осину считают деревом, принявшим на себя грех. Виновата ли в том осина, когда не только у нас, но и у многих других народов существовали такие порядки и законы, по которым насильно выдавали девушек? Это дерево, наоборот, очень веселое и жизнерадостное. Порой оно может пошутить и посмеяться над неопытностью людей. В связи с этим не могу не привести еще одну легенду об осине, которую рассказал мне давно отец.

От какого-то стойбища (конкретно не названного) поехал на оморочке один юноша попросить согласия девушки и ее родителей жениться на ней. Другое стойбище находилось на приличном расстоянии. Когда юноша выехал на озеро, поднялся шторм. Ехать на оморочке было нельзя. Тогда юноша заехал в узенькую проточку, где росла осиновая роща. Вот здесь он и остановился. Над ним, как большой симфонический оркестр, шумела своей густой листвой осиновая роща. Юноша ждал день, когда стихнет шелест листвы, ждал второй, третий день, а листва все шумит и шелестит. Таким образом, он жил здесь семь дней и семь ночей. Потом все же не выдержал, сел в свою оморочку и выехал на озеро, а на

нем вода гладкая, как зеркало. Однако там, где он находился, осиновые листья все продолжали шелестеть. Когда юноша добрался до нужного ему стойбища, девушку уже выдали замуж за другого, пока он, неопытный, ждал в осиновой роще, когда перестанут шелестеть удивительно чуткие к малейшему дуновению ветерка листья осины.

Мне неоднократно приходилось слышать выражение «дрожит как осиновый лист». При этом в выражение вкладывается смысл страха, боязливости или трусости. В моем же понимании это совершенно не так. Осина всех, кто появляется возле нее, приветствует радостным шелестом, как маленькими ладошками, машет всем своей округлой листвой. К тому же осина — дерево очень мягкое и теплое. Выстроенные из осины дома теплые и не сильно уступают по своей долговечности домам из лиственницы. Только надо уметь ее высушивать.

Возвращаясь к старинному стойбищу *Бучитэ*, скажу, что, по словам матери, некоторые его жители перебрались жить на существующее ныне *Бучитэ*. Но это не те, которые живут там в настоящее время, а, вероятно, вообще древние предки дадинцев.

В сегодняшней Даде живет единственный в районе фермер из числа коренного народа нани Леонид Мактович Вельды. Он дважды принимал участие в районных и краевых конкурсах личных подворий и на одном из них выиграл главный приз — колесный трактор. Имея технику, он оказывает жителям родного села посильную помощь в пахоте огородов весной, в трелевке на дрова хлыстового леса из тайги зимой. Кроме этого, имея лесопильный агрегат, привлекает безработных людей к труду.

Таким образом, описывая свои топонимические размышления о селе Да, я получил какое-то внутреннее удовлетворение. Теперь тот, кто прочитает мои заметки, возможно, тоже получит какое-то удовольствие от того, что откроет для

себя исторически интересный материал из прошлой жизни наших предков.

Я бесконечно благодарен моему отцу *Макто*, брату Трофиму, его жене Ольге Андреевне, старожилу села Ефиму Гуйзуковичу Киле, которые когда-то рассказали мне об этих удивительных таинствах села Да.

Часть 6

Дирга

Это следующее нанайское стойбище, о котором я хочу порассуждать. Сразу замечу, что при произношении этого названия букву *и* необходимо произносить с оттенком русской буквы э. Русское название его — Даерга. Оно расположено в десяти километрах ниже села Да по Дадинской протоке. Но эта же протока возле данного населенного пункта называется Даергинской.

Стойбище Дирга как населенный пункт образовалось в давние и давние времена. По официальным данным, оно образовалось как село в 1888 году. То есть это время совпадает с временем основания села Да. Оно, на мой взгляд, очень сомнительно, как сомнительна дата образования вышеуказанного населенного пункта Да.

Что скрыто в названии села Дирга?

В существе этого слова скрыто три значения. Во-первых, *даи иргэн* — большое стойбище. Во-вторых, *даи ирга* — большая рыболовная тонь. А последнее значение — обилие пищи.

Даи иргэн. Как уже было сказано, название означает большое стойбище, где жили в преобладающем большинстве роды-фамилии Онинка. Здесь также жили Гейкеры, Бельды. Стойбище было расположено на высоком холмистом берегу реки. Как во многих нанайских населенных пунктах

тах, дома располагались в основном в одну цепочку вдоль береговой черты. Это характерная особенность всех стойбищ, где проживали нани. А объясняется тем, что люди реки, добывающие рыбу из речных водоемов на пропитание, старались располагать свои жилища как можно ближе к воде. Включая местечко Хаю, в котором тоже жили нани и которое тоже считалось частью стойбища *Даи иргэн*, где насчитывалось домов в пределах трех десятков или немногим более.

Поэтому название стойбища *Даи иргэн* (большое стойбище) вряд ли оправдано, потому что в то время, очень давно, на нынешней территории Нанайского района были населенные пункты значительно большие, чем стойбище Даи иргэн. Но кто знает, возможно, и так, что в действительности для жителей данной местности их стойбище казалось значительно больше, чем другие.

Даи ирга. В этом варианте, как уже было сказано выше, название села означает большую рыболовную тонь.

В первом случае я не объяснил происхождение слова «дирга». Так вот. В нанайской речи какие-то части слов упускаются для образования сокращенного слова или добавляются или отбрасываются окончания. Таким образом, получается новое слово, в котором сохраняется лексическое значение первоначального выражения из двух составных.

Следовательно, в первом и во втором названиях села, состоящих из двух частей, из слова *даи* (большой) упущено окончание — *аи*. А из слова *иргэн* в первом названии села тоже упущено окончание — *эн*. Но вместо этой части слова добавлена буква *а*. Так получилось слово *Дирга*.

Почему в названии стойбища имеется смысл — «большая рыболовная тонь»?

Нанайцы кроме традиционного охотничьего промысла с древнейших времен занимались рыболовством. Причем большее предпочтение отдавали второму занятию. Здесь тоже есть своего рода смысл нанайской смекалки или опыта

в выборе пищевых продуктов. Предпочтительность питания рыбными продуктами перед мясными доказана и медицинской наукой.

В былые времена, когда не было капроновых сплавных сетей, колхоз «Новый путь» добывал частичковую рыбу, а затем осеннюю кету, которая поднималась в речку Пякса на икромет по руслу неширокой Даергинской протоки, большими неводами из льна. На берегу села соорудили огромную рыббазу, в селе работал рыбконсервный завод «Даергинский». Как раз напротив рыббазы, на левом берегу протоки, была большая рыболовная тонь для ведения промысла поднимающейся на икромет кеты неводами. Длина этих неводов достигала 800—1000 метров. Здесь для жизни и отдыха рыбаков построили несколько больших рубленых домов-бараков. Так было почти до конца 50-х годов прошлого века, то есть до появления сплавных капроновых сетей.

Следует сделать акцент на том, что на левом берегу Даергинской протоки была рыболовецкая тонь, такое же значение имело и место вблизи стойбища Да для его жителей. Но в те давние времена для рыбалки неводами древний народ для облегчения трудоемкой работы по изготовлению большой снасти компоновался родами и даже целыми стойбищами. А изготавливались нити для плетения сетей и неводов из прочных волокон крапивы, полыни, конопля, тальника или липы. Веревки тоже изготавливались, как и нитки для неводов, вручную.

Поэтому неудивительно, что и тогда существовали рыболовные тони-*урга* для ведения коллективного промысла. Такие тони существовали вблизи многих населенных пунктов у нани. В частности, и ныне существует в Комсомольском районе село Нижние Халбы (по-нанайски называлось просто Халбо). В этом районе было два таких села. Слово *халбо* означает то место, где после притонения выбирают невод из

воды. Поэтому таких мест, как уже сказано, у амурских жителей нани было много возле каждого населенного пункта.

И последний вариант слова, возможно, давшего название стойбищу: одноименное слово *дирга*. Что это за слово? В нанайском языке оно означает обилие еды. Может быть, это действительно так? Если место изобилует рыбой, почему не быть изобилию продуктов? Нани умели готовить из рыбы большое количество разнообразной вкусной еды. Для стойбища нани искали прежде всего места, где водится в большом количестве всевозможная рыба, чтобы жить в изобилии и достатке. Тем более нанайцы использовали рыбу шкуру для изготовления одежды, обуви, вырезали из нее узоры, готовили клей, а раньше натягивали ее на окна вместо стекла (только для этого выделывали хорошо, чтобы шкура стала прозрачной и тонкой).

Следовательно, я не беру на себя ответственность конкретно утверждать, что стойбище Дирга получило свое название именно от слова «большая тень». Но название свое стойбище получило из трех одинаково оправданных по смыслу слов. Это факт.

Хаю. Это стойбище расположено чуть выше стойбища Дирга. Оно существовало как самостоятельный населенный пункт. Здесь стояло несколько домиков, меньше десяти. Поэтому и численность населения была небольшой. В прошлом веке с образованием артелей и колхозов жителей села Хаю причислили к Дирге, чтобы они совместно работали в одном коллективном хозяйстве.

Существование Хаю как самостоятельного стойбища давал неширокий и небольшой заливчик, который разделяет эти два рядом стоящие поселения.

Каковы же смысл и внутреннее содержание слова *Хаю*?

Внимательно вдумавшись в значение слова, можно прийти к следующему выводу. Для этого разобьем слово на

две составные: *ха+ю*. Что означает первая половина *ха*? А это не что иное, как «причаливать, приставать к берегу на лодке, оморочке или каком-либо другом водном транспорте». Вторая же половина — *ю*, или попросту окончание слова, придает ему характеристику, что этот причал очень хороший и удобный. Мне нередко удавалось слышать от знатоков нанайской речи, мудрых старожиллов, такие выражения, как *эй боа тоини хаюни (хагбани) намчиан, улэн* — берег этой местности очень хороший и удобный для причаливания. Или *эй хаю боа* — это место причальное. Вот именно такие места искали в древности нани для обоснования стойбища, населенного пункта, чтобы в этом удобном месте были в первую очередь обильные рыбные запасы. А рыба даже в этом небольшом заливчике всегда имелась, чтобы можно было поймать ее свежую для повседневного питания.

А теперь о приблизительном времени основания стойбища Хаю. Если, по официальным данным, Дирга основана в 1888 году, что является далеко не точной датой, то и Хаю, по этим же источникам, должно быть одинакового возраста с Диргой. Даты же, которые были записаны как время основания тех или иных поселений, я категорически опровергаю и причисляю эти даты ко времени появления русскоязычных людей в этих местах, которые записали данное время (годы прибытия сюда) как время основания стойбищ и поселений. Это действительно так и, по моему твердому убеждению, опровержению не подлежит.

Если поразмышлять над тем, какое из двух стойбищ, Дирга или Хаю, обжиты раньше, то можно исходить из следующих соображений. Нани для обживания местности рассматривали ее и приглядывались к ней по некоторым основным природным данным. Прежде всего она должна быть рыбной, удобной для охоты, удобной для причаливания к берегу лодок, оморочек как основного транспортного средства передвижения. А местечко Хаю отвечало многим требовани-

ям для основания стойбища больше, чем Дирга. Здесь был удобный заливчик, чтобы прятать средства передвижения, когда дули сильные ветра и неширокая протока покрывалась белой сединой разгулявшихся волн. Исходя из этих преимуществ, можно полагать, что стойбище Хаю по возрасту старше Дирга на несколько лет или даже десятков лет. И лишь потом было основано соседнее стойбище. Но это только мое личное предположение, и категорически утверждать свою версию в пользу возраста Хаю не могу.

Из числа первых русских людей, приехавших в Диргу для постоянного местожительства, можно назвать Косицыных, Рубцовых, Петренко, Федюниных, Быргазовых, Рябуха, Сережниковых и других. Это в основном в начале прошлого столетия. Особенно много русских семей приехало сюда, когда организовывались артели, колхозы и Даергинский рыбоконсервный завод.

Халбиан. Залив с таким названием разделяет два населенных пункта — Найхин и Даергу. В самой широкой части доходит почти до 300 метров, а в длину — до одного километра, мелководен, с обильно растущим разнотравьем по всей береговой черте. Со стороны Найхина выдается неширокий мысок, постепенно суживаясь к самому берегу даергинской стороны, и образует узенький заход в залив, который едва превышает пять метров. Поэтому при любом ветре, создающем шторм на протоке, в заливе вода всегда остается относительно спокойной. Это было хорошо не только для укрытия лодок и оморочек в такую погоду, а главное — для рыб, которые в шторм тоже ищут спокойные и тихие водоемы.

На даергинском берегу Халбиана стояло всего несколько небольших домиков, в которых жили нанайские семьи Гейкеров и Оненко. А вот на найхинской стороне залива было чуть побольше домов. Здесь среди семей нани жили русские с очень рыбной фамилией Щука. Поэтому они переименовали залив в Щукинский. Людей, живущих по обоим берегам залива,

называли *халбианские*, но для отличия одних от других добавляли: даергинские или найхинские. Русские люди стали обживать оба берега залива в 40—50-х годах прошлого столетия.

Что означает слово *халбиан*? В нем, как и в предыдущем названии стойбища Хаю, есть общий корень *ха*, что в нанайской речи означает причал. А вторая половина слова — *лбиан*, как *ю* в слове *хаю*, означает удобный, хороший причал.

В прежние времена, когда в водах Амура и в его протоках было изобилие рыб, люди, живущие на берегу этого залива, прямо тут же ловили свежую рыбу в летнее время. А Владимир Семенович Щука был длительное время председателем колхоза «Новый путь» в Даерге. Между прочим, он хорошо знал нанайский язык.

Часть 7 Найхин

Образование названия этого стойбища тесно связано с традиционными рыболовными промыслами. Дело в том, что нанайцы в основном вели оседлый образ жизни — родовыми небольшими поселениями и большими стойбищами, где проживало несколько родовых фамилий. Хотя места, где они жили, всегда изобиловали различными породами рыбы, однако в летние теплые дни люди любили выезжать на другие, более богатые рыбой места. Нани тонко понимали вкус рыбы. Поверит ли читатель, если я скажу, что они по вкусу рыбы могли сказать о том, где она водилась и где поймана? Поэтому летние выезды на другие рыбные места связаны именно с этой стороной рыболовного промысла. Такие выезды иногда осуществлялись всей семьей, включая и грудных детей. На месте пребывания люди в основном строили временное жилье — *хомараны* — различных видов, форм и размеров. От летних дождей накрывали хомараны поверх

каркаса (обычно из гибких тальниковых прутьев) толстым слоем скошенной травы. Либо, если где-то рядом есть рожицы берез, листья бересты. В некоторых случаях, если хозяин был зажиточным и имел матерчатые непромокаемые пологи, накрывал ими поверх травяного настила.

Во время выездной рыбалки обычно готовили впрок различные продукты для долгой зимы — такие как *таксан* (рыхлая, как вата, еда, очень жирная, вкусная, полезная), *холгиптон* (вареное рыбное мясо, отделенное от костей и насухо просушенное на специальных камышовых настилах *сида*), *силон* (шашлык из очищенной, шинкованной тушки рыбы, надетой на палочку, на которой она жарится на медленном огне; может храниться долго), *тэли* (вяленая, сушеная рыба, она обычно готовится для собак, но ее можно и, сварив, есть с черемшой, другими пряностями, очень вкусно). И, конечно, при варке рыбы в котле всегда всплывал наверх жир, такой рыбий жир готовили на долгую зиму десятками литров.

Это вступление сделано для того, чтобы показать значение выездной рыбалки для людей нани. Но такие выезды были также связаны со сбором лекарственных дикоросов, различных видов ягоды и с добычей крупных диких животных, чтобы в летние дни досыта кормить свежим мясом всех членов семьи. И в летнюю жару люди умели хорошо готовить мясные блюда на зиму.

Теперь о существе слова *Найхин*.

И в этом названии, как и в слове *дирга*, содержатся две составные. *Най* — человек. А со второй половиной надо разобраться.

Вышеизложенный способ выездной рыбалки называется по-нанайски *хан*, *хандоари*. Говоря иными словами, *найхин* есть то самое место, куда приезжали люди на летнюю рыбалку — *най хандакони*.

А почему именно сюда приезжали люди летом рыбачить? Какую рыбу ловить? И откуда?

Вот вопросы, которые я постараюсь в доходчивой форме пояснить читателю — в том числе и молодому поколению нани, которые не знают уже не только язык предков, но и их историю.

На широкой луговой левобережной части Найхинской протоки, луга которой простираются вплотную до правобережья реки Амур, в прошлые века и тысячелетия были нанайские стойбища. Среди них значились такие как *Сусу, Верхний Кизн, Нижний Кизн, Сако, Соян, Толгон, Халан, Дондон, Гордамо* и другие. Названия некоторых из них переделаны русскими людьми: Саяны, Таргон, Дандон, Гардама. Среди стойбищ самыми многочисленными и крупными были Толгон, Дондон и Гордамо. А Толгон в 30-х и начале 40-х годов прошлого столетия стал центром уездного административного образования.

Но прежде чем продолжить дальнейшее повествование о причинах образования названия села Найхин, я отвлекусь немного, чтобы дать читателю примерные расшифровки тайн в названиях перечисленных стойбищ.

Сусу. В этом стойбище, которое располагалось недалеко от Найхина, прямо напротив него на левом берегу Найхинской протоки стояло всего несколько домиков. Здесь проживали в основном люди из рода Онинка. В названии стойбища скрыто значение «вымерший». То есть жители некогда существовавшего на этом месте стойбища вымерли по какой-то причине или покинули его из-за какой-либо эпидемии. Следовательно, слово сусу означает покинутое место или бывшее населенное место, где все жители вымерли. Но в дальнейшем опять на этом же сусу люди снова образовали стойбище. По нанайским поверьям, организовать поселение на сусу всегда считалось нехорошей приметой, грехом.

Сако. Стойбище это было расположено на берегу одноименной неширокой протоки, которая отделялась от Амура и по лугам уходила в протоку Арго (фактически это была одна и та же протока), вторая из которых напротив села Найхин

впадала в Найхинскую протоку. Слово *арго*, если оно касается человека, означает хитрый, лживый. Может быть, на этой протоке в старину занимались какими-либо хитростями? А что в слове *сако*? Смысл слова заключается в том, что когда женщина беременеет во второй, третий и т. д. раз, поведение предыдущего ребенка-младенца становится очень нервным и капризным. Вот о таком состоянии ребенка говорят, что он — *сако*, *сакогойни*, то есть на его поведение действует новый, зародившийся плод. Из этого можно предполагать, что и на этом месте, как на *Сусу*, люди периодически основывали стойбища.

Дондон. На луговой окрестности этого бывшего стойбища есть немало заливчиков, проточек и озер. Следует заметить, что мой отец Макто был родом из этого места. Он неоднократно рассказывал мне, как весной, летом и осенью на имеющиеся здесь водоемы всегда садилось множество уток, гусей, лебедей, потому что они были кормовыми для пернатых перелетных. Раньше я не придавал этому особого значения. Но когда стал задумываться над топонимическими значениями названий сел, бывших поселений, стал приходить к следующему выводу. В нанайском языке русское выражение «утки садятся» звучит так: *гасасал дондайчи*. На мой взгляд, уже есть разгадка названия стойбища *Дондон*, если скажем «*гаса, дондо*» (утка, садись). Добавилось к этому слову всего лишь окончание *н*.

Халан. Название стойбищу дало удобство в причаливании к берегу на лодках или оморочках. Первую часть *ха* я уже пояснял, когда описывал название стойбища *Хаю*. Эта же часть слова и в названии залива *Халбиан*, который разделяет села *Дирга* и *Найхин*. В этих двух словах вторая часть — *лан*, *лбиан* — означают удобство причаливания. По своему месторасположению *Халан* был примерно напротив выхода реки *Они* (Анью) в *Амур*.

Киэн. На мой взгляд, эта вторая составная часть слова

суйкэн. Оно означает нижний конец любого острова. А верхняя часть острова называется *дэрэн*. Если разбить слово *суйкэн* на две части, то получится *суй+кэн*. Только для удобства произношения после буквы *к* кто-то из находчивых жителей данных стойбищ добавил *и*. Таким образом, получилось слово *киэн*, давшее название двум древнейшим стойбищам. И в этом случае я не буду твердо настаивать на своем варианте рассуждения, так как у древних людей могли быть другие источники для наименования своих стойбищ.

Соян находился чуть выше захода протоки Эморон. А получило стойбище свое название от слова *сиян* — песок, который на этом месте и вблизи него, как в пустыне, застилал все берега. Со временем звук *и* преобразовался в *о*, образовав название стойбища. Другие же населенные пункты располагались на лугах почти напротив Найхина.

Вот только теперь, когда я сделал все подготовительные пояснения, можно приступить к ответам на вышепоставленные вопросы: ловить какую рыбу приезжали сюда люди из вышеуказанных мест?

В досоветские времена, начиная с самой древности и почти до 40-х годов прошлого века, ходовая красная рыба, летняя кета, поднималась по Амуру на икромет и в довольно большом количестве заходила на нерест в Они. Она заходила на икромет и в речку Пякса, но было ее немного, возможно, всего несколько сотен. А поднималась летняя кета на икромет во второй половине июня — начале июля. Это время, когда до прихода осенней кеты почти два с лишним месяца. Красная рыба у народа нани ценилась тем, что из нее можно готовить, как из осенней кеты, сушеную юколу разных видов, а следовательно, и разного вкуса. Вот для промысла этой-то рыбы съезжались сюда люди из указанных стойбищ на лугах. Таким образом, это место первоначально стало называться *най хани*. Только потом превратилось в название стойбища и затем села.

Так как приезжало сюда много людей, располагались они по всему берегу на значительном расстоянии. Лишь потом, из поколения в поколение, облюбовав на берегу летника подходящие места, люди стали обживать здесь.

Таким образом, первоначальное время образования населенного пункта как стойбища, я предполагаю, является более поздним, чем время образования стойбищ на лугах. Впоследствии луговые жители стали разъезжаться, кто в Гасси, кто в Даду, Даергу, Найхин, даже на Джари. Даже мой отец Макто (дондонский), женившись на толгонской девушке Тойле Гейкер, переехал в нанайское стойбище Гасси. Это было в начале 20-х годов прошлого столетия.

Дату начала обживания стойбища *Най хани* конкретно назвать нельзя. Но ясно одно, что возраст села исчисляется не сотнями, а тысячами лет, как предположил старожил села Найхин Владимир Андреевич Оненко, которому более 70 лет. Он сказал, что *возникновение населенных пунктов народа нани на берегах Амура предположительно можно причислить ко времени распада могущественной империи чжурчжэней*. Если присоединиться к его мнению, то государство Цзинь было разгромлено Чингисханом в 1234 году, но, однако, тунгусо-маньчжурские народы, которые являются прямыми предками нанайцев, ульчей и других народов Приамурья, существовали в юго-восточной части Азии задолго до этого события. Конечно, его точка зрения, на мой взгляд, более близка к истинному периоду заселения берегов Амура племенами государства Цзинь после его разгрома. Но никак не в 1888 году, как записано в Энциклопедии Хабаровского края и Еврейской автономной области о времени основания стойбищ Да и Дирга.

В самом начале своего возникновения стойбище *Най хани* (Найхин) имело вид поселения с редкими домишками, расположенными в один ряд от заливчика Халбиан до самого верхнего рукавчика Далцоан в дельте Анюя при его впадении

в Амур. Расстояние между этими двумя точками равнялось почти четырем километрам. Жителей верхней части стойбища, которые поселились неподалеку от заливы Халбиан, называли халбианскими. Среди них были роды Гейкеров, Бельды, Киле. В средней части жили в основном роды Киле, в том числе деды и прадеды Полокто Киле, знатока нанайского языка, легенд, сказок, преданий, традиций и обрядов. В этой части стойбища жили и люди из других родов. Примерно от береговой линии, напротив которой стоит нынешняя средняя школа, до протоки Далцоан жили роды Онинка. Но здесь проживали люди и из других родов: Киле, Бельды, Гейкер, Поссар.

В конце XIX — начале XX века на территории стойбища, там, где позже стояла Найхинская семилетняя школа имени Максима Пассара, построили церковь. В ней была организована церковно-приходская школа, где обучали не только детей, но и взрослое местное население грамоте на латинском алфавите. Она дала некоторые положительные результаты в этом новом деле.

Возвратимся к жителям третьей части стойбища, которых тогда именовали далцоанскими. На это никто никогда не обижался, потому что это была не оскорбительная кличка, а привязка к местности, где они проживали. Тем более люди земли всегда были открытыми, дружелюбными и очень гостеприимными ко всем своим сородичам.

И наконец о происхождении названия протоки *Далцоан*.

Как уже упомянуто мной, это самый верхний рукав в дельте Анюя. Он, отделяясь от Анюя в пределах трех километров, идет в юго-западном направлении и впадает в Найхинскую протоку возле самого стойбища. А от Найхина до основного выхода Анюя по Найхинской протоке около пяти-семи километров. Таким образом, рукав Далцоан очень удобен для попадания в Анюй по нему. Поэтому, учитывая эту выгоду и удобство, люди из луговых стойбищ приезжали

иенно сюда, образуя *най хани*, для ловли летней кеты. А название данной проточки произошло от нанайского слова *нали* — проскочить. То есть проскочить в Анной, сокращая. Первоначально это слово произносилось как *далицэан*. Но впоследствии звук *и* из-за ненужности в данном сочетании звуков отпал сам собой.

Кроме этого, была еще и другая особенность, из-за которой люди приезжали сюда на временную рыбалку. Как известно, в весеннюю пору вскрытие льда в протоках происходит значительно раньше, чем на самом Амуре. А во время половодья в русле основной реки — от шума, грохота трущихся между собой льдин, толчков и ударов в берега — рыба большой массы устремлялась в тихие, уже вскрывшиеся протоки. В это время люди с луговых стойбищ приезжали *най хани* для ловли рыбы. В те времена не у многих нани были большие невода, сплавные и ставные сети. Но почти каждый имел *хадорико* — захарку, имевшую мешковидную орму, в горловине длиной в 4 маха, то есть почти на длину нормальной лодки-нанайки. Лодку вспили, чтобы она двигалась поперек, за ней по дну тащили *хадорико*, как трал, и с тем периодически вытаскивали в лодку. Порой в мешковидную снасти заходило приличное количество рыбы.

В годы советской власти до начала 1970-х годов на берегах протоки располагалось кирпичное производство. У каждого рабочего имелся формовочный лоток, куда накладывали вручную круто замешанный раствор глины, трамбовали его плотно и затем вываливали кирпич-сырец для просушки. Таким способом каждый рабочий формовал в день несколько сотен штук кирпича-сырца.

Вот в основном вся история образования названия стойбища *Най хани*, которое нынешняя молодежь и живущие сегодня люди знают как село Найхин.

При написании данного материала мной использована информация, полученная в разные годы от моего отца Макто

Бельды, Ивана Тороковича Бельды, Владимира Андреевича Оненко, которым я остался очень благодарен. Используются также данные из Энциклопедии Хабаровского края и Еврейской автономной области.

Когда 21 июня 1934 года образовали Нанайский район, первым председателем райисполкома был назначен Богдан Иванович Ходжер, а центром административного образования определен Найхин. Здесь были сосредоточены центры здравоохранения, образования, культуры, районная типография, радиовещание и первый нанайский народный театр. В Найхинской школе учился известный снайпер Максим Пассар, уничтоживший в годы Великой Отечественной войны 237 немецких солдат и офицеров и погибший в битве за Сталинград. Здесь же жил и получил неполное среднее образование первый нанайский ученый-лингвист Сулунгу Николаевич Оненко, создавший нанайско-русский и русско-нанайский словари.

Заканчивая описание села Найхин, нельзя не остановиться на переселенцах, которые одними из первых начали обживать стойбище *Най хани*. К их числу можно отнести русских людей, которые строили на земле стойбища церковь. К сожалению, фамилии этих людей остались неизвестными для меня. Из прибывших позже известны такие люди, как Граховы, Коноваловы, Щука, Осипенко, Пантелеевы, Минаевы и другие. Дети, внуки и правнуки этих людей и ныне живут в селе Найхин.

Часть 8 Толгон

Это стойбище располагалось на острове чуть ниже Найхина на левой стороне одноименной протоки. Остров сам по себе большой, с высокими релками, лугообразными низина-

ми и неширокой проточкой, которая разделяет его на две половины. Верхняя чуть меньшая часть называлась *Такнани*, а нижняя — *Толгон*. Русское название — Таргон.

Вся луговая сторона, расположенная напротив Дирга и Найхина, рассечена всевозможными протоками, которые образуют здесь большие и незначительные по величине острова, на которых, как я упоминал в тексте о Найхине, находилось около десяти стойбищ. Среди них были Толгон и Такнани, рядом через протоку — стойбище Дондон, так что жители этих больших населенных пунктов, стоя на берегу, могли переговариваться, обмениваться новостями и мнениями.

Меня всегда интересовало, почему народ нани всегда располагался для проживания на лугах и островах? Задумываясь над этим, я стал приходить к такому выводу. Для наших далеких предков тигр являлся символом красоты и мощи, и потому его уважали и обожествляли. В давние времена тигров было много. Они в основном обитали на материковой части — в тайге. И чтобы не встречаться с этим могучим существом, люди искали места, где тигры обычно не появлялись или заходили сюда очень редко. Бывали случаи, когда тигры приходили на луга, близко к населенным пунктам. Тогда люди, вооружившись копьями и стрелами, отгоняли забредшее животное, но не убивали. Убить тигра считалось большим грехом.

Второй стороной лугового образа жизни народа нани, кроме близости к местам обитания рыб, являлось то, что для строительства глиномазанного жилья под рукой имелся весь необходимый материал: тальник, высокая трава и глина. Строительство такого жилья занимало всего два-три дня. В возведении дома принимали участие все трудоспособные жители стойбища. В процессе работы люди разбивались на группы, каждая из которых занималась определенными операциями. Одни рубили жерди, прутья, другие подтаскивали их к месту строительства, третьи возводили каркас. Также

были группы, которые косили траву, за ними ходили другие, которые собирали ее и носили к месту, где месили глину с травой. А вот для обвязывания решетчатого каркаса травянисто-глиняными валиками требовались люди знающие и опытные. Для строительства такого дома не нужны бревна хвойных или лиственных пород деревьев. Это тоже говорит о том, что народ нани относился к природе очень бережно и осторожно.

Бозвращаясь к Толгону, следует сказать, что это место как с Амурской, так и со стороны проток, образующих многочисленные острова, изобиловало различными видами рыб. Между островами есть места, где водились осетры, на других ловилась калуга. Таковыми были Магнитная, Халанская и другие протоки. Чтобы поймать на еду свежую рыбу, достаточно здесь же, возле берега, поставить какую-нибудь ставную сеточку — *чидян* — без нижней посадки на веревку. Устанавливается она в водоемах без течения или с очень слабым движением воды. Кроме того, на островах имелись заливы, озера и узкие, короткие водные русла, очень удобные для ловли рыбы даже на удочку.

Стойбище Толгон — древний населенный пункт. Об этом поселении Ю.А. Сем в своей книге «Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX вв.)» пишет, что в XIX веке наиболее крупными поселениями были: Болонь (127 чел.), Сакачи-Алян (142 чел.), Найхин (171 чел.) и т. д. Но самое большое количество жителей было в Толгоне — 302 человека. Следовательно, здесь стояло около 40 или более 40 домов. О родовом составе населения те, с кем мне удалось разговаривать, утверждают, что в Толгоне жили в преобладающем большинстве Бельды. Отсюда родом моя мать Тойла, Андрей Бельды — отец Ивана Андреевича Бельды, и другие. Однако жили здесь Поссары, Гейкеры, Киле, Оненки, Заксоры и другие. О шамане Богдане Оненко ходили интересные рассказы. Он обладал какой-то очень

большой магической силой. Во время камлания как наяву видел все прошлое человека, которого до этого времени ни разу не встречал, в полной темноте перечислял на его теле родимые пятна, давние порезы, раны, предугадывал его будущую судьбу. Кроме того, он мог рыбачить неводом один. Делал из соломы бурханчиков, своих помощников, и заставлял их тянуть невод, выбирать рыбу и прочие процедуры во время рыбной ловли. Кстати говоря, эти же бурханчики могли грести веслами, как настоящие люди. Об этом рассказывали мой отец и другие люди. Таков был толгонский шаман: хочешь верь, хочешь не верь.

На территории нынешнего Нанайского района Толгон самый первый своего рода административный центр. Это было задолго до Великой Октябрьской революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке, когда на берегах Амура воинствовали японские интервенты. А с 1928 года Толгон стал центром туземного района. Первым председателем Толгонского Совета был избран Орока Заксор. Он организовал здесь комсомольскую ячейку, открыл первый медицинский пункт, делал все, чтобы улучшить снабжение рыбаков и охотников через кооперацию. Здесь родился первый председатель Найхинского колхоза Чубак Бельды. На толгонской земле родился и снайпер Захар Киле, уничтоживший в годы Великой Отечественной войны 176 немецких солдат и офицеров.

Толгон. Что означает это слово? С какими таинствами оно связано?

На эти мои вопросы почти никто из людей старшего поколения не мог дать какого-либо вразумительного ответа кроме того, что я предполагал в названии стойбища. Только Владимир Андреевич Оненко поведал: по рассказам старых людей, в прошлые века река *Даи Они* — Анюй — сбрасывала свои воды не так, как сейчас, а выше, ближе к Найхину. Затем, минуя берега нижней окраины, струи Анюя уходили в протоку *Арго*, что напротив Найхина. В самом узком мес-

те ширина Найхинской протоки не превышала четырех-пяти метров, а вся широкая часть была мелкой от берега до берега, и можно было с анюйской стороны переходить на толгонскую сторону вброд. Здесь я сказал Владимиру Андреевичу: «В этом и есть разгадка названия стойбища».

В нанайской речи *тол* — это доставать дна реки ногами, веслом, палкой или еще чем-либо, а *го* — это направление, по которому имеется мелкота. Из сочетания этих двух слов и произошло название стойбища. Вот такие шифры вкладывали наши предки, давая названия местностям, рекам, озерам, населенным пунктам и всему, что окружало их. Это говорит о наблюдательности людей природы, умении видеть в ней тонкие отличительные признаки, свойственные только данной местности.

Вторая половина острова называлась *Такнани*, на которой стояло менее десяти жилых домов. А произошло название этой части суши от слова *такан* — место, которое периодически подтапливается водой, после ухода которой земля высыхает, образуя на своей поверхности глинисто-илистый слой, трескающийся от солнцепека на небольшие, загнутые кверху пластинки. По всей вероятности, на этой половине острова имелось возвышение, на котором располагались дома.

На Толгоне русские люди почти не жили, но одними из тех, кто поселился там, можно назвать Марию Архиповну и Семена Кузьмича — родителей бывшего председателя Найхинского колхоза «Новый путь» Владимира Семеновича Щука.

Толгонские жители после эпидемии черной оспы 1926 года стали разъезжаться по другим населенным пунктам: в Найхин, в Дадуге, Гасси, Джари и другие места. Со времени закрытия Толгонского Совета, через пять или семь лет, образовали официально Нанайский район с центром в селе Найхин. Это было 21 июня 1934 года.

При написании материала о Толгоне мной использованы сведения, полученные от моего отца Макто, Демьяна Васильевича Ходжера, Владимира Андреевича Оненко и других людей. Также использованы данные из указанной книги Ю.А. Сема и коллективного сборника авторов «Широкая дорога нани», выпущенного к 50-летию Нанайского района.

Часть 9

Курун

Это одно из нанайских стойбищ, расположенных на левобережной стороне Амура, древнее поселение нескольких родов нани под названием Курун находилось на берегу неширокой протоки, образуемой несколькими островами. Острова и левобережный материк Амура — реки Мангбо — создавали в данном месте своеобразный микроклимат, очень удобный не только для местожительства людей, но и для обитания в этих водоемах почти всех видов амурской рыбы. Северный ветер, несущий холодные потоки воздуха весной и осенью, а в летние жаркие дни — спасительную прохладу, не врывался сюда своими мощными потоками, создавая на глади протоки белогривые пенистые волны. Его стремительный бег и силу укрощал и останавливал левобережный материк со своими густыми дубовыми и широкими лиственничными релками на марях и сплошным широколиственным лесом вдоль береговой линии Амура. А от западного ветра протоку и близлежащие заливы да озера защищали большие и малые острова. Древние люди, всегда искавшие самые подходящие для обитания места, не могли пройти, проехать мимо этого примечательного берега, не обратив свое внимание и взор на этот благоприятный уголок Амура. Поэтому именно здесь находилось древнейшее поселение нанайцев — Ку-

рун, о котором упоминает Онуфрий Степанов в своей «Ясачной книге» за 1656 год. Впоследствии по каким-то причинам люди оставили свои стойбища и уехали в другие места. В нашей же памяти есть небольшое стойбище Куруненок, расположенное выше по протоке в трех километрах от прежнего населенного пункта. Здесь жили роды Поссаров, Бельды, Киле, Оненко и другие. Но в начале прошлого века, когда воды Амура стали затоплять дома жителей Куруненка, люди переехали на новый Курун, где на месте бывшего древнего поселения, ставшего местностью дикой и безлюдной, выросли вековые дубы, лиственницы, осины и зарослевая чаща за тальниковой стеной вдоль воды. Вот на этом-то месте и поселились первые русские переселенцы, прибывшие сюда для постоянного местожительства. Это в основном забайкальские казаки, уехавшие из родных мест в годы Гражданской войны в Сибири и Зауралье. Среди них были Зайченко, Чешевы, Лесковы, Мочаловы, Губановы. Позже приехали сюда Поносовы и другие русские семьи. Поэтому среди нанайцев новый Курун именовался как русский Курун.

Курун. Что означает это слово и каков его смысл?

По рассказам бывших селян Куруна, во время рыбалки неводами летом или зимой рыба ловилась в основном по видам. В одно неводнение могли оказаться только сазаны, в другое — сомы, косатки, в третье — сплошной отборный карась и так далее. Но чаще всего приходили с неводом крупные и толстые амурь, причем в больших количествах. А рыба амур в нанайском наречии называется *кузрэ*.

Опытные рыбаки-нанайцы очень почитали рыбу амур. У нее мясо белое, мягкое, жирное. И потому тала из свежего амура считалась одной из деликатесных, как, например, из тайменя, ленка или осетра. В летнее время амур жирует в заливах, по мелководью тихих протоков, где растет особая, даже ядовитая трава, которой он питается. А такая растительность имела в изобилии в водных акваториях вокруг

данной местности. Значит, это место считалось по-нанайски *кузру*, то есть место, где обитает рыба амур. Если произвести название села и название места, где водятся амур, *Курун* и *кузру*, то эти слова очень похожи. Поэтому у меня есть твердое убеждение, что название стойбища произошло именно от изобилия рыбы амура. Эту мою версию подтверждает и тот факт, что с обеих сторон Куруна существуют два залива: залив Зайченко выше села и залив Мочаловых на нижнем окончании селения, где обычно жировали амур в летние теплые и тихие дни.

Среди первых русских переселенцев на Курун были и Малковы. Однако в конце 60-х и начале 70-х годов XX столетия люди стали разъезжаться — кто в Троицкое, кто в Найхин, Джари и другие населенные пункты.

На земле Куруна родились и жили Герой Советского Союза Александр Подалиевич Поссар, первый нанайский художник-живописец, член Союза художников СССР Андрей Иченгаевич Бельды.

При написании этого материала мной использованы сведения, полученные от живших на Куруне людей: Ольги Андреевны Бельды, Георгия Федоровича Поссара, Петра Подалиевича Поссара и других, которым приношу искреннюю благодарность.

Часть 10

Даур

В дельте реки Анюй первый дом барачного типа построили рабочие Троицкого леспромхоза в 1938 году для поселения сюда строителей, которые и должны были возвести жилой поселок для открывающегося здесь лесозаготовительного участка. Такое решение приняли потому, что на данном месте находится один из выходов Анюя в Амур, по которо-

му можно легко сплавлять лес в магистральную судоходную реку. Во-вторых, близость к районному центру, где располагалось головное предприятие. И самое главное — Анюй богат огромными кедровыми массивами, большими запасами лесосырьевых ресурсов.

— Мы сюда приехали в 1939 году, — рассказывает Раиса Петровна Поносова. — Здесь стоял всего один большой барак. Нас поселили туда, но в нем уже жили Мусатовы, Кузнецовы, Лопатины и другие. Прошло много времени, и вспомнить всех не могу.

Да, действительно, маленькой Рае Бояркиной, которой в то время было всего пять лет, вспомнить всех тяжело. Но она — живой свидетель того, когда именно начал обосновываться Даурский лесозаготовительный участок.

Даур рос и расширялся очень быстро. Для работы на лесоучастке мобилизовали людей по оргнабору и везли спецпереселенцев в первые годы Великой Отечественной войны из Западной Украины. Цель этого мероприятия — обезопасить западноукраинцев от истребления немецкими оккупантами и еще по другим, не разглашаемым широко соображениям. За короткое время выросли на Дауре целые улицы новых домов, двухквартирных и барачного типа. В поселке заработали лесопильный и бондарный заводы.

В годы войны на нашей дальневосточной реке была своя, хорошо оснащенная Амурская флотилия. В районном центре Троицком дислоцировалась одна из группировок этой флотилии. В эти же годы корабли Троицкой дислокации стояли и на Даурской протоке. Кроме моряков жили на кораблях и сухопутные войска, переброшенные сюда временно из Вятского воинского гарнизона для защиты жителей амурских селений на случай войны.

В послевоенные годы лесоучасток Даур работал с очень большой отдачей, потому что лесосырьевая база, особенно кедровая, позволяла наращивать темпы производства. Од-

нако к середине 50-х годов прошлого столетия эти запасы значительно истощились и к тому же резко сказались нарушения экологического природного баланса: Анюй начал систематически затапливать поселок. Встал вопрос о перевозе бондарного завода на другое место.

Об этом времени Вера Васильевна Лопатина вспоминает:

— На речке Даур часто и моментально стала подниматься вода. Она подтапливала почти все дома на низменной части села. Это было кошмарно, вода доходила до самых окон. Поэтому решили перевести завод в Троицкое, а сплавной участок — в Найхин.

Это сделали в 1955 году. Вместе с заводом переехали на новое местожительство и люди, работавшие на бочкотарном производстве.

Нанайское стойбище Давроан. Кроме названия *Даур* нани именовали свое — пожалуй, самое маленькое стойбище, состоящее всего из двух домов — *Давроан*.

Стойбище располагалось на небольшом островке дельты Анюя, как указывалось в предыдущем тексте, на самом нижнем рукаве реки Даи Они. Название этого рукава и дало название стойбищу. В двух домах селения жили люди из рода Заксор. В 1952—1957 годах дочь Кирилла Заксора Анна училась в Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена. Окончив высшее учебное заведение, Анна Кирилловна Заксор работала в родном Нанайском районе учителем, а затем — первым секретарем райкома комсомола. Она была одной из самых грамотных жительниц данного маленького стойбища. Тяжелая болезнь не позволила ей принести родному району максимальную пользу.

Итак, что означает слово *давроан*?

На свой вопрос я слышал от людей различные ответы, связанные со словом *давори* — переходить вброд речку, переехать речку на лодке, оморочке. Однако на этой речке

ни раньше ни позже — никогда не было специального человека, чтобы он постоянно перевозил людей с одного берега на другой. Таким образом, из-за отсутствия такового данный этимологический вариант отпадает.

На мой взгляд, это слово первоначально звучало как *давараон*. Но постепенно второе *а* вышло из употребления как удлинняющее звучание слова. Однако, если разбить слово на составные *дава+роан*, то первая часть означает рыбу кету, а вторая таит в себе значение обилия. Следовательно, в этой речке было изобилие кеты. Но почему?

Повторюсь еще раз. *Давроан* — самая нижняя протока Даи Они. Поэтому, когда поднимались по Амуру косяки летней, а затем осенней кеты, они в первую очередь устремлялись в эту протоку, чтобы в какой-то степени сократить расстояние до нерестовых мест в реке Даи Они. Из-за своего месторасположения эта протока изобиловала кетой. На мой взгляд, только данный вариант отвечает истинному смыслу названия речки.

Часть 11 Джари (Дзари)

Одно из нанайских стойбищ, расположенных непосредственно на берегу Амура. От райцентра находится в трех километрах выше по течению реки. С западной стороны стойбище ограничено невысокой сопкой, утес которой застыл над рекой, как голова медведя, желающего попить амурской воды. По данным Энциклопедии Хабаровского края и Еврейской автономной области, населенный пункт основан в 1859 году. Но эта дата, на мой взгляд, конечно, неверна, так как стойбище древнего народа насчитывает многовековую историю, как сам этнос.

В этнографических очерках ученого-исследователя Юрия

Александровича Сема «Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX вв.)» есть такой абзац:

«Ряд нанайских селений имеет большую историю. В отписках русских землепроходцев упоминаются некоторые из них, существовавшие еще в XVII веке. Из «Ясачной книги» Онуфрия Степанова за 1656 год мы узнаем о следующих нанайских улусах: Долинский (сел. Долин — Троицкое Нанайского района), Шаргунский (сел. Саргу), Мая (сел. Май), Ачанский, Чюланский (сел. Цолаци), Дифунский (сел. Дзифу), Кодосунский (сел. Када-сэндэ), Хуминский (сел. Хуми), Пагинский (сел. Пахале), Чежурский (сел. Джари), Чажинский (сел. Джаи) и др. Следовательно, этим селениям в настоящее время насчитывается более 440 лет. А отдельные из них имеют тысячелетнюю историю. Археологические раскопки, проведенные на месте их, показали, что население здесь непрерывно жило со времен неолита и сохраняло экономическую и культурную преемственность. Этот комплекс культуры древнего населения Амура вошел составной частью в сформировавшуюся народность нанайцев». Вот подтверждение моим догадкам и сомнениям. Таким образом, не только селения Джари, Долин (Троицкое), Джаи (Софийское) существовали ко времени написания Онуфрием Степановым «Ясачной книги», но и задолго до этого, возможно не сотни, а тысячи лет.

Джари. Что означает это слово?

Есть несколько вариантов. Однако джаринские старожилы склонны считать, что название стойбища произошло от слова *дярикта* — дикая ягода боярка, которой, говорят, росло очень много на этом берегу реки. Ягода съедобная. Но от большого количества съеденной боярки можно получить отравление. Поэтому, возможно, кто-то когда-то в давние времена получил отравление этой ягодой — получил *дяри*. И потому так называли это стойбище.

В начале текста я упоминал о медведе, голова которого

(утес) застыла над рекой, как бы желая напиться воды. На языке нани голова медведя называется *дяри* или *дзари*. Вот второй вариант возможного наименования стойбища.

Как мы ныне видим, русло Амура, расположенное напротив селения, изобилует галечными косами. А галька в нанайской речи называется *дзори*, *дзориа*. Звучание и этого слова тоже очень близко к звучанию названия села, то есть населенный пункт расположен вблизи галечных кос. Причем у джаринских старожилов каждая такая коса имела свое название. Самая ближняя коса называлась *тэмнэку*. Слово это на языке нани означает развешивать сети, невода и другие рыболовные снасти на специальные жерди для просушки. Причем у каждого хозяина на этой косе было свое место, свои жерди для просушки снастей.

Коса, что подальше и ниже, называется *тоба*, но что означает это слово, я не знаю. Таким образом, вблизи Джари на правой стороне Амура располагалось пять-шесть галечных кос.

И последняя версия, которую я выдвигаю в качестве повода к названию села, это *дяри*, *джарин*. Слово означает песнь, пение. Для сегодняшнего Джари слово это подходит как нельзя лучше, потому что на селе существует певческий ансамбль «Илга дярини» — «Поющие узоры». Однако и в старину у нанайцев были очень голосистые люди, как дед Колбо, который пел изумительно хорошо. Он жил в Джари. Мой отец Макто из Дады тоже был певчим человеком. Он пел не только днем во время выполнения какой-либо работы или возвращаясь с богатым уловом рыбы, добытого мяса, но и ночью, во сне. Такого другого человека я еще не встречал в жизни. Часто бывало, что среди ночи отец начинал петь во весь голос очень складную, в стихотворной форме песню, что мы с женой заслушивались. Он мог петь минут двадцать-тридцать, и таким звонким, чистым голосом, произнося слова отчетливо и внятно! Возможно, и на

Джари были такие же голосистые певуны, в честь которых названо село.

Я привел все возможные варианты, которые могли дать название селу. Несмотря на это, я не придерживаюсь никакого из них, что, дескать, именно тот вариант является истинно правильным, давшим название стойбищу.

В книге Ю.А. Сема, выпущенной в 1973 году во Владивостоке Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Академии наук СССР, упоминается, что селение Джари существовало как нанайский населенный пункт еще в 1656 году. С давних времен здесь жили роды Ходжеров, Киле, Заксоров и других. Дома располагались ниже утеса в разбросанном порядке. Месторасположение стойбища было удобным для рыбалки как на самом Амуре, так и на близлежащих протоках выше утеса и на левобережной, луговой стороне реки. В осеннюю пору прямо мимо стойбища плотными косяками поднималась кета на икромет в горную реку Даи Они. Такой же рунный ход красной рыбы был и летом, когда шла на икромет *силкин* — летняя кета.

Когда образовывались рыболовные артели и коллективные хозяйства, одним из первых председателей тогдашнего колхоза «Интернационал» был Пачо Александрович Вельды. Затем он стал секретарем Джаринского сельского Совета. В те времена в Джари не было ни одной семьи русских переселенцев. Они стали прибывать сюда в начале 40-х годов прошлого столетия. Колхоз стал миллионером, когда председательствовал Петр Ташкинов. В это время секретарем партийной организации был Николай Фомич Слепенков. В Джари жил первый председатель Нанайского райисполкома Богдан Иванович Ходжер.

В этом материале использовал сведения, полученные от жителей Джари Ивана Константиновича Бельды, Татьяны Константиновны Ходжер, Николая Фомича Слепенкова, Анатолия Петровича Бельды и указанных в тексте изданий.

Часть 12

Троицкое (Долин)

Центр Нанайского района, в 209 километрах от Хабаровска. Основан в 1859 году, расположен в среднем течении Амура. Год основания Троицкого можно считать годом появления здесь первых русских переселенцев, которые прибыли из центральной части России, Сибири, преодолев тысячи километров сложной, трудной дороги. Но массовое заселение берегов Амура, в том числе Троицкого, началось в последней четверти XIX столетия.

В давние времена на месте нынешнего Троицкого жили местные жители нани. Стойбище называлось Долин. Об этом стойбище упоминает в своей «Ясачной книге» за 1656 год Онуфрий Степанов. Значит, уже в то время существовало здесь нанайское стойбище Долин. Таким образом, возраст Долина (Троицкого) со времени описания О. Степановым — 348 лет. Однако стойбище существовало задолго до этого времени. В населенном пункте дома располагались в трех разрозненных местностях, находящихся друг от друга на довольно приличном расстоянии. Если рассматривать их с нижней стороны Долина, то первая родовая группа Бельды жила возле заливчика, что находится в совхозной части Троицкого. Вторая группа нанайцев проживала тоже возле небольшого залива, который начинался от бывшей ЦРМ Троицкого леспромхоза. Здесь жили люди из разных родов. А третья группа проживала у третьего залива. Его заход начинался с местечка между грузовым пирсом и стоянкой дебаркадера. Залив тянулся до места, где сегодня стоит павильон на территории пляжа. Тут жили Ходжеры, Заксоры, Киле.

Первые русские семьи, прибывшие на землю Долин, обосновались между нанайскими поселениями Джари и верхней группой долинцев. Затем прибывающие переселенцы стали обосновываться на возвышенной части стойбища. Это

были Гоголевы, Городиловы, Смирновы, Корякины, Швецовы, Кочековы, Доденко, Пироговы, Пушкаревы, Дружниковы, Воробьевы, Слепенковы и другие, многие из которых родом из Вятской губернии. Вот эти-то переселенцы дали Долину новое название Троицкое. Видимо, кто-то из этих переселенцев был из местечка Троицкого в европейской части России. Но до сегодняшнего дня нанайское название селения сохранилось среди коренных жителей Приамурья.

Слово *долин* на языке нани трактуется в двух вариантах. В первом варианте оно означает середину чего-либо или середину между какими-то двумя точками. Если так, то предположим, что Долин находится на середине между городами Хабаровск и Комсомольск. Но в древности, когда образовался здесь населенный пункт, ни Хабаровска, ни Комсомольска не было и в помине. Если скажем, что Долин находится на середине реки Амур, то до слияния притоков Шилки и Аргуни расстояние значительно больше, чем до выхода в Татарский пролив. Значит, и эта версия не имеет под собой твердого основания. А вторая версия связана с интересным преданием.

Это было так давно, что даже праправнуки людей, знавших предание, уже не помнят его, а из тех, которые еще помнят, остались единицы очень старых людей, до которых оно дошло всего лишь как сказка. Но мы знаем — и в сказке всегда есть доля правды.

В давние времена *хэ́дзени* жили везде по берегам нашего могучего Мангбо — Амура, до самого *нама* — моря-океана. Несмотря на то, что всюду было много рыбы, зверя, в лесах и на лугах росли различная съедобная ягода, грибы и орехи, они нередко переезжали из одного обжитого места на другое. Одни ехали с верховьев рек в низовья, а другие, наоборот, поднимались на больших лодках *гилла* против течения, чтобы обживать новые для них места. На такой долгий путь уходило много времени, но это не пугало людей приро-

ды, которые на любом месте могли поймать себе на пропитание свежую рыбу, собрать ягоду или съедобные корни или травы. При таких длительных переездах люди останавливались для отдыха не на один-два часа, а на несколько дней, чтобы присмотреться к данной местности, изучить ее на пригодность для проживания. Если не понравилось место, двигались дальше. Таким образом, подобный переезд порой занимал месяц, два и более.

В предании говорится, что давным-давно на берегах озера Орель жили племена хэдзени. А Орель по-нанайски звучит как *Эри*. Слово же это на языке хэдзени имеет двоякое значение: первое — болезнь туберкулез, второе — тонуть, завязнув в чем-либо или в реке, в каком-нибудь водоеме. Но что явилось причиной смены местожительства одного из родов Вельды в верховья реки Мангбо, осталось для меня тайной.

Много дней ехали две большие семьи на огромных весельных лодках. В те времена протока Эморон была широкой и многоводной, как сам Амур. Доехав до стрелки выхода протоки в основное русло, что находится напротив нынешнего села Малмыж, лодка, шедшая впереди, остановилась, чтобы подождать вторую, которая несколько отстала. Но, прождав несколько дней и не дождавшись, люди на первой лодке двинулись дальше. Однако прежде чем отправиться, по обычному порядку нани сделали *сово* — знак для идущих сзади. А этим знаком всегда служила палка, на конце которой наматывалась трава в виде довольно большой шишки. Эта палка втыкалась в берег возле воды с наклоном в ту сторону, куда последовали передние. Все было сделано так, как принято в обычаях людей природы. Но однако и природа порой любит шутить шутки над людьми. Воткнутый в берег знак-сово ветер раскачал, верхний конец с травяной шишкой изменил свое первоначальное положение и стал показывать направление в другое русло. Таким образом, вторая лодка

пошла по другой протоке. Следовательно, братья потеряли друг друга. Тем временем, хотя и было еще очень тепло, в природе чувствовались первые признаки осени, надо было останавливаться на зимовку, чтобы успеть построить дома для жилья.

Ойта. Когда поднималась лодка, названия этой местности не существовало. Люди в лодке видели на гладкой поверхности протоки, как большие косяки различных видов рыб, поднимая густой ил на отмелях, отходили плотными массами в глубь протоки, создавая рябь и волны на поверхности воды.

На очень рыбных местах раньше можно было часто наблюдать подобное явление, когда в жаркие летние дни рыба поднимается на поверхность воды, чтобы порезвиться, побаловаться, попрыгать из воды, хватая ртом воздух. Такое явление на языке нани называется *ойкта* или *согдата ойктахани* — рыба поднялась на поверхность воды.

Увидев на своем пути признаки обилия рыбы, эта семья рода Бельды остановилась здесь, чтобы убедиться в удобстве данного места для постоянного жительства. Осмотрев все внимательно, люди убедились, что место действительно очень рыбное: вблизи имеются протоки, заливчики, в которых обитает и жирует всякая рыба. Луга здесь широкие. На них — озера, над которыми кружили стаи уток, гусей и других перелетных пернатых, релки, где паслись не только косули, но и изюбры, лоси, тропили в траве следы медведи. Поэтому тут и решили обосноваться ехавшие с низовьев люди. А название стойбища со временем стало Ойта. Из слова *ойкта* выпала буква *к* из-за ненадобности в употреблении.

В этом стойбище, где было всего несколько домиков, проживали, в основном, прибывшие сюда люди. Со временем жители населенного пункта стали именовать себя *Ой-танкасал*, где окончание *сал* означает живущие в данной местности.

А где же лодка второго брата Бельды?

Долин. Взяв курс по руслу Амура, куда указывал сово, лодка второго брата поднималась против течения несколько дней, пока он не увидел: осетры и калуги, показывая свои жирные бока, одна за другой выскакивали из воды, чтобы с шумом и брызгами вновь погрузиться в пучину реки. Люди обрадовались и решили основать здесь стойбище. Это была та часть нынешнего райцентра, которая прилегает к совхозным землям. Люди впервые обосновались именно здесь. Впоследствии стали появляться и другие нани, стойбище росло, расширялось.

В нанайской речи слова *собираются, кучкуются* обозначаются словом *доёлин*. Вот от этого-то слова и произошло название стойбища *Долин*. В словах, как обычно, при длительном употреблении появляются суффиксы, окончания или выпадают отдельные составные, образуя другое слово. Так же и в данном случае выпал звук ё, образовав название стойбища. Вот этот вариант появления названия стойбища *Долин* считают старожилы-нани основополагающим.

Далее в предании говорится, что братья нашли друг друга зимой, когда охотились по широким лугам на различных животных и пушных зверей. Они встретились и очень обрадовались этому. Конечно, один из братьев привел второго к себе в стойбище, чтобы тот посмотрел на места, где они живут. А затем все было наоборот. Но уезжать из своих новых мест братья не захотели, остались жить порознь. Так в Эморонской протоке появилось стойбище Ойта, а жители по фамилии стали Ойтанки, но это те же самые Бельды.

В этих топонимических заметках я использовал сведения, полученные непосредственно от старожилков Ивана Тороковича Бельды, Анатолия Петровича Бельды, Несултэ Борисовны Гейкер и других. Также использованы данные

Энциклопедии Хабаровского края и Еврейской автономной области. Я искренне благодарен также Николаю Фомичу Слепенкову, который поведал мне о периодах заселения Троицкого русскими людьми.

Часть 13 **Эморон (Иморон)**

Насчет названия этого стойбища наверняка будут возражать мои земляки, что, дескать, неправильно, ошибка, незнание истинного названия. Но все-таки я намерен отстаивать свою точку зрения в ходе описания данного населенного пункта и территории, расположенной неподалеку.

Поселок Иморон, под русским названием Эморон, стоял на берегу одноименной протоки, у подножия невысокого гористого холма, который с верхней стороны ограничен скалистым утесом. В 40—60-х годах, когда существовали рыболовецкие колхозы, поселок находился на пике своего производственного развития. Через свою мощную рыббазу, стоявшую прямо на берегу протоки, давал стране сотни тонн соленой и свежемороженой рыбы. А для добычи такого ее количества имелись здесь прекрасные водоемы, богатые рыбными запасами. В свежем сырье нуждался и Даергинский рыбоконсервный завод, который выпускал в год миллионы тысяч условных банок консервной продукции. В те годы можно было встретить деликатесные изделия завода в Москве, Ленинграде, союзных республиках Прибалтики и Средней Азии — баночки с надписью «Даергинский рыбоконсервный завод». Кстати говоря, в Иморонском заливе, в двух километрах от захода, где был небольшой населенный пункт всего в пять или шесть домов, находился рыболовецкий участок Найхинского колхоза «Новый путь». «Отсюда на весельных лодках рыбаки возили рыбу на Даергинскую

рыббазу для переработки на консервы», — так вспоминает об этом периоде старейший житель Иморона Иван Петрович Бельды, живущий ныне в селе Джари.

Иморон всегда был очень рыбным местом. Об этом знают не только джаринские, найхинские, но и жители других сел Нанайского района. Как уже было сказано, само село располагалось на низменной части холмистой сопки, где почти до конца 30-х годов прошлого столетия не жили русские люди. А домов насчитывалось более тридцати.

— Спецпереселенцев привезли сюда в 1938—1940 годах и в первые годы Великой Отечественной войны откуда-то с Запада и, говорили, из Мордовии тоже, — продолжает вспоминать Иван Петрович. — Среди них были Курдюшкины, Могутновы, Кривошеевы, Раздобреевы, Звягинцевы, Дьяковы и другие. К этому времени на Имороне количество домов увеличилось, их стало более сорока. Приезжие люди вступили в колхоз. А в нашем селе было отделение джаринского колхоза «Интернационал».

Протока Иморон от входа до впадения в Амур имеет протяженность более пятидесяти километров. И по всей ее длине множество рукавчиков, заливов, озер и других водных артерий. В пределах одного километра от верхнего захода отделяется на правую сторону такая же, как сам Иморон, протока Аджор. А по-нанайски она звучала как *Адёр*. Название это, на мой взгляд, произошло от слова *адин* — калуга. Когда в каком-то месте водится в значительном количестве калуга, старики обычно называли это место *адио* или *адёр боа*. Сама по себе протока Аджор — тоже очень рыбное место, и на всем протяжении имеет множество отходящих от него больших и малых водоемов. С двумя этими протоками через прокопы соединяется и Кафа, заход которой расположен чуть ниже Троицкого на левом берегу Амура.

Теперь о самом Имороне, из каких данных произошло это таинственное название и почему.

Если мы скажем, что Эморон — это и есть истинное название, которое дали наши предки стойбищу, то в этом варианте есть слово *эмиори* (оно же обозначается и другим словом — *омиовори*). Смысл этих слов однозначен — собираться, кучковаться в толпу, сборище по какому-то случаю, поводу. Например, по поводу праздника, шаманского обряда. А в данном случае могло так получиться ввиду большого количества рыбы, имеющейся здесь в многочисленных водоемах. Ведь нанайцев всегда это привлекало. Однако слово *омиори*, первый звук которого произносится как русское э, в нанайской речи малоупотребляемо. Это слово не литературное, считается разговорным вариантом от *омиовори*. Поэтому я допускаю возможность образования названия стойбища и в таком варианте — Эморон.

Если мы скажем *Иморон*, то в этом варианте есть какая-то обнадеживающая истина к разгадке названия.

В давние времена слово *и*, которое ныне устарело, обозначало конкретно только заход в какой-то водоем. Если *да* обозначало заход и выход в одинаковой степени, то *и* — только вход. От этого слова произошло выражение *ивури* — заходить через какое-то отверстие куда-то (в дом, залив, реку и так далее). Вторая же часть, *морон* — не что иное, как *морио* — кривое, очень кривое. Таковым является залив Иморон, который на всем своем протяжении, почти в 80 километров, вьется, кривляется, как змейка. При этом на всем протяжении имеет уйму больших и маленьких протоков, заливов и других видов водных русел. Вот в них-то жировало и размножалось в давние времена бесчисленное множество всякой рыбы. Впоследствии слово *морио* преобразовалось в *морон*, таким образом дав название стойбищу. Следовательно, по моему твердому убеждению, данное название произошло именно так: *и* — заход, причем кривой заход в очень кривой залив. О кривом заходе знают все, кто хотя бы раз заезжал в Иморонский залив. Сразу же за заходом русло

резко поворачивается направо, затем налево и так далее. То есть кривляние начинается сразу за заходом.

Особой примечательностью залива Иморон кроме рыбного богатства было изобилие черемши, которая росла сразу за селом целыми плантациями, причем без посторонних трав и растений. Рассуждая по-варварски, можно сказать: черемшу можно было и литовкой косить. Кроме этого, здесь же, за селом, водились медведи, кабаны, изюбри, лоси, а козули ходили большими стадами, в которых численность доходила до двадцати, а порой до полста и более. В настоящее время истреблены не только копытные и другие животные, но и изобиловавшие когда-то в несметном количестве рыбные стада.

Древние люди в процессе своей жизни относились к природе как к равному, как к живому существу. Поэтому они преклонялись перед могуществом реки, таинствами тайги, гор, неба и солнца. В связи с этим люди разговаривали с природой как с живым человеком: просили удачи, здоровья для себя и членов своей семьи. Порой одухотворяли какие-то интересные места, камни, деревья и окружающую среду. И на Имороне — перед входом в залив, у подножья утеса — стояли рядом два больших камня. Они были очень похожи на человеческие фигуры по пояс. Древние люди, заметив это, вероятно, думали: природа соорудила эти фигуры специально, в них она вселила сверхъестественную магическую силу. Поэтому более крупный камень называли *мапа*, старик, а меньший — *мама*, старуха. С тех пор, заезжая в Иморонский залив на рыбалку или охоту, люди всегда останавливались возле этих камней, угощали духов местности имеющейся едой, наливали немного водки и просили, чтобы охота или рыбалка была успешной и удачной. При этом не забывали поклоняться перед каменными духами до самой земли. После такой процедуры промысловики обычно возвращались с богатой добычей и, как бы для отдыха, обязательно останавливались снова на этом же

месте — на этот раз уже благодарили «старика» со «старухой» за полученную добычу-угощение. А иные, не сделавшие традиционного обряда угощения духов местности, возвращались порою с плохой, мизерной добычей.

Сегодня верить или нет этому обряду — дело каждого. Но, учитывая нынешнее состояние Амура и всей окружающей нас среды, ты угощай «старика» чем хочешь и сколько хочешь («старуха» от времени разрушилась и свалилась в воды протоки), каменный идол, если он действительно одушевлен, смотрит на сегодняшний мир глазами веривших в него людей с полным отчаянием, тоской и беспредельным возмущением.

В стойбище Иморон родилась, жила и обрела первые навыки по вышиванию орнаментированных красочных изделий Татьяна Константиновна Ходжер — член Союза художников СССР, мастер прикладного искусства.

При написании данного материала мной использованы сведения, полученные от Ивана Петровича Вельды, Анатолия Сергеевича Киле, Юрия Урусковича Гейкера и других, которым я очень благодарен за данную ими информацию.

Часть 14

Капан

Стойбище под таким названием находилось при входе в протоку Кафа, по-нанайски — *Капан*, которая расположена на левом берегу Амура. А на правом берегу реки, напротив захода Кафы, находятся полузаброшенные поля бывшего Троицкого совхоза.

Домов в стойбище *Капан* было в пределах десяти. Здесь жили роды Гейкеров, Актанко и другие. Для пропитания ловили рыбу на Амуре, в самой протоке *Капан*, в заливах и озерах, которых поблизости здесь множество. В самом Амуре, выше и

ниже этого места, водились осетры и калуги. Свежую талу из этих рыб нани считали самой вкусной и сытной. Мясо осетра по своему цвету чуть-чуть похоже на скотское, отличается слегка от привычного белого рыбного мяса. Между прожилками виднеются желтые, как золотые, полосы янтарного жира, которые при еде, оттаивая во рту, придают изумительный, неописуемый вкус. А мясо калуги по сравнению с осетриной значительно светлее. На срезанных полосках видны слегка желтоватые, прозрачно-светлые оттенки жира во всем мясе. В зубах оно давится с небольшим хрустом, обволакивая язык и всю полость рта необыкновенным ароматом и вкусом, и как бы само проглатывается вовнутрь. Это — блаженство в высшей степени, не поддающееся описанию, и которое можно испытать только во время еды. Здешние жители старались поймать такую рыбу, и если это удавалось, то по обыкновению, существующему у нанайцев, всех соседей и почти все село приглашали на талу. Таков был добрый обычай у наших предков. Да и к тому же в те давние времена люди не отличались жадностью, они всем имеющимся всегда делились по-родственному, от души. Такое качество связывало людей, сближало их для готовности быть полезным друг другу, всегда прийти на помощь и выручку, если того требовали какие-то обстоятельства.

Возвращаясь к стойбищу *Капан*, надо сказать, что здесь жил дедушка Аллы Корфовны Актанко. Он был из рода Гейкеров. Однажды старик собрался поехать на лодке нарубить тонких тальниковых жердочек для сушки юколы на *лзулэне* — специальных вешалах во дворе. А нужные ему прямые и высокие молодые тальники росли выше этого места, на выходе протоки Белан. Вот туда направился на лодке дедушка Гейкер. Однако, проехав почти половину расстояния, он заметил возле берега большую калугу. Осторожно приблизился к ней, видит — калуга живая, шевелит жаберными крышками, слегка двигает мощным хвостом. В таких случаях старый человек знает, что следует предпринять. Он

подъехал поближе и сильным ударом обуха топора оглушил рыбу, чтобы она не уплыла. Затем обрадованный старик для удобства наклонил борт лодки возле рыбы и затащил калугу в лодку вместе с водой. Вычерпав из лодки воду, дед поехал домой. И тут все стойбище узнало о находке деда. Для этого он послал своих внуков, чтобы люди пришли и помогли разделать рыбу. Через короткое время люди разошлись по своим домам с большими кусками жирной калужатины. Следовательно, тут же нарезали и с удовольствием поели свежей талы. Однако вскоре произошло непредвиденное: у людей заболели животы — началось сильное расстройство желудка. К вечеру этого же дня умерло несколько человек. Сколько-нибудь здоровые люди не успевали хоронить мертвых. Подыхали и собаки, которые поели потроха во время разделки рыбы. Только сейчас люди поняли, что это — *бэлу*. А *бэлу* у нани — это черт, который вселился в какую-то еду и должен уничтожить всех, кто принимал такую пищу. Наутро вымерли почти все жители стойбища, которые ели талу из полуживой, отравленной калуги. После этого случая все оставшиеся в живых жители покинули стойбище Капан, в котором поселился черт, и назвали это место *Амбан дэрэни*, то есть Чертов мыс. Созвучно нанайскому названию русские называют его Бондарен.

Для этих заметок о стойбище я использовал сведения, полученные от Аллы Корфовны Актанко, которой благодарен и признателен.

Часть 15

Гион

Это нанайское стойбище имеет русское название Славянка. Оно расположено на правом берегу Амура, в 18 километрах ниже села Троицкого. Местность долинная, ровная,

с широкими марями, подходящими почти к автотрассе, связывающей города Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. По правую сторону от трассы, если ехать в сторону города юности, тянутся гористые сопки, на которых над самой дорогой высятся громадные темно-зеленые красавцы-кедры. В годы плодоношения на их густых макушках виднеются, как тяжелые золотые короны, зрелые кедровые шишки. Смолистая и чешуйчатая поверхность каждой из них светится на солнце золотом и янтарем. В такие годы над кедрами летают стаи различных певчих пернатых, которые, как бы радуясь обилию питательной еды, издают всевозможные трели, свисты. А белки и бурундуки, подняв пушистые хвосты трубой, снуют то вверх, то вниз по чешуйчатой коре кедра, издавая чуть слышимый сухой шорох. Но белки, заметив человека, в большинстве своем делают длинные прыжки с одной ветки на другую, красиво паря в воздухе. Гористая окрестность населенного пункта придает ему заманчивость и привлекательность во время сбора кедровых орехов, черемши, растущей плантациями по склонам и низинам горных ключей. Здесь же, недалеко от села, на марях зреет бордово-красная клюква, а в подлесках — грибы, включая белые, маслята и множество других видов. На марях кроме клюквы в изобилии крупная кисло-сладкая голубика.

Но для народа нани все описанные выше достопримечательности местности имели второстепенное значение. Они не очень трогали рыбных людей. Для них было очень важно, чтобы недалеко от стойбища имелись водоемы, где водится рыба. А такие водоемы были: с верхней стороны стойбища два залива: один — Белая речка, другой — Черная речка. С нижней стороны находился заход протоки Ченка, от которого отходил залив Раздольненский. Кроме этого, сам Амур был отличным местом для промысла как белорыбицы, так и осетров и калуг. Воды правобережной стороны реки отличались более темным видом. Это потому, что вдоль этих

берегов проходила анюйская струя. По этой струе во второй половине июня поднималась на икромет в Анюй летняя кета, а в начале сентября подходили первые косяки осенней кеты. Так что на *Гионе* нани жили во все века в сытости и достатке, не чувствуя нужды и горя. Если нужно было добыть мяса, то на этих же заливах добывали купающихся летом лосей и других животных. А в середине сентября на всех сопках трубили крутобокие, с ветвистыми рогами изюбры. Их голоса были слышны в самом стойбище в тихие и лунные вечера. Поэтому неудивительно, что еще недавно в селе Славянка стояла большая туристическая база, которая на сегодняшний день пришла в упадок. В 40—50-х годах прошлого столетия, когда началось интенсивное заселение стойбища русскими людьми, нанайцы стали разъезжаться по другим селам района. Многие из них перебрались на Лидогу.

Что скрыто в слове *гион*? Прямое значение этого слова — медь. Но где имеется в этом месте медь, я, признаться, не в курсе. В будущем, возможно, действительно найдутся на близлежащих сопках *Гиона* медные руды. Ведь не зря называли наши мудрые предки это место именно так. Второе мое предположение связано с рассветом — *гиван*. Возможно, со Славянских сопкок в раннюю пору хорошо виден утренний рассвет, а затем — появление огромного оранжево-красного солнца. Зрелище очень красивое, незабываемое.

Для описания *Гиона* мной использованы сведения, полученные от многих нанайцев района.

Часть 16

Дзоанко

Если посмотреть на генеральный план Троицкого, составленный в 1942 году, то на нем мы увидим: это нанайское стойбище находится на холмистой стороне устья Инно-

кентьевского (Джонкинского) озера, то есть на правой стороне при выходе из обширного водоема. Вся противоположная лугообразная сторона местности испещрена малыми и большими протоками, заливами, озерами. В таком многообразии водных систем, конечно же, водилось много амурской рыбы. А это привлекало сюда людей, этническую пищу которых она составляла. Но более всего изобиловало биоресурсами само озеро.

От чего произошло название озера *Дзоанко*? И что образовалось раньше: стойбище или название озера? Отвечая на эти вопросы, могу предположить, что все-таки было дано сначала наименование озеру, и лишь потом осели люди для проживания там. А до этого приезжали сюда в летнее время заготавливать на долгую зиму много деликатесной рыбной еды. Слово *дзоанко* произошло именно от слова «летник», то есть так же, как *най хани* (Найхин). Приезжая сюда из близлежащих стойбищ — таких как Лидога, расположенных у выхода протоки Иморон в Амур, — люди останавливались в разных местах по берегам озера и на луговых окрестностях проток. Однако после удачного летника, уезжая из озера, возможно, попадали в шторм, где при сильном ветре волны в стоячем широком водоеме особенно круты и опасны. Возможно, поэтому люди останавливались у выхода из озера и только потом основали здесь стойбище. Это мое личное предположение. На самом же деле, может, было не так. Но такое расположение населенного пункта отличалось большей выгодностью, так как через неширокое устье на протяжении всего лета гуляла рыба. Кроме того, через него шла на икромет летняя и осенняя кета в небольшие горные речки Кучи и Холжен (Хойдур). А у первой речки стояло стойбище Кучи. На озеро *Дзоанко* приезжали и жители стойбища *Цолатин* (ныне село Иннокентьевка). Нанайское название стойбища упоминается в «Ясачной книге» Онуфрия Степанова за 1656 год. Так что возраст Иннокентьевки, учитывая и

возраст нанайского населенного пункта, около 350 лет. Вероятнее всего, такого же возраста и село Джонка. А название *Цолатин*, думаю, произошло от слова *цора*, то есть глубокое русло реки.

В стойбище было немного домов, в которых жили несколько фамильных родов. Русские люди появились здесь в конце 30-х годов прошлого столетия. Среди них были Зотовы, Ермаковы и другие. Позже, во время массового приезда переселенцев, прибыли на Джонки Луцевы, Луцики, Ощановские, Грицевы и многие другие. В селе был участок Иннокентьевского леспромхоза.

В написании заметки мне помогли сведения, полученные от Галины Кирилловны и Петра Ивановича Вельды и других людей, которым признателен.

Часть 17

Нярги

Название этого стойбища русские люди произносят как Неген. «Перекрестили» стойбище, вероятнее всего, в 1930-х годах, когда молодая власть Советов вела коллективизацию.

Как уже не раз говорилось, народ нани в выборе мест для проживания находил такие участки, где в наибольшем количестве имелись большие и малые водные артерии, в которых, как правило, водились несметные рыбные стада. А это — луга с множеством самых различных протоков, островов и озер. Поэтому и старинное стойбище *Нярги* находилось на одном из группы островов недалеко от заходов в большие изумительные озера: Болонское, Желунское и Джонкинское (Иннокентьевское). В свою очередь, сам остров, на котором стояло стойбище, имел в себе обширное озеро. Такими же водными ресурсами располагали и другие острова, находящиеся друг от друга в нескольких десятках и

сотнях метров. От стойбища *Нярги* всего в двух километрах на правом берегу Амура виднелся широкий залив, своего рода лиман, за которым виднелись заходы в Джелунское и расположенное с ним параллельно другое озеро — *Цойта*. На левом же берегу в десяти километрах от населенного пункта — заход в озеро Болонь, а выше, примерно на таком же расстоянии — выход протоки Эморон. Только из данного описания географического месторасположения стойбища Нярги можно представить себе, что оно находилось на очень рыбном месте, где традиционный промысел можно было вести как в самом русле Амура, так и между островами и во всех других водоемах. Поэтому неудивительно, что на протоке Эморон недалеко от ее выхода в Амур стояло несколько стойбищ: *Довой да* — Дальний заход, *Боацакан* — Островок, *Даокан* — Переправное, и *Хулусэн* — Прокоп, а чуть ниже выхода Болонского озера на небольшом острове — *Хэдяй Нярги*, Нижний Нерген. Напротив последнего островного стойбища на правом берегу Амура находился населенный пункт *Май* — Малмыж. К этой группе стойбищ относится и *Ачан* (прежнее название — село Болан), которое расположено недалеко от Амура при заходе в Болонское озеро. *Ачан* переводится как «бусы», а слово *боло*, от которого произошло название стойбища, означает, что на этом месте дно реки имеет выступы, бугры и углубления. В водоемах с такими неровностями на их дне, как правило, водятся в большом количестве многие виды рыб.

Вторая трактовка названия *Болан* связана со словом *боло* — осень. В осеннюю пору перед ледоставом из озера скатывалась рыба в очень большом количестве, а местные люди, в том числе и жители близлежащих стойбищ, загоняли в это время рыбные деликатесы на долгую зиму.

Верхний конец Нергенского острова имел высокие релки, на которых росли осины, черемуха, дикая яблоня, боярка

и другие деревья. Кроме этого, как растянутые красные полотнища, зрели к осени шиповник, калина, красная смородина.

О Нярги так вспоминает Демьян Васильевич Ходжер:

— В стойбище было более 30 домов. А наш стоял на самом нижнем конце деревни, там, где суша острова отлого спускалась к Амуру. Поэтому как наводнение, так затапливало наш дом почти по самые окна. Только из-за этого люди решили перебраться на другое место. Туда, где стоит нынешний Верхний Нерген.

По словам Демьяна Васильевича, в старом *Нярги* жили Ходжеры. Среди них жили и Вельды, но их было мало. Впоследствии приехали сюда снизу, с *Тусера*, Заксоры и Тумали. А русские люди здесь не жили. Со старого *Нярги* люди переехали на новое место из-за наводнений. По такой же причине перебрались на новый Нерген жители со стойбищ *Довой да, Боацакан, Даока, Хулусэн* и Нижнего Нярги. Однако отдельные семьи уехали на Джонку и в другие места.

— Русские переселенцы прибыли в новый Нерген в 1938 году, — продолжает Д.В. Ходжер. — Это Опарины, Кашеевы, Плотниковы, Малковы, Женченко, Калинины и другие из Комсомольска-на-Амуре, с Мылок, всего восемь семей. В это время в Нергене был колхоз «Рыбак Севера». Прибывшие иноземцы вступили в колхоз и наравне с нами стали работать на колхозном поле и ловить рыбу в промысловых бригадах. Ниже села стояла большая рыббаза.

Далее Демьян Васильевич рассказал, как рыбачили вместе с русскими людьми:

— От Нергена до озера Джелун (по-нанайски *дзэлун* означает хитрый, лживый, обманчивый) — 25 километров. Как уедем туда, рыбачим несколько дней. За это время заканчиваются все продукты. Мы-то что: поели свежей талы, из-за борта лодки черпнули чумашкой речной воды, попили — и уже сыты. А русские поначалу не хотели есть сырую рыбу.

Но голод-то не спрашивает, нравится ли тебе такая еда. Поедят они сырой рыбы, и начинается расстройство желудка. Болели, жалко было смотреть. А иной раз поедят— и запьют водкой. Тогда вроде лучше. Вот так они и привыкли кушать талу. И мы тоже.

Нярги. Какое значение скрыто в этом слове? На языке нани оно означает растущую сплошь тальниковую поросль. В те давние времена стоящие сегодня на острове большие тальниковые деревья были порослью. При образовании новых береговых линий и песчаных они быстро покрываются новым тальниковым молодняком.

Верхний Нерген — родина известного нанайского писателя-прозаика Григория Гибивича Ходжера, первого председателя Нанайского райисполкома Богдана Ивановича Ходжера.

При написании данного материала мной использованы сведения, полученные от Демьяна Васильевича Ходжера, Федора Батаковича Тумали и из книги Григория Ходжера «Конец большого дома».

Послесловие

Проделанную мной работу по топонимике мест, где в течение многих тысячелетий проживали наши далекие предки, удалось выполнить благодаря знанию родного языка, пускай не в полном объеме, но достаточном в нынешних условиях, когда наш язык крайне исковеркан и до неузнаваемости деформирован и находится на грани исчезновения. Сказав так, я ничуть не преувеличил. И этот факт уже необратим, хотя языковед-лингвист Антонина Сергеевна Киле делает большое дело для изучения нанайского языка в школах, выпуская книги для чтения в младших и старших классах общеобразовательных учреждений. Ей мое большое спасибо

и искренняя признательность. Однако поможет ли это, когда колесо истории катится не в пользу нашего языка: ведь изучение нанайского языка на базе русского алфавита дает большие трудности и труднопоправимые неточности и искажения для людей, не знающих грамматических и других правил, законам которых подчиняется язык. И, безусловно, это большой минус, что многие представители нашего народа лишены возможности слышать живую разговорную нанайскую речь. А в настоящее время во всем районе ее слышат дома единицы детей, которые уже не пытаются говорить с родителями на языке предков — это им не нужно и не интересно. Действительная обстановка находится именно в таком положении.

У всех народов мира грамматические, синтаксические и орфографические правила в процессе развития претерпевают какие-то изменения: обновляются, усовершенствуются в более доступную форму. А в нанайском языке правила, которые создавали и разрабатывали русские ученые-лингвисты, мы не имеем права изменить в соответствии с новыми поколениями людей, которые практически уже не слышат разговорную речь. Только по этой причине крайне тяжело слышать, когда люди говорят такие слова, как *балдиори*, *пулсиури* и другие подобные слова. В правилах нанайской грамматики говорится, что звук *л* перед сочетаниями *ди*, *си* смягчается и произносится мягко. Сегодняшняя молодежь не знает этого правила, не знают его и многие взрослые нанайцы, которые давно не слышат живую, мягкую, лиричную речь предков. Поэтому говорят, как читают, при произношении ими этих слов во рту язык не находит места, а звук *л* звучит как при произнесении слова «балда».

Я пишу стихи на нанайском языке, и где встречаются слова с сочетаниями *ди*, *си*, всегда ставлю против всех правил мягкий знак. Этим самым я даю возможность читателю произнести эти слова мягко, так, как произносили его наши

предки: *бальди*, *пульси* и т. д. Думаю, в этом нет ничего противозаконного и естественного.

Грамматические правила нанайского языка следовало бы усовершенствовать, чтобы подрастающее поколение знало и при произношении таких слов, как *эниэ*, *эгэ*, *эрин* (мать, сестра, время) не экали, как при русском звуке э, а произносили чисто нанайское э. По многим моментам существующих правил можно было бы поспорить, не соглашаться с неполно означающим слияния и сочетания нанайских звуков алфавитом. Но кто сегодня будет заниматься этим? Следовало бы иметь свой алфавит, о котором я много говорил и спорил с преподавателями нанайского языка, когда учился в педагогическом институте имени А. Герцена. А сейчас, как говорится, поезд ушел.

Нанайский язык древний, как сам народ. Он емкий, мягкий из-за обилия гласных звуков. Древний потому, что в нем есть многие слова, означающие огнестрельное оружие вплоть до пушки, а также сабли, секиры и прочие предметы военного характера. В языке имеются слова, означающие сталь, железо, медь, олово, свинец, латунь, бронзу, а также порох. Это говорит о том, что народ нани знал металлургию и изготовление пороха. Эти ремесла появились именно в государстве чжурчжэней и на территории Китая. Подтверждает древность народа и то, что в речи имеются названия тропических и субтропических животных: обезьяна, слон, верблюд, павлин, крокодил и другие. Я веду к тому, что и поселения, где жил этнос нани, тоже очень древние, основанные не в нашем тысячелетии, а гораздо раньше.

Кроме того, наши древние предки были хорошими земледельцами и животноводами. И это подтверждают слова сельскохозяйственного значения, имеющиеся в нанайской речи: картофель, лук, капуста, тыква, арбуз, дыня, рис, овес, гречка и многие другие названия полевых культур. А из домашних животных — корова, лошадь, овца, коза,

свинья, курица и другие. Все это было, имело место, когда наши предки — люди тунгусо-маньчжурской группы — жили единым государством. Но с разгромом могущественной империи Цзинь люди стали жить разрозненно, небольшими группами по всей огромной территории Дальнего Востока.

Говоря об изменениях, произошедших в названиях сел и образе жизни нани, о которых я упомянул в своем вступлении, хочется добавить, что человек Севера, наряду с изменениями окружающей среды, изменился в своем внутреннем содержании: и в мышлении, и в делах, и во всем образе жизни. В этом не виноваты те русские люди, которые сегодня рядом с нами, бок о бок выполняют все жизненно важные процессы и общие производственные дела, а государственная система, порядки, которые в одинаковой степени давят на всех нас, невзирая на национальную принадлежность. Особо хочется отметить период правления Н.С. Хрущева, по велению и воле которого происходило всем известное укрупнение не только колхозов, совхозов, промышленных предприятий, но и населенных пунктов. В результате такого «сверхмудрого» государственного мероприятия исчезли с лица земли сотни и тысячи бывших когда-то самостоятельными и процветающими населенных пунктов не только в Нанайском районе, но и по всему Крайнему Северу, по всей стране. Этим самым Хрущев нанес определенный вред жизни этносов Севера.

Своими топонимическими размышлениями я преследовал главным образом такие цели: во-первых, обратить внимание своих соплеменников и всех других людей, живущих на Дальнем Востоке, на эту интересную, большую и важную тему в истории жизни нашего народа. Во-вторых, хотел пояснить читателю о неразрывном комплексном целом среды обитания природных людей нани с их традиционным промыслом и образом жизни, раскрыть перед людьми смысл и суть, скрывающиеся в названиях их стойбищ и поселений.

Кроме этого, одной из задач было показать читателю ориентировочное время появления русских людей на берегах Амура. В этом, я допускаю, могут быть некоторые отклонения, неточности на какие-то десятки лет, но не на 50, тем более 100 лет. Появление русских людей на Амуре с точностью до дня, месяца и года сегодня вряд ли кто может назвать. Таких людей сегодня в живых уже нет.

Мои топонимические размышления — первая работа такого порядка. Не секрет, что народ нани, живущий на своей исторической земле, оказался без четко описанной истории. Она есть в произведениях прозаика Григория Ходжера. Он охватывает период начиная примерно с 1915 года. Максим Вельды в своей книге «Троицкая волость» описывает события второй половины XIX века, время, когда началось массовое заселение берегов Амура людьми из Вятской губернии. Однако нет истории, охватывающей древние периоды нашего народа. Есть отдельные упоминания мореплавателей, землепроходцев и людей, писавших о народе нани. Среди них — А.Ю. Назаров, А.Л. Некрасова, П. Осипов, В. Панов, Б. Долгих, Л.И. Шренк, А.М. Золотарев, А.П. Окладников, Н.М. Пржевальский, В.К. Арсеньев и другие. Всем этим людям, конечно же, надо отдать должное за то, что они внесли в историю наших предков какой-то определенный свет. Однако этого недостаточно. Нужен объемный целостный труд о нанайцах начиная с древних времен. Над этой очень немаловажной стороной жизни наших предков следует задуматься серьезно, с полной ответственностью.

Заканчивая послесловие к своим топонимическим размышлениям, буду очень рад, если опубликованные в данном сборнике материалы заинтересуют кого-либо из молодых людей, чтобы в дальнейшем они продолжили начатое мной дело, историю народа изучая более глубоко, тщательно, охватывая древние времена.

СРЕДИ РОДНЫХ

ЗА ЯГОДОЙ ГОЛУБИКОЙ (рассказ)

Часть первая

Был теплый августовский день. Как и сейчас помню, это было шестое число. Зашла к нам наша добрая знакомая Галина Ивановна. Она, женщина невысокого роста, ну как колобок: что положи ее, что поставь — будет одинаково.

— Ну что, Мактович, ягода уже поспела, — начала она, глядя на меня как-то чуть боком. По ее же рассказам, она в детстве перенесла какое-то заболевание и получила осложнение на зрение. Потому у нее один глаз смотрит слегка в сторону, незнакомому человеку порой нелегко определить: какой же глаз у Галины смотрит правильно.

— Я знаю, где можно ее набрать. Поедем завтра, а? А то люди, сам знаешь, еще зеленую вырывают.

Сказав это, она расплылась в своей добродушной улыбке, казалось, у нее на лице и глаз не было.

С семьей этой мы знакомы уже более десяти лет. Муж ее, Александр, русский, высокий, стройный и очень сухощавый человек. На его светлом лице вокруг ясных синих глаз тоненькими лучиками расходились к вискам морщинки. Он всегда приветлив, на селе его уважают. Александр заведует почтой и сам с большой сумкой разносит почту по всему селу.

У них в семье четверо детей. Старший сын Володя — круглолицый, с ясными, открытыми глазами, а под обычным и даже чуть широковатым носом — пухлые мясистые губы. За его коренастой внешностью скрывались добродушие, общительность и в то же время утонченная важность, что он не такой, как все его сверстники. Это придавало ему, по-видимому, какую-то уверенность за свое будущее в обществе людей.

За Володей была Зина. Она среди своих сверстниц не отличалась особой веселостью и разговорчивостью. Любила одиночество. Но младший брат ее, Боря, очень отличался от сестры: он был игривый, шутливый и разговорчивый, как отец. Самой младшей в семье была миловидная, нежная, как куколка, Таня. Ее голосок при разговоре журчал как ручеек. Но у нее — врожденный порок сердца. На шестнадцатом году жизни она поехала в Новосибирск на операцию и не вернулась.

Что меня всегда удивляло в этой семье? Это — доброта и откровенная приветливость, которые исходили от самого Парфенова и его жены. Так же были воспитаны и дети. Но странным казалось такое обстоятельство — у одной матери и одного отца дети были записаны разными по национальности.

Сама Галина Ивановна — нивх. Муж — русский. А дети — нивх, ульч и русские. И кто сделал такую семью содружества народов, я так и не разобрался.

Впрочем, подобное явление в Ульчском районе не в диковину. То же самое было и в семье Афанасия Гудана. Три

брата из одной семьи стали носить три разные фамилии: Гуданы, Пуданы и Вычканы. Это не аномалия природы, а какие-то предрассудки, связанные с убеждениями людей.

Итак, возвращаясь к появлению гостыи. Как только сошла улыбка с лица, Галина продолжала:

— Возьмем с собой картошки, рыбы, чтобы для Мактовича сварить вкусный суп. А на природе он получается — пальчики оближешь!

Затем, помолчав немного, вновь обратилась к моей жене:

— Зина, как ты научила своего мужа есть только супы? Он у тебя, что ли, кроме супов, ничего не ест?

— Как не ест? Он все кушает, что приготовлю. Но больше любит супы. Особенно из полыни — с осетриной или калужатиной. Только подавай. Он же у меня сам ездит рыбачить. Мы без хорошей рыбы почти не живем.

— Тогда возьмем осетренка, которого мы поймали на ставной сети сегодня утром. Он небольшой, но такой жирный — весь желтый. Мы с Сашей уже таловали. А это вам. Поталуйте сами и детишек накормите.

С этими словами Галина положила на стол темно-серый кусок, на котором искрились желтыми лучиками слои искрящегося жира.

— Ну что? Едем завтра?

— Галя, в чем дело? Какие разговоры? Правда, я хотела заняться стиркой, но она подождет! Едем. И все! — расхохоталась моя жена от радости, что Галина принесла такую вкусную талу.

Часть вторая

На другое утро поднялся не сильный, но порывистый северный ветер. Его потоки несутся вдоль по руслу Амура, создавая на поверхности белесые гребни волн.

Когда мы с женой и детьми подошли к низенькому домику Парфеновых, хозяева управлялись по хозяйству полным ходом. Они держали одну взрослую дойную корову по кличке Майка, годовалую телку, двух поросят, несколько молодых козлят. А их мать, коза чисто белой масти, почему-то называлась Розой. Она нет-нет да залазила в чужой огород. Конечно, от этого возникали шум, ругань, и, вероятно, потому хозяин решил наказать свою любимую Розу за ее проказы. Он просверлил на концах рогов небольшие дырочки и подвесил к ним не толстую, но прочную цепь — да так, что на уровне груди она висела замкнуто. А дальше за самое нижнее звено был прикреплен кусочек цепи, на котором, касаясь земли, висела гиря — килограмма в три весом. При ходьбе и когда коза паслась, гиря волочилась по земле между ногами Розы и не мешала ей щипать траву, но несколько мешала ногам. Уже с этой гирей Роза больше не прыгала в чужой огород. Однако корова Майка, общоголяв Розу, делала чудеса. Она, такая же сухощавая и пегая, как сам хозяин, легко перемахивала через изгороди высотой более метра и этим самым нарушала спокойствие на подворьях. А однажды по ошибке запрыгнула в свой же огород. И здесь с удовольствием налегала на капусту. Увидела соседка Анисия Мицких и прибежала:

— Ой, Галя, твоя Майка у вас на огороде капусту жрет! Да уже порядком поела!

Тут выскочили на улицу Галя с мужем и стали кричать:

— Ах ты, окаянная! Да как же ты зашла-то?

Галина открыла калитку и отошла чуть в сторонку, чтобы корова вышла со двора. Сам же Парфенов, взяв палку, побежал к корове. Почувствовав неладное, Майка сиганула в сторону выхода. Однако, набрав скорость или по своей обычной привычке, решила перемахнуть через изгородь испытанным способом. Пробегая мимо хозяйки, задела ее своим шарообразным животом, от которого Галя отлетела в траву. А Парфенов, догнав корову у самой изгороди, запустил в нее

палкой. Палка пролетела мимо и попала по барахтавшейся в траве Гале — прямо по мягкому месту.

— Да что ты, Санька, меня-то бьешь?

— Я ж не в тебя, а в корову... А что она так прыгает? Даже ударить толком нельзя!

Затем Парфенов помог своей жене подняться и, уже смеясь, они пошли домой. После этого Галина две недели ходила в баню с большим синяком на боку.

Часть третья

Управившись с хозяйством, Парфеновы пригласили гостей в дом. Увидев ребятишек, Таня обрадовалась. А на середине пола, встав на задние лапы, приплясывала небольшая, желтая, как хорь, собачка по кличке Лена. Передние лапки, как бы хлопая в ладоши, махали перед вытянутой шейкой. Она так приветствует гостей и таким же способом просит есть. Кроме этого, она выполняла разные команды: при слове «улыбка» Лена показывала зубы, а при команде «голос!» издавала короткий лай или протяжный вой. Парфенов хвастался, что это его «школа».

На середине стола стояла чашка со свежесваренной картошкой. В блюде лежали ломтики сухой прошлогодней соленой кеты. Возвышаясь над всем, стояла испитая до середины бутылка водки.

— Вот сейчас поедем и поедем! Садитесь к столу, — пригласила хозяйка.

На завтрак ушло не много времени. Хозяева, уже бывшие под хмельком, допив вместе с нами остаток водки, стали навеселе. А Галя все торопила нас:

— Давай, Мактович, тащи на берег мотор и бензобак. Сашка, ты бери котел с посудой и весла. А мы с Зиной понесем все остальное.

Оттолкнув лодку, каждый занял в ней свое место: я сел за весла, Парфенов с моей женой находились в середине небольшой «Казанки» с булями, приклепанными с обеих сторон кормовой ее части. Наше суденышко опасно раскачивалось на широких отлогих волнах. В штормовую погоду Галина сама садилась за мотор и, не доверяя его никому, вела лодку по белесым волнам Амура. Вот и на этот раз она сразу заняла свое «капитанское место». «Ветерок» загудел только от третьего рывка и стал толкать лодку наперерез встречным волнам.

Часть четвертая

От села Нижняя Гавань до бывшего населенного пункта Новая Георгиевка двенадцать километров. Через сорок минут езды мы причалили к берегу этого бывшего села. Здесь живет сейчас всего одна семья старых людей. Встретил нас на берегу крепкий еще нивх Аба с белыми как лунь волосами.

— И куда же вы направились в такую погоду? — спросил он улыбаясь. Галя ответила ему по-нивхски и добавила, обращаясь к нам:

— Проведаем бабушку, чайку горяченького попьем и поедем дальше.

Мы со своей женой как-то приезжали сюда. Здесь недалеко протекает горная речка Гера. На гористых склонах и долинах ее растет черемша. Вот за ней-то мы и приезжали. Пришли из леса поздно, и бабушка Тамлион, хозяйка дома, попросила нас оставаться на ночь. У нас с собой было в бутылке немного водки. Во время ужина угостили деда и бабушку. Легли спать поздно. Бабушка уложила нас на полутораспальной кровати с варшавской сеткой. Дед потушил керосиновую лампу, и сразу воцарилась темнота. Только слабый огонек от дгорающего в печке полена неровно пры-

гал на противоположной стенке. Глядя на этот огонек, я, как от действия гипноза, быстро ударился в сон. Но потом, через какое-то время, проснулся от того, что моя жена как-то по-странному ворочалась на постели и вздыхала... При этом вполголоса звала меня:

— Ты слышишь? Проснись, пожалуйста, мне что-то плохо. Чувствую, будто у меня хочет остановиться сердце.

— Что с тобой? Что случилось?

— Да вот, на полу, возле самой нашей кровати стоит какой-то маленький-маленький мальчик. Гляди! Он ко мне тянется рукой. Видишь?

Но я никого абсолютно не видел. Как ни напрягал зрение, как ни вглядывался, перед моими глазами была одна сплошная темнота — без признаков человеческого присутствия. Дед с бабой спали. Но через две-три минуты раздался прерывистый, скрипящий голос бабушки. Она запела по-шамански и говорила, что у нее сильно болит голова. Дед Аба встал и зажег керосиновую лампу. На кровати сидела бабушка и, держась обеими руками за голову, бормотала что-то невнятное. Это она отгоняла на своем нивхском языке каких-то духов. В таких случаях следует налить в рюмочку немного водки и, прося пощады, надо поставить ненадолго эту рюмку в восточный угол дома, то есть в тот, с какой стороны восходит солнце. Или можно этой водкой помазать самое темя заболевшего человека. На дне нашей бутылки еще оставалось немного водки. Дед Аба достал ее, налил в свою ладонь, помазал жене верхнюю часть головы. Через некоторое время бабушка успокоилась и спросила у моей жены:

— Зина, ты видела кого-нибудь?

— Да. На полу возле нас стоял маленький мальчик. Он будто звал меня и тянулся ко мне рукой.

— Это мои помощники — духи. Их у меня два мальчика. Ты видела одного из них. Он хотел сделать тебе плохо. Хо-

рошо, что ты разбудила мужа. У него дух оказался сильным, и потому он огородил тебя.

Было страшно и как-то не по себе. Теперь до самого утра дед не тушил свою керосиновую лампу. Вот таков был случай ночью у шаманки Тамлион.

Часть пятая

Когда мы вошли в дом, хозяйка встретила нас радушно. А Галина как-то по-свойски обратилась:

— Баба, у тебя горячий чай есть? Мы едем за голубикой. Чай попьем и поедем.

Однако тут же достала из сумки бутылку водки и поставила на стол.

— А ты, дед, давай рюмки, — скомандовала Галя.

— Какие рюмки, Галя, у нас их нет. Вон на столе стаканы, — улыбаясь указал на стол дед Аба.

Галя пододвинула ближе к себе стаканы и разлила каждому понемногу водки. Этим временем дед сходил на улицу, принес несколько огурцов, положил на стол. Возле самой стенки стояла тарелка, накрытая другой, пустой. Дед пододвинул ее к себе и открыл:

— Мы еще не ели, а на завтрак я нарезал талы. Сегодня утром проверил сетки и поймал осетра килограммов на восемь. Попался и калужонок, величиной с мах, но я отпустил его — он маленький и невкусный.

Бабушка жаловалась, что чувствует себя не очень хорошо, да и сны снятся какие-то странные, удивительные. Несмотря на свое нездоровое состояние, она была приветлива и подошла к столу. После того как выпили водки, бабушка Тамлион захмелела быстро и стала наказывать Галине и мужу своему, чтобы после ее смерти не хоронили в землю, а увезли на Ухту и в этом селе предали тело огню.

— Я чувствую, что жить мне осталось немного. Поэтому, пока приехали Галя и наши уважаемые учителя Зина и Костя, я прошу сделать так, как я хочу, чтобы с огнем мой дух улетел в небо, к солнцу.

Часть шестая

После нашего посещения бабушка Тамлион прожила немногим более месяца. Для исполнения последнего желания усопшей ее тело перевезли в село Ухта, где жили родственники бабушки с такой же фамилией — Тамлионы.

На окраине села разложили для костра в виде штабеля большое и высокое сооружение. Внизу положили бревна, поленья, а затем сухостойные небольшие деревья, которые натаскали люди из леса. Складывали так, чтобы при горении штабель не мог рухнуть куда-нибудь в сторону. Высота его более метра. Самая верхняя часть была исполнена ровно, на которой уложили доски — наподобие площадки.

Стрелки часов приближались к двум часам дня. К этому времени собирались сюда люди. Приехали из села Нижняя Гавань директор восьмилетней школы-интерната Дян Борис Алексеевич со своей супругой Ольгой Андреевной, другие жители этого села и учащиеся — родственники бабушки, внуки, правнуки. Наконец принесли сюда тело покойной на специальной усыпальной доске. Бабушку одели в ее шаманское одеяние — халат с яркими узорами, ноговицы из не светлой однотонной ткани, на ногах обувь в виде каких-то меховых унтиков. На голову надета женская национальная шапка с неяркими узорами. Бабушка, казалось, спала. Только впалые глазницы говорили, что она мертва. Затем провели обряд короткого ритуального прощания с покойной и положили прах вместе с усыпальной доской на верхнюю ровную площадку штабеля. Пока мужики собирались разжигать

костер, покойница пролежала, как на высоком постаменте, с открытым лицом, направленным к небу — туда, куда ее дух должен улететь вместе с жаром и пламенем костра. Люди смотрели на нее с какой-то тревогой и волнением, переговаривались друг с другом вполголоса, как бы боясь разбудить сверхъестественную силу, которая таится в бездыханно лежащей старухе.

Наконец подожгли в нескольких местах основание костра. Сухие ветки, щепки, поленья разгорелись дружно, выпуская вверх клубы черного дыма. Огонь разрастался мгновенно. Первые языки пламени стали с жадностью слизывать одеяния покойной, истлевая их и еще больше окутывая прах огнем и дымом. Сквозь полыхающее пламя тело покойной вдруг вздрогнуло. Затем одна рука резко согнулась в локте. Вслед за этим повторила такое же движение другая рука. Потом все тело, как бы становясь в мостик, согнулось в спине и тут же свалилось на бок. Теперь ноги и руки гнулись хаотично, все тело извивалось, как в шаманском танце, поднимая вверх массу ярких искр и клубы дыма. Казалось, тело старой женщины слилось воедино с буйством огня и пламени и исполняло свой последний шаманский танец легко и торжественно.

Многие люди стояли опустив глаза, старались не смотреть на это ужасное зрелище. От жара огня лица людей были налиты кровью, а от дыма слезились глаза. К вечеру костер уже горел спокойно, и только к утру следующего дня на месте его виднелось еще несколько крупных дымящихся головешек, напоминавших о вчерашнем буйстве костра и огненном танце шаманки, во время которого от тела ее отделился дух, чтобы улететь в заоблачную высь, к вечному светилу — солнцу.

Обряд этот, может, и нужный, в какой-то степени можно согласиться с традициями народа. Однако впечатление от такого ужасного зрелища надолго остается в душе человека

неприемлемым осадком. С того времени прошло уже почти сорок лет, но от виденного однажды у меня и сейчас тяжело и беспокойно на сердце.

Часть седьмая

Последний раз я видел бабушку Тамлион в тот день, когда мы заезжали к ней по пути. Тогда, провожая нас, она выходила до самого берега и, когда Галина завела свой «Ветерок», помахала в последний раз нам рукой. Вот такой она осталась в моей памяти еще живой.

Тем временем Галина направляла лодку через Амур за Геренский утес, расположенный на противоположной стороне реки, за бывшим селом Новая Георгиевка, или по-простому — Гера. Пройдя от утеса еще километра три, наша лодка зашла в неширокий залив, в глубине которого струился небольшой ключик. Тут и причалила лодку наша рулевая.

— Вот и приехали, — сказала Галина. — Пока еще время есть, ты, Зина, почисть картошку. Сварим сразу, чтобы потом не отрываться от сбора ягоды.

С этими словами она полезла в носовой кубрик лодки, чтобы достать оттуда котел, рыбу и посуду, но тут же крикнула на своего мужа:

— Сашка! А где вся посуда? В кубрике один котел с картошкой и рыба в пакете. А посуды нет никакой!

С этими словами она густо выругалась на Парфенова и снова обратилась к нему:

— Я же тебе сказала: на, неси на берег посуду. А ты так и оставил, наверно, ее во дворе!

— Как не взял?! Взял и сумку нес до берега и поставил возле лодки. Это ты не положила сумку в лодку. Вот теперь заводи мотор да езжай за посудой. Сумка на берегу, ее утащат!

— Сейчас прямо и поехала! — огрызнулась Галина.

Я знал, что у них сейчас начнется перепалка, если не вмешаться, не остановить.

— Да ладно вам! Хватит ругаться. Сварим и прямо из котла будем есть. Делов-то тут. Только сварите побыстрее, да пойдем собирать ягоду.

Чтобы не ругаться, Александр Евгеньевич пошел собирать дрова. Жена моя уже села чистить картошку, а Галина ворча хлопотала в лодке. А я, взяв свой охотничий нож, пошел в лесок. Пройдя недалеко, увидел березу. Подошел к ней и попросил прощения за то, что хочу взять от нее небольшой лоскуток бересты. Я неоднократно слышал от отца подобный разговор с деревьями, с дикими животными — перед тем как причинить им какую-то боль. Это, вероятно, потому, что всю окружающую природу он считал равной себе — живым существом. Поэтому и для меня вся природа, окружающая нас, представляется живым, только не умеющим говорить существом. Затем, достав нож, я провел по белой коре неглубокую прямую линию и отделил от ствола лист бересты. От этого береза почти не пострадает и так же будет жить долго, но с клеймом на стволе.

Чтобы изготовить четыре берестяные чашечки-чумашки, столько же ложек и одну поварешку, понадобилось всего минут двадцать—двадцать пять. И когда я принес всю эту посуду на берег, Галина восторженно заахала:

— Сашка, Зина, посмотрите, какую посуду сделал Мактович! Когда он только успел! Какая прелесть! Нет, я эти изделия увезу и в музей сдам. Ну, молодец какой, а?!

С этими восторгами Галина брала в руки каждое изделие и, слегка наклоня голову в сторону, разглядывала. Парфенов тоже радовался и удивлялся:

— Где ты, Мактович, так научился?

— Ну как же! Мой муж — природный человек! На природе мне с ним всегда легко.

Тем временем суп уже сварился.

— Давайте немного поедим и пойдем собирать ягоду! — скомандовала Галина.

Так и сделали. Суп с осетриной, заправленный диким луговым луком, оказался очень вкусным. А от посуды изливался тоненький и нежный запах березы.

— Вот и наелись! А теперь можно пойти собирать ягоду, — с этими словами Галина взяла ведро, зашагала в лес.

Я в этих местах никогда не собирал ягоду. Поэтому не знаю — где, что и как. Потому полностью доверился Галине, которая, возможно, бывала в этих местах неоднократно.

Пройдя чуть более километра по чащобе, мы вышли на обширную марь. На ней рощицами виднелись длинные, стройные листвяки. Между ними по краям мари росли карликовые березки и другие кустарниковые деревца. Встретились первые ягодные кусты. Вокруг них трава была примята.

— Вот гад, уже вперед нас успел собрать ягоду, — чертыхнулась на медведя-ягодника Галина. — А смотрите, сколько ее было!

Чуть подальше начали встречаться кусты с рясной ягодой. Собираем быстро, увлеченно и в основном молча. Таким образом, ушло где-то около часа и в ведре голубики стало больше половины. Поднял голову и метрах в семидесяти вижу обгорелый чернеющий пенёк. Почему-то остановил свой взгляд именно на нем. Черное пятно, мне показалось, как будто шевельнулось. Затем показались уши и голова. Это был медведь. Он усердно ел ягоду и, увлеченный этим занятием, не заметил нас. Галина была рядом со мной. А моя жена и Парфенов — сзади нас. Я сделал шаг в сторону Галины, наклонился к ее уху и сказал, чтобы она не испугалась:

— Галя, медведь рядом...

Но она на это так среагировала, что даже прикрикнула машинально, громко:

— Где медведь?!

Услышав это, медведь рявкнул и резко поднялся во весь рост на задние лапы. Встал во весь рост и я. Медведь, показывая зубы, продолжал чавкать ягоду, которая была у него на языке. Услышав рев, Парфенов и моя жена пригнулись низко. Медведь, шевеля носом, шумно втягивал воздух в легкие и зорко смотрел на меня. Я, чтобы не разбудить ярость в звере, кашлянул глухо дважды и сказал:

— Миша, уйди. Я тебя не трону. Видишь, сколько ягоды кругом, а на другом месте ее еще больше. Это все твое. Иди, дорогой. Ты ведь добрый.

Все это длилось какие-то секунды. И, как бы поняв меня, медведь опустился, затем медленно зашагал в чащу. Только после этого все мои ягодники встали и тут же начали собираться на берег. Галя все так же шла впереди, за ней сам Парфенов. Я шел замыкающим. Впереди меня шла моя жена.

Когда дошли до лодки, Галина опять матюкнулась густо.

— Посмотрите только, что натворили вороны! Они все выклевали из котла, осталась только вода!

И правда, куски хлеба и бумаги, в которую был завернут хлеб, валялись везде. Галина опять накинулась на мужа:

— Ты, Сашка, чо не спрятал еду? Надо было в кубрик затолкать...

— Затолкать, затолкать! Чо сама не затолкала? Все я крайний, — возмущался Парфенов с нескрываемой улыбкой на лице. — Воронам ведь тоже надо чего-то покушать! Ты ходила — есть захотела. Вороны летают, тоже устают и есть хотят.

— А... зафилософствовал! Лучше дай закурить! — хихикнула Галина.

Через мгновение все было загружено в лодку и она уже качалась на глади вод залива. Галина дернула стартерную веревочку. В ответ «Ветерок» рявкнул, как медведь, и зажужжал равномерно, монотонно. Над нами шумно закружились вороны, с громким карканьем они провожали нас.

СРЕДИ РОДНЫХ

(рассказ)

После нескольких месяцев работы в соседнем районе мы всей семьей приехали в родные места, чтобы провести отпуск среди близких и друзей. Небольшое село Дада встретило нас горячим июльским солнцем, пышной зеленью и... комарами. Стоит ли говорить, что радость родителей была беспредельной. Больше всего они радовались внукам. По очереди целовали старшего Костю, затем Сережу. Но самое большое предпочтение было отдано новому маленькому чеповечку, который кряхтел, завернутый в белые пеленки.

— Будет же у нас невеста! Да такая красивая! Да такая беленькая! Да как назвали-то нашу внучку?

Моя жена улыбалась.

— Вашу внучку мы назвали Снежаной, — отвечала она.

Всем понравилось имя девочки. Только мать не могла выговорить сразу столь трудное и незнакомое, совсем не найское имя. Она несколько раз повторяла вполголоса про себя: «Синизанта», «Сисантэ», — и еще как-то по-другому.

— И какое же имя сыскали вы моей внученьке — Сир-санта, — недовольно сказала она вдруг, — даже и не выговорить. А эта чертовка Энна назвала мальчишку Бальдяктой!

Энна, дочь моего младшего брата Лени, стояла рядом. Она удивленно посмотрела на бабушку и рассмеялась. Сына своего Энна назвала красивым бурятским именем Бальджин. А Снежана — болгарское имя. Так что в моем роду кроме найских и русских появились и имена других народов.

У нани издавна было довольно странное поверье: если у ребенка красивое имя, то злые духи позарятся на этого чеповечка и унесут его паня, то есть дух, в буну — потусторонний мир. Следовательно, ребенок должен сильно заболеть и непременно умереть, если шаман не сумеет отобрать его паня у злого духа во время камлания. Поэтому, чтобы злые духи

пришли в заблуждение, нани старались давать своим детям имена, происходящие от названия различных предметов, насекомых, зверей, птиц, растений.

Среди моих земляков есть немало людей, которые с такими замысловатыми нанайскими именами известны теперь как талантливые и способные люди. Достаточно обратиться к именам людей старшего поколения. Так, имя моего деда, известного охотника, бывшего проводника Владимира Клавдиевича Арсеньева Камбука Гейкера по-нанайски звучит Комбока. Оно означает ковшик. В основе имени опытного охотника-следопыта Вонга Вельды лежит слово «холм». А Александра Падалиевича Пассара в детстве звали Лэми. То есть шлепанцы. В годы Великой Отечественной войны Александр стал Героем Советского Союза. Имя заслуженного артиста Якутской АССР Кола Вельды попросту означает букашка. Подчас случались и смешные истории во время оформления регистрации новорожденного ребенка. Так, когда выписывали свидетельство о рождении Андрея Пассара, русская женщина, работавшая секретарем сельского Совета, в ответ на свой вопрос услышала от неграмотных родителей ребенка два слова: «Биа-числа» и записала в таком виде. А родители хотели назвать своего сына Вячеславом, но не сумели выговорить правильно. Таким образом, имя поэта Андрея Пассара состоит из двух слов: «биа» — то есть луна по-нанайски, и русского слова «число».

Современные нанайцы не верят предрассудкам дедов. И дают своим детям такие имена, чтобы они были звучными и украшали их дела. Так я думаю...

Неожиданная встреча взбудоражила всех, особенно женщин. Мать подтрунивала над нами, упрекала, что, не дав знать о себе, мы как с неба свалились, застали их врасплох, когда в доме даже и кипяченого-то чаю нет, а детишки голодны с дороги. Их надо кормить. Несмотря на свой старческий возраст, она двигалась легко и быстро. Тут все принялись

помогать матери. Энна с моей старшей сестрой Зиной носили воду, чистили рыбу. А этим временем мать Энны никак не могла наговориться с моей женой.

Отец сидел на медвежьей шкуре на полу в окружении внуков.

— Деда, а чья это шкура?

— Да гималайского медведя.

— А кто убил его?

— Я убил, Сереженька.

— Чем ты его убивал, деда?

— Копьем.

Отец погладил пальцами густой мех и откинул край шкуры.

— Вот видишь, какая рана была.

Внуки Костя и Рома вместе с Сережей рассматривали дыру и удивлялись. Потом Рома позвал ребят к себе и стал рассказывать:

— Вот этим копьем дедушка охотится.

Рома, как и отец, все время живет в доме деда. На стене над узорчатым нанайским ковром наискосок висело копье. Ярко блестела на солнце листообразной формы сталь его. По центру симметрии чуть дальше острого конца с незаметной бороздки начиналось полое коническое вздутье, оканчивающееся на широком конце трубкой. В нее было вставлено древко из крепкого молодого ясеня. Начиная от самого трубчатого конца копья, на расстоянии около полуметра, на древке туго намотана с калужьим клеем узкая кожаная лента, которая создает копью дополнительную прочность при схватке с большим зверем. Да и само древко, поверхность его была неровной. На ней заметно выступали срезанные основания молодых сучков.

Ребята рассматривали копье, как музейный экспонат. Правда, оно уже давно потеряло свое былое значение, но всякий раз, уходя на охоту, отец брал его с собой. «Ружье

может осечку дать, — говорил он, — а копьё — нет. С ним безопаснее».

Одних медведей отец убил более ста.

— Деда, а медведь страшный? — не унимался Сережа.

— Конечно. Видишь, какая большая шкура, лохматая. А бурый медведь еще больше...

Беседуя между собой, женщины дивились любопытству Сережи, но затем вновь продолжали разговор.

— А знаешь, Галя, нас научили собирать земляные грибы. Изжаришь — они такие вкусные, что пальчики оближешь, — увлеченно рассказывала моя жена. — Наверное, они и тут растут. Если хочешь, давай сходим?

— Сейчас, что ли?

— А что? Можно и сейчас. К вечеру мы приготовим вкусную еду.

Мои предки никогда не употребляли в пищу грибы, растущие на земле. Они всегда говорили, что это гу — то есть яд, их нельзя есть. Для приготовления супов или для сушки на зиму собирали только те грибы, которые растут на деревьях.

Я попытался отговорить женщин от этой затеи — зачем идти в лес, когда уже давно заплотнел. Но их намерения были твердыми. Тогда я вышел во двор и направился к речке, которая перед самыми окнами дома сонно расстилалась в лучах июльского солнца под голубым бездонным небом. Уткнувшись в берег, там сушили свои бока лодки. На корме одной из них висел замасленный мотор «Вихрь» без колпака. Я сразу подумал, что это лодка брата. И не ошибся. Он никогда не снимает мотор с лодки.

На берегу ко мне подбежал Тэкиэн — старый пес. Его черная шерсть походила на изодранную телогрейку. Запыленный сероватый пух от линьки висел на нем клочьями. Несколько лет мы с отцом охотились вместе с Тэкиэном. Но в последние годы отец не брал его с собой. Теперь пес узнал

меня, шершаво лизнул руку и замахал хвостом. Я смотрел ему в глаза. Они слезились, влажно блестя на солнце. Он будто жаловался на свою старость, которая казалась такой нелепой, ненужной и все-таки неизбежной. Я обнял его за голову и погладил по широкому умному лбу.

В это время около дома раздался звон пустого ведра. Это Галя с моей женой Зиной собрались в лес. «Вот какие упрямые!» — промелькнуло в голове. Через минуту они со смехом скрылись за поворотом лесной тропинки. Пусть идут. Только бы не заблудились. Позднее мысль о том, что они могут сбиться с дороги, стала меня тревожить, я представил себе примерный маршрут упрямцев и направился по старой тропе туда, где они должны проходить. Ждать долго не пришлось. Из своего укрытия я увидел, как они шагают по заросшей тракторной дороге. Вот прошли открытую поляну и побрели через кочкастую низину к роще. Пройдя кочки, сели у края лесочка отдохнуть, полюбоваться цветами. В это время громко хрустнул под моей ногой сухой сучок лежащей на земле осины. Неожиданно я упал на бок, издав шум и треск. Этот звук, как видно, и насторожил Галю:

— Анда¹, слышала? — тревожно обратилась она к моей жене.

— Конечно...

Тут они вмиг сорвались с места. Теперь уже, как косули от волка, бежали они между кочками, ловко перепрыгивая их.

Я не мог и представить, что неосторожный треск может так испугать их.

— Э-ге-гей! — изо всех сил я кричал им вдогонку, но перепуганные женщины, по-видимому, вспомнили разговор Сережи с дедом и стремились как можно быстрее скрыться от «страшного медведя».

Лишь когда я выбежал на дорогу и звонко свистнул, они

¹ Анда (по-нанайски) — подружка.

оглянулись. Потом, узнав в чем дело, стали ругать меня. Смешно было на них смотреть. С неудержимым хохотом я подошел к ним. Разъяренная жена готова была разорвать меня. А Галя, не удержав нахлынувшей злобы, с размаху даже ударила меня палкой. Вот это да! Я перестал смеяться. Со слезами на глазах они стали рассказывать, как испугались...

Через несколько минут отдыха я повел их в тенистый лесочек, где, по моим предположениям, было много грибов. Так и вышло. За ужином женщины весело рассказывали о случившемся. Брат Леня им не поверил.

— Да ну, — сказал он, обращаясь к своей жене Гале. — Не может быть, чтобы кто-нибудь его ударил, — и, глядя на меня, покачал головой: — Что ж ты, брат, молчишь?

За столом отец сидел рядом со мной. Он как-то интересно, с хитрецей улыбнулся, по привычке потер нос ладонью и сказал весело:

— Да, разъяренная женщина бывает страшнее медведя...

КОЛХОЗ РОДСТВЕННИКОВ БЕЛЬДЫ (очерк)

После этого собрания не только Бэнду, но и многие другие долго не могли успокоиться и были под впечатлением казавшейся им сумбурной бестолковщины. Это касается самого начала собрания. Однако, когда говорил председатель райисполкома Богдан Иванович Ходжер о делах Дадинской артели и Гассинского гослова, все слушали внимательно, молча, хотя, как только докладчик переходил на русский язык, не все понимали смысла, о чем говорит Богдан. Тогда из зала новенького клуба, еще пахнущего свежей смолой, раздавались возгласы:

— Говори по-нанайски, мы не понимаем, о чем идет речь.

— Товарищи, среди нас, — отвечал Богдан Иванович, — есть русские люди, которые не понимают нашего языка. Это вот наш инструктор Соколов и представитель из гослова Сенников.

— Ну и что! Их двое, а нас много.

— Ладно, Богдан, говори по-нанайски, — шепнул Ходжер Соколов.

После непродолжительного перерыва собрание продолжило свою работу.

На этот раз на повестке стоял вопрос о выборах председателя колхоза, который будет носить имя Яна Карловича Лукса. Для пояснения задач, стоящих перед избираемым руководителем хозяйства, взял слово Богдан Иванович Ходжер и сказал, что председатель должен быть грамотным человеком. Он должен хорошо ориентироваться во всех делах хозяйства, видеть перспективы его развития, должен быть требовательным и в то же время уметь работать с людьми, интересоваться их семейными нуждами и делами. А в заключение добавил:

— Мы со своей стороны хотели бы, чтобы руководил вашим коллективным хозяйством Соколов Дмитрий Николаевич. Он у нас человек грамотный, чуткий к людям и, если надо, умеет потребовать. Я думаю, он справится с этой работой, — при этом Богдан Иванович показал на рядом сидящего русского человека. Затем снова обратился в зал:

— Как вы думаете, товарищи? Другие предложения будут?

— Правильно, он хороший человек, я его знаю, — раздался из зала голос Фомы Гейкера. Тут же в его сторону посмотрело большинство людей, сидевших в зале. А Чинчика Киле сразу возразил Гейкеру:

— Фома, ты думаешь, у нас в Даде своих людей нет, которые могли бы руководить колхозом? Наш-то человек больше знает обо всех наших проблемах и о людях тоже. А этот

лоца — что он знает о нас и наших заботах? Так что я предлагаю своего человека, дадинского.

Чинчику бурно поддержали Ога Бельды, Пэнгэ Актанко, Пяпу Киле, Коачика Бельды и многие другие. Люди беспорядочно спорили, создавая какой-то истеричный гвалт. Наконец встал Богдан Иванович и с трудом утихомирил зал:

— Хорошо, товарищи, если хотите человека из своей среды, то кого бы вы предложили на место председателя? Вот вы, Чинчика, смогли бы руководить колхозом? — спросил Богдан.

— Я не потому так говорю, что хочу стать председателем, а потому, что наш человек будет больше заботиться о нас и нашем колхозе. Что касается меня, Богдан, ты знаешь, что я человек безграмотный, по-русски знаю всего несколько слов. Вот, например, Бэнду Бельды, он хорошо говорит на языке лоца. К тому же он очень целеустремленный: читает книги, еще достает их откуда-то, чтобы учиться самостоятельно...

— А ты, Чинчика, знаешь, что Бэнду не имеет хорошего образования? — перебил выступающего Фома Гейкер. Он в глубине души как-то не очень был расположен к Бэнду из-за его жены — красавицы Веры. Она ростиком была невысокая, на ее светлом и кругленьком лице искрились черные как смоль глаза, а полненькое тело казалось очень сдобным. Поэтому при встрече с ней Фома каждый раз старался добродушно улыбаться ей и заговорить. Однако чернобровая Вера не отвечала на его припады сколько-нибудь заметной симпатией. Это бесило Фому и оттого глядел на Бэнду косо.

— Ну и что, что Бэнду малограмотный? — возразили из зала несколько голосов.

— Зато он человек настойчивый и добродушный! Нам бы его качества, — теперь уже один продолжал Коачика, то есть Константин Бельды. — Вот ты, Фома, грамотный, а Бэнду почти неграмотный. Но он не хуже тебя говорит по-русски и разбирается во многих вопросах даже лучше тебя. Я под-

держиваю Чинчику, и, думаю, Бэнду справится с этой работой председателя.

— Правильно! Правильно говорит Коачика, — загалдели в зале. Но тут встал Богдан Иванович и сказал:

— Товарищи, если будут другие предложения, пожалуйста, называйте.

— А что, у нас будет так много председателей, что ли? — выкрикивали из зала. Для нани такая процедура проводилась впервые, поэтому люди не понимали процесса выборов. Тогда Ходжер пояснил, что из всех поступивших кандидатур будем выбирать только одного человека, который будет руководить колхозом.

— Ну, тогда я предлагаю Фому Гейкера, — выкрикнул Кенька Бельды. — Он брат Бэнду. Фома — человек грамотный, больше всех возмущается в зале. Может быть, хочет, чтобы его поставили председателем? — В голосе Кеньки прозвучала какая-то утаенная нотка недоброжелательности к Гейкеру.

После подведения черты Богдан Иванович разъяснил о порядке голосования:

— Вот я вам назову фамилию кандидата, а каждый из вас должен голосовать только один раз, только за того человека, который вам нравится, которого вы хотите поставить председателем. Вам это всем понятно? Итак, приступим к голосованию. Счетчики, на левом, среднем и правом секторах готовы к подсчету голосов?

Затем председатель райисполкома назвал в порядке поступления кандидатур фамилию Соколова и добавил:

— Голосуйте, кто хочет, чтобы Соколов стал у вас руководителем колхоза. Кто «за», поднимайте руки.

В этот момент почти весь зал поднял руки. На душе у Богдана засияла искорка надежды, что за предложенную им кандидатуру проголосовало большинство. После подсчета голосов ведущий назвал имя Бэнду. Теперь во всем зале поднялся лес рук. Воздержался только Фома Гейкер.

Здесь Богдан понял, что голосование — знакомое дело для людей, и объяснять следует им терпеливо, на конкретных примерах.

— Стоп, стоп, товарищи, — обратился он в зал, — так дело не пойдет! На этот раз Ходжер объяснил собравшимся очень скрупулезно, ясно, чтоб люди голосовали только один раз и за того человека, которого бы они хотели видеть председателем колхоза.

При повторном голосовании Соколов набрал семнадцать голосов. За Бэнду проголосовало семьдесят восемь человек, за Гейкера отдали голоса всего трое.

Вспоминая всю процедуру собрания и особенно ход голосования, Бэнду, лежа на постели, обнимал свою любимую Веру, которая нежно касалась его пылающих щек своим жаркими губами.

— А сможешь ли, дорогой мой, справиться с этой сложной работой? — шептала она мужу в ухо. — Ты только очень постарайся, и у тебя все получится. Я верю, ты сможешь.

Бэнду, уставший за весь напряженный день, сонно кивал головой жене в ответ. И урывками вспоминая самую концовку собрания, бормотал:

— Потом подошли ко мне поздравить Богдан, Соколов и Сенников, пожелали, чтобы я ближе был к людям, интересовался не только их делами на работе, но и в семье. А дядя Макто сказал:

— Ну, родственничек мой, Бэнду, ты первый председатель из нашего рода Бельды. Давай держись, старайся, не подведи нашу фамилию, будем помогать тебе всем селом...

С этими словами Бэнду, погружаясь в сон, слабо захрапел.

Утром следующего дня Бэнду проснулся рано. В голове теснились всякие мысли, касающиеся предстоящей работы. А нужно было сделать очень многое. Но первостепенной задачей Бэнду считал предстоящую пахотную и посевные работы. Построить тоже следовало бы много. Это детские ясли,

медпункт, школу, склады для колхоза и целый ряд других построек. Все это нужно и все необходимо. Размышляя об этих и других делах, он ворочался на постели осторожно, чтобы не разбудить любимую жену Веру. Затем осторожно слез с нар, оделся и вышел на улицу. На восточном небосклоне майского раннего утра светилась ясная заря нового дня.

Старенький небольшой домик в центре села, служивший конторкой артели, перешел по наследству в новое производственное объединение людей. С приходом односельчан на работу Бэнду, уже в качестве полноправного председателя, собрал всех прямо во дворе конторки и коротко информировал о предстоящих целях и задачах. При этом он советовался с людьми о том, как сделать, чтобы было и быстро, и хорошо. Выслушав мнения людей, председатель сказал:

— У нас рыболовецкие бригады уже есть, которые работали в Гослове. Мы их снимать не будем. Они будут ловить рыбу для колхоза. Полевые бригады тоже есть, бригадир Ога Бельды знает, кого куда поставить. А вот строить нам надо много. Где взять лиственный лес, и когда это можно делать и как?

— Вот как раз сейчас хорошо готовить лиственницу для строительства. На деревьях началось сокодвижение, в эту пору древесина становится наиболее прочной и устойчивой к гниению. Причем и таскать бревна до воды легко, если ошкурить, — как бы переговариваясь между собой, советовали председателю стоявшие в сторонке три пожилых человека. Разговор, начатый одним, поочередно дополняли другие.

— Хорошо, хорошо, деды, — одобрил Бэнду, — а где лес взять?

— Чтобы лиственница стояла недалеко от речки, такого поблизости у нас почти нет, — подхватил разговор Макто Бельды. — Я иногда охочусь по Пиру, вот там есть неплохие релки. Вот только сплавлять как? Проточка со стоячей водой, а до другой протоки с течением расстояние порядочное.

— Ну, эту проблему, я думаю, можно решить. Только, дядя Макто, если на днях сможем собрать людей на заготовку леса, вы смогли бы поехать с ними, показать это место? — спросил у охотника Бэнду. Порешив на этом, председатель пожелал расходящимся людям хорошей, слаженной работы.

Так начался первый рабочий день председателя колхоза Бэнду Хотовича Бельды. Через неделю его вызвали в районный центр Найхин, где предложили поехать во Владивосток на семинар председателей колхозов.

— Ты у нас самый молодой председатель. Поедешь послушаешь, о чем будут говорить. Туда, вероятно, приедут руководители и из лучших хозяйств, они, конечно, будут обмениваться опытом работы. Посмотришь на выставку, которую организуют там. Так что, Бэнду, тебе это будет очень полезно, — так напутствовал молодого председателя Богдан Иванович Ходжер.

Из Владивостока Бельды вернулся после трех недель семинара. Теперь он разбирался в большом круге вопросов по ведению хозяйства и даже привез с собой целый комплект молотильной установки для зерновых культур. До Хабаровска доставили на поезде, а от краевого центра — на барже.

Во время распаковки ящиков с оборудованием смотрели на диковинное устройство почти все жители села: прибежала малышня и даже женщины с грудными детьми. Все это было так интересно и ново для сельчан!

Приехав домой, Бэнду увидел на реке у берега несколько больших плотов. Ошкуренные тяжелые бревна в полупритопленном состоянии лежали на ровной глади протоки, блистая на солнце светловато-желтой поверхностью. А возле здания заготпушнины, что находится недалеко от клуба, к берегу от него, высились две мощные эстакады на сваях значительно выше человеческого роста. На них лежали толстые кедровые бревна с оставленными на время широкими маховыми пилами для продольного раскроя бревна на доски разной

толщины. Эстакады были сделаны по просьбе председателя перед отъездом во Владивосток. Теперь здесь работают четыре пары пильщиков, по две пилы на каждом бревне. После часа тяжелой работы пильщиков сменяли другие восемь человек. Работающие здесь люди — в основном охотники. Это Бельды Бонга, Бельды Донгся, Бельды Дзэкимбу, Киле Вачиа, Оненко Пуктэнгэ, Бельды Нядига и другие. Старшим, как бы бригадиром, был Макто Бельды. Все напиливали по три, четыре, до пяти кубометров сортиментных досок в день. При ручном раскрое это высокая производительность. Но они с трудом успевали обеспечивать досками две плотницкие бригады, одна из которых возводила здание медпункта, а другая — детские ясли. Доски требовались также для строительства больших лодок-неводников — к осенней кетовой путине. Бидя безупречную работу односельчан, Бэнду радовался, но сделать предстояло еще больше.

За несколько лет председательства Бэнду вывел свой колхоз почти на первое место в районе. За это время были построены школа, магазин, пекарня, склады для колхоза, магазина, конюшня, скотоводческая ферма и многое другое! Бэнду еще дважды ездил во Владивосток на слет передовых хозяйств края и на учебу по председателскому делу.

Шел 1938 год. Как-то Фома Гейкер стал иногда появляться в доме Макто. Его жена Тойла Бельды доводилась Гейкеру близкой родственницей. Приходит да и приходит к родственнице. А что тут такого? Разве нельзя видаться с близкими людьми? Но он всякий раз с какой-то нескрываемой завистью, но всегда молча поглядывал на потолочную балку, где висели три огнестрельных ружья. Одно из них было охотничьей берданой, другое дробовое ружье шестнадцатого калибра. А третье ружье Макто считал самым драгоценным. Оно тоже дробовое, но восьмого калибра. На цевье у него была узорчатая гравировка и короткая надпись: «Бельды Макто от Арсеньева. 1927 г.»

Как-то в начале октября этого же года под вечер постучались в дверь и вошли в дом двое русских и в приказном порядке сказали Макто собираться. Дети расплакались, хватали отца за руку, но незнакомцы грубо отстраняли их. На следующий день снова приехали эти же люди и, вороша весь дом, искали что-то. Наконец забрали все три ружья, уехали. После обеда зашел в дом Макто председатель колхоза и с возмущением ругался: «Это, скорее всего, работа энкаведэшника Фомы... Ну, паразит какой, а!»

Под арестом Макто держали три дня. А потом выпустили, отдав ружье шестнадцатого калибра и бердану. И на этот раз Бэнду приходил к Макто. Они стояли несколько минут обнявшись, молча.

— Я подумал: «Все, больше не увижу ни детей, ни жену», — с глубоким волнением сказал наконец Макто.

— Ладно, дядь, все обошлось. А ружье, хотя и дорогой подарок, черт с ним, — успокаивал его Бэнду.

В мае 1940 года вызвали Бэнду в районный центр. В райкоме ВКП(б) сказали:

— Твой колхоз стал передовым в районе, готовь двоих людей. Будем отправлять их с тобой в Москву на сельскохозяйственную выставку. Смотри, чтобы они у тебя были передовиками. Мы отправим с тобой на выставку калугу, рыбу амур, ауху и еще несколько видов других рыб. То есть то, чем мы богаты. Пусть все люди видят богатство нашего Амура и какие добрые и трудолюбивые люди живут у нас.

Бэнду приехал домой радостный и восторженный. Жене Вере рассказал все в подробностях.

— А кого ты думаешь взять с собой в Москву? — спросила Вера.

— Я бы с радостью взял с собой тебя, дорогая, — улыбнулся Бэнду и добавил: — не знаю, кого взять. Но сказали, что надо одного охотника, а другого — рыбака или из другой отрасли. Охотник — это, наверное, будет дядя Макто. А дру-

гого не знаю, надо посоветоваться с людьми. Все ведь у нас работают хорошо.

На другой день, собрав правление, Бэнду поставил на повестку дня только один вопрос: о кандидатах на ВДНХ. По охотнику обсуждать долго не пришлось, все согласились с мнением председателя. А вот по второму вопросу мнений было много. Одни предлагали Ога Бельды — бригадира полеводов, другие Чинчику Киле — бригадира рыболовецкой бригады. Но ни с одним, ни с другим члены правления не соглашались. Тогда Исара Оненко предложил кандидатуру Захара Вельды — колхозного конюха, который всю конную упряжь всегда держал в порядке, а самих животных холил и любил. И почему-то с этой кандидатурой почти все согласились с легкостью. А Ога даже в шутку сказал:

— Может быть, нашему конюху в подарок дадут коня.

И эти слова в действительности оказались вещими. В июне, возвращаясь из Москвы, наша делегация привезла сорок высоких донских скакунов, двадцать коров молочной породы, около ста черно-бурых лисиц, два конных плуга с тележками и бороной. А впечатлений была уйма. В срочном порядке пришлось расширить конюшню, коровник, построить из множества секций большую клетку для чернобурок. Тут же определили бригады по ловле рыбы и добыче мяса, чтобы кормить поголовье лис.

Весна 1941 года выдалась обычной. Все звенья колхозного производства работали с подъемом, чтобы достичь еще больших результатов. К этому подталкивали полученные от государства подарки за участие в ВДНХ. Была середина июня. Полеводы во главе с бригадиром Ога работали на поле На дуэни. Вдруг Чичика Бельды подняла голову вверх и в ужасе замерла, но осторожно, как бы боясь перепугать сидящую рядом пташку, сказала полусшепотом:

— Посмотрите наверх, что я там вижу...

Тут, подняв головы, женщины ахнули вполголоса:

— Это к чему-то нехорошему...

Почти на всю половину западного небосклона виднелся наверху солдат с автоматом, каской на голове, а на передней части ее виднелась звездочка. Это видение появилось на чистом небе. Оно было ясное и четкое. Но постепенно, превратившись как бы в дымок или облачко, растаяло совсем.

Через неделю объявили по радио о начале войны.

8 июля 1941 года председателю сельского Совета Омона Бельды доставили толстый пакет. В нем содержалось более двадцати мобилизационных повесток на войну. В списке среди первых значился Бэнду Хотович Бельды. Затем следовали Бельды Антон Петрович, Бельды Демьян Ингенович, Бельды Кенька Арангович, Бельды Лукьян Понгсавич, Бельды Степан Александрович, Бельды Тимофей Григорьевич, Бельды Сэну Андреевич, Донкан Владимир Антонович, Заксор Байту Алексеевич, Киле Александр Дмитриевич, Киле Анатолий Филиппович, Киле Чончи Ававич, Киле Энзэли Ававич, Одзял Бага Сергеевич, Поссар Исара Ситувич, Бельды Владимир Данилович, Бельды Константин Петрович, Гейкер Понгса Багдович, Киле Дэкимбу Чандагавич и Поссар Пики Дэйзунович. Это была первая мобилизационная группа молодых парней из Дады на войну, которая полностью пала на полях сражений с врагом на разных участках великой битвы за Родину. Бэнду Хотовичу не удалось вернуться домой, как обещал перед отправкой:

— Ну, родичи мои, односельчане, колхозники! Держитесь, работайте, не уроните наш колхоз. Я приеду после войны, и снова все вместе будем работать.

Рядом стояла жена Вера, и из ее глаз катились крупные слезы. Когда муж сделал первые шаги, Вера расплакалась навзрыд, взяв его за руку, тянула к себе:

— Милый мой, погоди! Ну, постой со мной рядом еще чуть-чуть! Дай мне еще раз поглядеть на тебя!..

Но война не может подождать даже малость, даже чуть-

чуть. Как и все ушедшие на фронт с этой группой, Бэнду пал смертью храбрых 16 апреля 1942 года.

После отправки Бэнду на фронт председателем колхоза был назначен Тунгус Никитович Бельды. До этого он уже был председателем рыболовецкой артели «Новый путь». Тунгус как человек доброхарактерный не мог требовать от людей жесткого исполнения своих указаний. Это почувствовали люди сразу. Да и тяжесть ухода на фронт большой группы молодых парней чувствовалась в настроениях людей. Теперь на колхозные поля для прополки травы стали выводить учеников начальной школы, включая и первоклассников. Ребят выводили и зимой в лес — на заготовку дров для школы, магазина, пекарни и других учреждений. Взрослые люди пилили и кололи дрова, а ребята складывали колотые поленья в штабеля. Недоставало людей и среди рыбаков. Теперь включали в бригады и женщин.

Первыми почувствовали голод черно-бурые лисы. В клетках они прогрызали деревянные полы и стали убегать на волю. Однако отдельные из них иногда, крадучись, появлялись возле своих клеток.

В начале 1942 года приезжала в Даду группа военных людей, которые вместе с ветеринарным врачом Осипенко из Найхина выбирали здоровых, быстроногих и крепких лошадей, полученных в подарок от ВДНХ, для отправки на фронт. По распоряжению председателя стали периодически забивать коров, свиней и выдавать колхозникам в счет трудодней.

В конце сороковых годов поставили на председательскую должность русского человека по фамилии Размахнин. В это время колхоз назывался имени Микояна. Вклад Размахнина в колхозное дело оказался невеликим.

В середине пятидесятых годов направили в Даду председателем колхоза Ивана Тороковича Бельды. Этот невысокого роста человек обладал хорошей организаторской способностью. Он сразу взял в свои руки управление, наладил

дисциплину, какими-то только ему известными путями доставал для колхоза сельскохозяйственную технику, водный транспорт, расширил акватории рыбацкого промысла. В это время Иван Торокович стал размышлять над названием хозяйства. С предложением изменить название колхозу выходил к руководству района. И все-таки добился переименования, колхоз назвали «Вперед».

Хозяйство потихоньку продолжало укрепляться: установили две пилорамы. За пиломатериалом в Дадугу приезжали из других сел района. Была построена рыбообрабатывающая база. Таким образом, за несколько лет колхоз «Вперед» стал миллионером. В селе построили новую школу, медпункт, детский сад, отделение почты, жилые дома. Но в 1964 году по укрупнительской политике Хрущева объединили Нанайский и Комсомольский районы, а Дадинский колхоз — с Найхинским колхозом «Новый путь». Бывший колхоз-миллионер стал всего лишь отделением Найхинского укрупненного хозяйства. Затем и самого Ивана Тороковича тоже забрали в Найхин. А руководителем Дадинского отделения назначили Досю Петровича Бельды, который стоял на этой должности до полного развала отделения. Но в этом нет вины Доси Петровича. Виновата была, как сегодня и тогда, наша государственная система, политика, которая призвана служить не интересам народа, а в ущерб ему. Дадинский колхоз родственников Бельды является тому ярким примером.

КЭРЭН — НАНАЙСКАЯ ГРОБНИЦА (ритуальный обычай)

Мой народ *нани* хоронил покойников в ритуальных сооружениях, называемых *кэрэн* — наземные срубы из круглого леса, где помещали гробы с телами умерших родственников.

По внешнему виду *кэрэн* напоминал нанайский зимник. Его крышу, поверх обрешетки, покрывали дранкой, которую умели делать с давних времен, берестой или соломой, связанной валиками. Валики укладывались плотно, ровно, чтобы поверх них можно было положить слой глиняной смеси с сухой травой (сеном). На него укладывали листы бересты, начиная от нижней кромки крыши. Одновременно на бересту укладывали новый слой из валиков сухой соломы. Так, ряд за рядом крыли всю крышу. В заключение покрытие крыши прижимали длинными жердями, уложенными сначала поперек снопов, а затем вдоль. Жерди скрепляли между собой и на коньке крыши. Между торчащими вверх концами жердей укладывали еще одну — толстую. Выполненная таким образом крыша надежно защищала внутреннее пространство *кэрэн* от ливней. Следует подчеркнуть, что технология изготовления крыши ритуального домика полностью совпадала с технологией изготовления крыши жилого дома. Потолка в *кэрэн* не было.

В *кэрэн* не прорубали окон. Кроме того, при возведении стен на бревнах не делали пазов для укладки утеплительного мха, и между ними оставались небольшие щели, а под самым коньком стены, напротив входа, делали отверстие-отдушину, чтобы трупный запах не застаивался внутри помещения, а улетучивался.

К обязательному элементу внутренней обстановки нанайского погребального домика можно отнести нары, которые чаще всего устанавливали сразу у входа, чтобы посещающие *кэрэн* близкие и родственники могли полежать, отдохнуть. На этих же нарах любившие своих мужей и детей мастерицы рисовали узоры, вырезали их и вышивали. В свою очередь, скорбевшие мужчины вязали здесь сети, делали охотничье снаряжение и так далее. Внутри помещения было сумрачно, для работы зажигали свечи. Чтобы перебить трупный запах, на створках больших речных раковин или в какой-нибудь ме-

таллической, глиняной посуде разжигали болотный багульник таким образом, чтобы он только тлел и дымил.

Внутри погребального сооружения размещали некоторые предметы быта, которые в дальнейшем использовались только в *кэрэн*: низкие и высокие сиденья, столики, циновки на полу.

Гробы ставили вдоль стены, противоположной от входа. Причем ставили не на землю, а на специальный низкий «стеллаж» из крепких жердей, изготовленный таким образом, чтобы под каждый гроб можно было протолкнуть длинную (во всю длину гроба) корытообразную берестяную посуду *матаха* с небольшим количеством сухого песка и золы для сбора вытекавшей из гроба жидкости. Содержимое *матаха* меняли довольно часто и не просто выбрасывали, а зарывали в землю.

Гробы делали из толстых самодельных досок, в основном кедровых, тканью не обтягивали. Гробы имели форму прямоугольного ящика, несколько сужавшегося и снижавшегося в ножной части. Редкие мастерицы вырезали из ткани или бересты узоры и наклеивали их либо на боковые стенки, либо на крышку гроба. Красивыми крупными узорами из черной ткани был украшен гроб моего отца Макто Бельды. Их вырезала близкая родственница отца, большая нанайская мастерица Оненко Дашка. На красной ткани черные узоры смотрелись красиво и в то же время траурно.

Со временем — после исполнения обряда проводов души умершего человека в загробный мир (*каса*), который совершался не ранее чем через год (лунный) после смерти человека, — гробы с прахом перезахоранивали в землю.

Строительство нанайцами погребальных домиков связано, как я считаю, с историей могущественного государства Цзинь — Золотой империи, в составе которого жили предки приамурских народов. В Золотой империи была своя письменность, развивались различные ремесла и технологии,

в т. ч. металлургия и др. Можно предположить, что в Цзинь существовала практика возведения погребальных сооружений (гробниц) для умерших родственников, знатных людей, а, соответственно, предки нанайцев, удэгейцев и других народов юга Дальнего Востока России были знакомы с этой ритуальной практикой. После разгрома Золотой империи монголами многие технологии и достижения были утрачены. Но с течением времени прошлый опыт восстанавливался. Так, у нани вплоть до 50-х годов прошлого века встречались высококлассные мастера кузнечного дела. Я застал в родном селе Дада небольшое деревянное здание — кузню с ручным поддувалом-горном. Там работал Кузгэ Вельды. В ярко горящий огонь он подкладывал ясеневые обуглившиеся небольшие чурочки (или угольки). Огонь ярко горел при подкачивании воздуха вручную горном. Кузнец клал туда железо, и оно быстро раскаливалось добела. Когда металл начинал плавиться, он прикладывал к пруту конец другого прута. Таким методом сваривал два прута в целое. Кузгэ изготавливал остроги, приковывая к остриям усики, охотничьи копыя, наконечники для стрел самострелов *дэнгурэ* и прочее.

Этот пример я привел для того, чтобы показать, как наши предки постепенно восстанавливали старые знания. К этому ряду относится и строительство погребальных домиков *кэрэн*.

С приходом на берега Амура советской власти строительство *кэрэн* было запрещено. Однако нанайцы не отступили от традиционного способа захоронения своих усопших. Они стали строить срубы в могиле. Они делались либо из круглого леса, либо из брусьев, либо обкладывали кирпичами таким образом, чтобы в него входил гроб. Обязательно клали на сруб крышку из толстых кедровых или лиственных досок, чтобы земля не лежала непосредственно на гробе.

До настоящего времени, несмотря на сложную экономическую ситуацию, нани хоронят умерших не так, как славя-

не. Из-за дороговизны пиломатериалов, чтобы не делать в могиле сруб, яму копают шире, но на высоте, несколько превышающей высоту гроба, делают с обеих сторон ступеньку — положить над гробом крышу.

ДВЕ ЖЕНЫ ОХОТНИКА, ИЛИ ЛЮБИМАЯ И НЕЛЮБИМАЯ ЖЕНЫ ЕГО (нанайская быль)

В старину зажиточные нанайские мужчины имели по несколько жен. Многоженство не осуждалось. Оно, наоборот, считалось нормальным явлением и, более того, говорило о том, что этот мужчина деловой, хозяйственный: он и рыбак опытный, и охотник уважаемый, то есть знающий, удачливый. «Как же иначе, — рассуждали нани, — ленивый человек разве сумеет содержать две или три жены? Да еще если от каждой жены по три-четыре ребенка».

Поэтому каждый сильный в жизни мужчина стремился иметь две-три и более жен. Нередко бывало и так. Муж на охоте добывает много мяса. Из него надо сделать запасы всякой еды, кожу надо выделывать для обуви, рукавиц и другой одежды. Кроме этого, он постоянно ловит немало рыбы, на обработку которой уходит тоже очень много времени. В таких случаях сама жена настаивает на том, чтобы муж привел домой еще одну женщину в жены, так как одной управиться дома очень тяжело. А с *хорян*¹ работа всегда спорится.

Следуя обычаю, в давние времена жил в одном нанайском стойбище мужчина. Он был отличным охотником и рыбаком. Поэтому жил, никогда не зная нужды. Старшую жену он не очень любил. Поэтому держал ее на более тяжелых и

¹ Хорян — обращение жен между собой, приблизительно можно перевести как подруга, сестра.

черных работах. Она постоянно вышивала и изготавливала из шкуры зверя и рыбы одежду для мужа, его молодой жены и себя. А молодая жена все любовалась собой, иногда варила еду и, не утомляя себя трудом, спала или просто бездельничала.

В это время в *Мангбо* было много рыбы, в тайге много зверя. Поэтому делать запасы еды впрок не было особой нужды. Захотел мяса — рядом в тайге можно подстрелить сохатого, изюбря или другого зверя — бери все в свежем виде. Если нужна рыба — в каждом заливе, в каждой протоке бей ее на отбор одной только острой сколько хочешь. И не какую-нибудь худую, плоскую, а жирную и круглую.

Но однажды выдался год очень бедный, что даже столетние старожилы не помнили такого. В тайге пропали все звери, животные, в Амуре настолько вода обмелела, что рыба подохла. Дома кончились все запасы пищи, и есть стало уже нечего.

Тогда охотник задумался: «Чем мои жены пропадут зря, я одну из них увезу в тайгу, а другую — на луга». И сделал так, как задумал.

Любимую, молодую жену он посадил в оморочку, повез ее в тайгу, где было много кедров, чтобы она кедровыми орешками питалась. Сделал ей хороший шалаш и уехал. Старшую, нелюбимую жену посадил в оморочку и отвез на луга, где была большая дубовая релка. Ей тоже сделал шалаш и уехал.

Мало ли, много ли времени прошло, охотник решил навестить своих жен. Сначала поехал в тайгу к любимой жене. Приехал и видит: от ее красоты не осталось и следа, молодость ее увяла, как сорванный цветок, она засохла и умерла. Кедровые орешки — вкусные, но содержат очень много масла. При длительном питании ими организм перестает воспринимать их как пищу, а это приводит к заболеванию желудка, что и явилось причиной смерти любимой жены охотника.

Похоронив ее, он поехал к нелюбимой. Еще издали заметил, что возле шалаша вьется струйка дыма. Подъехал и видит: жена-то его разругалась и раздобрела. Над костром у нее висит котелок, а в нем варится что-то странное.

Жена встретила мужа, усадила возле костра и, положив из котелка в берестяную миску еду, подала мужу. В другую миску положила сваренных черненьких желудей.

Только тогда понял охотник, что напрасно недооценивал он старшую жену. Она была умной, трудолюбивой, доброй и большой мастерицей. Перед тем как поехать с мужем на луга, она собрала и взяла с собой все *амири* — свадебные халаты из рыбьей кожи, которых у нее было много. Мудрая жена знала, что сваренная с желудями рыба шкура превращается в довольно калорийную, питательную пищу, очень полезную для организма. Кроме этого, она ела ягоду, готовила пищу из древесных грибов и употребляла луговой лук. Много чего находила в природе для еды.

Поэтому нанайская мудрость не зря говорит: «Умный, знающий жизнь человек и заблудившись в лесу не пропадет. Под его ногами много пищи, чтобы не умереть с голода». А молодая жена не знала всего этого и потому обрекла себя на гибель.

ПЭУЛЭН¹ (нанайская легенда)

Это было очень давно. Так давно, что людей, знавших об этом, нет и в помине. С тех пор много раз меняла свое русло великая река — кормилица *Мангбо*. А нани продолжают жить на земле предков, как кедровые, которые, родившись однажды, никогда не покидают землю до самого последнего

¹ Пэулэн — нанайское название созвездия Большая Медведица.

часа: для них просто нет другой родины. «*Боа, эрин-рэгдэ найва хаоси-да хэм тавоми мутэй*», — говорили мудрецы, — «*Только небо и время могут изменять человека и в человеке все*». Следуя этой мудрости, век за веком, тысячелетие за тысячелетием одно поселение постепенно превращалось в сусу¹, унося с собой больных и немощных стариков. А вместе с ними уходили в небытие какие-то культурные и духовные ценности народа, на их месте появлялись другие, новые. Так случилось и с этой легендой, но...

Однажды мой отец Макто Бельды (он был очень опытным охотником и рыбаком) во время ночной рыбалки любовался звездами. Вдруг показалось ему, что звезды будто качаются. При этом слышался еле уловимый шелест, шорох или звон. Прислушался. Действительно, от звезд исходили какие-то звуки. Но вначале они были невнятными, а затем стали отчетливыми, гулкими, как сама вечность, как само время. Это был голос Эндур², который рассказал отцу уже забытую людьми легенду. А отец рассказал ее мне.

«Жили на Земле когда-то давным-давно старик со старухой. У них была дочь — красавица Пудин. Однажды посватался к ней молодой Аоян, такой красавец, что другого похожего трудно было сыскать. Аоян понравился девушке, и потому старикам ничего не оставалось, как выдать единственную и любимую дочь за него. Аоян остался жить у невесты, хотя по обычаям народа нани муж должен был увезти жену с собой.

Долго ли, коротко ли дело делается, да только время дает ему оценку. На охоту поедет старик — берет с собой зятя. На рыбалку соберется — Аояна в лодку садит. Как же, муж дочери — это что сын родной: он и помощник, и кормилец.

¹ Сусу — село, покинутое, брошенное из-за болезней или каких-то явлений.

² Эндур — бог неба.

Как-то раз старик говорит зятю: «Аоян, у нас *пэулэн* старый стал, столбы сгнили, скоро упадет. Надо новые сделать, занялся бы этим». Сказав это, старик ушел домой отдохнуть. Прилег на постель, а в глаза сон, как соболь в *дэнгурэ*¹, не идет. В голове мысли, как пузыри в кипящем котле, кишат: «Что же это Аоян такой? В каком роду он рос, воспитывался? Острогой в сазана метнет — попадет в кочку, вместо амура — в палку. Да и на охоте одни промахи: стрельнет в лося, стрела впивается в валежину, вместо кабана ударяет копьём в пень. Вязать сетку не умеет, делать нарту не может. Как он будет кормить жену, а потом и детей?» Занятый такими мыслями, не заметил старик, как наступили сумерки. Поднялся с нар и вышел во двор поглядеть на работу зятя. Аоян поставил четыре столба для вешалов. Старик посмотрел и увидел, что стоят они на разном расстоянии друг от друга. Тут он не выдержал и взбесился: «Ах, ты такой *моцо*², что от тебя только пустой звон, и красота твоя холодна, как луна! Для чего ты только живешь? Ты глуп, как *мого*³, как *тучун*⁴!» С этими словами старик схватил топор и погнался за Аояном. Шум и крики услыхала старуха и вышла во двор. Увидев мужа с топором над головой, бегущего за зятем, побежала за ними вдогонку, плача: «*Мапа*⁵, одумайся, не убивай Аояна — будет беда, большой скандал!» Но гнев старика был беспределен, и он продолжал гнаться за зятем. Все это видел с вечернего небосклона Эндур. В его власти все, что делается на Земле и в небесах. Поэтому он не мог допустить, чтобы народ нани стал враждовать со своими соплеменни-

¹ Дэнгурэ — охотничий самострел на мелкую пушнину.

² Моцо — неумелый.

³ Мого — гриб, так называют нанайцы глупого, ни к чему не приспособленного человека.

⁴ Тучун — скребок для выделывания кожи рыбы с длинной рукоятью.

⁵ Мапа — обращение женщины к мужу, т. е. муж.

ками. Чтобы остановить это, он превратил всех их в звезды Большой Медведицы.

Сегодня, если посмотреть в звездное небо, на его северной стороне, т. е. там, где живут нанайцы, видно созвездие *Пэулэн*, или Большая Медведица. Если мысленно пронумеровать все семь звезд созвездия, начиная от конца ручки ковша, цифрами от одного до семи, то звезды 4—7, т. е. сам ковш — это столбы вешалов. Звезда под цифрой 1 — убегающий Аоян. Звезда 2 — это старик. Если присмотреться к этой звезде, то над ней видна маленькая светлая точка — топор старика над его головой. Звезда 3 — это старуха, которая спешит зятю на выручку.

Такую нанайскую легенду поведали моему отцу звезды, а я рассказал ее вам. В ней есть доброе поученье: погонишься за красотой — обретишь недоброе, убьешь человека — окунешься в грязь, наживешь вражду.

ЖЕНЩИНА КОНГИПОН (нанайская быль)

Не раз я слышал от старых и мудрых людей, что в прошлые времена было много злых духов *амбанов* (чертей), которые везде, всегда и всюду подстерегали людей. Они способны причинить человеку всякие страдания в виде душевных или нервных потрясений и даже забрать его душу в потусторонний или загробный мир *буни*. Если шаман во время своего камлания не мог вернуть душу этого человека из *буни*, то человек был обречен на физическую смерть.

Об одном из таких злых духов — кровожадном чудовище *Конгипон* — рассказывала мне моя бабушка, двоюродная сестра моей матери. Она жила в селе Дада и умерла в 1963 году в возрасте 108 лет.

«Это — быль, а не легенда и не сказка, — начинала свой

рассказ о женщине *Конгипон* бабушка, — она случилась со мной».

«Давным-давно женщина пошла в лес собирать таежную ягоду голубицу. Собирая ее, она углубилась далеко в лес. Когда опомнилась и огляделась, увидела — вокруг незнакомые места, непроходимая чаща. Женщина поняла, что заблудилась, и стала кричать: «Ко-о-о!» Так кричат люди, заблудившиеся в тайге. Ее протяжный, звонкий голос безответно терялся в сопках и на марях. Она была так далеко от стойбища, что даже ветер своими порывами не мог донести ее голос до людей. Женщина бежала вперед, плакала и все кричала. Но тайга оставалась глухой и безмолвной. Одежда ее цеплялась за ветви деревьев, рвалась, клочки оставались висеть на них, а истлев, превратились в *лэнгэки* — висящий на ветках мох. На камнях от босых ног кусками оставалась кожа женщины, становившаяся потом *мого* — лишайником на камнях, похожим на соболиные ушки.

Сколько дней и ночей бежала женщина по тайге, об этом никто не знает. Вся одежда на ней изорвалась в лохмотья; руки, ноги, тело были в ранах от острых колючек. Но она продолжала бежать и так же протяжно, звонко кричать свое «ко-о-о!» При беге она уже словно парила над землей. Там, где женщина бежала по мари, на мху оставался красный след ее крови. А на траве по утрам ярко светится и по сей день роса — ее слезы. Сколько ни кричала, сколько ни звала женщина, не получила она от людей спасительного ответа «ко-о-о!». Затаив глубоко в душе обиду на людей, превратилась она в оборотня *Конгипон*, летающего и бесконечно издающего призыв «ко-о-о!»

«Однажды, — продолжала бабушка свой рассказ, — я одна собирала ягоду голубику. Вдруг отчетливо услышала зов «ко-о-о!» где-то далеко. Через некоторое время голос повторялся, но уже ближе. Я подумала, что кто-то заблудился и хочет выйти, ищет тех, кто бы помог ему выбраться из леса.

Я ответила: «Ко-о-о!» — и сразу почувствовала, что моя голова слегка наклонилась в сторону и чуть-чуть закружилась, а из груди так и рвалось новое «ко-о-о!» в ответ на раздававшийся уже над моей головой голос. Тут я поняла, что это не человек кричит, а оборотень — женщина *Конгипон*. Ментально развязала свой широкий и длинный матерчатый пояс, крепко привязала себя к березе, которая стояла рядом со мной, лицом к стволу. Женщина-оборотень летала надо мной. Она радовалась и смеялась, что сумела окликнуть очередную жертву, все звала, манила меня с собой. Я кричала, как она, билась, пытаясь порвать пояс. После очередного удара о ствол березы разбила нос, по губам и подбородку побежала теплой струйкой кровь. Вмиг исчезла *Конгипон* и перестал звучать ее голос.

«Старые люди говорили, — пояснила бабушка, — если услышишь голос женщины *Конгипон*, то ни в коем случае нельзя откликаться. Если откликнешься, с ума сойдешь и, пока не умрешь, будешь бежать за зовущим тебя оборотнем. Чтобы не сойти с ума, надо сильно ударить себя в нос, так, чтобы побежала кровь, или привязать себя к дереву лицом к стволу. Вот такой злой дух *Конгипон* был на самом деле, и я испытала на себе его воздействие», — закончила рассказ бабушка. А я подумал: «Что же произошло на самом деле? Не так ли рождаются былины и легенды?»

ТАЙНЫ СНОВИДЕНИЙ (поверье)

Сновидения бывают разные. Чаще всего они бессвязные, хаотичные, видятся кусками, независящими друг от друга. Но среди этого хаоса сновидений есть «подсказки», очень неконкретные и ограниченные, которые либо предсказывают очень хорошее, либо очень плохое. Они могут означать

предстоящую дорогу, приход духа (*паня*) еще не родившегося ребенка (перед самым зачатием), смерть родственников и другие события в жизни людей. Описанные в статье сновидения базируются не только на личном опыте автора, но и других людей, многие из них проверены не одним поколением нанайцев.

Ряд лет мне довелось охотиться со старыми и опытными промысловиками. Часто и много слышал от них о всевозможных снах, которые обычно сбывались на охотничьем, рыболовном промысле или во время каких-то определенных занятий. Но начну рассказ о сновидениях на основе собственного опыта.

В нанайском языке собака именуется словом *инда*. Слова «стыд» и «отказываться» — *иламо* и *иламолий* — начинаются с буквы «и», как и слово *инда*. Отсюда многие нанайские охотники, если видели во сне собаку, считали, что в этот день у них случится что-нибудь недоброе, из-за чего они вернутся на охотничий стан ни с чем, т. е. со стыдливостью в душе, что в удаче им было отказано. Сон, где фигурировала собака, рассматривался как сигнал будущего невезения и промаха.

В начале своей промысловой деятельности я тоже верил, что увидеть собаку во сне — к неудаче. Поэтому уходил на свой путик с чувством огорчения и досады: вернусь на стан с пустыми руками. Однако практика показала, что существует совершенно другая разгадка сна в отношении меня. Сколько собак сопровождало меня во сне, столько соболей я и приносил из тайги. Однажды (это был самый рекордный день) во сне я увидел целую свору псов — пять кобелей и две сучки бегали вокруг. Они то прыгали на меня, то путались под ногами. Я отгонял их, а они снова крутились вокруг. Одна из сучек каким-то образом забралась на дерево и, когда стала спускаться, зацепилась хвостом за сучок и никак не могла освободиться. В этот день я нашел в своих капканах шесть соболей. Подходя к последнему капкану, еще издале-

ка увидел, как соболь болтается на сучке вниз головой. Он с капканом залез на кедр, таща за собой на проволочном поводке палку, которая застряла в самом нижнем сучке дерева. Соболь сорвался со ствола и болтался вниз головой с капканом на задней лапе, а вообще, за заднюю лапу зверек попадает в капкан крайне редко.

Во время охотничьего промысла многие охотники всегда чертыхаются, когда видят во сне таких домашних животных, как курица (а также яйцо, человека, чья фамилия начинается на букву «О»), свинья, корова и т. д. В нанайском языке начальные буквы названий этих животных совпадают с начальными буквами некоторых недобрых слов. Нанайцы верили, что сны, в которых человек видел этих животных, предшествовали неудачным и недобрым событиям в его жизни на следующий день.

К удаче снится совершенно другое. Если во сне человек обмазался своим или чужим калом или копался в какой-нибудь грязи, то в день после сна охотник-рыбак добудет мясо или рыбу без особых проблем. Охотнику сопутствовала удача и в том случае, если он видел во сне спящего или убитого человека или вступал в сексуальную связь с какой-нибудь женщиной. Рыбаку сопутствовала удача, если во сне он видел сбор дров, плывущих по реке, или складывание дров в поленницу. Напротив, если человек во сне поймал много рыбы, то в этот день обязательно пойдет летом дождь, зимой снег. К дождю и дождевым тучам нередко снились медведи, к ветрам — бегающие кони, коровы, свиньи.

Нельзя не рассказать еще о некоторых моментах из моей охотничьей практики. В 50-х годах прошлого столетия с отцом Макто, братьями Трофимом, Леонидом и матерью Тойлой охотился зимой на горной гряде Пякса (Пихца). В то время в долине этой реки, на склонах прилегающих сопкок сплошной стеной кедровый лес. Пушнины и дикого зверя было много. Однажды приснился мне такой сон. Будто на-

хожусь в каком-то селе, где живет мой приятель. Захожу к нему домой, а он спит. Подхожу, бужу: «Ты чего спишь среди белого дня?! Вставай!» А он недовольно бурчит на меня: «Не мешай, уйди...» В этот день я пошел в лес и нашел берлогу с медведем.

В другой раз во сне увидел человека, шедшего с одной лыжей на ноге. Накануне я под след харзы поставил большой двухпружинный капкан. Проснувшись и отправившись на свою тропу, обнаружил, что в капкан для харзы попался какой-то сильный зверь, оборвал толстый тросовый поводок и ушел с капканом. Я пошел по следу и догнал большую рысь.

Или вот еще не менее интересный сон. Будто идет война. Вижу, наступают немцы со штыками, а у нас нет никакого оружия, кроме палок в руках. Однако мы вступили с ними в бой и палками перебили несколько фрицев, остальные скрылись. На следующий день мы наткнулись на большое стадо кабанов и убили несколько штук. Это только несколько моих снов, которые оказались предвестниками охотничьей удачи.

На рыбалке *паня* (душа) крупной рыбы приходит во сне в виде бревна, которое спящий или его родственники привязали веревкой к берегу. После такого сна обязательно поймаешь на рыбалке калугу либо осетра.

На протяжении своей жизни мне много раз приходилось выполнять сложную и тяжелую работу, от которой порой очень сильно уставал. Однако сновидения предупреждали меня только о предстоящей усталости на охоте. Охота — тяжелый промысел. Все пушные, копытные животные — живые существа. Чтобы добыть их, надо ходить упорно и долго. Со временем я понял одну закономерность: если во сне мне доводилось выпить водки, значит днем на промысле я обязательно устану. Причем, если выпивал мало, то уставал не сильно. Но если напился во сне «в усмерть», то возвращался с охоты еле живой. Из-за того, что заблудился или добыл

зверя, после чего возился с мясом или... Причин могло быть десятки.

К радости снятся сны, в которых человек плачет, сны, в которых видишь человека, чьи фамилия или имя начинается на «А» — Аку (имя женщины), Атка (имя мужчины), Актанка (одна из родовых фамилий нанайцев) и т. д. Это связано с тем, что в нанайском языке радость — *агдапси* — начинается с буквы «а». Будущие горести, огорчения предсказывало пение во сне, игра на музыкальных инструментах и вообще веселье, а также приснившиеся свинья, сова, яйцо и т. д.

Очень интересны сновидения эротического свойства, связанные с предстоящей дорогой, причем с дорогой неожиданной и дальней. В 1953 году я закончил Найхинскую неполную среднюю (семилетнюю) школу. Мне тогда было 19 лет. Получил свидетельство об окончании школы и уехал в родное село Дада (Да). Однажды вижу сон, что мой penis, как шест, торчит предо мной. Я стою около речки, а он вытянулся чуть ли не до середины реки. После этого сна не прошло и трех дней, как меня вызвали в Найхинскую школу. В кабинете директора собрались мои любимые учителя, за столом сидел директор Алексей Васильевич Шапошников. Он объявил, что педсовет школы решил направить меня для продолжения учебы в Ленинградский педагогический институт имени Герцена. Мне следовало сообщить об этом родителям и посоветоваться с ними. Осенью того года я поехал туда, за речку — на Запад.

Вторично подобный сон приснился мне в 1982 году. Мы жили в Ульчском районе. Однажды приснилось, что сижу дома на стуле в центре зала и двумя руками еле держу свой возбужденный penis, ставший неимоверно толстым и длиной почти до потолка. Я распереживался и проснулся, а наутро почтальон принес телеграмму — приглашение на встречу студентов-герценовцев в Ленинграде.

Будущую дорогу сулят приснившиеся пароходы, самолеты

ты. Они снятся также к письмам, к каким-то известиям. К внезапным новостям я слышу в своих сновидениях звуки выстрелов. Слышать во сне звуки грома — к ссорам и скандалам.

По приметам нанайцев, заготавливать сено во сне или видеть сны, связанные с сеном — это к бедности, нужде. О предстоящей нужде говорят плохое одеяние, нечистота в доме. Они же могут предсказывать и болезни. Прямыми предвестниками болезни являются сны с пожарами, сбор и кушанье ягоды, надвигающаяся черная туча, передвижение и пребывание в сумерках, во тьме. Выздоровлению сопутствуют такие сны, как купание в реке, умывание, солнечная ясная погода, день или скрытие от преследователей.

В начале своего творческого пути я несколько раз видел сны, в которых будто бы летал над землей. Под собой видел густые леса, реки, горы, луга с разноцветными яркими цветами. Накануне первого вызова на семинар молодых писателей и поэтов я увидел сон, будто летаю над какими-то горами, покрытыми высокими и густыми кедрами. Внизу — неописуемая красота! Решил спуститься на вершину одной из гор. Среди деревьев оказалась какая-то площадка (ровное место). На ней стояла небольшая трибуна, с которой выступал Ленин. Рядом стоял Сталин. Я был очень удивлен, что вижу этих вождей. Подошел к ним, и они, приветствуя меня, протянули поочередно руки. Я с ними поздоровался за руку! Этот сон я увидел в феврале 1972 года. Вскоре после сновидения я получил от секретаря Хабаровской писательской организации В.Н. Александровского приглашение на семинар.

В 1978 году трагически погиб наш сын Сережа, когда ему было одиннадцать с половиной лет. В течение года до трагического события я часто видел сны, в которых терял свою лодку, долго повсюду искал ее, но не находил. Только однажды нашел. Она была в воде, вся в иле, попытался вытащить, но не смог. Кроме лодки терял во сне и другие вещи, в поисках которых ходил по полям, лесам, по деревьям,

многоэтажным городским домам, по их глубоким, темным, сырым подвалам. Я удивлялся этим снам, но не придавал им особого значения. Раньше, когда у нани были шаманы, обращались к ним за помощью, если человека преследуют подобные сновидения. Они означают, что у кого-то из членов его семьи злые духи утащили душу (*панян*). В таком случае шаман шел в *буни* (загробный мир) за душой того человека. Если шаману не удавалось забрать его душу, то считалось, что человек непременно умрет. К 1978 году шаманов у нас из-за преследований советским государством почти не осталось. В течение года я во сне ходил за унесенной в потусторонний мир душой еще живого сына и так не нашел ее. Сын упал с площадки второго этажа на железобетонные лестничные ступеньки и разбился. Если бы мне удалось найти в своих снах лодку, притащить ее домой, то трагедии с сыном, возможно, не случилось бы.

Перед смертью близких или родственников люди часто начинают видеть сновидения, в которых горит или рушится дом либо строят новое жилье; также когда гаснет свет в доме.

Интересны сновидения, связанные с зачатием будущего ребенка. Их видят в основном женщины. Они редко снятся мужчинам.

У нанайского народа есть выражение *омиава дяпаори*, где *омиа* — душа неродившегося ребенка, *дяпаори* — взять, в буквальном переводе «взять душу неродившегося ребенка». Души неродившихся детей, по представлениям нанайцев, находятся на родовом дереве, которое изображают женщины-мастерицы на свадебных халатах. *Омиа* детей могут быть в виде птиц, каких-то зверушек, змей, рыб или насекомых. Если женщина во сне возьмет кого-то из этих существ, то она обязательно зачнет ребенка, и он обязательно родится. Вот сон, который увидела моя мать перед моим зачатием: «Смотрю в окно. Моя мать уже старенькая, бежит

во дворе за павлином. На его голове в виде короны красивые перья с разноцветными кругляшками. Хвост пышный, с такими же, как на голове, красивыми перьями. Растопыренные крылья переливаются цветами радуги. Мать — за павлином, а он — от нее, в руки никак не дается. Тогда я выбежала на улицу и кричу матери: «Дай я поймаю! Он тебе на дается!..» Так я подошла к нему, а он не боится, не убегает. Вот взяла его в руки и занесла домой. Тут, откуда ни возьмись, появился сиплый дед Иван — старший брат моего мужа Макто, говорит: «Дайте мне его (павлина), у него на хвосте есть одно перо! Надо вытащить его. Если не вытащить, он улетит!» Тут Иван подошел ко мне, искал на хвосте то самое перо и выдернул. Я отпустила павлина на пол, и он уже ходил, как давно домашний. После этого сновидения я сразу забеременела и родился наш сын Костя».

Вот таким я запомнил рассказ матери.

Я убежден, что сновидения бывают знаковыми или предсказывающими события, которые должны произойти в жизни человека в ближайшем будущем. Вещие сны могут присниться в любой день недели.

КОЦАЛИ (поверье)

1. Причины появления коцали

С самых древних времен нанайцы были тесно связаны с живой природой. Окружающая среда (лес, тайга, реки, озера) для них всегда была одушевленным существом, которое, по поверьям нанайцев, способствовало удачному промыслу охотника, рыбака и людям в любом деле. Но порой на охоте удача отворачивалась от промысловика и никакие ухищрения опытных охотников не помогали добыть пушных зверей

или крупное животное. В таких случаях нанайцы считали, что к промысловнику пришли *коцали*.

Коцали — это духи, мешающие ведению охотничьего или рыболовного промысла. Они представляют собой *паняны* родственников (даже жены или детей охотника), близких людей, знакомых или товарищей. По-нанайски *панян* — это тень (душа) человека. Он, как и сам человек, может ходить, навещать знакомых, друзей хозяина, места, где хозяин бывал когда-либо или бывает часто. В отличие от самого человека, т. е. своего хозяина, *паняны* в качестве *коцали* могут пошалить, пошкодничать, хотя сами хозяева этих *панянов* не имеют в голове ни единой мысли вредить охотнику. Желая успехов и удачи уехавшему в тайгу, жена и дети своими мыслями (независимо от их воли) мешают ему. *Паняны* уходят в тайгу за теми, о ком думают люди, и чаще всего вредят промыслу и лишь иногда могут сопутствовать охотничьей удаче.

По словам моего отца, известного в крае охотника Макто Бельды, и других таежников, с кем мне довелось промышлять вместе или по соседству, *коцали* могут перевоплощаться в животных, в частности собак или свиней, птиц, в частности сов или кур, другие существа. По представлениям охотников, они ходят вместе с ними по путикам¹, проверяют их снасти — капканы, самострелы *дэнггурэ* или другие настороженные орудия охоты. В нередких случаях *коцали* остаются возле капканов и других ловушек, отпугивают крупных и лушных животных от ловушек лаем, хрюканьем, гиканьем сов или голосами других птиц.

Почему нанайцы связывают *коцали* с образами собак, свиней, сов, кур? В нанайском языке названия этих существ связаны со словами, обозначающими недоброе. Например, слово *инда* (собака) начинается с буквы *и*, с которой начи-

¹ Путик — промысловая тропа охотника.

нается и нанайское слово *иламо* — стыд, «постыдишься, когда останешься ни с чем!». Нанайское название свиньи — *олгуан*. Слово *оркин* — «плохо» — тоже начинается с буквы *о* и означает нехорошее. Если ночью охотнику приснилась свинья, то днем у него произойдет что-то нехорошее, плохое. Эта примета проверена многими поколениями охотников, она сбывается не только на промысле, но даже в быту. Слово *оксаран* означает сову, а по своему звучанию близко к названию свиньи. По представлениям нанайцев, в сове заключен злой дух, черт. Курица — *чико*. Это слово начинается со слога *чи*. С него же начинается слово *чила* (*чилахан*), означающее «не может, не получается, неудача».

Коцали может принимать образ домочадцев: жены, детей и других родственников. Поэтому, когда охотник находится на промысле в тайге, домашним запрещается часто вспоминать и говорить вслух об отце, муже и вообще об охотнике, его промысле и часто скандалить, ругаться. По словам промысловиков, домашние скандалы таким гулом отдаются в ловушках таежника, что ни одно животное не может подойти к ним близко.

Возникновение представлений о *коцали* обусловлено, вероятнее всего, тем обстоятельством, что порой у охотника наступала длительная полоса неудач, и, если никакие рациональные действия не помогали, он воспринимал ее как результат воздействия каких-либо духов, отпугивающих от него удачу. Тогда охотник начинал делать различные изображения, чтобы мешающие ему духи могли войти — «прыгнуть» — в них. По словам охотников, появление на промысловом участке *коцали* ощущается достаточно явно, проявляется в сновидениях его и людей, с которыми он охотится, поведении животных и сказывается на действиях самого промысловика.

2. Обряд изгнания коцали

Охотник, почувствовавший воздействие *коцали*, как бы между прочим начинал изготавливать небольшие фигурки каких-либо животных, птиц или людей из травы, соломы, гибкой коры дерева или тонких веток с хвоей¹. Для придания формы (очень приблизительной) их обвязывали нитками, этой же травой или тонкими полосками луба дерева. Когда подготовка заканчивалась, охотник, словно невзначай, открывал дверь палатки, зимовья или другого временного жилища или выглядывал в окно (при его наличии), делал вид, что удивлялся увиденному, и восклицал: «*А-та-та... Эй, най-сал исихачи бизэсину! Гудизлэ, дёнггомариа дичичитэниэ...*» «*А-та-та*» — это восклицание удивления подобное «ах-ах-ах» или «вах-вах-вах». «*А-та-та, к нам люди прибыли! Бедненькие, соскучились и пришли в такую даль...*» После этих слов охотник «узнавал» среди прибывших гостей многих знакомых, родственников, даже домочадцев и с восторгом называл их по именам. Гостями могли быть не только односельчане, но и знакомые из других сел. После приветствий охотник приглашал всех в жилище попить чай, побыть с ним и его напарниками, побеседовать. Разговаривая с прибывшими, охотник расставлял фигурки (сэвэнов) перед собой. Беседа с гостями касалась различных тем: о дальнем пути на промысловые угодья, малом количестве зверей и, соответственно, пушнины, расспрашивал о житье-бытье дома и т. д. В общем, велась обычная беседа нечаянно встретившихся людей. Во время разговора охотник изредка произносил: «*Цовал-л-л...*» Слово *цовал* означает бесконечный гомон беседующих людей. Это делалось для того, чтобы духи «прыгнули» в свои изображения, т. е. одушевились. Беседуя с гостями и

¹ Чтобы отогнать духов коцали, охотники в основном делали только колечки, а остальные фигурки — собачек, сов и других — просто подраزمевались.

произнося «цовал-л-л», охотник мог угощать собеседников табаком — дать покурить. Он сам заворачивал самокрутки с махоркой, прикуривал их или трубку с самосадом и предлагал покурить — ставил перед сэвэнами. Беседа могла длиться 5, 10 или 15 минут, чтобы гости поверили в добрые намерения охотника. Потом он неожиданно брал приготовленный заранее прут или метлу, которой подметаается жилище, начинал бить сэвэнов, кричать и ругать незваных гостей, которые пришли вредить и мешать охоте: *«Пуйк! Пуйк! Пуйк, энимбэри катовани най ваицайвони коцанггимари дахачису! Ам-м-м, чицунь-чицудюэни дякасал, хадён тавондоани ода сиосимеанмари дигилэй усэлтэвэ пунгнэчису! Эй ангмадиари сумиэлкумэри, оцоамари коцалису-тань! Пуйк! Пуйк, хэм энусу, хэм хаднэггосо! Энимбэри катовани ная дахачису!»*

Произнося слова «Эй, ангмадиари...» — «этими ртами...», охотник брал висащие на прутике колечки из узких полос коры дерева, своим острым ножом разрезал на куски и выбрасывал на улицу. Данные действия символизировали разрезание ртов *коцали*. Не переставая колотить сэвэны, охотник хватал их руками и выкидывал на улицу, приговаривая «пуйк, пуйк!» (вон, вон отсюда). Всю труху от разлохматившихся сэвэнов он выметал на улицу, не забывая при этом отметить, как якобы убегали незваные гости: *«Гэ, сойгол ту-тугуэлмэ! Поактани дохолочи гурундэ бирэ. Гэ, улэн така-сома, сакпорини!»*

Если среди *коцали* были жена, любимая женщина или дети, охотник собирал символизировавшие их фигурки и, замотав в какую-нибудь тряпку или ненужную одежду, связывал и клал куда-нибудь, где не пришлось бы их часто задевать и трогать, чтобы не тревожить. Когда заканчивался промысел, охотник обязательно должен был освободить фигурки из тряпки и положить в укромное место. Считалось, что таким образом охотник освобождал души своих домочадцев, и теперь они могли уйти по домам.

Если охотник забывал освободить фигурки, уходил, оставив их связанными, то, по представлениям нанайцев, люди, чьи души остались невыпущенными, будут болеть. Возможен был даже летальный исход, если охотник не вспомнит о своих «пленниках» и не съездит их «освободить».

После совершения описанного здесь обряда у охотника наступала удачная полоса. Я испытал это и на своем небогатом опыте.

Все виды коцали по-нанайски называются *най тини* (разговорный вариант) или *най тайни* (литературный вариант), что в дословном переводе означает рук человеческих дело. Среди способов изгнания коцали есть еще один вид, называемый *хаволи* (*хаволин*).

3. Хаволин

Най тини, или *най тайни*, относится к разряду *коцали* в том случае, когда души думавших об охотнике и его добыче людей вселялись непосредственно в души зверей. От этого дикие животные становятся очень чуткими и осторожными. Они замечают малейшие изменения в тайге, улавливают запах охотника и настороженных ловушек. Более того, они словно чувствуют точное местонахождение капканов, самострелов и других ловушек и далеко обходя их.

В этом случае охотник берет одну из разделанных, без шкурки, тушек пойманных ранее пушных животных (как правило, тушки без шкурок охотник складывал в одном месте), отрезает ей голову, берет кусочек мягкой проволоки и обвязывает голову зверька следующим образом: пропускает проволоку сбоку от клыков верхней челюсти и через нос заматывает ее концы. На голове животного получалась своеобразная уздечка. К проволоке охотник привязывает прочную нить, второй конец которой закрепляет на коротком, прочном пруте. Нить использовалась потому, что во время исполне-

ния обряда изгнания *коцали* проволока могла переломиться. Держа в руках прут, охотник садится перед горящим очагом, начинает передвигать голову зверька по полу в разные стороны, выводить его круги в разных направлениях, приговаривая: «*Хавол-хавол, хавол-хавол...*» После произнесения «*хавол*» охотник заводит разговор с раскручиваемой головой, как с живым животным, мол, ты, зверек, стал очень чутким и осторожным из-за того, что в тебя вселились коцали, ты видишь их глазами, слышишь их ушами, чуешь их обонянием, поэтому ты так далеко обходишь мои ловушки. Повторяя «*хавол*», охотник продолжает разговаривать с быстро раскручиваемой головой зверя, насыпает на земляной пол (в противном случае на жезл или в какую-нибудь посуду с низкими бортами (например, как у сковородки) горящие угли и быстро водит по ним: «Чтобы твоя голова закрутилась, перестала бояться, забыла об осторожности, чтобы бежала без страха, не чуя ног к капканам, чтобы глаза не видели нарушенных следов на снегу, чтобы твой нос больше не чуял никаких посторонних запахов, чтобы от горящих углей стянуло кожу на твоей голове, и от этого ты стала боязливой и, как мотающаяся голова на поводке, шла ко мне».

Обряд *хаволи* мог продолжаться 5—10 минут, но не больше. Через некоторое время охотник мог его повторить. Окончательно завершив обряд, он убирает прут с привязанной головой животного куда-нибудь недалеко от своей постели или непосредственно под постель.

Приговорки «*хавол-хавол*» означали «закружись-закружись, голова, забывая о любом страхе».

После проведения обряда поведение зверьков действительно менялось. Независимо от засевших в них *коцали*, пушные звери начинали попадаться в ловушки.

Содержание

Талисманы земли Нани	3
Бесстопый шаман (<i>повесть</i>)	7
В круговороте бытия	
Мои топонимические размышления.....	263
Среди родных	339
За ягодой голубикой (<i>рассказ</i>)	341
Среди родных (<i>рассказ</i>)	355
Колхоз родственников Бельды (<i>очерк</i>)	360
Кэрэн — нанайская гробница (<i>ритуальный обычай</i>)	372
Две жены охотника, или Любимая и нелюбимая жены его (<i>нанайская быль</i>)	376
Пэулэн (<i>нанайская легенда</i>)	378
Женщина Конгипон (<i>нанайская быль</i>)	381
Тайны сновидений (<i>поверье</i>)	383
Коцали (<i>поверье</i>)	390

*Автор книги выражает сердечную благодарность
за моральную поддержку и спонсорскую помощь
Анатолию Николаевичу Горошкову,
генеральному директору Баджальского леспромхоза-2,
депутату Законодательной Думы Хабаровского края*

Новая книга Константина Бельды «Предания земли нани» — плод многолетних раздумий и труда над теми источниками, которые он получил от своих мудрых и добрых сородичей-предков. В годы работы кадровым промысловиком-таежником в семейной охотничьей бригаде отца Константин узнал от старых людей, опытных охотников Полокто Киле, Бонга Бельды, Дэкалбу Бельды и других промысловиков, множество интересных сказок, легенд, былей, повествующих в том числе о традициях, обрядах, культуре нани. Они глубоко осели в памяти и сейчас еще остаются источником его творческого вдохновения.

В начале литературной деятельности Константина Бельды известный нанайский прозаик Григорий Ходжер познакомил Костю с поэтом Валерием Шульжиком, ставшим впоследствии одним из лучших его переводчиков. Бельды участвовал во многих семинарах литераторов, как местных, так и московских. А в 1980-м году в Ялте встречался с именитыми мастерами поэзии: Робертом Рождественским, Андреем Вознесенским, Михаилом Танком и другими.

Кроме того, К. Бельды всегда получал полезную, в том числе по-землески критическую, помощь от поэта Андрея Пассара.

В книгах К. Бельды — очень интересные топонимические размышления автора над древними названиями стойбищ и поселений нани, с любовью, тонкостью и знанием дела он описывает жизнь, быт, традиции родного народа. Новую книгу Константина Бельды «Предания земли нани» можно с полным основанием считать открытым признанием в любви к своему народу, преклонением перед его культурой, традициями, обрядами, перед мудрым и дальновидным отношением ко всему живому на земле.

Константин Мактович Бельды

ПРЕДАНИЯ ЗЕМЛИ НАНИ

*Повесть, рассказы, легенды,
были, топонимические размышления*

Редактор *А.М. Абдрашитов*
Художественный редактор *С.А. Чешкин*
Корректор *О.В. Витязева*
Верстка *В.В. Ермакова*

Сдано в набор 11.09.07. Подписано в печать 12.11.07.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial Cyr.
Усл. печ. л. 6,51. Заказ 712. Тираж 500 экз.

Отпечатано в Хабаровской краевой типографии.
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Константин Мактович Бельды родился в селе Дада Нанайского района в семье профессионального охотника Макто. Так, вероятно, распорядилась судьба, что день рождения Константина и день образования родного района совпали полностью, то есть 21 июня 1934 года.

Константин закончил Найхинскую среднюю школу-интернат и в 1953 году по рекомендации школы и при поддержке Нанайского роно поехал учиться в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Однако ему не удалось получить высшее образование из-за болезни. Вернулся в родные места и несколько лет работал кадровым промысловиком-таежником в семейной охотничьей бригаде отца из пяти человек, где были старший и младший братья и даже мать — Тойла Бельды.

Стихи Константина Бельды в переводах В. Шульжика, М. Асламова, Людмилы Миланич и других поэтов публиковались в различных коллективных сборниках, в центральных журналах «Нева», «Октябрь», «Полярная звезда», в журналах «Дальний Восток» и «Экумена».

В 1999 году вышел первый сборник стихов К. Бельды на нанайском и русском языках в переводах Александра Лозикова «Лунный бубен». А в 2005 году издана оригинальная и своеобразная книжка «Водоворот».

В новую книгу Константина Бельды «Предания земли нани» вошли прозаические произведения, созданные писателем в разные годы.